

ТРУДЫ ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ
НАУК

ТРУДЫ ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Выпуск

16

16

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ТРУДЫ ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Выпуск

16

МОСКВА 2021

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)

Т 78

Серия основана в 1997 году

Редакционная коллегия:

Ю.А. Петров (ответственный редактор),
А.В. Голубев, А.А. Горский, В.Н. Захаров, Е.Ю. Зубкова,
С.В. Журавлев (зам. ответственного редактора), Д.Ю. Козлов,
В.В. Кондрашин, В.А. Кучкин, Д.Б. Павлов, Н.М. Рогожин,
Т.М. Смирнова (редактор-координатор),
В.В. Трепавлов, В.В. Шелохаев

Рецензенты:

д-р ист. наук А.С. Усачев,
д-р ист. наук Н.М. Рогожин

Утверждено к печати

*Ученым советом Института российской истории
Российской академии наук*

Т 78 Труды Института российской истории / Рос. акад. наук,
Ин-т рос. истории. — М., 1997 — .

Вып. 16 / [отв. ред. Ю.А. Петров ; ред.-координатор
Т.М. Смирнова] ; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук . — 2021 . —
360 с. — ISBN 978-5-8055-0396-3

Очередной, 16-й выпуск «Трудов Института российской истории РАН» включает исследования и публикации, выполняющиеся в рамках программы «Акты Российского государства: государственные и корпоративные архивы XIII–XVII вв.», работа над которой идет в Институте российской истории РАН, а также в Институте всеобщей истории РАН, Государственном архиве древних актов, при поддержке Администрации президента Российской Федерации. В сборнике публикуются работы, относящиеся к законодательным памятникам XIV–XV вв., материалам московских приказов XVI–XVII столетий, в т.ч. посольской документации, разрядным книгам, документам Казенного приказа, а также материалам Литовской метрики и родословным книгам.

ISBN 978-5-8055-0396-3

© Институт российской истории РАН, 2021
© Российская академия наук, серия
«Труды Института российской истории»
(разработка, оформление), 1997 (год
основания), 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
<i>А.А. Бондаренко</i> Список духовной грамоты Дмитрия Ивановича Донского 1389 г. в Литовской метрике.....	8
<i>А.А. Горский</i> О датировке «докончальной грамоты» великого князя Василия Дмитриевича и митрополита Киприана	35
<i>С.В. Полехов, А.А. Гиппиус, П.В. Лукин, Е.Р. Сквайрс</i> Новая грамота о новгородско-ганзейских взаимоотношениях (1425 г.).....	41
<i>К.В. Вершинин</i> Заметки о «Правосудии митрополичьем»	76
<i>С.В. Городилин</i> Ростовский князь Владимир Андреевич и его недолгое псковское княжение	84
<i>А.В. Виноградов</i> Политическая элита Великого княжества Литовского в дипломатических связях с Москвой в период «великого бескорольевья» 1572—1576 гг.	146
<i>А.Г. Гуськов, Д.В. Лисейцев</i> «И которые блиско нас земли есть, и тые... твои, государя великого, будут»: грамота князя Семена Федоровича Бельского турецкому султану Сулейману Великолепному	160
<i>А.В. Малов, О.С. Смирнова</i> Пожалования на Казенном дворе переводчиков и толмачей Посольского приказа в 1613—1621/22 гг.	168
<i>А.В. Малов, Г.А. Тарасова</i> Вопрос о выделении посольских расходов в отдельный вид книг Казенного двора в первые годы царствования Михаила Федоровича.....	208
<i>О.В. Новохатко</i> Работа Разрядного приказа с челобитными служилых людей (по записным книгам Разрядного приказа)	264
<i>О.И. Хоруженко</i> Пыжовский список Румянцевской редакции родословных книг.....	282
Сведения об авторах.....	295

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий выпуск «Трудов Института российской истории РАН» включает исследования и публикации, выполняющиеся в рамках программы «Акты Российского государства: государственные и корпоративные архивы XIII—XVII вв.». Работа над ней идет в Институте российской истории РАН (с этой целью в нем в 2017 г. был воссоздан Центр источниковедения), а также в Институте всеобщей истории РАН, Государственном архиве древних актов, при поддержке Администрации президента Российской Федерации. К настоящему времени вышли из печати три тома серии¹. Готовятся тома, включающие публикации завещаний и договоров русских князей XIV—XVI вв., документов Новгорода и Пскова XII—XV вв., законодательных актов русских земель XIV—XV столетий, посольских, рядных и родословных книг.

Работа А.А. Бондаренко посвящена ранее не введенному в научный оборот списку второго завещания великого князя Дмитрия Ивановича Донского (1389 г.), дошедшему до наших дней в составе одной из книг Литовской метрики. Выдвигается гипотеза, что происхождение этого списка связано с удельными князьями верейскими, бежавшими в Великое княжество Литовское в конце XV в. Приводится описание рукописи и ее публикация.

Статья А.А. Горского посвящена договорной грамоте великого князя московского Василия I Дмитриевича и митрополита Киприана — памятнику, содержащему ряд правовых норм. В историографии обосновывались две возможные датировки грамоты: 1392 и 1404 г. В статье приводятся аргументы в пользу большей вероятности относительно ранней даты — 1392 г.

В работе А.А. Гиппиуса, П.В. Лукина, С.В. Полехова и Е.Р. Сквайрс впервые публикуется, с историческим и лингвистическим комментарием, древнерусский текст послания властей Ревеля в Новгород, написанного в марте 1425 г. в связи с арестом и удержанием в Новгороде ревелских купцов. Параллельно, по оригиналу, с сохранением всех существенных лингвистических особенностей публикуется средненижне немецкий текст послания. Показано, что русский текст вторичен по отношению к средненижне немецкому, проанализированы расхождения перевода с оригиналом, вызванные различиями в политическом словаре Новгорода и Ганзы. Публикуемый документ содержит важную историческую информацию, в

частности, о роли, которую играл в политической жизни новгородский архиепископ, и о культе святой Софии.

В статье К.В. Вершинина рассматривается древнерусский юридический памятник «Правосудие митрополичье» и тексты, окружающие его в единственном сохранившемся списке XVI в. Автор пытается уточнить датировку памятника. Выясняется, что оснований относить его составление ко времени после появления Судебника 1497 г., как это допускалось в историографии, нет. Предпочтительной оказывается датировка «Правосудия» концом XIV — началом XV в.

С.В. Городилилин сосредоточивает внимание на событиях, связанных с изгнанием из Пскова в 1462 г. князя Владимира Андреевича Ростовского. Анализ сведений летописей и актов позволил конкретизировать бытовавшие к этому времени нормы выбора и принятия князей на псковский стол, зафиксировать вызванные конфликтом с князем Владимиром новации в этой важнейшей для тогдашних псковско-московских связей сфере, а также рассмотреть вопрос о роли, которую направление Владимира Андреевича из руки великого князя Василия II Васильевича на княжение во Псков могло играть в отношениях Москвы и Ростова. Полученные выводы помогают точнее охарактеризовать роль инцидента 1462 г. в политической истории Псковской республики.

А.Г. Гуськов и Д.В. Лисейцев изучают документы, связанные с деятельностью князя Семена Федоровича Бельского, в 1530-е годы бежавшего из России в Великое княжество Литовское. В центре внимания авторов связи Бельского с турецким султаном Сулейманом I Великолепным. В приложении к статье публикуется грамота С.Ф. Бельского султану, отправленная в августе 1540 г.

А.В. Виноградов исследует состав и роль политической элиты Великого княжества Литовского в литовско-московских дипломатических контактах 1572—1576 гг.

Тема работы А.В. Малова и О.С. Смирновой — первые упоминания в расходных книгах Казенного двора переводчиков и толмачей Посольского приказа за период с венчания на царство Михаила Романова (1613 г.) до разбора служилых городов в 7130-м (1621/22) г. Основой статьи стала просопографическая база данных, которая заметно расширяет имеющиеся в историографии биографические сведения о таких категориях служилых людей Посольского приказа, как переводчики и толмачи в конце Смутного времени и в первые годы после Смуты.

А.В. Малов в соавторстве с Г.А. Тарасовой исследует вопрос о выделении посольских расходов в отдельный вид книг Казенного двора в первые годы царствования Михаила Федоровича. В несколь-

ких приложениях к работе публикуются опись первых четырех расходных посольских книг Казенного приказа, выписка о приездах в Москву гонцов и послов ханов Джанибек-Гирея и Магомет-Гирея с декабря 1617 по июнь 1630 г. и расходная посольская книга Казенного двора 7127 (1618/19) г.

В статье О.В. Новохатко проанализирована административная деятельность сотрудников Разрядного приказа в отношении просьб, которые подавали в приказ подведомственные ему категории населения — служилые люди по отечеству. Изучены челобитные, которые записывались в одном из документов текущего делопроизводства Разряда — записных книгах «всяких дел». В результате проведенного исследования сделан вывод, что целью занесения документов подобного рода в записные разрядные книги была фиксация решений власти по соответствующим делам в качестве прецедентов для дальнейшего использования в юридической практике приказной системы.

О.И. Хоруженко исследует вновь найденный и считавшийся утерянным разрядно-родословный сборник Б.К. Пыжова 70-х годов XVII в., содержащий, в частности, исправный список родословной книги Румянцевской редакции. Особое внимание уделено архивной судьбе и кодикологическим особенностям рукописи.

А.А. Горский

¹ Акты, относящиеся к истории Западной России. — Вып. 1: 6-я книга записей Литовской Метрики: сборник документов канцелярии великого князя Литовского Александра Ягеллончика. 1494—1506 гг. / сост. М.Е. Бычкова, О.И. Хоруженко, А.В. Виноградов; отв. ред. С.М. Каштанов. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Кучково поле, 2018. — 704 с. — (Акты Российского государства. Государственные и корпоративные архивы России XIII—XVII веков; т. I); Акты, относящиеся к истории Западной России. — Вып. 2: 18-я и 32-я книги записей Литовской метрики: Метрика королевы Боны / сост. Д.И. Алексеева, А.Е. Беликов, А.А. Бондаренко, А. Петкевич, К. Петкевич, О.И. Хоруженко, М.В. Шумилин; отв. ред. С.М. Каштанов. — М.: Кучково поле: Фонд «Связь Эпох», 2018. 576 с. — (Акты Российского государства. Государственные и корпоративные архивы России XIII—XVII веков; т. II); Акты Покровского Суздальского девичьего монастыря XVI — начала XVII века / сост. А.В. Антонов, А.В. Маштафаров. — М.: Фонд «Связь эпох», 2019. 464 с. (Акты Российского государства. Государственные и корпоративные архивы России XIII—XVII веков; т. III).

А.А. Бондаренко

СПИСОК ДУХОВНОЙ ГРАМОТЫ ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА ДОНСКОГО 1389 Г. В ЛИТОВСКОЙ МЕТРИКЕ

Аннотация: Работа посвящена ранее не введенному в научный оборот списку второй духовной грамоты князя Дмитрия Донского, дошедшему до наших дней в составе одной из книг Литовской метрики. Выдвигается гипотеза о том, что происхождение этого списка связано с князьями верейскими, бежавшими из своего удела в Великое княжество Литовское в конце XV в. Приводится описание рукописи и ее публикация.

Ключевые слова: духовные грамоты; Дмитрий Иванович Донской; Литовская метрика; верейские князья; Великое княжество Литовское

A.A. Bondarenko

Copy of the Testament of Dmitry Ivanovich Donskoy, 1389 in the Lithuanian Metrica

Abstract: This article is concerned with studying a copy of the second testament of Prince Dmitry Donskoy which has not been previously introduced into the scientific practice and is extant as part of one of the books within the Lithuanian Metrica. A hypothesis is advanced that the origin of this copy is linked to the princes of Vereya who escaped from their domain to the Grand Duchy of Lithuania at the end of the XV century. This article contains the description and publication of the manuscript.

Keywords: Testaments; Dmitry Ivanovich Donskoy; Lithuanian Metrica; Princes of Vereya; Grand Duchy of Lithuania

До настоящего времени полный текст второй духовной грамоты князя Дмитрия Ивановича Донского был известен в двух вариантах — это ее подлинник и список¹, датируемый в литературе первой половиной XV в.² Краткое изложение грамоты помещено в «Слове о житии великого князя Дмитрия Ивановича» и читается в нескольких летописных сводах³.

Еще один полнотекстовый список второй духовной грамоты великого князя Дмитрия Ивановича находится в составе фонда Литовской метрики⁴. Филигрань и графика письма позволяют датировать его концом 1520-х — серединой 1530-х годов. Эта дата, как и состав документов 583-й книги переписей Литовской метрики, содержащей список духовной грамоты, позволяет связать его происхождение с потомками Дмитрия Донского, отъехавшими в последней

четверти XV в. в Великое княжество Литовское, — князем Василием Михайловичем Верейским и его дочерью Софьей.

Побег Василия Михайловича и его супруги Марии Андреевны Палеолог в Литву состоялся в 1483 г. Поводом для ссоры между верейским князем и его троюродным братом Иваном III послужило драгоценное ожерелье, которое было преподнесено Софьей Фоминичной Палеолог своей племяннице Марии и ее мужу Василию Михайловичу в качестве свадебного подарка. Не найдя в своей казне этого ожерелья, Иван III ополчился на верейского князя, повелел отобрать все приданое его жены и хотел его «со княгинею поимати»⁵.

Этот случай чем-то напоминает события 50-летней давности, с которых началось открытое противостояние между Василием II и его дядей Юрием Дмитриевичем вместе с сыновьями, Дмитрием Шемякой и Василием Косым. Тогда, в 1433 г., на свадьбе Василия II и Марии Ярославны с Василия Косого публично был сорван золотой пояс, якобы подмененный еще на свадьбе Дмитрия Донского⁶. Анализируя суждения летописей в отношении этих событий, Л.В. Черепнин пришел к выводу, что летописцы «доказывали незаконность присвоения удельными князьями не принадлежавших им регалий» и, тем самым, с идеологической точки зрения обосновывали права великокняжеской власти в борьбе «с удельно-княжеской оппозицией»⁷.

Как выясняется из документов последующего времени, «казна великого князя», отданная в приданое Марии Палеолог, была вывезена в Литву. В 1493 г. Василий Михайлович получил из Москвы известие о том, что Иван III «хочет его службы», но возвращаться не стал. В 1495 г. верейский князь под предлогом возвращения «казны» Ивану III сам хотел отъехать из Литвы. Великий князь московский передал ему с посольством свою верительную грамоту, в которой говорилось: «А что у вас наша казна, что имала твоя княгини, и вам ту нашу казну нам отдати... И ты бы прислал ко мне список, написав именно, что нам ныне хочешь отдати наши казны, и мы, посмотря по вашему исправлению, и жаловати вас хотим»⁸.

Опала князя Василия Михайловича, спровоцировавшая его отъезд и окончательную утрату вотчинных владений, закрепленных за этой ветвью рода Рюриковичей второй духовной грамотой Дмитрия Донского, едва ли была случайной. В апреле 1482 г. Иван III заключил очередное соглашение с Михаилом Андреевичем, князем верейским и белозерским, и его сыном Василием. Помимо того, что эта договорная грамота меняла систему межкняжеской иерархии — Михаил Андреевич признавал себя «молодшим» братом по отношению и к Ивану III, и к его сыну, и к его младшим братьям, — верейские князья отказывались от своих наследственных прав на Белоозеро.

Если Верея и Ярославец признавались вотчиной Михаила Андреевича и Василия по «душевной грамоте» князя Андрея Дмитриевича Можайского, то Белоозеро оставалось в их распоряжении только «до живота» князя Михаила⁹.

Вскоре после бегства Василия Михайловича его отец был вынужден заключить еще один договор с Иваном III (12 декабря 1483 г.). Верея, наряду с другими городами бывшего удела Михаила Андреевича, называлась здесь уже вотчиной великого князя московского, и после смерти Михаила отходила к Москве. Верейский князь давал обещание не поддерживать никаких отношений со своим сыном: «А съ с(ы)ном ти с своим, со кн(а)зем с Василюем, не съсылатиса ни-которую хитростью»¹⁰.

В этих dokonчаниях в качестве источников права фигурируют духовные грамоты Дмитрия Донского и Андрея Дмитриевича. Подлинник завещания князя Можайского не сохранился, как и не сохранились его списки, хотя еще в XVII в. они содержались в царском архиве¹¹. Л.В. Черепнин выдвинул предположение о том, что подлинная духовная грамота Андрея Дмитриевича могла быть передана в Москву самим Михаилом Андреевичем и затем уничтожена по распоряжению Ивана III в начале 1480-х годов¹². Оригинал второй духовной грамоты Дмитрия Донского хранился в великокняжеской казне и, очевидно, не мог стать протографом списка документа в Литовской метрике¹³. Следует предположить, что князь Василий Михайлович располагал списком завещания своего прадеда и вывез его в Литву. Этот список не идентичен включенному в состав 583-й книги Литовской метрики: последний был создан уже в Великом княжестве Литовском. На это указывают графико-орфографические особенности рукописи и бумага, на которой он был написан.

Когда князь Василий Михайлович оказался в Литве, король Казимир пожаловал ему «во отчину» ряд земель: Любеч, Койданов и Воложин. Жалованные листы на эти имения были выданы князю Василию 2 октября 1483 г.¹⁴ Одновременно с этим или чуть позднее Василий Михайлович получил в «вечное» владение и другие волости — Рубежевичи, Усу, Радошковичи, Исlochь, Старинки. Об этом становится известно из подтвердительного данного листа великого князя литовского Александра от 18 апреля 1499 г.¹⁵

В историографии утвердилось мнение о том, что пожалованный князю Василию Михайловичу, его «кнегини и их детям» (то есть княгине Марии и княжне Софье) Любеч — это город Черниговской земли, расположенный на Днестре. В недавнее время в этом усомнился В.Н. Темушев, предположивший, что князю «Веззскому» мог быть пожалован другой населенный пункт, Любча на Немане,

относившийся к территории Новгородского повета с центром в Новогрудке¹⁶. Другие земельные владения, оказавшиеся в собственности Василия Михайловича, локализируются в пределах современной Минской области Белоруссии. Все известные топонимы в Литве, имевшие сходные между собой названия и зачастую одинаково обозначавшиеся в источниках — Любеч на Днестре, Любча на Немане и Любчо в Луцком повете¹⁷, таким образом, в любом случае отстояли бы на существенное расстояние от других владений князя Василия.

Выяснение точной административно-территориальной принадлежности пожалованного «во отчину» князю Василию Михайловичу населенного пункта может иметь важное значение для установления обстоятельств его смерти. Подтвердительная грамота 1499 г. называет Любеч городом, в котором находился замок. Замок в Любче, расположенном по течению р. Неман, был построен только в начале 1580-х годов¹⁸. Имение Луцкого повета Любче на рубеже XV—XVI вв. принадлежало князьям Друцким, представители одной из ветвей которых стали именоваться по этому владению двойным прозвищем Друцких-Любецких¹⁹. Кроме того, в 1506 г. король Александр, а в 1522 и 1529 гг. Сигизмунд I Старый подтверждали княжне Софье Верейской «*dobra Liubecz z mythem na gzece Dnieprzu*»²⁰.

Таким образом, князь Василий Михайлович действительно получил в потомственное владение именно г. Любеч, расположенный на Днестре. В 1500 г. двоюродный брат Василия Михайловича, князь Семен Иванович Можайский-Стародубский, перешел вместе со своими литовскими вотчинами на службу к Ивану III. К его вотчинам относились Стародуб, Чернигов, Гомель (Гомей), но не Любеч, который был им захвачен в момент перехода на сторону великого князя московского²¹. Сведений о точном времени смерти князя Василия Михайловича источники не сохранили, поэтому не стоит исключать той вероятности, что оба этих события — захват Любеча и его включение в состав территории Московского государства, где он находился до 1508 г., и смерть бывшего князя верейского — были как-то между собой связаны. Это предположение можно сопоставить как с насильственным переходом Любеча под власть Семена Ивановича, так и с тем, что к 1500 г. Василий Михайлович мог уже умереть, а часть его вотчины могла быть присвоена его двоюродным братом как «близкость» по усопшему. Более того, как указывал А.В. Экземплярский, в 1454 г. Любеч был пожалован отцу Семена и дяде Василия, Ивану Андреевичу Можайскому²².

Ю. Вольф писал, что князь Василий умер «около 1501 г.», а его супруга Мария Палеолог в 1505 г.²³ Первая дата исследователем никак не обосновывалась; в отношении второй он указал на то, что в 1505 г.

«княгиня Васильева Верейская» упоминалась уже как «небожчица». Действительно, в декабре этого года Александр Ягеллончик «допустил» Ольбрахта Мартиновича Гаштольда к имениям умерших князя и княгини Верейских — Воложину, Койданову, Радошковичам, Ислочи, Усе, — как к «близкости пани его», то есть княжны Софьи Верейской, его супруги²⁴. Любеч, вопреки утверждению Ю. Вольфа, в этом документе не фигурировал, но подтверждающий лист на него Софья и Ольбрахт Гаштольд получили в июне 1506 г.²⁵

Супруг княжны Софьи Верейской Ольбрахт Мартинович Гаштольд был одним из наиболее влиятельных и богатых людей своей эпохи. В разные годы он был подчашим (1505—1508 гг.), наместником новогрудским (1503—1506 гг.), наместником бельским и державцей мозырским (с 1513 г.), воеводой новогрудским (1508—1509 гг.), полоцким (с 1513 г.), трокским (с 1519 г.) и, наконец, виленским (с 1522 г.). С 1522 г. и вплоть до своей смерти в 1539 г. он занимал должность канцлера Великого княжества Литовского²⁶. Некогда пожалованные ее отцу земли Софья передала в качестве приданого своему супругу. Любеч и другие имения Василия Михайловича неоднократно подтверждались этой чете великими князьями литовскими, причем в некоторых грамотах оговаривался дальнейший переход этих владений по наследству («s prawem ouczystym»)²⁷.

В 1536 г. О.М. Гаштольд совместно со своим сыном Станиславом «записал и назначил» в пожизненное владение Софье Васильевне часть своих родовых имений (включая Трабы, Гольшаны, Жосли)²⁸, перешедшие к нему после смерти вдовы князя Семена Семеновича Трабского-Гольшанского Марии и вдовы Яна Миколаевича Радзивилла Эльжбеты (сводной сестры Гаштольда)²⁹. В 1543 г., когда уже не было в живых ни Ольбрахта Мартиновича (ум. в 1539 г.), ни его сына Станислава (ум. в 1542 г.), вместе со смертью которого пресекался род Гаштольдов, Сигизмунд I Старый утвердил за княжной Софьей в качестве пожизненного «держания» все их имения — как владения самих Гаштольдов, так и земли, пожалованные князю Василию Михайловичу³⁰. Софья Васильевна умерла в августе 1549 г., после чего все ее обширные имения перешли в распоряжение Сигизмунда II Августа³¹. Упоминание об этих выморочных владениях содержится, например, в так называемом «проекте» договора великого князя литовского с панами рады³². В 1549 г. писарь королевы Боны Сфорца и Сигизмунда II Августа был отправлен на «списание и выведение замков, дворов и волостей, которые по смерти пани Ольбрахтовое Мартиновича Кгаштолтовое пани Зофеи, княжны Верейское, яко справедливый спадок его милости господарский по панех Кгаштолтех... прышли и спали»³³.

* * *

В «Описании книг и актов Литовской метрики» С.Л. Пташицкого 583-я книга переписей проходила под номером IV-B-27 и была кратко охарактеризована как «Сборник подлинных актов, относящихся к Литве с XV—XVII ст.»³⁴. Исследователь писал, что «все они (акты. — *А.Б.*) относятся к литовским делам и имеют частный характер»³⁵. Здесь представлены оригинальные грамоты великих князей литовских и польских королей XV—XVII вв., частнопровольные акты, документы судебного характера. Значительное их количество так или иначе относится к белорусско-литовским землям, которые перешли в собственность рода Гаштольдов, а после их смерти «спали» на Сигизмунда II Августа. Документы более позднего времени (XVII в.) представлены главным образом подлинными выписями («видимусами») из книг замковых судов — житомирского, браславского, винницкого, луцкого, ковенского, киевского, трокского и др.

В тесной связи с документами 583-й книги переписей, видимо, находится 24-я книга переписей, переданная в Польшу и ныне хранящаяся в Варшавском архиве древних актов³⁶. В нее так же включены подлинные документы, «относящиеся, по преимуществу, к делам Гаштольдов»³⁷.

Представляется, что подлинники великокняжеских и частных грамот, некогда хранившиеся в архиве канцелярии Великого княжества Литовского, а впоследствии описанные в качестве реестра-инвентаря в 1-й книге записей Литовской метрики (а также ее копии, 2-й книге) и включенные в состав 24-й и 27-й (583-й по современной нумерации РГАДА) книг переписей, имели схожую судьбу. Большинство из них имело прямое отношение к владениям Гаштольдов, которые после смерти княжны Софьи Вереийской отошли в великокняжеский домен. Вместе с землей в государственную казну («скарб») должны были быть переданы и соответствующие право-устанавливающие документы. В этой связи мнение издателей 1-й книги записей о том, что учтенные в ней документы «по разным причинам не были выданы заинтересованным лицам и оставлены в канцелярии Великого княжества Литовского», выглядит спорным³⁸.

* * *

Наиболее простым объяснением создания обнаруженного списка завещания Дмитрия Донского является обветшание его протографа, хранившегося в архиве Гаштольдов. Ольбрахт Гаштольд был человеком образованным и просвещенным, ему принадлежала одна из богатейших библиотек Литвы³⁹. Однако в необходимости обновления этого документа можно увидеть и политические мотивы. Его список

был создан накануне Стародубской войны 1534—1537 гг. Из переписки между О.М. Гаштольдом и прусским герцогом Альбрехтом следует, что первый из них возлагал большие надежды на предстоящие военные действия, видя в них возможность восполнить территориальные потери Великого княжества Литовского, закрепленные перемириями 1503, 1508, 1522 гг. Памятуя о завоеваниях Василия III, он писал Альбрехту в январе 1534 г.: «крепости и владения, им (Василием III. — А.Б.) захваченные, с божьей ласки, могут быть возвращены, к чему сейчас самое подходящее время»⁴⁰. Понятно, что в первую очередь речь здесь могла идти о Смоленских землях и, возможно, о владениях князей Бельского, Стародубского-Можайского и Шемячича, перешедших в свое время на службу к Ивану III. Но политическая нестабильность в Московском государстве, вызванная смертью Василия III и восшествием на великокняжеский престол малолетнего Ивана IV, могла повлечь за собой различные варианты развития событий, включая и самые благоприятные для Литвы. В этой ситуации княжне Верейской было бы вполне уместно вспомнить о своих правах на вотчинные владения ее отца, закрепленные завещанием Дмитрия Донского за представителями этой ветви рода.

В документах середины XV — первой половины XVI в. зафиксированы случаи, свидетельствующие о том, что литовско-русские князья (как Рюриковичи, так и Гедиминовичи) вынашивали планы возвращения своих вотчин, отнятых великими князьями московскими.

Известен договор, заключенный в Литве между князьями Иваном Васильевичем Ярославичем и Иваном Андреевичем Можайским в 1461/62 г. Докончание между свояками⁴¹ предусматривало совместные действия по отвоеванию их «отчин и дедин» и вызволению серпуховско-боровского князя Василия Ярославича из заточения. Иван Васильевич призывал можайского князя «поити доставати свое отчины и дедины, так же моего отца доставати, князя Василья Ярославича, и наши отчины и дедины, а мне, господине, князю Ивану Васильевичю, поити с тобою задин доставати своего отца, и твоеи отчины и дедины, и своеи отчины и дедины»⁴².

В 1537 г. князь Семен Федорович Бельский вел из Крыма переписку с Сигизмундом I Старым, призывая его продолжить борьбу с Московским государством. В ответном листе польский король охарактеризовал намерения князя Бельского следующим образом: «хотячи итти доставати земли Резанское, дедизны свое, которая тебе есть записана, и теж отчизны свое Белое...»⁴³. Эти претензии имели под собой некоторые основания — последний великий князь рязанский Иван Иванович, умерший в Литве в 1533 или 1534 г., приходился Семену Бельскому двоюродным братом. Его дед Иван Владими-

рович (правнук Гедимины) был первым удельным князем в Белой, которая после смерти отца Семена Бельского, перешедшего еще в 1481/82 г. на службу в Москву Федора Ивановича, отошла к великому князю московскому⁴⁴.

Таким образом, в среде князей-изгнанников идеи реванша не исчезали, а в предвоенные годы обретали вполне реальные, как тогда казалось, перспективы.

* * *

583-я книга переписей Литовской метрики, содержащая список второго завещания князя Дмитрия Ивановича, помещена в переплет коричневой кожи с крышками размером 22,5×33,5 см. Сборник состоит из документов различного формата, подшитых к корешку. Все они, за исключением одного⁴⁵, написаны на бумаге. Блок прошит красным шелковым шнуром, который прикреплен к л. 202 круглой красносургучной печатью канцелярии III департамента Правительствующего Сената⁴⁶. Реестр документов, наличие которого характерно для большинства копийных книг Литовской метрики, в этой книге отсутствует.

Сплошная нумерация листов, включенных в кодекс, проставлена арабскими цифрами и выполнена темно-коричневыми чернилами в правом верхнем углу лицевой стороны каждого листа. Обратная сторона не пронумерована.

Список второй духовной грамоты князя Дмитрия Ивановича расположен на л. 93—95 об. Листы 93 и 94 представляют собой один сложенный вдвое лист формата 21,5+21,5×33,3 см. Последний лист списка, 95-й, сохранился приблизительно на половину своей высоты в верхней части⁴⁷. Он подклеен к л. 96 на 4,5 см ниже предшествующих ему листов.

Количество строк на сохранившихся в полном размере листах списка духовной грамоты колеблется от 28 до 32 (л. 93 — 28 строк, л. 93 об. — 28 строк, л. 94 — 31 строка, л. 94 об. — 32 строки). Наполовину оборванный л. 95 включает по 15 строк на лицевой и оборотной сторонах. Линия обрыва имеет рваные края, из-за чего на обеих сторонах листа в утраченной 16-й строке текста читаются или угадываются отдельные буквы.

Высота всего текста на л. 93—94 имеет приблизительно равные показатели и колеблется от 29 до 31 см по левому краю строк и от 28,5 до 30,5 см по правому краю. Сохранившаяся часть л. 95 имеет в высоту 14,4—13,3 см слева и 14,5—15 см справа. Приблизительные параметры расположения текста на лицевой и оборотной сторонах каждого листа рукописи приведены в табличной форме:

Лист рукописи	Высота, см				Ширина поля, см	
	текста		поля		левого поля	правого поля
	слева	справа	верх- него	нижнего		
л. 93	29	28,5	3	2	от 1,5 до 2	не более 1
л. 93 об.	29,5	29	2,5	1—1,5	не более 0,5	1,5
л. 94	30,5	30,5	1—1,5	1,3—1,8	2,3	0,8—1,2
л. 94 об.	31	30,5	1	1,2—1,6	не более 0,6	0,7 и более
л. 95	14,4	14,5	2,1—2,6	обрыв листа	2,1	не более 1
л. 95 об.	13,3	15	2,2—2,4	обрыв листа	не более 1	0,3—1

Рукопись имеет четыре горизонтальные и одну вертикальную линии сгибов. В сложенном виде документ представлял собой «пакет» форматом 21,5×8,3 / 5,8 см, где 8,3 см это его высота слева, а 5,8 см — высота справа.

Помимо сохранившегося только наполовину л. 95, рукопись носит следы и других повреждений. Два незначительных по размеру обрыва имеются на внешнем крае л. 93. Максимальная высота первого из них 1,8 см, а ширина — 0,8 см. Он приходится на 15-ю строку как лицевой, так и оборотной стороны листа. На л. 93 утрачена одна буква в слове «блюду[т]», на л. 93 об. утрачены две буквы в слове «[СѸн]дреевич» (в обоих случаях сохранились фрагменты выносных букв).

Второй обрыв бумаги на этом же листе имеет 3,1 см в высоту и 0,6 см в ширину. Он приходится на промежуток между 21—24 строками на л. 93 и между 20—23 строками на л. 93 об. В этом случае текст не понес утрат.

В большей степени пострадал л. 94: высота утраченного на внешнем крае листа куска бумаги составляет 11 см при горизонтальном основании обрыва в 4 см. Вырванный кусок имеет полукруглую форму. На л. 94 повреждено 9 строк текста (с 19-й по 27-ю), на его оборотной стороне — 10 (с 19-й по 28-ю). Максимальное количество утраченных букв в строке достигает здесь 6—8.

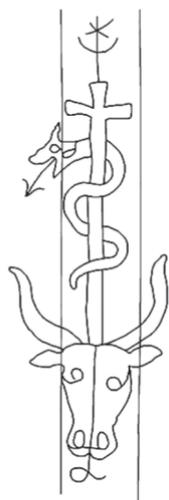
Кроме того, список духовной грамоты имеет несколько прорезей (горизонтальные и серповидную) в своей верхней и нижней частях. Размеры этих повреждений (до 1,5 см) несколько различаются на каждом листе: скорее всего рукопись получила эти дефекты (была пробита острым предметом), когда хранилась в сложенном состоянии.

Отверстия от красного шелкового шнура, которым прошита 583-я книга переписей, приходятся на нижнюю треть л. 93—94. Эти отверстия не задевают текст на лицевой стороне указанных листов,

но соприкасаются с ним на их оборотных сторонах. Утраты текста незначительны. Шнур не проходит через оборванный л. 95. Так как этот лист подклеен ниже верхнего края предшествующих ему листов, уместно предположение о том, что утрата его части произошла до момента попадания рукописи в состав 583-й книги Литовской метрики.

* * *

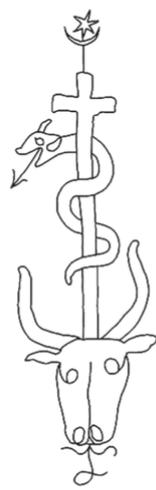
На л. 94 расположена филигрань — *бычья голова под двухконтурным крестом, обвитым змеей*. Вариацию этой филигранны отличают такие детали, как навершие над крестом в виде одноконтурной пятиконечной звезды над полумесяцем, отчетливо прорисованное жало у змеи, ноздри у бычьей морды и виньетка-язык внизу. Филигрань на л. 94 имеет 15,5 см в высоту и 5,25 см в ширину; интервал между ближайшими от центра фигуры пунктуозо составляет 2,5 см. Подобная филигрань известна в справочной литературе, хотя между водяным знаком на л. 94 и теми, которые представлены в справочниках, наблюдаются незначительные метрические расхождения. Ниже приводятся прорисовки филигранны верейского списка и филиграней, представленных в картотеке Г. Пикара⁴⁸ и альбоме Н.П. Лихачева⁴⁹:

л. 94

Piccard. № 78007 Лихачев. № 3009

Лихачев. № 3733

М.М. Кром повторно опубликовал документ, имеющий по Н.П. Лихачеву филигрань № 3009. Он датирован 12 сентября 1534 г. и написан в Полоцке. Как «подобные № 3009» М.М. Кромом были определены два документа, написанные 19 сентября 1534 г. в Вильне. Еще один документ, «близкий к № 3009», датирован им только приблизительно (позднее весны 1532 г.); это инвентарь Мельницкого повета⁵⁰.

Метрические расхождения между филигранью на л. 94 и сходными у Н.П. Лихачева и Г. Пикара представлены в табличной форме (физические показатели водяных знаков приводятся в миллиметрах):

	л. 94	Piccard							Лихачев	
		78001	78002	78003	78004	78005	78006	78007	3009	3733
Дата		1529	1529— 1530	1529— 1530	1535	1535	1534	1530	1534	1534
Выс.	155	159	157	156	157	160	156	158	158	162
Шир.	52,5	52	53	54	50	51	47	53	44	46
Инт.	25	29	27	27	27	27	54	25	—	—

Филиграни, полностью идентичные опубликованным, в 583-й книге переписей отсутствуют. В состав сборника включено еще три документа, имеющих филигрань *бычья голова под двухконтурным крестом, обвитым змеей* (л. 8, л. 12, л. 14), но здесь представлены другие вариации этого водяного знака.

Таким образом, есть все основания полагать, что верейский список написан на бумаге из той же серии, что была отмечена Г. Пикаром и Н.П. Лихачевым. Она использовалась на территории Великого княжества Литовского в довольно сжатый временной промежуток, который ограничивается 1529—1535 гг.⁵¹

* * *

Список духовной грамоты написан беглым полууставным письмом, характерным для документов Великого княжества Литовского второй половины XV—XVI в. Список выполнен рукой одного писаря; буквы угловаты, имеют уклон вправо. Следов разлиновки рукопись не имеет. Ширина букв в среднем составляет 0,3—0,4 см. Наиболее узкие буквы — *с, о, е* (около 0,1 см); наиболее широкие — *ж, м, а* (0,5—0,6 см). Исключением являются строчная *з*, хвост которой уходит под строку и загибается вправо, выносная *р*, лежащая над строкой, и выносная *м* в виде волнистой линии — их показатели достигают 1 см. Диграф *оу*, характерный для подлинника второй духовной грамоты Дмитрия Ивановича, в списке не представлен; здесь

используются буквы *y* и *ŷ*. В тексте параллельно употребляются буквы *e* (написанная в виде греческой буквы «эпсилон»), *ĕ*, *e*. В случаях употребления сдвоенной гласной *e* за ней следует выносная *i* («своееи матери», «въ ееи воли»); подобная графико-орфографическая особенность известна документам Литовской метрики⁵². В рукописи представлено два варианта написания строчной буквы *m*: *m* трехмачтовое и *m* угловое со стоящей на строке мачтой. Начерк выносного *m* схож со вторым вариантом строчной буквы. Сочетание букв *kc* передается в виде лигатуры — трех стоящих рядом мачт. Знак титла проставлен не над всеми выносными буквами.

Средняя высота корпуса букв в строке составляет 0,2 см. Надстрочные и подстрочные части некоторых букв значительно увеличивают их высоту, которая варьируется от 0,5 до 1 см. Количество букв в строке в среднем колеблется от 50 до 60; из этого числа количество выносных букв не превышает 10 (минимальное число выносных в строке — 2)⁵³. Интерлиньяжи между строками составляют 0,8—0,9 см при средней высоте самой строки 0,2—0,3 см.

Расстояния между словами не превышают ширины одной-двух строчных букв. В то же время в рукописи в ряде мест наблюдаются увеличенные интервалы между словами («раздвижка» по Л.В. Черепнину)⁵⁴, которые в нескольких случаях достигают значения в 1,1 см. Следует полагать, что подобным образом соблюдались смысловые паузы при чтении текста документа, это — результат интерпретации его содержания писарем списка либо лицом, диктовавшим текст духовной грамоты писарю.

В подавляющем большинстве случаев увеличенный интервал предшествует присоединительному союзу «а». Буква *a* имеет в списке несколько вариантов начертания: 1) близкая к греческой «альфе», 2) с длинной мачтой, выходящей за пределы строки сверху и снизу (иногда с хвостом, загнутым под строкой влево), 3) близкая к современной прописной. Предположительно первый вариант начерка за редким исключением соответствует строчной букве, два других — прописной, то есть писарь таким образом графически отмечал окончание одной мысли (предложения, клаузулы) и начало следующей.

Знаки препинания в рукописи отсутствуют. Над гласными буквами встречаются надстрочные знаки, близкие по форме к знаку придыхания «звательница» в виде небольшой перевернутой галочки, иногда развернутой влево⁵⁵.

Символическая инвокация в виде креста, наблюдаемая в оригинале, отсутствует в списке как в начальном протоколе грамоты, так и перед словами «А переменим Б(о)гъ ѿрдѣ»⁵⁶.

Существенных смысловых расхождений с текстом подлинника верейский список второй духовной грамоты князя Дмитрия Ивановича не содержит. Здесь изменена форма написания некоторых слов; графико-орфографические признаки рукописи указывают на то, что список возник в рамках письменной традиции Великого княжества Литовского, а не Московского государства. Так, заметны следующие расхождения между верейским списком и подлинником: «боскии» («божские») — «б(ож)ии»; «Ѓндрею» — «Аньдрѣю»; «приказую» — «приказываю»; «чим» — «чѣмъ»; «дву» — «двою»; «есми» — «есмъ»; «всими» — «всѣми»; «што» — «что»; «вопчем» — «обчем»; «тыми» — «тѣми»; «вступаю^т са» — «вѣступають са»; «ωзмет» — «возмет» и др. Часты случаи замены *e* на *и* («Звинигород», «звинигородские», «Володимира»).

Более существенные расхождения наблюдаются в формах написания некоторых топонимов. Приведем наиболее яркие примеры этих разночтений (вначале указывается прочтение топонима в списке, затем — в оригинале документа по публикации Л.В. Черепнина): «Желса» — «ГжелА»⁵⁷; «Скулвне» — «Скулневъ»; «Коста|новское» — «Костантиновъское»; «Рожкань» — «Коржань»; «Домоишин холмъ» — «да Моишин холмъ»; «Забернага» — «Заберега»⁵⁸; «да Ивановское, Васил(ь)евичи» — «да Ивановъское Васильевич(а)»; «Изжв[о]» — «Ижво»; «съ Жежва» — «съ Ижва»; «Гов» — «Тов»; «Лугосна» — «Лутосна»; «з Мигиевским» — «с Митаевским»⁵⁹.

К ошибкам слуха или банальным опискам гипотетически можно отнести и два смысловых расхождения с текстом оригинала. Первое из них относится к статье духовной грамоты о сборе ордынской дани; здесь вместо «чѣмъ» использовано слово «тем»: «А коли детем | [моим вз]Ат(и) дан(ь) на своеи ѡтчине, тем есми их бла[го]словил» (л. 94 об.). Второе смысловое расхождение содержится в статье о боярах Дмитрия Донского, переходивших на службу к княгине Евдокии. Здесь место слова «слушати» занимает слово «слушати»: «А хто моих боар имет слушати | моееи к(на)г(и)ни...» (л. 95 об.).

В некоторых статьях верейского списка незначительно изменен порядок слов. Так, в списке читаем «А исо | кн(а)за Юр(ь)ева вдела» вместо «А ись княжа оудѣла изь Юрьева»; «А изо кн(а)за Ѓндреева в[де]лу» вместо «А изо княжа оудѣла из Оньдрѣева»; «бла[го]словляю свою к(на)г(и)ню» вместо «бл(а)г(о)с(ло)вляю кнагиню свою»; «А по грехом которог(о) моег(о) с(ы)на» вместо «А по грѣхом которого с(ы)на моего».

В ряде случаев в списке присутствуют дополнительные либо, наоборот, отсутствуют известные подлиннику предлоги: «с Ъстьею и с

Ыстервою» — «с Ыстею, съ Истервою»; «што отошло || от кн(а)за Володимира» — «что отошло ото княза отъ Володимера»; «Ѹ сына своего, Ѹ кн(а)за Васил(ь)я» — «оу с(ы)на оу своего, оу княза оу Васил(ь)я»; «А с тех волостей, слободъ | и се[л, што озм]ет» — «а с тѣх волости, и съ слобод, и съ сел, что возмет».

В той части диспозиции духовной грамоты, которая посвящена сбору ордынской дани сыновьями Дмитрия Донского в их уделах, в подлиннике суммы прописаны как цифирью, так и словами. Наименование денежной единицы — рубля — написано в сокращении «руб», которое Л.В. Черепнин в своей публикации не стал восстанавливать до полной формы⁶⁰. В верейском списке все суммы прописаны словами, а наименование единицы денежного счета имеет форму «рѵблев» с выносной буквой *ѵ* на конце и «рѵбла».

Расхождения между подлинником и верейским списком можно охарактеризовать, пользуясь терминологией Д.С. Лихачева, как бессознательные изменения текста, привнесенные в рукопись писарем; их можно отнести и к ошибкам прочтения, и к ошибкам запоминания, и к ошибкам «внутреннего диктанта», и к ошибкам письма⁶¹. Налицо орфографическая модернизация текста, проведенная в соответствии с рукописной традицией Великого княжества Литовского. Перед писарем не могла стоять задача копирования подлинника завещания Дмитрия Донского, как, вероятно, не стояла и цель дословного воспроизведения протографа списка. Важно также отметить, что количество копий, отделявших верейский список от оригинала духовной грамоты, неизвестно, и охарактеризованные выше ошибки писарей могли накапливаться постепенно, переходя из одного списка во все последующие.

Утраченный на л. 95 текст относится к составу статьи диспозиции, посвященной выплате сыновьями Дмитрия Донского оброка в пользу московского Спасского монастыря с волости Заберег, которая была отдана Андрею Дмитриевичу. Кроме того, утрачены статьи о распределении между наследниками великого князя драгоценностей, хранившихся в его казне. На л. 95 об. утрачена корроборация духовной грамоты с перечислением свидетелей составления документа. Содержащаяся в этих фрагментах текста информация никак не противоречила притязаниям Софьи Васильевны (и, соответственно, ее супруга) на вотчину ее прадеда, поэтому предположение о том, что рукопись могла быть повреждена умышленно, едва ли было бы уместным.

* * *

Обнаружение верейского списка второго завещания Дмитрия Донского свидетельствует о том, что спустя полтора столетия после своего создания оно по-прежнему оставалось весомым политиче-

ским орудием. В меняющейся международной обстановке потомки московского князя могли прибегнуть к нему в надежде на возвращение своих вотчинных земель. В поддержке территориальных претензий московских изгнанников должны были быть заинтересованы и великие князья литовские — стоит хотя бы вспомнить поручительство князя Ф.Л. Воротынского перед Казимиром за князя Ивана Андреевича Можайского, который в случае своего вокняжения в Москве обязывался признать над собой верховенство польского короля.

Л.В. Черепнин указывал на осознание удельными князьями значимости сохранения у себя договорных и духовных грамот, а также их списков, закреплявших их удельный статус и потомственные права на землю. Уместно предположить, что не один только Василий Михайлович Верейский, в распоряжении которого находилась копия завещания его прадеда, вывез этот документ в Литву. Подобными списками могли обладать и другие русские князья (потомки Дмитрия Донского и Владимира Храброго), перешедшие на службу к великим князьям литовским и рассчитывавшие впоследствии вернуть свои уделы. В первую очередь, следует назвать князя Ивана Андреевича Можайского, который, в отличие от своего родного брата Михаила, активно противостоял Василию Темному в годы междоусобной войны и выехал к королю Казимиру задолго до своего племянника Василия Михайловича.

Можно предположить, что копирование завещания 1389 г. сыновьями Андрея Дмитриевича произошло вскоре после его смерти (1432 г.) и раздела между ними его удела: в договорной грамоте с Василием Васильевичем (1434 г.) оба князя уславливаются «жить» с ним «по грамоте деда нашего, великого кн(я)зя Дмитрея Иванович(а)», по которой они были «благословлены» своим отцом⁶². Михаил Андреевич сохранил свой экземпляр списка и передал его сыну; этот список является протографом (или одним из протографов) копии из Литовской метрики. О предполагаемом втором экземпляре, доставшемся Ивану Андреевичу Можайскому, ничего не известно, хотя, учитывая старшинство этого князя и его большую политическую активность, следует полагать, что все же он существовал.

Публикация верейского списка второй духовной грамоты князя Дмитрия Ивановича 1389 г. приводится в *Приложении*.

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). — Ф. 135. — Отд. I. Рубр. I. — № 7, 8.

² Л.В. Черепнин датировал список «первой половиной XV в.» (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. — М.; Л., 1950. — С. 37, № 12. Далее: ДДГ). В работе В.Н. Шумилова известный науке список духовной грамоты имеет более точную датировку — 20-е годы XV в., хотя обоснование этой даты не приводится (*Шумилов В.Н.* Государственное древлехранение хартий и рукописей: опись документальных материалов фонда № 135. — М., 1971. — С. 29).

³ Старшие изводы «Слова о житии» находятся в Софийской первой, Новгородской четвертой и Новгородской Карамзинской летописях. Наиболее полное изложение текста второй духовной грамоты Дмитрия Ивановича, содержащее прямые цитаты из самого завещания, входит в состав Никоновской летописи (Полное собрание русских летописей. — СПб., 1897. — Т. XI: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. — С. 114—116. Далее: ПСРЛ).

⁴ РГАДА. — Ф. 389. — Оп. I. — Кн. 583. — Л. 93—95 об.

⁵ Софийская вторая летопись оставила следующее свидетельство об этом происшествии: «Того же году вьсхоте князь великий Иван Васильевич сноху свою дарити сажением первые своей великые княини тферьские, и просил у второй у своей великой княини римлянки того сажения, она же не дасть ему: понеже бо много истеряла казны великого князя, давала бо брату, иное же давала за своєю племенницею в приданые князю Василью Михайловичу Верейскому: князь же великий посла к нему и взя у него приданое все, еще же хотел его и со княинею поимати, он же бежа в Литву и со княинею к королю» (ПСРЛ. — СПб., 1853. — Т. VI: Софийские летописи. — С. 235).

⁶ *Зимин А.А.* Витязь на распутье: феодальная война в России XV в. — М., 1991. — С. 52.

⁷ *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках: очерки социально-экономической и политической истории Руси. — М., 1960. — С. 756—757.

⁸ Сборник Императорского Русского исторического общества. — СПб., 1882. — Т. 35: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. — С. 82, № 19; С. 211—212, № 40; *Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе международных отношений. — М., 1980. — С. 186.

⁹ ДДГ. — С. 277—283, № 75.

¹⁰ Там же. — С. 293, № 78.

¹¹ *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков. — М.; Л., 1948. — Ч. I. — С. 183.

¹² Там же. — С. 185—186.

¹³ Впрочем, на протяжении междоусобной войны середины XV столетия Москву несколько раз занимали противники Василия II (включая князя Ивана Андреевича Можайского), и казна оказывалась в их распоряжении.

¹⁴ Lietuvos metrika. — Vilnius, 2004. — Knyga Nr. 4 (1479—1491). Užrašymų knyga 4. — P. 116—117.

¹⁵ Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою Археологическою комиссиею. — СПб., 1910. — Т. XXVII: Литовская метрика. Отдел I, ч. 1: книги записей, т. I. — Стб. 754—757.

¹⁶ *Темушев В.Н.* Гомельская земля в конце XV — первой половине XVI в. Территориальные трансформации в пограничном регионе. — М., 2009. — С. 68, примеч. 82.

¹⁷ *Любавский М.К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого литовского Статута. — М., 1892. — С. 128—129, 214—215.

- ¹⁸ *Ткачев М.А.* Замки Беларуси. — Минск, 2002. — С. 142. Во второй четверти XVI в. этот населенный пункт принадлежал супругу княжны Софьи Верейской О.М. Гаштольду.
- ¹⁹ *Любавский М.К.* Областное деление. — С. 214—215; *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. — Warszawa, 1895. — S. 202.
- ²⁰ Lietuvos metrika. — Vilnius, 1998. — Knyga Nr. 1 (1380—1584). Užrašymų knyga I. — P. 122—123.
- ²¹ *Кром М.М.* Меж Русью и Литвой: пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М., 2010. — С. 115.
- ²² *Экземлярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. — СПб., 1891. — Т. II. — С. 327.
- ²³ *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy. — S. 549.
- ²⁴ РГАДА. — Ф. 389. — Оп. 1. — Кн. 583. — Л. 43. М.К. Любавский неверно датировал по индикту этот документ 1506 г. (*Любавский М.К.* Областное деление. — С. 115).
- ²⁵ Lietuvos metrika. — Knyga Nr. 1. — P. 122. Как принято считать в историографии, Любеч был возвращен в состав Литовского государства только по перемирию 1508 г.: «А в отчину нам, брате, твою, во все твои Великие княжства... в город Любеч с волостями... не вступатися ничем» (Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. — СПб., 1848. — Т. II: 1506—1544. — С. 53, № 43). В таком случае в 1506 г. Александр Ягеллончик подтверждал владельческие права вотчинникам на земли, находившиеся в пределах другого государства.
- ²⁶ *Wolff J.* Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego, 1386—1795. — Kraków, 1885. — S. 36, 45, 58, 73, 160, 289.
- ²⁷ Lietuvos metrika. — Knyga Nr. 1. — P. 122.
- ²⁸ Ibid. — P. 40.
- ²⁹ РГАДА. — Ф. 389. — Оп. 1. — Кн. 583. — Л. 13.
- ³⁰ Lietuvos metrika. — Knyga Nr. 1. — P. 131—133.
- ³¹ *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy. — S. 549.
- ³² *Довнар-Запольский М.В.* Договор рады В[еликого] кн[ажества] Литовского с в[еликим] кн[язем] Сигизмундом-Августом. — Б.м., б.д. Повторная публикация этого документа: Беларускі архіў. — Менск, 1927. — Т. I (XVI—XVII ст.). — С. 1—5, № 1.
- ³³ Документы Московского архива Министерства Юстиции. — М., 1897. — Т. I. — С. 90. Здесь был опубликован «попис замку Радошковского», сохранившийся в составе 5-й книги литовских переписей (РГАДА. — Ф. 389. — Оп. 1. — Кн. 562).
- ³⁴ *Пташицкий С.Л.* Описание книг и актов Литовской метрики. — СПб., 1887. — С. 167.
- ³⁵ Там же. — С. 46.
- ³⁶ Archiwum Główne Akt Dawnych. Tzw. Metryka Litewska. Dz. IV. B/24.
- ³⁷ *Пташицкий С.Л.* Описание. — С. 46.
- ³⁸ Lietuvos metrika. — Knyga Nr. 1. — P. 17.
- ³⁹ *Гудавичюс Э.* История Литвы с древнейших времен до 1569 года. — М., 2005. — Т. I. — С. 470, 477—478; *Gudmantas K. Alberto Goštauto biblioteka ir Lietuvos metraščiai // Knygotyra. — 2003. — Т. 41. — P. 1—16.*
- ⁴⁰ Цит. по: *Кром М.М.* Стародубская война, 1534—1537: из истории русско-литовских отношений. — М., 2008. — С. 24.
- ⁴¹ Оба князя были женаты на дочерях Федора Львовича Воротынского, который еще в 1448 г. поручался за своего зятя Ивана Андреевича перед королем Казимиром в том, что если с его помощью князь Можайский будет посажен «на великом

княженьи на Московском», то будет «писаться» польскому королю «братом младшим» (ДДГ. — С. 149—150, № 50).

⁴² Там же. — С. 200, № 62.

⁴³ РГАДА. — Ф. 389. — Оп. 1. — Кн. 21. — Л. 134.

⁴⁴ *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. — М., 1988. — С. 124—127; *Кром М.М.* Судьба авантюриста: князь Семен Федорович Бельский // *Очерки феодальной России.* — М., 2000. — Вып. 4. — С. 109.

⁴⁵ На пергамене написан данный лист князя Андрея Семеновича Гольшанского своему слуге Войтку на земли (РГАДА. — Ф. 389. — Оп. 1. — Кн. 583. — Л. 34). Ю. Вольф датировал этот документ 1457 г. (*Wolff J.* *Kniaziowie litewsko-ruscy.* — S. 97).

⁴⁶ Работа по «рассмотрению и приведению в порядок метрических книг» (РГАДА. — Ф. 389. — Оп. 1. — Кн. 583. — Л. 202) проводилась специальной комиссией в Санкт-Петербурге в середине 1830-х годов.

⁴⁷ В центре верхнего поля л. 95 имеется помета: «х обрезан на ½». Эта помета выполнена теми же чернилами, что и заверительная надпись 1931 г. на л. 202 об.: «В настоящей книге | № IV-B-27 двести | два (202) писанных и неписанных листа. Лист-68 — а и б. | Лист-95 — наполовину вырван. 15.V.1931 |». Идущая следом подпись архивиста неразборчива.

⁴⁸ Piccard watermark collection [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.piccard-online.de/einfueh.php?sprache=en>, свободный (дата обращения: 11.06.2021).

⁴⁹ *Лихачев Н.П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. — СПб., 1899. — Ч. I. — С. 350; Ч. II. — С. 105, 150, 151.

⁵⁰ Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки, первая половина XVI в. / подгот. к публ. М.М. Кром // *Памятники истории Восточной Европы.* — М.; Варшава, 2002. — С. 72, 117, 118. — (*Monumena Historica Res Gestas Europae Orientalis Illustrantia*; т. 6).

⁵¹ Автор выражает глубокую признательность О.И. Хоруженко за помощь в атрибуции филигрانی.

⁵² *Тимченко Т.А., Лифшиц А.Л.* К вопросу об издании Литовской метрики // *Новости Литовской метрики.* — Вильнюс, 2002. — № 6. — С. 49.

⁵³ Подсчеты проводились в отношении первой и последней строк каждого листа, а также выборочно в отношении некоторых других строк.

⁵⁴ *Черепнин Л.В.* Русская палеография. — М., 1956. — С. 375.

⁵⁵ Там же. — С. 375—376.

⁵⁶ В.А. Кучкин писал, что во втором случае символическая инвокация имеет более позднее происхождение и что ее изображение не принадлежит ни писцу подлинной грамоты Внуку, ни безымянному писцу, составившему известный список завещания, который содержится в Дривлехранилище (*Кучкин В.А.* Последнее завещание Дмитрия Донского // *Средневековая Русь.* — М., 2001. — Вып. 3. — С. 108—109).

⁵⁷ Писарем, возможно, было оставлено свободное место для начальной буквы «Г», поэтому в публикации целесообразна ее реконструкция.

⁵⁸ Вероятно, это просто описка.

⁵⁹ В последних трех случаях буква «Г» читается в рукописи уверенно и едва ли представляет собой один из вариантов начерка буквы «т».

⁶⁰ ДДГ. — С. 35—36, № 12.

⁶¹ *Лихачев Д.С.* Текстология (на материале русской литературы X—XVII вв.). — 3-е изд., перераб. и доп. — СПб., 2001. — С. 65—81.

⁶² ДДГ. — С. 81, № 30. При этом открытым остается вопрос о статусе самой несохранившейся духовной грамоты можайского князя Андрея Дмитриевича и дальнейшей ее востребованности у его потомков, бежавших в Литву.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПУБЛИКАЦИЯ ВЕРЕЙСКОГО СПИСКА ВТОРОЙ ДУХОВНОЙ ГРАМОТЫ КНЯЗЯ ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА ДОНСКОГО

Публикация списка второй духовной грамоты князя Дмитрия Донского подготовлена в соответствии с принципами «дипломатического» издания письменных источников¹. При передаче текста сохраняются все без исключения вышедшие из употребления буквы без их замены современными эквивалентами. Выносные буквы вносятся в строку и набираются курсивом. Буква *ѣ* восстанавливается в круглых скобках после выносной согласной и строчной гласной там, где это необходимо. После выносной согласной в конце слова *ѣ* не реконструируется. Буква *ь* восстанавливается после согласных, требующих смягчения перед гласной буквой («Васил(ь)ю», «жереб(ь)ев»), но не привносится в слово между двумя согласными буквами — выносной и строчной («съ Селцем», «волостми»). Титла не воспроизводятся, их наличие не оговаривается в примечаниях; восстановленные под титлом буквы вносятся в строку в круглых скобках. Другие надстрочные знаки, имеющиеся в рукописи, также не воспроизводятся. Реконструированный текст — пропущенные писарем отдельные буквы и утраченные вследствие механических повреждений рукописи буквы и слова — приводится в квадратных скобках. Основанием для реконструкции служит текст подлинника духовной грамоты.

Буква *й* в публикации не используется.

Возвратная частица «са» (единожды «ца» — «по|делит ца») представлена в рукописи как в постпозиции, так и в препозиции, поэтому она пишется отдельно от глаголов².

Конец строки отмечается одной вертикальной чертой, конец листа — двумя чертами. После них в виде надстрочного знака указывается номер следующего листа.

Расстановка знаков препинания проведена в соответствии с современными правилами пунктуации. При этом разбивка текста духовной грамоты на предложения порой отличается от деления текста, принятого в публикации Л.В. Черепнина. Кроме того, форма написания некоторых слов позволяет иначе интерпретировать содержание списка и также вносит коррективы в расстановку пунктуационных знаков. В частности, при перечислении отъездных можайских волостей в списке читается «да Ивановское, Васил(ь)евичи»³ вместо «Ивановское Васильевич(а)» подлинника. Окончание «и», приведенное в списке, позволяет разделить два этих слова запятой: судя по всему, писарь посчитал их двумя самостоятельными топоним-

мами, а не селом, некогда принадлежавшим казненному Дмитрием Донским Ивану Васильевичу Вельяминову⁴.

Слова «Б(о)гъ» и «Ѓрдѣ» («Ордѣ») пишутся с прописной буквы. Прилагательные, образованные от географических названий и личных имен, пишутся со строчной буквы («волости можаискіе», «из володѣдирскихъ сел»). При передаче текста учтены замечания В.А. Кучкина, касающиеся коломенских волостей Сельцо и Деревни — ранее во всех публикациях духовной грамоты 1389 г. эти слова печатались со строчной буквы как имена нарицательные⁵. Приняты во внимание комментарии этого же исследователя и в отношении постановки запятой в обороте, повествующем о передаче князю Василию Дмитриевичу с. Хвостовского и Великого луга, располагавшегося на правобережье р. Москвы⁶.

Следует сказать о принципах реконструкции некоторых букв в словах, написанных в сокращении или понесших утраты. В словах «д(8)ха» и «д(8)ши» восстанавливается ѣ на основании полной формы написания слова «дѣшевную». Слова «кн(а)зь» и «к(на)г(и)ни» ни разу не представлены в списке духовной грамоты в полной форме; в тексте дважды используется слово «кнажен(ь)є», написанное с буквой малый юс. Эта же буква во всех случаях восстанавливается в слове «к(на)г(и)ни», хотя документам Великого княжества Литовского XV—XVI вв. широко известно написание этого титула с буквами е и ѣ⁷. Слово «благословляю» в полной форме приведено в тексте только дважды, в остальных случаях в нем отсутствует слог «го». Из-за отсутствия знака титла при таком написании этого слова недостающий слог восстанавливается в квадратных скобках. Слово «удел» представлено в списке в двух вариантах написания: «вдел» и «ѵдел». Из-за повреждений рукописи оно дважды требует реконструкции. В обоих случаях в качестве начальной буквы используется в. Другие случаи, требующие реконструкции букв при раскрытии сокращений под титлами или после выносных согласных, являются более очевидными и не нуждаются в особом объяснении.

Утрата текста на оборванном л. 95 слишком значительна, поэтому утраченный текст не восстанавливается.

Публикация сопровождается палеографическими комментариями, оформленными в виде постраничных подстрочных примечаний. Здесь дается характеристика повреждениям рукописи, привнесённым в текст исправлениям, обосновывается восстановление той или иной утраченной буквы, отмечаются разночтения с подлинником завещания князя Дмитрия Ивановича. Слова в публикации приводятся в той форме, в которой они были записаны писарем — даже те, которые содержат очевидные опiski или ошибки. В подстроч-

ных примечаниях в этом случае приводится вариант прочтения этого же слова в подлиннике. Когда к разным местам текста прилагается один и тот же комментарий (это касается реконструкции утраченных фрагментов текста), он приводится в примечании единожды, а далее по тексту к нему следуют отсылки, имеющие тот же порядковый номер, что и это примечание. Комментарии максимально лаконичны, при этом они лишены сложных аббревиатур⁸, которые скорее могут запутать читателя, чем оказаться ему полезными.

¹ Каиштанов С.М. Актовая археография. — М., 1998.

² Тимченко Т.А., Лифшиц А.Л. К вопросу об издании Литовской метрики. — С. 34.

³ РГАДА. — Ф. 389. — Оп. 1. — Кн. 583. — Л. 93 об.

⁴ Кучкин В.А. Последнее завещание Дмитрия Донского. — С. 136.

⁵ Там же. — С. 134, примеч. 94 и 95.

⁶ Там же. — С. 135, примеч. 97.

⁷ Это касается и слова «св(а)гоз(о)».

⁸ В примечаниях используются только три общепринятые аббревиатуры: «об.» — оборот, «подл.» — подлинник, «рkp.» — рукопись.

* * *

л. 93 Во имѧ отца и с(ы)на и св(а)гоз(о) д(в)ха.

Се ѧзъ, грешнии хвдѣи раб боскии¹ Дмитрии | Иванович, пишу грамоту двшвенную целым своим вмом. Даю рад сыном | своим и своии к(на)г(и)ни.

Приказую дети свои своии к(на)г(и)ни. А вы, дети мои, жи|вите² заодин. А матери своии слуша[и]те³ во всем.

А приказываю | вотчину свою Москву детям своим, кн(а)зю Васил(ь)ю, кн(а)зю Юр(ь)ю, кн(а)зю | Сндрею, кн(а)зю Петр⁴.

А брат мои, кн(а)зь Володимир, вѣдает свою | треть, чим⁵ его благословил ѡ(те)ць его, кн(а)зь Сндреи.

А с(ы)на своез(о), кн(а)зѧ | Васил(ь)ѧ, благословляю на стареишии путь, в город(е) и в станех моез(о) вдела | дввю жереб(ь)ев половина. А трем сыном моим половина, и в пошлинах город|ских половина. А тамга из дву моих жереб(ь)ев к(на)г(и)ни мои половина | а сыном

¹ Так в рkp. В подл. — б(ож)ии.

² Буквы «вите» вписаны над строкой поверх затертого слова «кни» под титулом.

³ Буква «и» пропущена писцом; в квадратных скобках добавлена по подл.

⁴ Букву «в» наискосок пересекает прорезь в листе бумаги.

⁵ Буква «и» написана по смытому тексту.

моим половина. А восмичии и мои два жереб(ь)ѣа к(н.а)г(и)ни мои. | А на старшии путь с(ы)ну моему, кн(а)зю Васил(ь)ю, Васильцево сто и Добрати|ньскаѣ борти съ селом з Добратинским. А бортници въ станех городских, | и конюшеи путь, и соколничии, и ловчии, тем сынове мои поделат с.а ров|но. А численых людей моих дву жереб(ь)ев сыном моим по частем. А блюду[т]⁶ | с одного.

А се даю с(ы)ну моему, кн(а)зю Васил(ь)ю, Коломну со всеми волостми, | и с тамгою, и с ѡмствы⁷, и з бортью, и съ селы, и со всеми пошлинами. А волости | коломенские: Мещерка, Раменка, Песочна, Брашева, съ Селцем, з Гвоздною | и с Ъванем, [Г]жеlea⁸, Деревни, Левичин, Скулвне⁹, Маковец, Канев, Кочема, | Камарев з берегом, Городна, Похране, Ъсть-Мерьска. А из московскихъ | сел даю с(ы)ну моему, кн(а)зю Васил(ь)ю, Митин починок, Малоховское, Коста|новское¹⁰, Жи рошкины¹¹ деревни¹², Ъстровское, Ърининское, Копотенско[е]¹³, | Хвостовское Ѡ [го]рода¹⁴, луг Великии за рекою. А зъ юр(ь)евских сел даю с(ы)ну | моему, кн(а)зю Васил(ь)ю, своего прикупа Красное село съ Елизаровским, со Проватовыми, да село Василевское в Ростове.

А се даю | с(ы)ну моему, кн(а)зю Юр(ь)ю, Звинигород со всеми волостми, и съ тамгою, | и с мыты, и з бортью, и съ селы, и со всеми пошлинами. А волости звини|городские: Скирминово з Белми, Тростна, Негуча, Сурожик, Замошскаѣ || ^{л. 93 об.} слобода, Юр(ь)ева слобода, Рѣза городок, Ростовци, Кремична, Ёминское, Ъгожь, | Суходоль с Ъстьею и с Ъстервою, Вышегород, Плеснь, Дмитреева | слободка. А из московских сел даю с(ы)ну моему, кн(а)зю Юр(ь)ю, село Михалевское, | да Домантовское, да луг Ходынскии. А из юр(ь)евских сел ему: прикупа моего | село Кузмыдем(ь)ѣанское, да Красного села пачинок за Везкою придасть | еси къ Кузмыдем(ь)ѣанскому, да село Богородицкое в Ростове.

А се даю | с(ы)ну моему, кн(а)зю Ъндрею, Можаяскъ со всеми волостми, и с тамгою, и с | мыты, и з бортью, и съ селы, и со всеми пошлинами, и с от(ь)ездными | волостми. А волости можаиские: Исмета,

⁶ Край листа оборван; в месте обрыва могла бы уместиться только выносная «т».

⁷ Так в ркп. Должно быть — «и с мыты».

⁸ Буква «Г» пропущена писарем и восстановлена по подл. Между словами «с Ъванем» и буквой «ж» в слове «[Г]жеlea» увеличенный интервал в 1,5 см. Буквы «ea» читаются неоднозначно и своей графикой напоминают «ѣ».

⁹ Так в ркп. В подл. — Скулневъ.

¹⁰ Так в ркп. В подл. — Коста|нтиновское.

¹¹ В слове «Жи рошкины» дважды написан слог «ро»; поверх второго из них грубо вписана буква «к». Буква «ы» повреждена прорезями в бумаге.

¹² Буквы «де» повреждены прорезями в бумаге.

¹³ Край листа оборван. Буква «е» восстановлена по подл.

¹⁴ Слово повреждено прорезью в бумаге; буквы «го» не видны, восстановлены по подл.

Числов, Боань, Берестов, | Поротва, Колоча, Тушков, Вышнее, Глинско, Пневичи со Загор(ь)емь, Болонескъ. | А Рожкань¹⁵, Домошин¹⁶ холмь придал есми к Можайску. А се волости | *от(ь)ездные*¹⁷: Вереа, Рѣдь, Гордошевичи, Гремичи, Забернга¹⁸, Сушев, да село | Репинское, да Ивановское, Васил(ь)евичи¹⁹ во Гремичах. А Колуга и Роща | сыну же моему, кн(а)зю Гндрею. И што вытегал боарин мои, Ѳедор | [Гн]древичи²⁰, на вопчем рете Гов²¹ и Медынь²² смолнан. А то сыну | же моему, кн(а)зю Гндрею. А из московских сел ему Напрудское село, да | Луцынское на Глвзе с мельницю, Деѳниньское, Хвостовское в Пере|мышле, да луг Боровскои. А другии луг противѸ Воскресен(ь)я. А из юр(ь)евских | сел ему Глексинское село на Пекше.

А се даю с(ы)ну своему, кн(а)зю ПетрѸ, Дмитров со всеми волостми²³, и съ селы, и со всеми пощинами, и с та[м]гою²⁴, и с мыты, и з бортью. А се дмитровскии волости: Вышегород, | Берендеева²⁵ слобода, Лугосна²⁶ с *от(ь)ездцем*, Инобажь. А из московских | волостей кн(а)зю ПетрѸ Мушкова гора, Изжв[о]²⁷, Раменка²⁸, слободка кн(а)за | Иванова, Вори, Корзенево, Рогож, Загарье, Вохна, Селна, Гуслеца, | Шерна городок. А из московских сел кн(а)зю ПетрѸ²⁹ Новое село, Сулишин по|гость³⁰. А из юр(ь)евских сел ему прикупа моего село Богородицкое на Бо|гоне.

¹⁵ Так в ркп. В подл. — Коржань.

¹⁶ Так в ркп. В подл. — да Моишин.

¹⁷ Буква «н» вписана поверх другой буквы.

¹⁸ Так в ркп. В подл. — Заберега.

¹⁹ Так в ркп. В подл. — Ивановское Васильевич(а).

²⁰ Край бумаги вырван. Начальная буква имени восстановлена как «Г» на том основании, что списку известно только такое написание имени Гндреи. Над строкой виден фрагмент титла, что позволяет восстановить букву «н» как выносную.

²¹ Так в ркп. В подл. — Тов.

²² Буква «Ѹ» написана в строке дважды. В первом случае ее закрывает чернильное пятно.

²³ Выносная «с» едва угадывается.

²⁴ Слово повреждено отверстием, через которое проходит красный шнур. Выносная буква «м» закрыта шнуром.

²⁵ Край листа поврежден разрывом бумаги (оторван самый край) и пятном от сырости, что не препятствует прочтению слова.

²⁶ Так в ркп. В подл. — Лугосна.

²⁷ Край последней буквы в слове поврежден прорезью в листе бумаги. Буква «о» восстановлена на том основании, что далее в тексте встречается именно такое написание этого топонима.

²⁸ Буквы «ра» повреждены прорезью в листе бумаги.

²⁹ Возможно, буква «е» изначально была пропущена писцом, а затем добавлена. В пользу этого предположения говорит нестандартная для списка графика этой буквы.

³⁰ Буквы «ос» заметно выщвели. После слова на уровне середины высоты строки стоит точка.

А се даю с(ы)ну своему, кн(а)зю Ивану, Раменнице з бортники и што к немѣ | потагло, да Зверковское село з Сохонским починком, што отошло || ^{н. 94} *от* кн(а)за Володимира. А Сохна сыну же моему, кн(а)зю Ивану. А в том ѱделе | *волен сын мои*, кн(а)з(ь) Иван, *которые брат* до него *будет* добръ, тому дасть. |

А се бла[го]словляю с(ы)на своего, кн(а)за Васил(ь)ѣа, своєю *вотчиною великимъ* | *кнажен(ь)ем*.

А сына своего бла[го]словляю, кн(а)за Юр(ь)ѣа³¹, своєю(о) деда куплею, | Галичем со всеми волостми, и з селы, и со всеми пошлинами, и с тыми | селы, *которые тагли къ Костромѣ, Микулское и Борисовское*.

А сы|на своего, кн(а)за Гндрѣа, бла[го]словляю куплею же деда своєю(о) Бельми Гзером | и со всеми волостми³², и Вольское со Шагатью, и Милолюбскои езь, | и з слободками, *што были дети мои*.

А сына своего, кн(а)за Петра, | бла[го]словляю куплею же своего деда Ѱгличим полем, и што к нему пота|гло, да Тошною и Сямою.

А се даю своєю к(на)г(и)ни из великоз(о) *кнажен(ь)ѣа* | ѱ сына своего, ѱ кн(а)за Васил(ь)ѣа, *ис Переяславля Юлку*. А с Костромы | Иледам и Комелу. А ѱ кн(а)за Юр(ь)ѣа из Галича Соль. А ѱ кн(а)за Гндрѣа | з Белаозера Вольское с Шагатью и Милолюбскои езь. А из воло|димирских сел к(на)г(и)ни *мои Гндреевское село*. А ис Переясловских | сел *Доброе село*, и што к ним потагло. А из ѱдела сына своєю(о), кн(а)за | Васил(ь)ева, Канево, Песочну. А из сел Малинское село, Лысцево. А *исо* | кн(а)за Юр(ь)ева *вдела Юр(ь)ева слобода*, да Суходоль с Ъстьею и с Ъ|стервою, да село Гндреевское, да Каменское. А *изо* кн(а)за Гндреева *в[де]лу*³³ *Вереѣа*, да Числов, да село Луцинское на ГѦзе з мелницею. А *и[зо кн(а)за]*³⁴ | *Петрова вделѣ Изжво* да Самѣ. А што *есми дал своєю к(на)г(и)ни изо в[]дела*³⁴ с(ы)на своего кн(а)за Васил(ь)ева, *изо кн(а)за Юр(ь)ева, изо кн(а)за [Гндреева]*³⁴, | *изо кн(а)за Петрова волости и села*. А што Б(о)гъ *розмысли[т о мои]*³⁴ | к(на)г(и)ни, и те волости и села *во чьем вделе*³⁵, то тому и [есть].

А се]³⁴ | даю своєю к(на)г(и)ни *свои примысль Скирминовскую*³⁶ *слободку [с Шепко]выи*³⁴, *Смоланые и*³⁷ з Мигиевским³⁸ *починком*, и з бор-

³¹ Буква «Ю» написана поверх исправленного текста. Возможный вариант прочтения исправленного текста — Ива[на].

³² Буквы «тми» повреждены прорезью в листе бумаги.

³³ Край листа оборван. В квадратных скобках восстановлено по подл.

³⁴ Край листа оборван. В квадратных скобках восстановлено по подл. с учетом графико-орфографических особенностей списка.

³⁵ Буквы «еле» выщвели под пятном от сырости.

³⁶ Выносная буква «в» почти не видна из-за выцветания чернил.

³⁷ Выносная буква «и» повреждена прорезью в листе бумаги.

³⁸ Так в ркп. В подл. — с Митасевским. Начальная буква «М» повреждена прорезью в листе бумаги. Буква «с» затемнена чернильным пятном.

тью, з Вышего[родски]ми³⁴ бортники, Кропивну з бортники со кропивенскими и со и[смень]скими³⁴, и з гордошевскими, и с рудскими, Желескова слободка | з бортю и с Бвановским селом с Хороброва, и с Ёсконская слободка, | Кузовская слободка. И што к(на)г(и)ни моеи прикупа, и што к неи потагнуло, | то моеи к(на)г(и)ни. А по которага места³⁹ слободскии волостей жо иши³⁹ те || ^{л. 94 об.} слободы при мне, и к(на)г(и)ни моеи волостели судат по та жо и мее[с]га⁴⁰, как было | при мне. А што к(на)г(и)ни моеи кулла Лохно, то еи и есть. А на Коломне мои примы|сль Самошлецев починок з деревнами, Савел(ь)евской⁴¹ починок, Микулское село, | Бабышево, Ёслебетевское, а то к(на)г(и)ни моеи. А што еи село Репинское и при|куп, то еи и есть. А из московских сел даю своеи к(на)г(и)ни: Семциньское село | с⁴² Ходынскою мелницею, да Ёстаеьевское село, да Илмовское. А из юр(ь)евь|ских сел даю еи кулло свою Петровское село, да Ёроловское⁴³ село, да Елох, | да Холхол и Заючюк⁴⁴, то моеи к(на)г(и)ни. А што ми дала к(на)г(и)ни Ёедосья | СудѸ на Белеозере, да Колашину и Слободку, и што бла[го]словила к(на)г(и)ню мою | Городком да Волочком, та места ведает к(на)г(и)ни Ёедос(ь)Ѹ до своез(о) живота. А по еи | животе то к(на)г(и)ни моеи. А теми своими примыслы всими бла[го]словляю свою к(на)г(и)ню. А в тех примыслех волна моѸ к(на)г(и)ни, с(ы)ну ли | которому что даст, по д(Ѹ)ши ли даст. А дети мои в то не вступают сѸ.

А которыи | деревни отоимал был кн(а)зь Володимир ѿ[г]⁴⁵ Глыткиньскоз(о)⁴⁶ села к(на)г(и)ни | моеи к Берендееве слободей, и те деревни потагнут к ЛыткиньскомѸ | селу моеи к(на)г(и)ни.

А по грехом, котороз(о) моез(о) с(ы)на⁴⁷ Б(о)гъ ѿтнимет, и к(на)г(и)ни | моѸ поделит того Ѹделом сынов моих. Которому што даст, то тому и есть. | А дети мои зь еи воли не вымут сѸ.

А дасть ми Б(о)гъ с(ы)на, и к(на)г(и)ни моѸ поделит | [с]г⁴⁸, возма по части Ѹ болшиѸ его брат(ь)и.

А Ѹ которого с(ы)на моего Ѹбудет вотчи|[ны, ч]им⁴⁸ еси его бла[го]словил, и к(на)г(и)ни моѸ поделит сынов моих из ихъ | [вде-лов]⁴⁸. А вы, дети мои, матери слушайте.

³⁹⁻³⁹ Так в ркп. В подл. — слободскиѸ волостели судили.

⁴⁰ Так в ркп. В подл. — мѸста.

⁴¹ Буква «и» исправлена; предположительно — из «е». Высота «и» значительно превышает среднюю высоту букв в строке и составляет около 1 см.

⁴² Буква «с» выщела и почти не читается.

⁴³ Буква «Ѹ» повреждена прорезью в листе бумаги.

⁴⁴ Буква «ю» читается неуверенно и похожа на строчную «б».

⁴⁵ Буква «т» пропущена писарем.

⁴⁶ Так в ркп. В подл. — Лыткиньского.

⁴⁷ Далее выше и ниже строки расположено два чернильных пятна.

⁴⁸ Край листа оборван. В квадратных скобках восстановлено по подл. с учетом графико-орфографических особенностей списка.

А по грехом, отыимет Б(о)гъ с(ы)на | [моего, к]н(а)з⁴⁸ Васил(ь)ѧ, а хто будет под тем сын мои, ино тому с(ы)ну моему | [кн(а)за Ва]сил(ь)ев⁴⁸ ѳдел. А того ѳделом поделит их моѧ к(на)г(и)ни. А вы, дети [м]ои⁴⁹, | [слушай]те⁴⁸ своеи матери. Што кому дасть, то тому и есть.

А коли дете⁵⁰ | [моим вз]ѧт(и)⁴⁸ дан(ь) на своеи отчине, тем есми их бла[го]словил. И сын мои, кн(а)зь | [Василеи]⁴⁸, ѳзмет съ своег(о) вдела с Коломны и [со]⁵¹ всех коломенских волост[е]и⁵² | [трис]та⁴⁸ рѳблев и сорок и два рѳбли. И к(на)г(и)ни мо[ѧ]⁵³ дасть ему в то серебро | [с]⁴⁸ Песочны пѧтдесѧт рѳблев без трех. А с Канева двадцѧт(ь) рѳблев и два рубли. | А кн(а)зь Юр(ь)и ѳзмет съ Звинигорода и со всех звинигородских волостеи | двесте рублев и семдесѧт рѳблев и два рѳбли. И к(на)г(и)ни моѧ даст ему | в то серебро зь Юр(ь)евы слободы пѧтдесѧт рублев. А съ Суходола полпѧтдесѧт рѳблев. А съ Смоленых девѧт рѳблев. А [съ]⁵⁴ Скирминовское слободки || ^{а. 95} девѧт(ь) рѳблев. А кн(а)зь ѳндреи ѳзмет з Можайска и со всех волостеи | можайских сто рѳблев и семдесѧт рѳблев без трех. А с от(ь)ездных мѧсть семдесѧт рѳблев без двѳ. И к(на)г(и)ни моѧ дасть ему в то серебро | двадцѧт(ь) рѳблев и полтрѧтѧ рѳбла с Вереи. А с Числова полосѧ рѳбла. | А съ Заѧчкова двадцѧт(ь) рѳблев и два, с Холхла десѧт(ь) рѳблев, с Железкова | девѧт(ь) рѳблев, с Ысконское [с]лѧбодки⁵⁵ полсеѧ рѳбла, с Кропивны полсеѧ рѳбла. А кн(а)зь Петръ возмет⁵⁶ съ своего вдела сто рѳблев и ѳдиннадцѧт(ь), и к(на)г(и)ни | моѧ дасть ему в то серебро съ Жежва⁵⁷ тридцѧт(ь) рѳблев. А кн(а)зь Иван | дасть кн(а)зю Васил(ь)ю з Сохны пѧт(ь) рѳблев. А с Раменеица [дасть]⁵⁸ кн(а)зю Петръ пѧт(ь) рѳблев. А то ѳзмут в тысячу рѳблев. А будет боле или менши, ино по тому | жо розочстут⁵⁹.

А переменит Б(о)гъ ѳрдѳ, дети мои не имут давати выхода в Орѳдѳ. И которыи сын мои ѳзмет дань на своем вделе, то тому и есть. А што | есми подавал своеи к(на)г(и)ни волости и села из ѳделов детеи своих, и свои | при[мысль]⁶⁰, и слободы, и села, и Холхол, и Заѧчков. А с

⁴⁹ Слово повреждено отверстием от шнура.

⁵⁰ Выносная буква «м» повреждена отверстием от шнура.

⁵¹ Слово повреждено прорезью в листе бумаги и восстановлено по подл.

⁵² Буква «е» повреждена отверстием от шнура.

⁵³ Слово повреждено прорезью в листе бумаги.

⁵⁴ Слово пропущено писарем и восстановлено по подл.

⁵⁵ Буква «с» повреждена прорезью в листе бумаги.

⁵⁶ Первые три буквы слова пересекает прорезь в листе бумаги.

⁵⁷ Так в ркп. В подл. — съ Ижва.

⁵⁸ Слово пропущено писарем и восстановлено по подл.

⁵⁹ Так в ркп. В подл. — розочту.

⁶⁰ Нижний край листа оборван. В квадратных скобках восстановлено по подл. с учетом графико-орфографических особенностей списка.

тех волостей, слободъ | и се[л, што ѡзм]ет⁶⁰ моѧ [к(н.а)г(и)ни, то]⁶⁰ еи [и
ес]ть⁶⁰. А дети мои в то не вступают с.а⁶¹. |

[...] ⁶²

... || ^{л. 95 об.} по две гривенки.

А што с.а ѡстанет золото, или серебро, или иное што ино, | то есть
все мои к(н.а)г(и)ни.

А што с.а ѡстанет стад моих, тем моѧ к(н.а)г(и)ни по|делит ца з мо-
ими детми по частем.

А хто будет моих казначеев, или хто | будет моих дыаков прибыток
мои ѡт мене вѣдал, или поселских, или | тивнов, или хто женил с.а в тех,
те все не надобе мои к(н.а)г(и)ни ни моим де|тем.

А приказал тем свои дети свои к(н.а)г(и)ни. А вы, дети мои, слушайте |
своеи матери во всем, и з ее воли не выступайте ни в чем. А которой сын |
мои не имет слушати своеи матери, а будет не въ еи воли, на том не бу-
дет моего | бла[го]словен(ь)ѧ.

А дети мои молодшаѧ, брат(ь)ѧ кн(а)з.а Васил(ь)евы, чстите⁶³ |
и слушайте своего брата стареишого, кн(а)з.а Васил(ь)ѧ, в мое мѣсто,
своег(о) | ѡтца⁶⁴. А сын мои, кн(а)з.ь Василеи, держит своег(о) брата,
кн(а)з.а Юр(ь)ѧ, и свою | брат(ь)ю молодшую в братстве, без обиды.

А хто моих боѧр имет слушати | моеи к(н.а)г(и)ни, тех боѧр, дети
мои, блюдите с одного.

А хто сию грамоту | мою порѣшит, судит ему Б(о)гъ. А не бѣдет на
нем и милости божские⁶⁵, ни | моего бла[го]словен(ь)ѧ ни в сии век, ни
в бѣдѣшии.

А пи[.....] ⁶⁶ | ...

⁶¹ Далее на краю листа находятся два чернильных пятна того же цвета, что и помета в верхнем поле л. 95 и заверительная запись 1931 г. на л. 202 об.

⁶² Л. 95 оборван примерно на половину своей высоты. Утраченный текст не восстанавливается.

⁶³ Так в ркп. В подл. — чтите.

⁶⁴ Так в ркп. В подл. — о(т)ца.

⁶⁵ Так в ркп. В подл. — б(ож)ии.

⁶⁶ Нижний край листа оборван. На месте утраченного куска бумаги могло бы уместиться до 15 строчных букв.

А.А. Горский

О ДАТИРОВКЕ «ДОКОНЧАЛЬНОЙ ГРАМОТЫ» ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВАСИЛИЯ ДМИТРИЕВИЧА И МИТРОПОЛИТА КИПРИАНА*

Аннотация: Текст договорной грамоты великого князя московского Василия Дмитриевича и митрополита Киприана допускает две возможные датировки: 1392 и 1404 гг. В статье приводятся аргументы в пользу большей вероятности даты 1392 г.

Ключевые слова: Василий I Дмитриевич; митрополит Киприан; договорная грамота; датировка

A.A. Gorskiy

On the dating of “dokonchal’naia gramota” between Grand Prince Vasilii Dmitrievich and Metropolitan Cyprian

Abstract: There are two possible datings of the agreement between Vasilii I Dmitrievich, Grand Prince of Moscow, and Metropolitan Cyprian — 1392 or 1404. The article presents arguments in favour of the date 1392.

Keywords: Vasilii I Dmitrievich; Metropolitan Cyprian; Agreement charter; Dating

Документ, озаглавленный «Докончал’ная грамота князя великого с митрополитомъ о Лоуху, и о Сен’гоу, и о людехъ», дошел в списках, наиболее ранние из которых — ГИМ, собр. Синодальное, № 562 (л. 28 об. — 31) и Смоленского областного краеведческого музея, № 9907 (л. 2 об. — 4 об.) — относятся к первой половине XVI в. и восходят к общему протографу¹. Грамота входит в сборники формуляров, поэтому имена великого князя и митрополита не приводятся. Но в конце текста читается дата: «А писана грамота на Москвѣ м(е)с(я)ца июня в ѿи д(е)нь, индикта въ ѿи в’ лѣто 7500»². В качестве предшественника действующего митрополита в документе упоминается Алексей³, умерший в 1378 г., поэтому не вызывает сомнений, что речь в грамоте идет о великом князе московском Василии I Дмитриевиче и митрополите всея Руси Киприане. Киприан был поставлен в митрополиты константинопольским патриархом еще в 1375 г., но после кончины Алексея великий князь Дмитрий Иванович его не признавал (за исключением короткого периода в 1381—1382 гг.) и за-

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20-09-00060.

крепился Киприан на общерусском митрополичьем престоле только в 1390 г., на следующий год после вокняжения Василия⁴. То есть годовая дата 6900 (1392) соответствует сочетанию великого князя Василия I и митрополита Киприана.

Но в дате имеется противоречие, вызвавшее разные точки зрения у исследователей. 6900 г. соответствует 1392, но этот год приходился не на 12, а на 15 индикт. 12 индикт в княжение Василия I приходился на 1389, 1404 и 1419 гг. Таким образом, нужно предполагать ошибку — либо в дате индикта, либо в дате года. Во втором случае речь может идти только о 6912 (1404) г.⁵, и придется допустить, что в годовой дате не приведены цифры десятков и единиц.

Аргумент общего порядка в пользу датировки грамоты 1392 годом был сформулирован Е.Е. Голубинским: «Вероятнейшим представляется принимать первый год и понимать дело так, что великий князь и митрополит учинили договор в начале правления второго»⁶. Л.В. Черепнин предложил палеографическое объяснение ошибки в дате индикта: *ei* (15) при переписке могло перейти в *vi* (12). Кроме того, он отметил, что июнь 1404 г. — это канун отъезда Киприана в Литву (со ссылкой на Воскресенскую летопись), время не подходящее для «упорядочения отношений в митрополичьих владениях»⁷.

Однако А.А. Зимин, напротив, уверенно высказался в пользу даты 1404 г.; 6900, по его мнению, — «явная описка». Цифра 12 «при обозначении года исчезла, возможно, из-за повторения ее в цифре индикта»⁸.

И.А. Голубцов при издании грамоты в «Актах социально-экономической истории» допустил обе даты, но отметил, что счет по индиктам вела церковь, следовательно ошибка в нем менее вероятна, чем в годовой дате. Что касается отъезда Киприана в Литву, то он, согласно Московскому своду конца XV в.⁹, имел место 20 июля 1404 г., т.е. не противоречит дате грамоты (28 июня)¹⁰.

Я.Н. Шапов в издании древнерусских церковных уставов поставил дату 1404 г, указав в предисловии на существование датировки 1392 г.¹¹ К 1404 г. отнес грамоту и А.И. Плигузов¹².

Б.Н. Флоря в статье о Киприане в «Православной энциклопедии» высказался в пользу большей вероятности отнесения грамоты к первым годам правления митрополита в Москве (т.е. к 1392 г.), и соответственно ошибки в указании индикта¹³.

Между тем до сих пор в качестве датирующего признака не привлеклась статья грамоты, упоминающая дань в Орду: «Коли дань дати в' татары, тогды и об'рокъ дати церковным людем, А коли дани не давати в' татары, тогды и оброка не давати церков'ным людемъ»¹⁴.

На первый взгляд эта вариативность в вопросе о выплате дани более подходит к 1404 г. Василий I перестал платить «выход» в Орду

после разгрома хана Тохтамыша Тимуром в 1395 г. Ставший вскоре после этого фактическим правителем Орды эмир Едигей долгое время настаивал на возобновлении выплат (из-за чего в 1408 г. совершил поход на Москву)¹⁵. В 1403 г. в Москву приезжал ордынский посол «царевич» Ентяк, а в 1405 г. — другой посол — «казначей царев»¹⁶, чья должность указывает, что обсуждались на переговорах в первую очередь проблемы финансовые. То есть в 1404 г. вопрос о том, платить или нет дань в Орду, был актуален, и формулировка докончальной грамоты великого князя и митрополита вполне уместна.

Однако ситуации 1392 г. эта формулировка тоже не противоречит. Возможность невыплаты дани впервые была зафиксирована тремя годами ранее: в договоре отца Василия великого князя Дмитрия Ивановича с двоюродным братом серпуховским князем Владимиром Андреевичем («А оже ны Богъ избавит, освободит от Орды, ино мне два жеребия, а тебе треть» — речь шла о распределении доходов с территории Московского княжества) и духовной грамоте Дмитрия («А переменить Богъ Орду, дети мои не имуть давать выхода в Орду, и который сынъ мой возмет дань на своем уделе, то тому и есть»)¹⁷. 18 июня 1391 г. Тохтамыш был разбит Тимуром в битве при Кондурче в Самарской луке¹⁸. Складывалась ситуация, которая допускалась в завещании Дмитрия Донского: с Ордой могут произойти благоприятные для Руси перемены. А 16 июля следующего, 1392 г. (т.е. через три недели после 28 июня, которым датирована докончальная грамота с Киприаном) Василий Дмитриевич отправился в Орду. Результатом поездки стало получение им от Тохтамышя ярлыков на огромный массив владений — Нижегородско-Суздальское великое княжество, Муром, Тарусу и Мещеру; выплата дани сохранилась¹⁹. Рассматриваемая статья докончальной грамоты вполне могла быть сформулирована перед этой поездкой великого князя в Орду, последствия которой заранее ясны не были²⁰.

В тексте упоминаются «оброчные грамоты» Василия, устанавливающие выплату дани в ордынский «выход» с митрополичьих волостей Лух и Сенег, которые должны были продолжать действовать, а также покупки «слугами» великого князя «земель луховских», признаваемые незаконными²¹. Скорее всего, речь идет о действиях в отношении митрополичьих владений, предпринятых в отсутствие Киприана в Москве, т.е. до марта 1390 г.²² После получения Василием Дмитриевичем летом 1389 г. ярлыка на великое княжение владимирское от Тохтамышя²³ ему требовались средства для погашения связанных с этим расходов, чем и могло быть вызвано обложение данью земель, принадлежавших митрополии. После же прихода Киприана в Москву вопрос требовал урегулирования, и вряд ли оно было отложено до 1404 г.

С точки зрения текста неполную годовую дату обосновать сложно. Объяснение, предложенное А.А. Зиминим, согласно которому обозначения десятков и единиц были пропущены, чтобы не повторять цифру 12, названную при указании индикта, выглядит неубедительно. Цифры года и цифры индикта — принципиально разные, и пропуск десятков и единиц делает первую фактически бессмысленной — читающий грамоту тогда вправе предполагать любой год в течение столетия начиная с 6900. Примеров, когда при написании годовой даты писцы опускали бы цифры десятков и единиц, неизвестно. Грамота Василия I и Киприана от 12 декабря (или ноября) 1402 г. «О судах церковных» имеет даты тоже со сходными цифрами у года и у индикта («в лѣто 6911, индик(та) 11»²⁴) — *ai* в конце цифры года и *ai* в индикте — но это не помешало привести их обе в полном виде.

Если же предполагать ошибку в дате индикта, то объяснить ее проще. Вполне вероятным является предположение Л.В. Черепнина, что *ei* могло превратиться в *vi* при переписке. Можно также допустить, что описка произошла под влиянием наличия *ѳ* в предшествующем дате индикта предлоге: *ѳѳ vi*. Сходная ошибка имеет место в списке грамоты Василия и Киприана 1402 г., помещенном в Софийской первой летописи: вместо числа 12 (читающегося в большинстве списков) — 11, явно под влиянием цифры 11 (*ai*) в датах года и индикта: «въ лѣто 6911, индикта 11, мѣсяца ноября 11»²⁵.

Таким образом, вероятнее всего в грамоте присутствует ошибка в указании индикта, и датируется докончание великого князя Василия I Дмитриевича и митрополита Киприана 28 июня 1392 г.

¹ См.: Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. / изд. подгот. Я.Н. Шапов. — М., 1976. — С. 176—177; Русский феодальный архив XIV — начала XVI века. — М., 2008. — С. 44; Русский феодальный архив XIV — начала XVI века. — М., 1988. . — Вып. 4. — С. 887.

² Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. — С. 179.

³ «А ч'то села митрополици ц(е)рк(о)вные, которые даваны издав'на и до Олекса митрополита, тѣ села потянут к'митрополиту, как при Олек'сѣ митрополите тягли» «а кто будет боярь или слугъ не служивал Алексѣю митрополиту, а п'риказывал ся ново митрополиту, а тѣ поидуть под моимъ воеводою, великаг(о) кн(я)зя, гдѣ который живет, инъ под тѣмъ воеводою и есть»; «А которые соб'рън'ные ц(е)ркви по городом не даывали з'бор'ного при Фегностѣ митрополитѣ и при Алексѣ митрополитѣ, тѣмъ и н(ы)нѣча не давати» (Там же. — С. 177—179).

⁴ См.: Флоря Б.Н. Киприан, свт. митр. Киевский и всея Руси // Православная энциклопедия. — М., 2013. — Т. 33. — С. 630—660.

⁵ В 1389 г. Киприана еще не было в Москве (к тому же этот год — 6897 от Сотворения Мира — предусматривает другую цифру сотен лет), а в 1419 г. на митрополичьем престоле уже находился его преемник Фотий.

⁶ *Голубинский Е.Е.* История русской церкви. — М., 1900. — Т. 2, 1-я половина. — С. 326.

⁷ *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков. — М., 1951. — Ч. 2. — С. 119.

⁸ Памятники русского права. — М., 1955. — Вып. 3. — С. 436.

⁹ Надо отметить, что дата отъезда митрополита 20 июля есть уже в Троицкой летописи начала XV в. (*Приселков М.Д.* Троицкая летопись: реконструкция текста. — М.; Л., 1950. — С. 458).

¹⁰ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. — М., 1964. — Т. 3. — С. 20.

¹¹ Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. — С. 176.

¹² *Плигузов А.И., Хорошкевич А.Л.* Отношение русской церкви к антиордынской борьбе в XIII—XV веках (по материалам Краткого собрания ханских ярлыков русским митрополитам) // Вопросы научного атеизма. — М., 1988. — Вып. 37: Православие в истории России. — С. 128—130; Русский феодальный архив XIV — начала XVI века. — Вып. 4. — С. 887—888. Автор отождествил упоминаемый в грамоте в качестве митрополичьего владения Лух с волостью по одноименной реке, левом притоке Клязьмы в нижнем течении, отметив, что она входила в состав Нижегородско-Суздальского княжества, и отошла под власть Василия I вместе с Нижним Новгородом только после его поездки в Орду к хану Тохтамышу июля—сентября 1392 г. Однако еще С.Б. Веселовский показал ошибочность такой локализации. В грамоте упоминается о постройке «луховцами» в прежнее время хоромов во Владимире («А что лухов'ци став'ливали хоромы на великаго кн(я)зя д'ворь в'Володимерѣ, ино то обыс'кано, что то было учинилось ново, не по пошлинѣ, и н(ы)нѣча не надобѣ луховцемъ ставити хором, на великаго кн(я)зя д'ворѣ»: Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. — С. 177). Между тем р. Лух отстоит от Владимира примерно на полтораста километров, и строители не могли привлекаться из столь отдаленных мест. «Лух» грамоты обозначает волость к западу от Владимира, центром которой было село Луховец (*Веселовский С.Б.* Феодальное землевладение в Северо-восточной Руси. — М.; Л., 1947. — Т. 1. — С. 372; см. также: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. — Т. 3. С. 604), т.е. относившуюся к территории великого княжества, принадлежавшего Василию с 1389 г. Близ Владимира располагалось и другое отдельно упоминаемое в докончании владение митрополита — Сенег (*Веселовский С.Б.* Указ. соч. — С. 370).

¹³ *Флоря Б.Н.* Указ. соч. — С. 633—634.

¹⁴ Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. — С. 178.

¹⁵ См. об этом подробно: *Горский А.А.* Москва и Орда. — М., 2016. — С. 121—131.

¹⁶ *Приселков М.Д.* Указ. соч. — С. 456, 459.

¹⁷ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. — М.; Л., 1950. — С. 31, 36, № 11. 12.

¹⁸ См.: *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды XIII—XIV вв. — М., 1985. — С. 220—221.

¹⁹ См.: *Горский А.А.* Указ. соч. — С. 114—120.

²⁰ Возможно, ранее, из-за войны 1391 г., имела место задержка выплаты дани в Орду.

²¹ «А бояром и слугам кн(я)зя великаго и митрополичим зем(е)ль луховских не купити, а которые будут покупили, а тѣм лѣсти вонъ, а с'ребро свое в'зяти. А имати м'нѣ, великому кн(я)зю, дань с Луху въ выход по с'воеи грамотѣ по об-

рочной, а лише того об'рока не имати»; «А дань имат с Сеньгу въ выход по моеи грамотѣ, великаго кн(я)зя, по оброчной, а лише того оброка не имати»: Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. — С. 177.

²² ПСРЛ. — Пг., 1922. . — Т. 15, вып. 1: Рогожский летописец. — Стб. 158.

²³ Там же. — Стб. 157.

²⁴ Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. — С. 184.

²⁵ ПСРЛ. — СПб., 1853. — Т. 6. — С. 86; Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. — С. 182, 184.

С.В. Полехов, А.А. Гиппиус, П.В. Лукин, Е.Р. Сквайрс

НОВАЯ ГРАМОТА О НОВГОРОДСКО-ГАНЗЕЙСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ (1425 Г.)*

Аннотация: В статье впервые публикуется, с историческим и лингвистическим комментарием, древнерусский текст послания властей Ревеля в Новгород, написанного в марте 1425 г. в связи с арестом и удержанием в Новгороде ревельских купцов. Параллельно, по оригиналу, с сохранением всех существенных лингвистических особенностей публикуется средненижне немецкий текст послания. Показано, что русский текст вторичен по отношению к средненижне немецкому тексту послания, проанализированы расхождения перевода с оригиналом, вызванные различиями в политическом словаре Новгорода и Ганзы. На основе лингвистического анализа документа делается вывод о том, что переводчик не был природным носителем русского языка и обучался ему не в Новгороде, а, по-видимому, на территории Великого княжества Литовского. Этим может объясняться языковая гетерогенность текста, в котором западнорусские черты сочетаются с чертами новгородского диалекта. Публикуемый документ содержит важную историческую информацию, в частности, о роли, которую играл в политической жизни новгородский архиепископ, и о культуре святой Софии.

Ключевые слова: Новгород; Ганза; дипломатическая переписка; политическая и правовая терминология; древнерусский язык; древненовгородский диалект; средненижне немецкий язык

S.V. Polekhov, A.A. Gippius, P.V. Lukin, C. Squires

A newly discovered document on the relations between Novgorod and the Hanse (1425)

Abstract: An Old Russian charter written in March 1425 by the authorities of the city of Reval (modern Tallinn in Estonia) to Novgorod, concerning the arrest and captivity of Reval merchants, is published for the first time, accompanied by historical and linguistic commentary. Alongside with it, a parallel

¹ Данная работа в значительной степени выполнена благодаря гранту РФФИ № 20-09-00065. За помощь и содействие в архивных поисках авторы благодарят Лею Кыйв, Тийну Калу (Таллин), Петера Верстера, Наталью Дутку, Денниса Хормута (Марбург) и Игоря Юрьевича Анкудинова (Великий Новгород). Принятые сокращения: ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / подгот. С.Н. Валк. — М.; Л., 1949; РГАДА — Российский государственный архив древних актов; HR — Hanserecense, HUB — Hansisches Urkundenbuch, LECUB — Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch; MHWB — Mittelniederdeutsches Handwörterbuch; TLA — Tallinna Linnaarhiiv.

Middle Low German version of the same document is published in full accordance with the original manuscript, retaining all relevant linguistic detail. The German text is shown to be primary to the Russian one, and the deviations in the Russian translation are analysed against a background of differences in the political vocabularies in Novgorod and the Hanseatic cities. Linguistic analysis also proves that the translator was not a native Russian, and that his linguistic skill was not acquired in Novgorod, but rather somewhere in the Grand Duchy of Lithuania. This explains the heterogeneous character of his language, combining features of Novgorodian dialect with Ruthenian. The published document contains historical evidence of high importance, concerning such issues as the prominent role the archbishop of Novgorod played in the political life, and the cult of Saint Sophia (Holy Wisdom).

Keywords: *Novgorod; The Hanse; Diplomatic correspondence; Political and legal terminology; Old Russian; Old Novgorodian dialect; Middle Low German*

Актовые и эпистолярные материалы (грамоты), наряду с летописями, текстами на бересте, печатями, граффити, составляют основу изучения истории средневекового Новгорода. В силу ряда обстоятельств, Новгород сохранил наибольшее среди других регионов России количество актов раннего времени, XII—XIV вв. Главным изданием актового материала Новгородской земли XII—XV вв. на сегодняшний день остается публикация «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», выпущенная в 1949 г. под редакцией С.Н. Валка (1887—1975). Но в эту публикацию вошли даже не все новгородские грамоты, известные к тому времени. В последующий период были обнаружены еще несколько десятков грамот, сохранившихся в виде копий XVI—XVIII вв. Стали известны и новые списки грамот, не сохранившихся в подлиннике.

Среди новгородских документов особое место занимают грамоты, связанные с взаимоотношениями Новгорода с зарубежными соседями и, прежде всего, с главным его торговым партнером — Ганзой. Большинство новгородско-ганзейских грамот сохранилось за границей, главным образом в архивах Любека, Риги и Таллина. Грамоты этого типа, вошедшие в издание 1949 г., были перепечатаны из предшествующих публикаций, в основном немецких, без поиска рукописей и сверки текстов по ним. При этом иногда сохранялись неточности, допущенные в этих публикациях, а вопрос о подготовке сводных текстов по нескольким рукописям даже не ставился.

Сказанное выше делает необходимым подготовку нового издания «Грамот Новгорода и Пскова», которая и осуществляется в настоящее время коллективом в составе И.Ю. Анкудинова, П.В. Лукина, С.В. Полева и Е.Р. Сквайрс.

Основным языком коммуникации между Новгородом и его западными соседями был древнерусский; грамот, изначально на-

писанных на других языках (немецком, латыни, норвежском, шведском), относительно немного. Между тем лишь около трети новгородских грамот, которые планируется опубликовать в новом издании ГВНП, сохранилось в древнерусских подлинниках и списках, большинство же их дошло до нас в переводах — как правило, средненижнемецких, понимание которых нередко составляет проблему даже для немецких исследователей¹. Они, в свою очередь, помогают понять некоторые места древнерусских текстов. С этой точки зрения особую ценность представляют те грамоты, которые сохранились параллельно на древнерусском и средненижнемецком языках. До сих пор было известно восемь таких грамот: это послание Новгорода Любеку от декабря 1371 г.², Нибуров мир 1392 г.³, договоры Новгорода с ливонским отделением Тевтонского ордена 1421 и 1448 гг.⁴ и Пскова 1509 г.⁵, послания Новгорода в Ревель 1441 г.⁶ и Пскова в Ригу 1463—1465 гг.⁷, а также опасная грамота Новгорода ганзейским послам 1472 г.⁸ Сюда примыкает новгородско-ливонский договор 1481 г.: сохранился средненижнемецкий перевод лишь небольшой его части⁹. Издатели ГВНП в таких случаях ограничивались публикацией одного древнерусского текста, даже если им был известен средненижнемецкий, что существенно затрудняет сопоставление параллельных текстов¹⁰. В настоящей публикации вводится в научный оборот древнерусский текст грамоты, ранее известной лишь в средненижнемецком варианте, который для полноты картины также публикуется вместе с переводом на современный русский язык. При этом специальное внимание будет уделено судьбе древнерусского текста послания и его соотношению со средненижнемецким текстом.

* * *

Публикуемая грамота сохранилась в архиве города Ревеля (ныне — Таллин, столица Эстонии). Систематизацию материалов Ревельского городского архива начал Фридрих Георг фон Бунге в 40-е годы XIX в. Он ввел деление архивных документов на тематические рубрики, которое поныне сохраняется в Таллинском городском архиве¹¹. Со временем обнаруживались неизвестные ранее документы, в том числе достаточно древние. К настоящему времени удалось выяснить местонахождение не всех русских грамот Ревельского архива, которые публиковались и копировались в XIX в. К счастью, некоторые из них дошли до наших дней в виде прорисовок и фотографий, сделанных в научных целях в XIX — начале XX в.¹² Три грамоты, местонахождение подлинников которых неизвестно, опубликовал по таким фотокопиям С.Н. Валк¹³. В виде фотокопии до нас

дошло и публикуемое ниже послание властей Ревеля властям Новгорода, написанное на древнерусском языке.

Сначала ученым стал известен средненижнегерманский текст этого послания, сохранившийся в Ревельском городском архиве и опубликованный рижским архивистом и археографом Германом Гильдебрандом в 1881 г.¹⁴ Поскольку власти Ревеля обращались к архиепископу Емельяну, издатель верно определил, что речь идет о Евфимии I, носившем это мирское имя и занимавшем кафедру в 1424—1429 гг.¹⁵, и связал послание с арестом ганзейских купцов в Новгороде в начале 1425 г. в ответ на избиение новгородских купцов и захват их товаров у эстляндского побережья в 1424 г. С учетом хронологии новгородско-ганзейских контактов ему удалось отнести послание ко второй половине марта 1425 г. и установить, что его немецкий текст был отправлен в приложении к несохранившемуся письму властей Дерпта властям Ревеля¹⁶.

В 2016 г. С.В. Полехов обнаружил в фонде фотографий Таллинского городского архива снимок древнерусского текста этого послания Ревеля в Новгород. Судя по характерной пометке в правом верхнем углу грамоты с датировкой и указанием публикации немецкого текста, после его публикации с ее русским текстом работал Герман Гильдебранд, который до самой смерти в 1890 г. собирал не только материалы для очередных томов «Ливонских грамот», но и дополнения к уже вышедшим томам. Дальнейшая судьба русского текста послания неизвестна: хотя на обороте фотокопии имеется карандашная пометка на эстонском языке о принадлежности подлинника к подборке русских документов Таллинского архива и его хранении в Германии («TLA, fond 230-1-BH 30 “Rossica”, orig. Saksamaal»), в 2016—2017 гг. его и его следов не удалось разыскать ни в Таллинском городском архиве, ни в Гердеровском институте в Марбурге, где хранятся инвентари Ревельского городского архива, созданные после Второй мировой войны¹⁷. Возможно, подлинники этого и других посланий, известных по фотокопиям (и прорисовкам?), были утеряны в период эвакуации Ревельского архива в Москву (1915—1920), во время или после Второй мировой войны¹⁸.

Во время конфликта между Новгородом и Ганзой в 1424—1425 гг. переговоры не приносили успеха, и ганзейские города прибегли к традиционной в таких случаях мере — попытке запретить членам объединения торговлю с Русью. Однако осуществить этот запрет в полной мере не удалось: экономические соображения оказались сильнее. В роли посредника выступала Швеция, а некоторые ганзейские города (в частности, Данциг) фактически саботировали бойкот¹⁹. Лишь в октябре 1425 г. задержанные немецкие купцы со свои-

ми товарами были отпущены из Новгорода, даже несмотря на то что найти разбойников к этому времени не удалось, а власти ливонских городов твердо настаивали на своей непричастности к инциденту²⁰.

Поскольку в русском и немецком текстах имеются отличия, возникает вопрос: какой из них первичен? В сопроводительной приписке говорится о тексте, согласованном властями Дерпта, и уже это заставляет думать, что первоначально он был написан на языке их повседневного общения — средненижнемецком, и лишь затем переведен на русский для отправки в Новгород; это, разумеется, не исключает употребления укоренившихся в средненижнемецком русизмов (таких как «крестное целование», «челобитье») в тексте, предназначенном для собственного пользования немцев.

Определенно первичность немецкого текста по отношению к древнерусскому устанавливается в результате детального анализа их языковых особенностей и текстологического сопоставления обоих вариантов.

Времени написания письма предшествовали многие десятилетия ганзейско-русских контактов в Новгороде, в течение которых переводом с одного языка на другой, причем в обоих направлениях, занималась исключительно немецкая сторона. Такое положение сохранялось примерно до середины XV в.²¹ Профессиональные переводчики Ганзы накопили большой опыт лингвистической работы, в результате которой они хорошо знали и древнерусский язык, владели особенностями чина русской грамоты и русского письма и не только умели составлять качественные тексты на древнерусском, но и выработали вариант средненижнемецкого официально-делового стиля, отличного от принятого у них на родине целым рядом черт (терминов, формул и грамматических конструкций), перенесенных из древнерусского²². К этим приобретениям немецкого канцелярского языка в контакте с русскими относится и упомянутая выше формула крестоцелования, четырежды встречающаяся в русском тексте письма в конструкции *по хрестному целованью*. Ее передача в немецком тексте *bij der krucekussinge* ‘по договору, заверенному крестоцелованием’ (то есть в соответствии с ним) совершенно правильно с точки зрения сложившейся у ганзейцев языковой практики²³. Столь же регулярны немецкие эквиваленты русскому *безо всякое хитрости* — снем. *sunder (alle) behendicheid*. В целом немецкий текст безукоризнен в передаче большинства формульных элементов. Тем не менее в ряде случаев особенность или даже необычность примененных формулировок указывает на авторство немецкой стороны. Для начала рассмотрим термины, которыми в послании обозначаются стороны конфликта.

Если сравнить интитуляции обоих текстов, то мы увидим, что выражению *teenheid der stad Reuele* соответствуют *все колываньци* (т.е. жители Колывани-Ревеля-Таллина) текста русского. Это связано с тем, что в русском «политическом языке» того времени отсутствовал специальный термин, который бы обозначал городскую коммуну и ее полноправных членов в целом, и «заменителем» его были наименования жителей города с определениями «весь», «все»²⁴. Эти важные отличия в политическом самосознании новгородцев, очевидно, хорошо понимали немцы и старались соблюдать при формулировке русских текстов. Об этом, во всяком случае, говорит их обращение с коллективными обозначениями социальных групп при их передаче на русском языке.

Среди коллективных обозначений особо выделяется самоназвание ганзейской стороны — лексема *kopman* ‘купец’, которая встречается в целом спектре значений, начиная от обозначения конкретного лица купеческого звания и заканчивая обобщенным обозначением Ганзы как торгового союза купеческих городов (*de kopman*, с определенным артиклем). В последней функции употребление одиночной лексемы является сокращенным вариантом формулы коллективного самоназвания Ганзы, а между этими двумя названиями располагается несколько вариантов, различающихся большей или меньшей степенью обобщенности (коллективности) значения, например:

— *de Dutsche kopman nu tho Nowgarden wesende* ‘немецкие купцы, находящиеся в настоящее время в Новгороде’, то есть купеческая община Петрова двора;

— *Dudesche kopman* ‘немецкое купечество’ (букв. «немецкий купец»), обычно обозначение Ганзы;

— *de gemeune kopman*, буквально ‘объединенные купцы’ (в форме ед. числа), также обозначение Ганзы²⁵.

Этим разным степеням обобщенности семантики лексемы *kopman* соответствуют грамматические различия в ее функционировании, в том числе в реализации согласования и в употреблении артикля. Как установила Л.И. Бурлаченко в работе, посвященной связи между семантикой и грамматикой собирательных образований²⁶, семантика слова *de kopman* ‘купец (персона)’, ‘купеческая община (в Новгороде)’ или ‘объединенное купечество, то есть вся Ганза’ коррелирует с различной конгруэнтностью в числе с относящимися к нему глаголами, местоимениями и прилагательными, а также с некоторыми другими аспектами его сочетаемости. Как обозначение отдельного лица, слово *kopman* во множественном числе (примечательно, что у него есть омонимичная форма плюралиса) согласует-

ся с глаголами и местоимениями в плуралисе, тогда как в значении всей Ганзы всегда имеет место согласование *ad formam*, то есть в сингулярисе, а для *kopman* в качестве обозначения немецкой общины в Новгороде характерно синтаксическое варьирование между согласованием *ad formam* и *ad sensum*. По сравнению с обозначением Ганзы его семантика ближе к семантике формы множественного числа существительного *kopman*: «Формула *de kopman*, употребленная в значении “купеческая община”, фиксирует переходное состояние между множественностью и коллективностью, что приводит к колебаниям при выборе типа согласования»²⁷. Так, для нее возможно согласование *ad formam*, то есть в единственном числе.

Эти наблюдения Л.И. Бурлаченко можно применить к шести контекстам ревелевского письма 1425 г. Из них три случая подобны, так что имеет смысл рассмотреть их вместе.

<i>dat gi vnsen copman hebben vpgheholden myt syme gude</i>	<i>што вы нашихъ купцовъ принали и съ ихъ товаромъ</i>
<i>hebben gi unsen copman gehalten myt syme gude</i>	<i>вы нашихъ купецъ принали и съ ихъ товаромъ</i>
<i>latet vnsen copman vrij varen mit syme gude</i>	<i>отпустите нашихъ купец и съ ихъ товаромъ</i>

Во всех трех немецких контекстах очевидно, что несмотря на единственное число *vnsen copma(n)* (букв. ‘нашего купца’) и согласование в единственном числе с местоимением в группе дополнения *myt syme gude* ‘с его товаром’, речь идет не об одном захваченном человеке, а о группе купцов, названных сингулярным (коллективным) обозначением. О том же свидетельствует и грамматика: согласование *ad formam* (Sg. лексемы «купец» + Sg. местоимения) позволяет только обобщенное понимание: по данным Л.И. Бурлаченко — как «купеческая община» или как «ганзейское купечество, Ганза». Конкретное содержание письма однозначно исключает второе, хотя и первый вариант кажется излишне обобщенным; однако здравый смысл говорит, что речь идет о группе купцов из этой общины (то есть новгородская ганзейская община названа по ее части). Русский вариант в этих трех случаях буквально пишет о группе купцов и употребляет согласование в плуралисе: (захватили/отпустите) *нашихъ купцовъ / нашихъ купецъ/купец <...> съ ихъ товаромъ* ‘наших купцов с их товаром’ (древнерусское *купциъ* — форма Вин. мн. «купцов»²⁸).

В начале письма есть выражение *dete сорманн* как часть обращения ревелцев к новгородцам. В собственно древнерусской традиции обобщенным обозначением русской стороны является выражение «весь (Великий) Новгород», однако коллективное обозначение

русских партнеров как новгородского купечества для нее не характерно, оно несомненно является немецкой инновацией. В духе ганзейской традиции для этого обозначения партнерской стороны выбран коллективный сингулярис в средненижненемецком, который аналогично передан и в древнерусском: *и купьцомъ и ко всему Великому Новгороду* (*купьцомъ* — форма Д. мн. «купцам»). Трудно сказать, с каким уровнем ганзейские канцеляристы сопоставляли этого коллективного адресата — с немецкой купеческой общиной в Новгороде или с Ганзой целиком. В любом случае перенос ганзейской формулы на русского партнера подтверждает немецкое авторство обеих версий письма.

Наконец, несколько иной вариант представлен в двух случаях в конце письма:

<p><i>wante vnse copman vorleet sik vp God vnde de krucekussinge vnde voor tho juw. Doet wol vnde latet ene vrij varen aff vnde tho, wante de gantze copman der sake vnschuldich is</i></p>	<p>(в древнерусском первая часть отсутствует) <i>заньда мы вси купьци в томъ оруды ни виновати</i></p>
---	---

Немецкое письмо в первой части этого пассажа (отсутствующей в русском варианте) упоминает ту же группу пострадавших купцов и, как и в предыдущих случаях, реализует согласование в единственном числе (глагол *vorleet sik* ‘положился’ и далее в анафорическом *ene* ‘его’). Ссылка на договоры и на Бога, на которых они полагались, приехав в Новгород (*vorleet sik vp God vnde de krucekussinge*), очевидно, должна подчеркивать добросовестность их намерений и подтверждать их невиновность.

Однако упомянутые договоры и правовые гарантии касаются всей общины Петрова двора и даже Ганзы (юридического контрагента договоров), и в следующем предложении за призывом к справедливости следует уже не требование дать захваченным купцам уехать, а напоминание об общем положении — праве немцев свободно приезжать и уезжать (*vrij varen aff vnde tho*). Поэтому, когда далее говорится уже о *de gantze copman* (в сочетании с *gantze* ‘весь’, глагол в сингулярисе *vnschuldich is* ‘не виноват’), это можно понимать как отсылку к ганзейскому купечеству в целом, ганзейской стороне, соблюдающей соглашения и ни в чем не виноватой перед Новгородом. В этом контексте действующего ганзейско-новгородского договора ревельские власти вряд ли пишут с позиции общины, находящейся в Новгороде, а скорее выступают от имени ганзейской стороны в целом.

Соответствующее такому прочтению немецкого контекста грамматическое согласование в единственном числе отсутствует в рус-

ской версии, которая имеет *мы вси купьци ... ни виновати*. Нельзя не заметить, что этот способ выражения имеет, в отличие от немецкого варианта, неформульный характер, в нем утрачивается коллективный смысл немецкой формулы, а значит фактически теряется важная ссылка на авторитет и права Ганзы.

Как видим, во всех шести случаях в немецкой версии употреблены формулы коллективного названия — купеческой общины Петрова двора в Новгороде, ганзейской стороны в целом и даже новгородского купечества, и эта коллективная семантика поддержана согласованием в единственном числе. Примечательно, что во всех случаях им соответствуют древнерусские формы плюралиса. Последовательное оформление семантики коллективности в немецком тексте, в том числе даже в обозначении новгородского купечества, регулярно соответствует множественному числу у составителя русского текста.

Первичность немецкого текста обнаруживается и в употреблении понятия «братья». Ситуация с этим словом, по существу, зеркальна только что описанной. В древнерусском языке лексема *братъ* не имела регулярной формы множественного числа — ее роль выполняло собирательное *братия* (например: *взяти товаръ своей братьи*, Нибуров мир 1392 г. и др.²⁹) В средненижнемецком аналог такому употреблению отсутствовал (собирательное *broderschop* имело лишь значение «цех; гильдия; братство, в т.ч. церковная корпорация; собрание такого объединения»)³⁰, в связи с чем немецкие переводчики последовательно передают древнерусское *братия* формой множественного числа *brodere* «братья»³¹. Но в русском тексте грамоты 1425 г. соответствием этой плюральной словоформы выступает не собирательное *братия*, а форма ед. числа *brate* в новгородском диалектном оформлении (о чем см. ниже):

*juwen broderen schach in der zee
vmme juwe brodere*

*вашь брате побите на море
про ваше брате*

Можно думать, что немецкий переводчик знал об отсутствии у русского *братъ* регулярных форм плюралиса, но с собирательным *братия* знаком не был; вместо него он употребил форму единственного числа *brate*, полагая что она, подобно немецкому *kortan*, может выражать и семантику коллективности. Иначе говоря, вместо того, чтобы использовать аутентичное русское коллективное обозначение, переводчик ad hoc сконструировал его по модели, свойственной его родному языку. Вторичность древнерусского текста послания проявляется в этом чрезвычайно ярко.

Немецкая инновация, перенесенная в русский, обнаруживается и в передаче другого группового обозначения русских же партнеров — обращения «соседи наши», — но не в плане коллективной или плюральной семантики, а в лексической сочетаемости. Обращение *соусьди наши* происходит из древнерусского формуляра и регулярно встречалось ганзейцам в письмах из Новгорода (например, в послании новгородских властей совету Ревеля 1441 г.)³². При переводе этих писем на средненижнегерманский язык ганзейские писари сохраняли формулу, но всегда в видоизмененной форме. Немецкие переводы никогда не ограничиваются сочетанием слова «соседи» с притяжательным местоимением, а прибавляют третий член, прилагательное *gude* ‘хорошие, добрые’ или *leve* ‘любезные, милые’, приспособив русскую формулу к немецкому чину грамоты-письма, в котором различные обращения имеют прилагательное (*leven vrunde* ‘милые друзья’, *ersamen heren* ‘досточтимые господа’). Такие формы обращения с прилагательным — трехчленные *unse guden/leven nabers* ‘наши добрые/милые соседи’ и с опущенным местоимением *leven nabers* ‘милые соседи’, — характеризуют традицию передачи русских формул в немецких переводах ганзейцев. Как признак письма, составленного в немецкой канцелярии, эта особенность проявляется и тогда, когда немецкие писари составляют письма по-русски. В публикуемом здесь письме в средненижнегерманском варианте употреблено именно это — древнерусское по происхождению, но измененное по немецкому образцу — трехчленное обращение *vnsen leuen nabeeren*. В русской версии сохраняется эта трехчленная структура с прилагательным: *нашимъ добрымъ сусьдомъ*. Это в очередной раз подтверждает, что не только немецкая, но и русская версия письма составлена немецкой стороной.

Таким образом, весь материал, иллюстрирующий передачу формульных обозначений участников данного дискурса — немецкой купеческой общины/Ганзы, русской стороны *братия/«братья»*, обращений «соседи наши» — указывает на первичность немецкого текста по отношению в русскому.

Текстологическое сопоставление русского и немецкого вариантов также позволяет выделить ряд расхождений. В русском тексте имеются некоторые сокращения, не объясняющиеся, с нашей точки зрения, содержательной переработкой или пропусками по невнимательности, но отражающие трудности перевода формульных мест в тех случаях, когда различия культурного фона представляют особенно серьезное препятствие. Так, непереуведенным осталось выражение *vnde alles medewetendes*; далее в конце послания — похожее сокращение: вместо *vnschuldich is rades vnde dades, myt werken edder mit wor-*

den просто сказано *ни виновати ни дьлом, ни словом*. Переводчик по какой-то причине счел вполне достаточным стереотипное упоминание о невиновности «ни делом, ни думою (помышлением)». О первичности немецкого текста в данном случае говорит распространенность данного выражения в средненижненемецком при отсутствии аналога той же стилистики в древнерусском. Немецкая парная формула *rades vnde dades* встречается в многочисленных текстах, причем достаточно однородных по своему жанрово-стилистическому характеру: это тексты права, начиная с «Саксонского зеркала» и заканчивая грамотами, написанными как около 1425 г., так и гораздо позднее в различных регионах Германии. В средненижненемецком словаре Шиллера — Люббена приводится полностью фраза *rades unde dades vnschuldich* в контекстах начиная с 1318 г. и характеризуется как частотная формула, принадлежащая языку грамот³³. В целом можно утверждать, что рассматриваемое выражение упрочилось как правовая формула задолго до создания письма 1425 г. и продолжала употребляться впоследствии в той же функции — в правовом контексте отрицания вины в совершении преступления (проступка)³⁴.

Наличие вариативности у соответствующей фразы в русской версии письма (ср. *ни виновати ни дьлом, ни словом* и *тое же дьло не дьлом ни думою ни виновати*) может означать, что формула исконна и в древнерусском. Однако поиски не обнаружили ни одного случая употребления фразы типа «ни словом, ни делом» в грамотах в юридической формуле отрицания вины, кроме данного письма. Есть, правда, похожая формула, восходящая к ранним патристическим контекстам и распространившаяся в составе христианской молитвы покаяния. Она стала основой для многочисленных современных русских фразеологизмов. Однако в ней идет речь о грехе в христианском понимании, который признается (а не отрицается), и в дальнейшем его семантика, как свидетельствуют многочисленные фразеологические словари, остается в сфере морали, тогда как юридическое функционирование подобной лексической фигуры наблюдается только в контексте исследуемого письма XV в. Иными словами, юридический смысл и правовую функцию древнерусская фраза имеет в тех случаях, когда она соседствует с немецкой (в нашем случае — в параллельном переводе).

Для решения проблемы также важно, что в форме покаянной молитвы фраза «ни словом, ни делом» известна и в западной христианской традиции (у католиков в латинском варианте *quia peccavi nimis cogitatione, verbo et opere* ‘что я согрешил много мыслью, словом и делом’ она сохранилась до нашего времени). Таким образом, данное сочетание должно было быть известно и ганзейцам, и их новго-

родским партнерам в составе покаянной молитвы, в том числе в различных расширенных вариантах (ср. снем. *vnde alles medewetendes* и *myt werken edder mit worden* в контекстах анализируемого письма). Что же касается омонимичной юридической формулы (известной уже у англосаксов в качестве устной формулы-клятвы невиновности, произносимой в суде)³⁵, тоже в конечном счете восходящей к патристическому христианскому контексту, то она документируется с древности в германском мире, но не зафиксирована в древнерусском языке. В создавшейся асимметричной ситуации, относящейся к тому же к сфере важнейших культурных представлений обеих сторон, немец-переводчик оказывался в сложном, даже щекотливом положении. Сознвая родственность русской молитвенной и немецкой юридической формул, он прибег к использованию структурно подобного выражения, несмотря на его неполное функциональное соответствие немецкому. О мотивах, лежащих в основе такого переводческого решения, можно только догадываться, но факт перевода налицо. Возможно, возобладало желание найти структурно подобный вариант, а различие в функции между молитвенной и судебной формулами не казалось столь уж большим. Фактически в данном международном контексте христианская клятва в невиновности вполне органична. Однако, как мы видели, причиной ее появления в письмах было наличие юридической формулы в немецком.

Эта формула, употребленная немцами, служит, по-видимому, «свернутой» ссылкой на реально имевшую место сцену публичного разбирательства, в котором ганзейская сторона произнесла эту клятву, призванную (по ганзейской судебной процедуре) привести к ее оправданию³⁶.

В предложении *dat kennet, dat gi dat don tegen God vnde recht vnde de krucekussinge; dat kennet God* опущенным в русском переводе оказывается словосочетание *tegen God* (дословно: «против Бога», т.е. против Божьей воли). Скорее всего, это случайный пропуск переводчика, и мы имеем дело с еще одним чисто текстологическим свидетельством вторичности русского текста³⁷. Наиболее показательным представляется отсутствие передачи в русском тексте фразы *wante vnse copma(n) vorleet sik vp God vnde de krucekussinge vnde voor tho juw*. Объясняется это может своеобразной гаплографией — если этот термин применим к переводу, а не только к переписке текста: в трех фразах подряд речь идет о купцах в очень близких контекстах, и центральная фраза оказалась выпущенной. В таком случае, мы имеем практически бесспорное доказательство вторичности русского текста.

Если в немецком тексте власти Ревеля обращаются в одном предложении к архиепископу, посадникам, тысяцким и всему Великому

Новгороду, то в русском обращение к владыке вынесено в отдельное предложение. Очевидно, это связано с особыми правами новгородского архиепископа и той выдающейся ролью, которую он сыграл в разрешении этого конфликта. Речь идет о посреднических функциях, которыми традиционно обладали новгородские владыки в политической системе Новгородской республики, и о его долге как христианского пастыря «печаловаться» за преследуемых, в том числе за задержанных купцов. Об этом хорошо знали в Ливонии³⁸.

Детальное рассмотрение истории этого кризиса в новгородско-ганзейских отношениях, которое, безусловно, необходимо, выходит за рамки данной работы, однако на вопросе о роли в его разрешении архиепископа, — немаловажном для оценки разночтений между двумя текстами, стоит остановиться подробнее. Н.А. Казакова предположила, что «решающее значение» имело в этом не заступничество новгородского владыки, а другие факторы: отсутствие у Новгорода достаточных сил, чтобы противостоять Ганзе; убытки, которые он нес из-за прекращения торговли; форс-мажорное обстоятельство — страшное моровое поветрие, поразившее Новгород³⁹.

Все это, вероятно, сыграло свою роль, но источники однозначно объясняют примирение заступничеством архиепископа Евфимия. Прямые указания на это содержатся в ряде ганзейских документов, причем, в том числе во внутриганзейской переписке, т.е. там, где не требовалось ни в коей мере исказить реальность и льстить могущественному новгородскому вельможе. Еще в июле 1425 г. немецкие купцы в Новгороде писали в Дерпт, что новгородцы пытались учинить над ними расправу: «...прибегали на двор, как бешеные собаки, словно бы одни [из них] хотели нас сварить, а другие — поджарить»⁴⁰. И далее они отмечают: «Это бы с нами, несомненно, произошло, если бы добрые люди об этом не позаботились, особенно епископ, который так долго молил за нас, что в результате он претерпевал большие тяготы из-за своего заступничества и из-за того, что он не хотел давать согласия на это»⁴¹. Новгородский архиепископ, таким образом, был готов ради помощи немецким купцам рискнуть своей популярностью у новгородцев. В инструкции, данной властями Дерпта своему послу фан Мегену, отправлявшемуся в Новгород в декабре 1425 г., ему поручалось по всем спорным вопросам говорить, в первую очередь, именно с архиепископом⁴².

После того, как конфликт был улажен, власти Дерпта в послании в Любек отмечали, что немецкие купцы были освобождены и смогли уехать из Новгорода со своим товаром только «с помощью великих просьб, трудов и наставлений епископа Новгорода»⁴³. В одном из посланий новгородской Конторы в Дерпт говорится даже,

что владыке пришлось дать «благословение и бить челом (!) новгородцам (*syne zegenynge unde hovedslaende den Nougarders*) за немецких купцов, чтобы они предоставили нам свободный [выезд] из Новгорода с нашим товаром, который мы закупили, и чтобы другой товар мы могли распродать, и чтобы у нас был безопасный путь с нашим товаром»⁴⁴. В другом послании уточняется, что «епископ бил челом посаднику, тысяцкому и всему Великому Новгороду»⁴⁵. Поэтому особое обращение к новгородскому владыке, идеально соответствующее той роли, которую он играл в разрешении конфликта, вероятнее всего, следует считать сознательным стремлением подчеркнуть его особый статус. Известно, что незадолго до этого, в 1417 г., ливонские города вели отдельную переписку с новгородцами и отдельную с архиепископом Симеоном: пытаясь спасти зашедшие в тупик переговоры о возобновлении отношений, они обратились к нему за помощью, прося благословить новгородцев на заключение договора⁴⁶. Тому обстоятельству, что в русском тексте новгородский владыка назван, в отличие от немецкого, не архиепископом, а просто епископом («бискупом»), не стоит придавать большого значения: в документах, связанных с деятельностью ганзейской конторы в Новгороде, такая вариативность была обычным явлением.

В русском тексте отчетливее проведена мысль о невинности в произошедшем именно жителей Ревеля, которые отождествляются с «купцами»: *заньда мы вси купци в томь орудьи ни виноват(и) ни дьлом, ни словом* (в немецком тексте говорится лишь, что не виновато «все купечество»). Как мы видели выше, новгородцы обвиняли жителей Ревеля как минимум в потворстве грабителям. Поэтому акцентирование в послании из Ревеля в Новгород собственной невинности представляется вполне логичным. На непричастности к преступлению ганзейских купцов в целом постоянно настаивали в переписке партнеры новгородцев в ходе конфликта (пытаясь, в частности, свалить вину на Орден). С другой стороны, получилась некоторая неловкость: по буквальному смыслу русского текста, получается так, что «все колыванцы», от имени которых написано послание, — это исключительно купцы. Теоретически, это возможно (как известно, определения типа «все» в Средние века и Раннее Новое время могли характеризовать не только не все абсолютно население, но на практике относиться только к отдельным его группам), однако в данном случае, скорее, это следствие не вполне удачного редактирования. Понятно, что среди тех в Ревеле, кого подозревали новгородцы в соучастии в преступлении, вряд ли могли быть исключительно купцы!

Сложнее объяснить, почему при переводе было исключено упоминание об отправке в Новгород посла, которому было предписано

вести переговоры. Возможно следующее объяснение. Фрагменту немецкого текста *Dat scriuen wij juw bij der crucekussinge. Vnde wi senden tho juw unsen boden myt desseme breue vnde mit unseme houedslaende. Gheuet eme eyn antworde...* соответствует следующий фрагмент русского: *То пишемъ вам по хрестному целованью, занѣда купъци надѣались на Богъ и на хрестное целованье, наши купъци ехали к вамъ.* Содержание их разное, и надо признать, что в отличие от кристально ясного, связного и логичного немецкого варианта, русский текст понятен не вполне. В переводе на современный язык он выглядит примерно так: «Это мы вам пишем в соответствии с крестоцелованием, так как купцы надеялись на Бога и на крестоцелование, наши купцы поехали к вам». Какие купцы отправились в Новгород, когда и зачем? А главное, как немецкие купцы могли ездить в Новгород в марте 1425 г. в условиях установленной тогда Ганзой торговой блокады русского города? Но если мы вспомним о «пропавшей» фразе немецкого текста, о которой говорилось выше (*wante vnse copman vorleet sik vp God vnde de krucekussinge vnde voor tho juw*), мы увидим, что русская фраза «занѣда купъци надѣались на Богъ и на хр(ес)тное целованье, наши купъци ехали к вамъ» является ее ближайшим содержательным соответствием. Отличия явно вызваны искажениями, которым русская фраза подверглась при записи. Пропустив сначала местоимение *наши*, писец еще раз написал *наши купъци*, вставив это сочетание на место, где, по логике вещей, должен располагаться союз *и*. Исходный вид фразы восстанавливается следующим: *занѣда *наши купъци надѣались на Богъ и на хр(ес)тное целованье, *и ехали к вамъ* ‘так как наши купцы полагались на Бога и крестное целование и поехали к вам’, что в точности соответствует немецкому тексту. Сходная судьба постигла и фразу в целом: она была пропущена и вставлена не на свое место, в результате чего утратила смысл (в оригинальном тексте имелось в виду, что немцы доверяли ранее новгородцам, возлагая надежды на заключенные с ними с помощью крестоцелования договоры и, разумеется, на Божью милость). По этой ли причине выпало упоминание посольства или это была сознательная правка, обусловленная тем, что эта задача была отложена до отправки ливонскими городами «больших послов», сказать непросто. Одно не исключает возможности другого. Текстологическое же соотношение двух вариантов выясняется достаточно определенно. Более того, характер деформации, которой подвергся древнерусский текст, позволяет думать, что в Ревель была отправлена копия сделанного в Дерпте перевода. Дефектность этой копии вполне могла стать причиной того, что она не была отправлена в Новгород и осела в Ревельском архиве.

Весьма любопытна (и даже удивительна) разница *appreciationes* двух вариантов послания. В немецком тексте фигурирует Святая Троица: *bliuet gezond in de[r] hilligen Dreuoldicheid*. Однако в русском варианте в этом месте появляется привычная святая София. В последнее время в целом сложился научный консенсус, в соответствии с которым имя Софии Премудрости Божьей прилагалось ко второй ипостаси Троицы, Сыну Божию, т.е. Христу. Таким же образом следует интерпретировать и посвящение Софийского собора в Новгороде и популярный в Новгороде иконографический образ Софии — огненного ангела. Высказываются также достаточно убедительные соображения, что в новгородских письменных источниках под святой Софией могли также в ряде случаев пониматься сам храм святой Софии в качестве палладиума Новгорода и местная церковь как мистическое Тело Христово и сообщество верующих⁴⁷. Здесь, однако, мы видим, что в адресованном новгородцам русском тексте «Святая Троица» переведена как «Святая София». Конечно, это можно в принципе объяснить какими-то случайными обстоятельствами, но очевидных причин для такой случайности вроде бы не отыскивается. Упоминание Троицы отнюдь не типично для ганзейских благопожелательных формул того времени. Теоретически возможен вариант, что немецкие переводчики спутали новгородскую Софию с псковской Троицей. Однако переписка с Псковом ганзейских городов — это капля в море по сравнению с новгородско-ганзейскими документами. Для 20-х годов XV в. послания из Ревеля в Псков вообще неизвестны (хотя отношения с Псковом поддерживались, и во время обострения отношений с Новгородом в 1425 г. ливонские города обсуждали вопрос о договоре с Псковом⁴⁸). Но самое главное, что имеется еще один пример отождествления Софии с Троицей на почве русского Северо-Запада.

В Стишном Прологе библиотеки Папского восточного института в Риме, рукопись которого была создана в начале XVI в. в Пскове или Новгороде (!), есть текст молитвы, начинающейся так: «Слава в вышних Богу и на земли миръ в челоуецѣхъ бл[а]говоление, хвалим тя, бл[а]гословим тя, кланяем ти ся, славословивим тя [sic!] тя, благодарим тя, великия ради сл[а]вы твоея, святыи Софѣи премудрость Божья...»⁴⁹. Это не что иное, как видоизмененное Великое славословие, в котором там, где в молитве из Стишного Пролога стоит «святыи Софѣи премудрость Божья», поется, как известно, «Господи, Царю Небесный, Боже, Отче Вседержителю, Господи Сыне Единородный, Иисусе Христе, и Святой Душе». Иными словами, славословие «Софею» заменяет обычное славословие Троице. Это прямое доказательство того, что, по крайней мере, в обыденном сознании

новгородцев Святая София могла восприниматься как некий аналог Святой Троицы. Это восприятие, разумеется, могло стать известным немцам, тесно контактировавшим с новгородцами, и спровоцировать такой своеобразный «перевод» благожелательной формулы.

С другой стороны, ганзейцы могли в каких-то случаях избегать дословной передачи с именованим св. Софии, так как почитаемая в Германии святая с этим именем (восходящая к св. Софии Римской, христианской мученице, преследовавшейся в 303—304 г. и поминаемой 15 мая) не идентична св. Софии, матери Веры, Надежды и Любви (жившей во II веке, день памяти 17 сентября по юлианскому календарю), и не годилась для перевода. В агиографических традициях оба культа нередко смешиваются, однако немцы могли ощущать несоответствие новгородской ссылки на Софию знакомому им на родине культу святой, мощи которой были привезены епископом Страсбургским Ремигием ок. 770 г. и который, кстати, связывается с датой весенних заморозков и потому очень актуален в народной среде. Важно также, что Карл Великий перенес реликвии святой в Минден в Вестфалии, где ее культ высоко почитался, и таким образом и на территории Ганзы имелись места, связанные с этой «немецкой» св. Софией. Ганзейцы, среди которых в Новгороде в разное время находились и вестфальцы, могли знать об этом противоречии и ради его устранения принять в качестве немецкого эквивалента новгородского упоминания одноименной святой ссылку на св. Троицу, которая представлялась им подходящей в общем религиозном контексте, о котором сказано выше. Со временем переводческая находка могла закрепиться, что позволяло ганзейским писарям пользоваться этим русско-немецким соответствием при переводе в обоих направлениях. Впрочем, в упомянутом выше сентябрьском послании 1425 г. в *apprecatio* закономерно фигурирует уже св. София (*Unde ziid Gode bevolen unde der hillgen sunte Sophyen*⁵⁰), как и в послании Дерпта в Новгород 1439 г. (*Hirmede blivet Gode bevolen unde der hilghen Sophyen*⁵¹).

Содержательное сопоставление средненижнемецкого и русского текстов послания также показывает, что некоторые изменения носили осмысленный характер и вносились в русский текст именно при переводе с немецкого, предоставляя весьма ценную историческую информацию.

Вторичность древнерусского текста грамоты проявляется и в языке. Лингвистический анализ документа показывает также, что дерптский переводчик не был природным носителем русского языка. С ярким лексическим свидетельством этого мы встречаемся уже в инскрипции послания: новгородский владыка назван в ней *архискупом*. Эта форма титула, из других источников, как кажется, не-

известная, представляет собой явный гибрид форм *архиепискупъ* и *арцибискупъ*, из которых первая в оригинальных восточнославянских текстах прилагается к православным иерархам, а вторая — к католическим (особенно показателен в этом отношении материал полоцких грамот, в которых встречаются оба термина).

На других языковых уровнях приметы работы иностранного писца не столь заметны, но при ближайшем рассмотрении также обнаруживаются. Уверенный и беглый почерк выдает руку, вполне привычную к славянскому письму. Характерна интерпункция документа: разделительные точки почти всегда ставятся между фонетическими словами. Из новгородских документов этого времени такую постановку точек (впрочем, менее последовательную) демонстрирует, например, список убытков новгородцев 1412 г. из Рижского городского архива⁵². В то же время с некоторыми конвенциями русского письма переводчик был слабо знаком. Слово *Богъ* он пять раз пишет, не сокращая, при этом один раз ставит над ним ненужное при полной записи титло, причем с выносным *с*. Такое же «слово-титло» стоит и над словом ‘святому’ в начале грамоты, написанным сокращенно. По-видимому, обычного титла писавший просто не знал. Впрочем, примеры таких некорректных сокращений можно найти и у русских писцов.

Вместо буквы *ы*, встретившейся в тексте 23 раза, писец один раз употребил *ѣ* (*въ* ‘вы’) и один раз *и* (*владице*)⁵³. Такие замены встречаются, хотя и нечасто, в берестяных и пергаменных грамотах, так что видеть в них свидетельство работы нерусского писца не следует. Тем более не являются таковыми элементарные описки *посадыньков* и *дол(о)м* [вместо *дъл(о)м*]. В целом степень графической правильности текста довольно высока. Как ошибку против графики можно было бы трактовать написание *с(в.л)тѣму*, но оно с большей вероятностью может быть трактовано как гиперкоррекция: появление *ь* вместо *о* в окончании Д. ед. муж. членного прилагательного писца могло быть спровоцировано соотношением разговорной и книжной флексий в Д. ед. жен.: *святои* / *святыи*. Аномально и написание *люше* вместо *лише* во фразе: *Люше того, вы нашихъ купецъ прин.л(и) и съ ихъ товаромъ*. Скорее всего, и это не простая описка, а результат смещения древнерусских слов *лише* ‘кроме’ и *люче* (компаратив от *лутыи* ‘хуже’); ср. употребление последнего в берестяной грамоте № 699, последней четверти XIV в.: *А того люче: Василеи пограбиле замлю со свою изореникомо* ‘А еще того хуже — Василий со своим изорником землю пограбил’⁵⁴.

В синтаксисе неисконного носителя языка выдает смещение частиц *не* и *ни*: *тое же дъло не дол(о)м ни дуюю ни виновати, зангда мы вси купци в томъ оруды ни виноват(и) ни дълм, ни словом*. В первой фразе находим к тому же несвойственное древнерусскому язы-

ку управление винительным падежом у прилагательного *виноватъ*. Встретившись второй раз с той же немецкой конструкцией (*der sake unschuldich*), переводчик откорректировал управление, параллельно заменив порождавшее тавтологию *дѣло* на синонимичное *орудье*; с частицами он, однако, не справился и здесь.

Не меньшее значение для характеристики языка перевода имеет совокупность фонетических и морфологических черт, релевантных для его диалектной локализации. Анализ грамоты с этой точки зрения обнаруживает существенные расхождения с новгородской деловой письменностью конца XIV — первой половины XV в., на фоне которой ее в первую очередь приходится рассматривать.

Начнем с отражения этимологического *ѣ. Буква *ь* в основах последовательно употребляется в соответствии с этимологией под ударением (*лѣтось, дѣло, вѣдаемъ, доспѣлас(ь), вѣдали, хотѣли, дѣете, сусѣди, дѣлом, надѣалиса*), за исключением позиции после [j] в глаголе *ѣхати* и его производных, трижды написанных с *е*: *приехати* и *оттѣхат(и)*, *ехали*. В безударной позиции *ѣ столь же последовательно отражен в виде *е*: *целованью* (2х) *целованьа, повестуем, повестовали, заветать*). В окончаниях на одну словоформу с *ь* (*городь*) приходится две с *е* (*владице, на море*). Смешение *ь* с *и* в основах отсутствует, а в окончаниях представлена только в форме прилагательного: *оу свѣтии <-ѣи> Софии*. Нет и примеров замены этимологического *е* на *ь*. Описанная картина радикально отличается от представленной в новгородских пергаменных грамотах первой половины XV в. В последних *ь* в основах или довольно последовательно сохраняется (за исключением слов *цѣловати, цѣлованье*, регулярно записываемых через *е*) или же смешивается с *и*; в окончаниях же *ь* и *и* смешиваются весьма широко, тогда как замена *ь* на *е* встречается редко.

Из других явлений в области вокализма грамота отражает переход [a] > [e] между мягкими согласными: *слышели*. Он, однако, не ограничивается северо-западом, но имеет более широкое распространение. Важно между тем отсутствие в грамоте случаев смешения *ц* и *ч* — во всех сохранившиеся в подлинниках новгородских актах этого времени оно представлено широко. С неотражением цоканья связано и последовательное употребление союза 'что' в форме *што*. В новгородских берестяных грамотах этот вариант, возникший из *что* (<чѣто) путем диссимилиации согласных по способу образования, представлен лишь двумя примерами в грамотах № 311 и 352, не имеющих никаких признаков древненовгородского диалекта. Как наддиалектная, форма *што* неоднократно встречается в договорах Новгорода с князьями XIII—XV вв.⁵⁵ Однако в дипломатической переписке Новгорода с ганзейскими городами этот вариант отсутствует, употребляется только *что*.

В морфологии сразу бросается в глаза новгородское диалектное окончание *-е* в И. ед. твердого варианта *о*-склонения, соответствующее наддиалектному древнерусскому *-ѣ*. Оно четырежды выступает во фразе *вашь брате побите на море и товаре поимане*. Местоимение *вашь*, мягкой разновидности склонения, имеет при этом окончание *-ѣ*, что отвечает распределению, восстанавливаемому для древне-новгородского диалекта на материале берестяных грамот⁵⁶. Ср. совершенно такое же распределение флексий в приводимом А.А. Зализняком примере из грамоты Новгорода Ревелю 1441 г.: *нашь брате новгородечь Петре*⁵⁷. Однако при ближайшем рассмотрении употребление данной флексии выдает затруднения переводчика. С одной стороны, как уже было сказано, единственному числу русского текста в средненижненемецком соответствует плюралис *juwen brodere(n)*, правильной передачей которого было бы собирательное *наша братья*. С другой стороны, диалектную флексию И. ед. *-е* переводчик незаконно распространил и на accusativ (причем как существительного, так и местоимения *нашь*, не имевшего этой флексии в номинативе)⁵⁸.

В остальных позициях именного склонения выступают стандартные наддиалектные окончания: Р. ед. *противъ правды*, М. ед. *въ томъ оруды*, И. ед. множ. *виновати, сусьди*; формы множ. числа перфекта на *-ли* (*слышели, повествовали* и др.). Во всех этих позициях в древне-новгородском господствовало окончание *-ль*, которое в берестяных и пергаменных грамотах выступает в тех или иных пропорциях с наддиалектными вариантами. При этом имеет место следующее соотношение: если в тексте есть окончание *-е* в И. ед., в нем обязательно будут и другие морфологические диалектизмы. При «коррекции» диалектной морфологии флексия *-е* в номинативе устранялась в первую очередь, тогда как окончание *-ль* в указанных позициях могло сохраняться⁵⁹. В нашей грамоте соотношение является обратным, что делает ее исключением из правила.

В местоименном склонении характерны адъективные окончания прямых падежей местоимения *тоть* (*про тую обиду, тое же дьло*). В атрибутивной позиции на эти два примера приходится один с исконным окончанием: *та обида* (в субстантивном употреблении выступает только исконная форма *то*). В новгородских берестяных грамотах подобные формы отсутствуют — в них встречаются только исконные *та, ту, то*. В пергаменных и бумажных грамотах Новгорода явление фиксируется лишь с середины XV в. (*тую лодью* в грамоте Новгорода Ревелю 1441 г.)⁶⁰. На этом фоне употребление нашей грамоты, отражающее уже продвинутую стадию процесса, выглядит опережающим его хронологию в Новгороде. Еще более неновгородский характер имеет двусложное окончание Р. ед. жен. *безо всякое*

хитрости. Оно вообще не свойственно деловой письменности Новгорода XIV—XV вв., знающей только односложную флексию *-ou/-eu*.

В адъективном склонении, помимо инновационной, но нейтральной в диалектном отношении формы И. мн. муж. на *-ьи* (*мильи суседи*) и гиперкорректного *с(в.а)тъму* в Д. ед. муж., находим новгородскую диалектную флексию *-ьи* в Р. ед. жен, с фонетической заменой *ь* на *и*: *оу С(в.а)тии <святъи> Софьи*. То, что этот двойной новгородизм выступает в заключительной формуле грамоты, безусловно, неслучайно. Сочетание ‘у Святой Софии’ последовательно оформляется в новгородских текстах рассматриваемого периода при помощи окончания *-ьи* (например, в младшем изводе Новгородской первой летописи). Можно думать, что ни это окончание, ни переход *ь* в *и* русскому языку писца свойственны не были: он просто записал формулу так, как ее произносили новгородцы.

Как видно из всего сказанного, новгородские черты в фонетике и морфологии послания 1425 г. сводятся к окончанию *-е* в И. ед. твердого варианта *о*-склонения и окончанию *-ьи* в Р. ед. ж. адъективного склонения (с заменой *ь* на *и*). При этом первое по ошибке употреблено также в винительном падеже, а второе выступает в составе готовой формулы. Основа же языка грамоты — совершенно не новгородская. Ее характеризуют такие признаки, как систематическая замена *ь* на *е* в безударном положении, отсутствие смещения *ц* и *ч*, диссимилиация *что > што*, «стандартные» древнерусские окончания *-ы, -и* в именном склонении в соответствии с новгородским *-ь*, формы местоимений *тую, тое* с адъективными флексиями, двусложное окончание *-ое* в Р. ед. ж. местоименного склонения.

Где же, если не в Новгороде и Пскове, дерптский переводчик приобрел базовое знание русского языка? Из других партнеров Ганзы в торговле с Русью подозрение в первую очередь падает на Полоцк. И действительно, в языке полоцких грамот первой половины XV в. мы находим практически все названные черты, причем проведенные систематически. В частности, смещение *ц* и *ч*, которое несомненно было свойственно древнему полоцкому диалекту и часто встречается в полоцких грамотах XIV в., в XV в. почти полностью исчезает из местного канцелярского языка. Только в соотношении *ь* и *е* наш текст отступает от типичного для Полоцка употребления. По данным Хр. Станга, в большинстве полоцких грамот XV в. эти графемы смешиваются независимо от места ударения⁶¹. Систематическая замена *ь* на *е* только в безударной позиции зафиксирована исследователем лишь в 5 из 34 документов, смешивающих эти графемы. Между тем, как отмечает Хр. Станг, это распределение широко представлено в грамотах литовской великокняжеской

канцелярии⁶². Еще одна фонетическая черта, различающие эти две разновидности делового языка Юго-Западной Руси, — это трактовка этимологических *гы, кы, хы*, которые в полоцких грамотах XV в. часто сохраняются в своем исконном, непалатализованном виде, тогда как в грамотах литовской великокняжеской канцелярии представлены почти исключительно новые сочетания *ги, ки, хи*⁶³. В публикуемой грамоте также выступают только они. Поскольку языку литовской великокняжеской канцелярии свойственны и все перечисленные признаки, объединяющие ревельскую грамоту с полоцкими в противопоставлении новгородским документам, именно эта форма делового языка Великого княжества Литовского может быть отождествлена с основой русского языка переводчика. Где и от кого она могла быть усвоена — отдельный вопрос, который мы здесь не рассматриваем.

Юго-западное происхождение русской языковой компетенции переводчика грамоты способно, как кажется, объяснить и необычную форму *зодорово* в составе ее клаузулы. Скорее, чем простую опisku, в ней можно видеть своего рода «гиперполногласие», к изобретению которого писца могло подтолкнуть сосуществование в канцелярском языке Юго-Западной Руси полногласного варианта *здоров-* и полонизма *здров-*, встречающегося в полоцких грамотах с начала XV в. (первый раз — в грамоте 1405 г.: *здоровье*)⁶⁴.

Выучившись русскому языку не в Новгороде, переводчик в то же время имел представление о специфике новгородского диалекта. Переводя адресованное в Новгород послание, он ввел в текст его главную морфологическую особенность — окончание *-е* в И. ед. твердого варианта *о*-склонения, а также употребил формулу *оу с(вя)тшии <-ши> Софши* с новгородской флексией (в полоцких документах то же сочетание оформляется иначе: *оу с(вя)тоь Софьь* (№ 3, с. 60; *с(вя)тою Софьи* № 187, № 212, надписи на печатях). В грамоте имеется и очень яркий синтаксический новгородизм — дважды употребленный причинный союз *занда*, который до сих пор был засвидетельствован только восемью примерами в шести новгородских и двух псковских текстах⁶⁵. При первом взгляде на грамоту именно эти черты бросаются в глаза, создавая впечатление работы новгородского писца, которое при углубленном анализе оказывается ложным.

Гетерогенность древнерусского языка грамоты находит выражение и в формуляре. Обращает на себя внимание, что в инскрипции послания беспредложные формы дательного падежа сменяются предложными: *С(в.)атъму владыце архибискуп(у) Омельяну и посадником и къ тысяцьким и купьцомъ [= к купьцом] и ко всему Великом(у) Новугороду, нашимъ добрым сусьдом добро здоровье*. Сопоставление с

этой точки зрения новгородских и полоцких грамот показывает, что в первых полностью господствует предложная модель. См., например: *От великого князя намѣстника Ондрыя, от посадника Ивана, от тысяцкого Олистя и от всего Новагорода к посадникамъ к любьцькимъ, и к ратманамъ, и ко всимъ лубцанамъ* (грамота Новгорода Любеку 1371 г.)⁶⁶; *Благословень от архиепископа новгородчкого владычъ Ивана, от посадника Ивана Олександровичя, от тысяцкого Василья Есифовичя, от всего Великого Новагорода к посадникамъ калываньскимъ, и к ратманамъ, и ко всимъ колыванчамъ* (грамота Новгорода Ревелю 1411 г.)⁶⁷; *От посадника Ивана Олександровичя, от тысяцкого Онаньи Костянтиновичя и от всего Великого Новагорода кумендерю, и к посадникамъ, и к ратманамъ колыванскимъ* (грамота Новгорода Ревелю 1417 г.)⁶⁸. Для полоцких же грамот с данного типа инскрипцией характерно, напротив, отсутствие предлога: *От пана Немира намесника, приятелемъ нашимъ судьямъ ризьким и ратманомъ поклонъ и верное приятельство* (послание в Ригу 1411—1422 гг.)⁶⁹; *От намѣстник(а) полочькоз(о) и от всех муж полочан от мал(а) и до велик(а) поклон всем ратманом болшим и всем местицем рижаном малу и велику* (послание в Ригу 1439 г.)⁷⁰; + *Бл(а)г(о)с(ло)в(е)ніе Семиона, вл(а)д(ы)кы полотского, ѿ С(в)л(а)т(е)мъ Д(у)сь възлюбленным приателемъ нашимъ ратманомъ ризьким* (послание в Ригу архиеп. Симеона II, 1440—1446)⁷¹. По-видимому, переводчик ревельской грамоты начал писать, следуя более привычной для него полоцкой модели, но затем переключился на новгородскую, причем резко — граница проходит посредине образующего тесную пару упоминания посадников и тысяцких.

Несмотря на допущенные ошибки, выдающие в нем иностранца, переводчик в целом неплохо справился со своей задачей. Уровень его владения древнерусским языком можно по достоинству оценить, сопоставив грамоту с другим столь же редким образцом «русского как иностранного», представленным в корпусе полоцких грамот. Мы имеем в виду черновой проект торгового договора между Полоцком и Ригой 1405 г., составленный в Риге⁷². В отличие от публикуемой грамоты, в которой отдельные ошибки выступают на фоне в целом грамотной древнерусской речи, этот документ изобилует грубейшими нарушениями языковых норм, делающими текст местами вовсе лишенным грамматической связности. Приведем лишь один пример. Формульное сочетание, в новгородских актах имеющее вид *безо всякои хитрости* (Нибуров мир 1392 г., три употребления)⁷³, а в полоцких — *без всакое хитрости* (грамота 1414 г., № 65), переводчик дважды пишет по-полоцки (*безо всакое хитрости*), тогда как писец рижского проекта употребляет два разных, но одинаково грамматичных варианта: *безъ всакого хитрость* и *безъ всакою хитрость*).

Этому соответствует и разница во внешнем облике письма: издатели рижского документа отмечают в нем «неумелое начертание букв (фактически они не написаны, а нарисованы)»⁷⁴; между тем, как уже было сказано, ревельская грамота написана уверенным беглым полууставом. Еще одной особенностью рижского документа, отличающей его от собственно полоцких грамот, является интенсивное смешение букв *ц* и *ч*, *з* и *ж*, *с* и *ш*, позволяющее предполагать, что русскому языку писец учился в Новгороде или, скорее, во Пскове. В этом отношении ситуация симметрична той, которую отражает послание из Ревеля в Новгород 1425 г.

* * *

Какова была судьба мартовского послания ревельских властей в Новгород? Тот факт, что бракованный русский текст остался в ревельском архиве, не может свидетельствовать о том, что послание вообще не было отправлено: после обнаружения брака могла быть изготовлена исправная копия письма, которая и должна была отправиться в Новгород. В пользу того, что дело так и обстояло, говорит дальнейший ход событий, каким его описывают источники.

Около Пасхи (8 апреля) в Новгород прибыли послы от Ревеля и Дерпта⁷⁵. 27 апреля 1425 г. немецкие купцы из новгородской ганзейской Конторы писали в Ревель о своем бедственном положении и среди прочего отмечали, что в Новгороде был ревельский посол Хинрик Циммерман (Hingik Symmerman), который привез письмо для них и должен был реализовать в Новгороде некое поручение (*werf*), данное ему в Ревеле. В рамках этого поручения Циммерман вел переговоры с «Новгородом», которые не принесли положительного результата⁷⁶. Более того, после этого новгородцы вызвали немецких купцов к церкви святого Иоанна и, сказав, что Новгород на них разгневался, угрожали посадить их в тюрьму⁷⁷. Точно такой же неудачей закончилась и миссия дерптского посла Хильбранда фан Мегена (вернулся в Дерпт 9 мая 1425 г.)⁷⁸.

Урегулирование конфликта было отложено до приезда в Новгород ганзейских «великих послов» (*grote boden*), которые должны были представлять три ливонских города: Ревель, Дерпт и Ригу. После согласования этого условия режим содержания немцев в Новгороде был несколько облегчен: ганзейские купцы были переданы на поруки старостам и приказчику Немецкого двора Хансу Липпе, «с позволением покупать еду и питье и ходить с одного двора на другой, [но] дальше никуда не ходить»⁷⁹.

Действительно, посольство, представлявшее Ригу, Ревель и Дерпт, прибыло в Новгород, о чем сообщали сами послы в своем послании

в Данциг от 1 сентября 1425 г.⁸⁰ С этим посольством была связана отправка еще одного послания в Новгород, сохранившегося только в средненижнемецком переводе. В нем говорится о том, что в Новгород были отправлены «достойнейшие» послы «от имени всех ганзейских городов». Это послание является развитием мартовского. Немцы по-прежнему отрицают всякую вину в том, что произошло с русскими купцами; требуют освобождения немецких купцов в Новгороде на основании оговоренного в новгородско-ганзейских договорах положения о том, что истец должен решать спорные дела непосредственно с ответчиком; заявляют, что если бы они знали, кем были грабители, они бы их сами схватили и «судили согласно крестоцелованию». Принципиально новый момент в этом послании — угроза Ганзы обратиться за поддержкой к «господам, князьям, всем добрым городам и первым делом Богу, чтобы Он осудил несправедливость», творимую новгородцами «против Божьего закона и крестоцелования»⁸¹. И действительно, Ганза искала поддержки у правителей соседних государств: великого князя Литовского Витовта и короля Дании Эрика VII⁸². В письме немецких купцов в Новгороде в Дерпт от 18 октября 1425 г. говорится, что они были освобождены благодаря сентябрьскому посланию ливонских городов новгородским властям и заступничеству новгородского архиепископа⁸³.

В свете изложенного кажется логичным предположить, что отредактированный и исправленный вариант русского текста мартовского послания, который не сохранился до наших дней, как и все остальные документы утраченного новгородского архива, — был доставлен в Новгород в начале апреля 1425 г. в связи с миссией ревельского посла Циммермана. Из написанного в Дерпте сопроводительного текста следует, что из Дерпта в Новгород было отправлено собственное послание, несколько видоизмененное по сравнению с ревельским: *Vnde wi hebben den Nougarders in desser zuluen wise ok gescreven, mer dat wi etwelke worde hebben vorandert...* Это послание в Новгород могло быть связано с посольством приехавшего в Новгород также весной 1425 г. дерптского представителя фан Мегена. Точно так же обстояло дело и позднее, в ходе дальнейших новгородско-ганзейских переговоров. 1 февраля 1426 г. Дерпт писал в Ревель по итогам миссии в Новгород того же фан Мегена, вновь представлявшего Дерпт⁸⁴, и Андреаса Смединга, представлявшего Ревель, и ответного новгородского посольства, чтобы ревельцы на предложения Новгорода «тоже таким же образом (как и дерптцы. — *Авторы*) отвечали». Ответ ревельцев должен был быть согласован с дерптским, но, очевидно, подразумевалось, что он не должен был повторять его дословно⁸⁵.

Эти послания, как и изначальный ревелльский проект, написанный на средненижненемецком, до наших дней, однако, не сохранились.

* * *

В публикуемых ниже средненижненемецком и древнерусском текстах послания 1425 г. выносные буквы вносятся в строку курсивом, опущенные в сокращениях — в круглых скобках; отмечаются концы строк. В древнерусском тексте сохраняются буквы «Ѣ», «Ѡ», «Ѧ». Разбивка на слова, предложения и абзацы, расстановка знаков препинания выполнены публикаторами. В легенде приводятся сведения о месте хранения рукописей, описываются внешние признаки носителей текстов, воспроизводятся пометки на них. В подстрочных археографических примечаниях отмечаются особенности текста и необычные чтения.

[1425 г. март, первая половина. Ревель]. — Послание властей Ревеля властям Новгороду

Немецкий текст

TLA, f. 230, n. 1, s. BE 14 VIII, № 34 (olim RBA 491). Бумага (без филигрانی), 22,4×30,1×22×29,9.

Под текстом послания сопроводительный текст: Leuen heren! Dit is vnse vorramy(n)ge vn(de) is hir bigebunden in Russch gescr(even). | Vn(de) wi hebbe(n) den Nougarders in desser zulue(n) wise ok gescr(even), mer dat | wi etwelke worde hebben vorandert v(m)me vordechtenisse wille(n). [*Любезные господа! Это наш проект [послания], к которому прилагается [тот же текст] по-русски. А новгородцам мы написали так же, поменяли только некоторые слова, чтобы избежать подозрений.*]

На верхнем, левом (напротив сопроводительного текста) и нижнем полях пометки: 1) x НН. (*пр. крндш., в правом верхнем углу*); 2) BE 14 (*пр. крндш., на верхнем поле правее пом. 1*); 3) 1421? (*чрл., в правом верхнем углу; посл. цифра нрзб., предпосл. правлена более темными чрл.; зачеркнуто пр. крндш.*); 4) Сор. КК. (*левее пом. 3, чрл.*); 5) [1425 April Anfg.] (*пр. крндш., поч. Г. Гильдебранда, ниже пом. 3 и 4; написано по стертому, ниже виднеются очертания написанной карандашом и стертой даты 1424*); 6) In Dorpat gemachter Entwurf (*на левом поле напротив второй строки приписки*); 7) s. Dorpat 1425 Mai 10. [*Далее нрзб.*] (*пр. крндш., поч. Г. Гильдебранда, на нижнем поле*); 8) 2 (*пр. крндш., в правом нижнем углу, фолиация*). *В левом верхнем углу ниже пом. 1 печать с текстом: EX ARCHIVO | CIVITATIS REVALIENSIS. Такая же печать на обороте, в верхней части.*

Публ.: LECUB. — Bd. VII. № 261. — S. 189—190; HR. — Abt. I. Bd. VII. — № 757 (послание в Новгород), № 758 (сопроводительный текст). — S. 511, 512.

Рег.: HUB. — Bd. VI. — S. 322, № 580.

Deme hillige(n) vader ertzbischof Emelyan, den borg(er)mest(er)en, hertoge(n) vn(de) | deme copmann vn de al gemeene Grote Noug(arden), vnse(n) leue(n) nabeer(en), | entbede(n) de borg(er)mest(er)e, radmann(e) vn(de) meenheid der stad Reuele | vnse gesuntheit.

der krucekussinge sund(er) alle behendicheid. Hir enbouen | so hebbe(n) gi vnse(n) copma(n) geholde(n) myt syme gude. Dat kennet, dat | gi dat don tegen God vn(de) recht vnde de krucekussinge; dat kennet¹ | God. Hillige vader ertz biscob vnde gi, borg(er)mest(er)e, hertogen vnde | gemene Grote Nougarde(n), kennet Got vnde recht vnde latet vnse(n) | copma(n) vrij vare(n) mit syme gude, wante vnse copma(n) vorleet sik vp | God vnde de krucekussinge vnde voor tho juw. Doet wol vn(de) latet | ene vrij varen aff vnde tho, wante de gantze copman der sake | vnschuldich is rades vnde dades, myt werke(n) edder mit worde(n). Dat scriue(n) | wij juw bij der krucekussinge. Vnde wi sende(n) tho juw vnse(n) | boden myt desseme breue vnd(e) mit vnseme houedslaende. Gheuet | eme eyn gud antworde.

Vn(de) zeet an gude naberschap. Bliuet gezu(n)d in | de² hillige(n) Dreuoldicheid.

Святому отцу архиепископу Емелиану, посадникам, тысяцким, купцам и всему Великому Новгороду, нашим любезным соседям, передаем мы, бургомистры, ратманы и община города Ревеля наши пожелания здоровья.

Мы слышали, что вы задержали наших купцов с их товаром в вашем городе из-за ущерба, который понесли ваши братья летом на море, когда они были побиты и их товар был у них отнят. Пусть знает Господь, что мы жалеем об этом от всего сердца. И мы заявляем вам, по крестному целованию и без хитрости, что мы невиновны в этом деле, ни помышлением, ни делом, ни каким-либо знанием о нем, как мы об этом уже говорили летом вашему послу Андрею, по крестному целованию; и мы не знаем и не слышали о том, кто причинил ущерб вашим братьям. И если бы мы [это] знали, мы бы не стали ни утаивать это, ни умалчивать об этом, ни стоять за виновных. Это мы говорим вам по крестному целованию и безо всякой хитрости. Кроме того, вы арестовали наших купцов с их товаром. И знайте, что вы сделали это вопреки воле Божьей, справедливости и крестному целованию; это знает Господь. Святой отец архиепископ и вы, посадники, тысяцкие и весь Великий Новгород, соблюдайте Божью волю и справедливость, дайте нашим купцам свободно выехать с их товаром, так как наши купцы отправились к вам, полагаясь на Бога и на крестное целование. Будьте любезны, позвольте им свободно уезжать и приезжать, так как все наше купечество невиновно в этом деле — помышлением или действием, словом или делом. Это мы пишем вам по крестному целованию. И мы отправляем к вам нашего посла с этой грамотой и с нашим челобитьем. Дайте ему добрый ответ.

¹ далее написано и зачеркнуто dat

² так в рукописи, следует читать der

Храните же добрососедство. Будьте здоровы во Святой Троице.

Русский текст

ТГА, f. 1465, s. 872. Фотокопия лицевой стороны, конец XIX — начало XX в. Подлинник не найден.

Вдоль верхнего края посередине листа простым карандашом (?): Aus Kasten 16. В правом верхнем углу почерком Г. Гильдебранда: [1425 März, erste Hälfte] | Druck U.B. 7 n. 261.

+ С(ва)гѣму владыце³ архиепискуп(у) Омельяну и посадьником и къ тысяцким и купьцомъ и ко всему | Великому(у) Новгороду, нашимъ добрымъ сусѣдом | добро здоровье ѿт посадньков и отъ ратма|новъ и ѿтть всѣхъ колываньцев.

Мы слышали, | што вы нашихъ купьцовъ принал(и) и съ ихъ | товаромъ вашимъ городъ про тую обиду | лѣтось, што вашъ брате⁴ побите на море | и товаре поимане. А Богъ то знаетъ, што | намъ то жаль ѿтто всего сердца. А мы ва|мъ то повестуем по хр(ес)тному(у) целованью безо всякое хитрости, тое же дѣло не дол(о)м⁵ | ни думою ни виновати, какъ мѣ⁶ лѣтось | вашему послу Аньдрѣю повествовали, | тако же по хр(ес)тному(у) целованью, а мы ещо не | вѣдаемъ и не слышали про ваше брате, | ѿтть кого имъ та обида доспѣлас(ь). Штобъ⁷ | мы то вѣдали, не хотѣли бѣ⁸ мы того за со|бою держать и заветать, а за виноват(ы) | не хотимъ стоать. То мы вамъ скажемъ | по хр(ес)тному(у) целованью безо всякое хитро|сти. Люше того, вы нашихъ купецъ принал(и) | и съ ихъ товаромъ. То въ дѣте противъ | правды и хр(ес)тног(о) целованья; то Богъ⁹ | знаетъ. Осподине св(а)тѣи бискупе вла|дыко, познаи Бога и правду. А и вы, | посадьник(и) и тысяцкѣи и весь Великѣи | Новгородъ, милыи сусѣди, познаите | Бога и правду, ѿтпустите нашихъ купецъ | и съ ихъ товаромъ, то вамъ молимъсѧ, да|ите имъ путь чистъ приехати и ѿттьехат(и), | занѣда мы вси купьци в томъ орудѣи ни | виноват(и) ни дѣлом, ни словом. То пишемъ вам | по хр(ес)тному(у) целованью, занѣда купьци надѣ|алисѧ на Богъ и на хр(ес)тное¹⁰ целованье, наши | купьци ехали к вамъ.

Смотрите на до|бро сусѣдство, а станьте зодорово | оу Сватии Софѣи.

³ е исправлена из а

⁴ е исправлена, вероятно, из и

⁵ так в рукописи

⁶ так в рукописи, далее точка посередине строки, возможно чтение мы

⁷ так в рукописи, далее точка посередине строки, возможно чтение штобы

⁸ вписано над строкой

⁹ написано под титлом

¹⁰ написано без титла

- ¹ Предварительный перечень грамот об отношениях Новгорода и Пскова с Ливонией и Ганзой см.: *Polechov S. Neue russische Quelleneditionen zu den altrussisch-livländischen Beziehungen // Forschungen zur baltischen Geschichte.* — Tartu, 2017. — Bd. 12. — С. 34—55.
- ² ГВНП. — С. 79, № 44. Стоит отметить, что публиковался лишь древнерусский текст послания (подлинник: РГАДА. — Ф. 1490. — Оп. 1. — Ед. хр. 25. — Л. 2). Датировка следует из указания немецкого текста на запланированный съезд в день св. Иоанна (24 июня; в русском тексте его даты нет), предусмотренный перемирием от декабря 1371 г., и из совпадения имен посадника и тысяцкого в послании в Любек и в указанном перемирии (его текст, также доселе не опубликованный, сохранился в современном ему списке: РГАДА. — Ф. 1490. — Оп. 1. — Ед. хр. 29). Датировки грамот, опубликованных в ГВНП, здесь и далее приводятся по книге В.Л. Янина «Новгородские акты XII—XV вв. Хронологический комментарий» (М., 1991), если не отмечено иное.
- ³ ГВНП. — С. 80—81, № 46; *Кузнецов А.М., Иванов А.С. Рижский список Нибурова мира (1392 г.) // Новгородика-2010. Вечевой Новгород: материалы международной научно-практической конференции.* — Великий Новгород, 2011. — Ч. 2. — С. 118—128.
- ⁴ ГВНП. — С. 98—100, 117—119, № 60, 72.
- ⁵ *Казакова Н.А. Договор Пскова с Ливонией 1509 г. // Вопросы истории.* — 1983. — С. 90—98. № 1 (русский текст); LECUB. — Abt. 2. Bd. III / bearb. von L. Arbusow. — S. 424—430, № 584 (немецкий текст).
- ⁶ ГВНП. — С. 117, № 71.
- ⁷ Опубликован лишь русский текст: ГВНП. — С. 323—324, № 336.
- ⁸ *Хорошкевич А.Л. Русские грамоты 60—70-х годов XV в. из бывшего Рижского городского архива // Археографический ежегодник за 1965 год.* — М., 1966. — С. 331—332, № 1 (русский текст); LECUB. — Abt. 1. Bd. XIII / bearb. von K. Neitmann, M. Thumser und M. Mahling. — Köln ; Weimar ; Wien, 2018. — S. 65, № 41 (немецкий перевод).
- ⁹ Lietuvos metrika. — Knyga Nr. 5. Užrašymų knyga 5 / par. A. Baliulis, A. Dubonis, D. Antanavičius. — Vilnius, 2012. — P. 326—328, № 519 (русский текст); LECUB. — Abt. 1. Bd. XIV / bearb. von Ch. Gahlbeck, M. Mahling, K. Neitmann und M. Thumser. — Wien ; Köln ; Weimar, 2020. — S. 344, № 374. (немецкий эсхатокол).
- ¹⁰ См. пример такого сопоставления: *Лукин П.В. Категории населения Новгорода в опасной грамоте 1472 г. // Slověne: International Journal of Slavic Studies.* — 2015. — Т. IV. — С. 253—265, № 1.
- ¹¹ *Bunge F.G., von. Nachrichten über das alte Archiv des Rathes zu Reval // Archiv für die Geschichte Liv-, Esth- und Curlands.* — 1844. — Bd. III. — S. 293—312; *Kala T. Friedrich Georg von Bunes Quelleneditionen zur Geschichte der russischen Ostseeprovinzen und das Revaler Ratsarchiv // Blätter für deutsche Landesgeschichte.* — Bd. 152 (2016). — S. 343—367. Попытка частично отказаться от этого деления, предпринятая в XX в., окончилась неудачно (см. ниже).
- ¹² Только по прорисовкам XIX в. и публикациям известны в настоящее время три послания Новгорода в Ревель (ГВНП. — С. 88—89, 114, 126—127, № 50, 69, 75; Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. — Ф. 256. — Ед. хр. 44. — № 2, 3, 4; Отдел рукописей Библиотеки Академии наук. — Срезн. IV.6. — № 6).
- ¹³ *Валк С.Н. Новые грамоты о новгородо-псковских отношениях с Прибалтикой в XV в. // Исторический архив.* — 1956. — № 1. — С. 232—234.
- ¹⁴ LECUB. — Abt. 1. Bd. VII / begr. von F.G. von Bunge, fortg. von H. Hildebrand. — Riga; Moskau, 1881. — S. 189—190, № 261 (= HR von 1256—1430. — Leipzig, 1893. — Bd. VII. — S. 511, № 757).

¹⁵ См. о нем: *Печников М.В.* Евфимий I // Православная энциклопедия. — М., 2008. — Т. XVII. — С. 430—432.

¹⁶ Само это письмо не сохранилось (послания Дерпта в Ревель хранятся: TLA, f. 230, n. 1, s. BD I).

¹⁷ В этот период известный немецкий историк и архивист Фридрих Беннингхофен (1925—2014) попытался реорганизовать Ревельский городской архив по образцу хорошо знакомого ему Кенигсбергского архива: оба они до 1978 г. находились в Государственном архивохранилище (Staatliches Archivlager) в Геттингене. Он сформировал «Ревельский архив писем» (Revaler Briefarchiv, сокращенно RBA), а его содержимое упорядочил по хронологии, по принципу «одно письмо — одна единица хранения», и присвоил им порядковые номера, под которыми они иногда упоминаются в литературе. Так, немецкий текст послания Ревеля в Новгород получил сигнатуру RBA 491. Однако после возвращения архива в Таллин было решено вернуться к прежней системе. Остается заключить, что место хранения в пометке было указано без какой-либо специальной проверки, исходя из сведений о судьбе архива, вывезенного в Германию в 1944 г. (о чем в Эстонии стало известно лишь несколько лет спустя) (см.: *Kõiv L.* Das Stadtarchiv Tallinn (Reval) während des Zweiten Weltkrieges // Die Archive Estlands im europäischen Kontext. Vorträge der Konferenz im Tallinner Stadtarchiv vom 15. bis zum 16. September 2005 / hg. von L. Kõiv und P. Pillak. — Tallinn, 2012. — S. 304—317).

¹⁸ Подробнее см.: *Polechov S.* Neue russische Quelleneditionen. — S. 19—20 (здесь на с. 20 ошибочно сказано, что послание 1425 г. было направлено в Новгород властями Дерпта). Публикуемое здесь послание не отмечено в специальной статье: *Анкудинов И.Ю.* Неразысканные новгородские и псковские грамоты XII—XV вв. // Историк и источник: сб. ст. к юбилею Сергея Николаевича Кистерева. — СПб., 2018. — С. 3—16. Стоит также добавить, что упоминаемая здесь рядная Леонтия Зацепина с княжеостровцами первой четверти XV в. (с. 6) отмечена в перечне погибших документов варшавской Библиотеки майората Красинских, сожженной гитлеровцами в 1944 г. (*Wolff A.* Zniszczone dokumenty Biblioteki Ordynacji Krasinśkich // Straty bibliotek i archiwów warszawskich w zakresie rękopiśmiennych źródeł historycznych. — Warszawa, 1955. — Т. 3: Biblioteki. — S. 188, № 51).

¹⁹ См. подробнее: *Казакова Н.А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в. — Л., 1975. — С. 108—109.

²⁰ О ходе конфликта 1424—1425 гг. см.: *Goetz L.K.* Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck, 1922 (Hansische Geschichtsquellen. Neue Folge. Bd. V). — S. 114—116; *Казакова Н.А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. — С. 107—109. Наиболее точно место инцидента указано в послании Ревеля выборгскому наместнику Кристеру Нильссону Вазе (Керстену Никлессону) от 18 мая 1425 г. — «by Jwmentacken» (ныне — дер. Юминда на одноименном полуострове в Эстонии, см.: LECUB. — Bd. VII. S. 202—203, № 283). Новгородские власти обвиняли в грабеже жителей Везенберга (ныне — г. Раквере), расположенного примерно в 70 км к юго-востоку от Юминды. Также они обвиняли в соучастии в этом преступлении и людей из других городов Ливонии, в частности, ганзейского Ревеля, заявляя, что они ходят там в захваченной у новгородцев одежде («unde dar gaen de lude unde dregen noch de cledere, unde ok tho Revale»; LECUB. — Bd. VII. — S. 225—226. № 317).

²¹ *Сквэйрс Е.Р.* Русь и Ганза: модель языкового контакта // Славяно-германские исследования. — Т. 1—2 / отв. ред. А. Гутгин, А. Циммерлинг. — М., 2000. — С. 436—540, здесь С. 464—471; *Сквэйрс Е.Р., Фердинанд С.Н.* Ганза и Новгород. Языковые аспекты исторических контактов. — М., 2002. — С. 78—96, 99—101.

²² См. обзор и анализ контактных особенностей средненижнемецкого языка документов, относящихся к связям Ганзы с Новгородом, в: *Сквейрс Е.Р., Фердинанд С.Н.* Ганза и Новгород... С. 115—260; *Squires C.* Die Hanse in Novgorod: Sprachkontakte des Mittelniederdeutschen mit dem Russischen, mit einer Vergleichsstudie über die Hanse in England. (Niederdeutsche Studien. Schriftenreihe der Kommission für Mundart- und Namenforschung des Landschaftsverbandes Westfalen-Lippe. Bd. 53.). Köln; Weimar; Wien, 2009. S. 86—153, 167—191, 195, 209—217.

²³ *Сквейрс Е.Р., Фердинанд С.Н.* Ганза и Новгород... — С. 323 (Прил. IV).

²⁴ См.: *Лукин П.В.* Территориальные обозначения и коллективная идентичность в Новгороде XII—XIII вв. по данным ранних грамот // Восточная Европа в древности и Средневековье. Государственная территория как фактор политогенеза. XXVII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто, Москва, 15—17 апреля 2015 г.: материалы конференции. — М., 2015. Ср.: *Steindorff L.* La place de Novgorod dans le paysage urbain d'Europe // Novgorod ou la Russie oubliée — Une république commerçante / sous la direction de Ph. Frison et O. Sevastyanova. — Paris, 2015.

²⁵ *Squires C.* Die Hanse und Novgorod: drei Jahrhunderte Sprachkontakt // Jahrbuch des Vereins für niederdeutsche Sprachforschung, Heft 129 (2006). S. 43—87, hier S. 70.

²⁶ *Булаченко Л.И.* Согласование в числе при коллективных существительных в средненижнемецком языке: курсовая работа (бакалавр, научный руководитель — Е.Р. Сквейрс. — М., 2018. — На правах рукописи.

²⁷ Там же. — С. 37.

²⁸ Ср. в новгородской берестяной грамоте № 794: *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. — Изд. 2-е, перераб. — М., 2004. — С. 320—321.

²⁹ О древнерусском собирательном обозначении и его отражении в средненижнемецких переводах см.: *Сквейрс Е.Р., Фердинанд С.Н.* Ганза и Новгород... — С. 247—248. Подробнее об этом см. ниже, в анализе древнерусского текста публикуемого послания.

³⁰ *Schiller K., Lübben A.* Mittelniederdeutsches Wörterbuch. — Bremen, 1875. — Bd. I. — S. 427; МНWB. — Neumünster, 1956. — Bd. I / hg. von A. Lasch und C. Borchling, fortg. von G. Cordes. — Sp. 350.

³¹ Так в немецких переводах договоров 1371, 1373 и 1392 гг. и в письмах немцев Новгороду 1420, 1421, 1426, 1439 гг. и др. — см.: *Сквейрс Е.Р., Фердинанд С.Н.* Ганза и Новгород... — С. 248—249.

³² О контекстах и формах обращений в русско-немецкой переписке, в том числе и в варианте «соседи наши», см.: *Сквейрс Е.Р., Фердинанд С.Н.* Ганза и Новгород... — С. 243—244.

³³ См.: *Schiller K., Lübben A.* Mittelniederdeutsches Wörterbuch. — Bd. I. — S. 488 (*dat*); Bremen, 1877. — Bd. III. — S. 425 (*rat*).

³⁴ Подробнее происхождение и история этой парной формулы в западной традиции и в русском языке рассматриваются в специальной статье, см.: *Сквейрс Е.Р.* Молитва и клятва: об одном новгородско-немецком контексте 1425 года // Атлантика. Записки по исторической поэтике. — М., 2018. — Вып. XV. — С. 165—182.

³⁵ Древнеанглийская формула *æt ræde ne æt dæde* «ни словом, ни делом» входит в состав таких судебных клятв, см.: *Schmied R.* Die Gesetze der Angelsachsen. — Leipzig, 1832. — Bd. 1: Text nebst Übersetzung. — S. 216. Подробнее о ее связи с немецкой клятвой см.: *Сквейрс Е.Р.* Молитва и клятва... — С. 172—174.

³⁶ См. подробнее: *Сквейрс Е.Р.* В двух словах: и слово, и дело, и правда, и закон (контекст из русско-ганзейской грамоты 1425 г.) // Скрытые смыслы или грамматика нереального-2: материалы круглого стола. — М., 2018. — С. 57—64, здесь с. 54, 56.

³⁷ Есть теоретическая возможность того, что речь идет об интерпретации. В литературе была обоснована концепция, согласно которой значение древнерусского понятия «правда» было отлично от нынешнего и сближалось со значением современного слова «вера» (*Юрганов А.Л.* Категории русской средневековой культуры. — М., 1998. — С. 33—116). Поэтому «правда» могла подразумевать и «справедливость», и божественную волю, на которой эта справедливость основывалась, и замена в русском переводе «правдой» одновременно Божьей воли и (юридической) справедливости (*recht*) среднениемецкого оригинала может быть не просто обычной опиской. Впрочем, эта концепция не выходит пока, как представляется, за рамки гипотезы.

³⁸ *Никитский А.И.* Отношения Новгородского владыки к немецкому купечеству по новым данным // Журнал Министерства народного просвещения. — 1883. — № 7. — Отд. 2; *Лукин П.В.* Новгородское вече. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — М., 2018. — С. 373—378.

³⁹ LECUB. — Bd. VII. — S. 257—258, № 363; НПЛ. — С. 414. См. также: *Никитский А.И.* Отношения Новгородского владыки. — С. 8; *Казакова Н.А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. — С. 109. О масштабах эпидемии свидетельствует тот факт, что ее считавшим нужным отметить в своей хронике современник событий, любекский доминиканец Герман Корнер (см.: *Полехов С.В.* Известие хроника Германа Корнера о Вилькомирской битве и его исторический контекст // *Pabaisko mūšis ir jo epocha.* — Vilnius, 2017. — P. 91—112, здесь особенно с. 96).

⁴⁰ «...unde quemen lopen uppe den hoeff alze do[v]endighe hūnde, ofte uns dey eine wūlde seiden unde dei ander braden, unde wy solden jo in des bodels hues unde in dey yseren gān» (LECUB. — Bd. VII. — S. 221, № 311). В публикации вместо *dovendighe* напечатано *donendighe*, что, вероятно, является ошибкой, поскольку в оригинале буквы *v/u* и *n* пишутся примерно одинаково (ср. совершенно идентичные, похожие на *n*, написания *louede(n)* и *doue(n)dighe* в оригинале: TLA, f. 230, n. 1, s. BE 14-1, l. 44, 4-я и 10-я строки сверху соответственно). Ср. перевод *donendighe* как «лающие» в недавней публикации (*Бессуднова М.Б.* «Русская Ганза». Жизнь Немецкого подворья в Новгороде, 1346—1521 годы. Письма и материалы — СПб., 2019. — С. 114). У глагола *donen* («издавать звуки, галдеть (о птицах)» не было, однако, значения «лаять» (MHWB. — Bd. I. — Sp. 445).

⁴¹ «Dit hedde uns warliken overgān, hedden dar nycht gude lude vor gewest, sunderlinges dey bysschop, dey vor uns duslange gebeden hevet, dar hei grot vordreit umme lit van den Russen vormydest siner bede unde vulbord, dei hei dar nycht to geven en wolde...» (LECUB. — Bd. VII. — S. 221, № 311; текст частично исправлен по рукописи).

⁴² LECUB. — Bd. VII. — S. 269—270, № 379.

⁴³ «...vormydelst groten beden, arbeide unde underwisinge des byscopes van Nougarden» (LECUB. — Bd. VII. — S. 291, № 418).

⁴⁴ LECUB. — Bd. VII. — S. 257—258, № 363.

⁴⁵ HR. — Abt. 1. Bd. VIII. — Leipzig, 1897. — S. 15, № 23.

⁴⁶ ГВНП. — С. 92—94, № 54, 55. См. об этом: *Сквэйрс Е.Р.* Русь и Ганза. — С. 462—463.

⁴⁷ *Келливидзе Н.В.* Икона Софии Премудрости Божией и особенности новгородской литургической традиции в конце XV века // Сакральная топография средневекового города / ред.-сост. А.Л. Баталов, Л.А. Беляев. — М., 1998. — (Известия / Институт христианской культуры средневековья; т. 1); *Хорошев А.С.* Новгородская Святая София и псковская Святая Троица по летописным данным: (из истории местных патрональных культов) // Хорошие дни. Памяти А.С. Хорошева. — Великий Новгород; СПб.; М., 2009; *Гуннуис А.А.* Архиепископ

Антоний, новгородское летописание и культ святой Софии // Там же; *Мусин А.Е.* Загадки Дома Святой Софии. — СПб., 2013. — С. 77—81; *Золотарев С.Е.* Ecclesiae dedicatio — civitatis historia. Новгород между Константинополем и Москвой // Бренное и вечное: имперский синдром: идеология, мифология и социокультурная практика: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, 3—4 декабря 2013 г. — Великий Новгород, 2014.

⁴⁸ См.: LECUB. — Abt. I. Bd. VII. — S. 215, № 303.

⁴⁹ *Плюханова М.Б.* Стихи о Софее в Стишном прологе из Папского восточного института в Риме // Словене = (Slovène): International Journal of Slavic Studies. — 2015. — № 1, здесь особенно: С. 380.

⁵⁰ LECUB. — Abt. I. Bd. VII. — S. 243, № 346.

⁵¹ LECUB. — Abt. I. Bd. IX / fortg. von H. Hildebrand. — Riga; Moskau, 1889. — S. 303, № 435.

⁵² *Хорошкевич А.Л.* Новые новгородские грамоты XIV—XV вв. // Археографический ежегодник за 1963 год. — М., 1964. — С. 273—276, № 3; *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. — Изд. 2-е. — М., 2004. — С. 687—690.

⁵³ Имеется также два спорных случая, когда после *ь* стоит точка, которую можно трактовать и как вторую часть буквы *ы*.

⁵⁴ *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. — С. 608.

⁵⁵ ГВНП. — С. 15, 24, 27—28, 29—30, № 4, 12, 14, 15.

⁵⁶ *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. — С. 103.

⁵⁷ ГВНП. — С. 117, № 71.

⁵⁸ Теоретически, сочетание *наше брате* можно, учитывая регулярную замену в грамоте безударного *ь* на *е*, понять и как В. мн. <*нашь братья*>, с новгородской флексией. Однако заведомо сингулярное *нашь брате* в номинативе делает эту трактовку существом менее вероятной.

⁵⁹ *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. — С. 101.

⁶⁰ ГВНП. — С. 117, № 71.

⁶¹ *Stang Chr. S.* Die altrussische Urkundensprache der Stadt Polozk. — Oslo, 1939. — S. 42.

⁶² Связывая его происхождение с северо-украинскими и южно-белорусскими говорами, Хр. Станг видит в этом различии одно из свидетельств того, что язык великокняжеской канцелярии имел отличную от полоцкой диалектную основу. Язык же полоцких грамот этого времени Хр. Станг рассматривает как провинциальную разновидность канцелярского языка Литовской Руси. Влиянием на него со стороны языка литовской великокняжеской канцелярии он объясняет, в частности, исчезновения смещения *ц* и *ч* из полоцких грамот XV в. (*Stang Chr. S.* Die altrussische Urkundensprache... — S. 92—103).

⁶³ *Stang Chr. S.* Die altrussische Urkundensprache... — S. 47—48; *Idem.* Die westrussische Kanzleisprache des Grossfürstentums Litauen. — Oslo, 1935. — S. 27 ff.

⁶⁴ ПГ. — Т. 1. — С. 137—139, № 52.

⁶⁵ *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. — С. 200.

⁶⁶ ГВНП. — С. 79, № 44. О датировке см. выше.

⁶⁷ ГВНП. — С. 88—89, № 50.

⁶⁸ ГВНП. — С. 94—95, № 56.

⁶⁹ Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. / подгот. А.Л. Хорошкевич (отв. ред.), С.В. Полехов (зам. отв. ред.), В.А. Воронин, А.И. Груша, А.А. Жлутко, Е.Р. Сквайрс, А.Г. Тюльпин. — М., 2015. — Т. 1. Тексты грамот. Приложения. Указатели; Т. 2. Комментарии. Исследовательские статьи. — С. 165, № 62 (Т. 1). С. 75—76. (Далее — ПГ).

⁷⁰ ПГ. — Т. 1. — С. 165—166, № 63.

⁷¹ ПГ. — Т. 1. — С. 179—180, № 74.

⁷² ПГ. — Т. 1. — С. 124—125, № 48.

⁷³ ГВНП. — С. 80—83, № 46.

⁷⁴ ПГ. — Т. 2. — С. 63.

⁷⁵ LECUB. — Bd. VII. — S. 221, № 311.

⁷⁶ «Новгород» (или «Великий Новгород») — обозначение новгородского «политического народа», политического коллектива, состоявшего из полноправных новгородцев, входивших в городские кончанские и уличанские объединения, который осмыслялся в рамках новгородских политических представлений как некая коллективная «личность», правившая Новгородской республикой как русские князья (великие князья) правили своими владениями. В зависимости от обстоятельств «Новгород» могли представлять различные органы власти и должностные лица. Наиболее идеальным его воплощением было вече. См. подробнее: *Лукин П.В.* Новгородское вече. — С. 268—287.

⁷⁷ «Do dat Sinmerman Nouwerden to bekennde gaf, do loden se uns vor Sunte Johanne unde seden, Nouwerde hadde gram up uns gewest, unde wolden uns int yseren hebben gesat» (HUB. — Leipzig, 1905. — Bd. VI / hg. von. K. Kunze. — S. 323, № 580).

⁷⁸ LECUB. — Bd. VII. — S. 199, № 278.

⁷⁹ «Nu se horen, dat hyr boden komen solen, nu hebben se uns up de hant gedaen den olderluden unde Hans Lyppen, eten unde drinken to kopen unde van deme ene hove up den andern to gande, vorder nerghen to gande» (HUB. — Bd. VI. — S. 323, № 580).

⁸⁰ Известно, что одним из послов был рижский ратман Хартвих Зеgefрид (LECUB. — Bd. VII. — S. 239, Anm. 1).

⁸¹ «...moten wii id clagen heren, fursten unde allen guden steden unde Gode erst unde lest, dat he dat unrecht richte, dat gii openbar tegen Godes recht unde tegen de krutzekussinge hirane don...» (LECUB. — Bd. VII. — S. 243, № 346).

⁸² См.: LECUB. — Bd. VII. — S. 244—245, № 348; S. 247—248, № 352; S. 251—252, № 356; S. 252—254, № 358.

⁸³ LECUB. — Bd. VII. — S. 257—258, № 363.

⁸⁴ Фан Меген отправился в Новгород в этот раз в декабре 1425 г. (LECUB. — Bd. VII. — S. 270—271, № 380).

⁸⁵ «Unde begeren, dat gi dar in der sulven wyse ok also to antworten, int vorbeterend van juwer vorsich[tich]eid, doch yo also, dat juwe antworde mit deme unsen overeyndregen...» (HR. Abt. 1. Bd. VIII. — S. 8, № 8; см. также о переговорах: Ibidem. — S. 5—7. № 6—7).

ЗАМЕТКИ О «ПРАВОСУДИИ МИТРОПОЛИЧЬЕМ»*

Аннотация: *Статья посвящена древнерусскому юридическому памятнику «Правосудие митрополичье» и текстам, окружающим его в единственном сохранившемся списке XVI в. Ряд наблюдений позволил уточнить датировку памятника. Следует отвергнуть возможность его составления после Судебника 1497 г. В то же время нет существенных оснований отодвигать время появления «Правосудия» в далекое прошлое. Представляется предпочтительной его датировка концом XIV — началом XV в.*

Ключевые слова: *древнерусское право; древнерусская литература; «Правосудие митрополичье»; сборники*

K.V. Vershinin

Some notes on the “Pravosudie mitropolich’ye” (“Metropolitan’s Justice”)

Abstract: *The paper is devoted to an Old Russian legal text named “Pravosudie Mitropolich’ye” (“Metropolitan’s Justice”) and to the texts surrounding it in the only preserved copy dating back to 16th century. A series of observations has allowed to clarify the dating of the text. The possibility of its compilation after the Sudebnik of 1497 should be renounced. However, there are no substantial reasons to move the time of emerging of “Pravosudie” into the remote past. Its dating to the end of 14th or the beginning of 15th century appears preferable.*

Keywords: *Old Russian law; Old Russian literature; “Pravosudie Mitropolich’ye” (“Metropolitan’s Justice”); Miscellanies*

«Правосудие митрополичье» — таково самоназвание юридического памятника, дошедшего до нас в единственном списке XVI в. (в конволютном сборнике, которому позже, в XVII в., было присвоено название «Цветник»)¹. Этот памятник, весьма лаконичный и потому непростой для изучения, нечасто привлекает внимание исследователей. Тем не менее, в историографии, при всей ее скудости, существует разногласия относительно происхождения «Правосудия» и времени его создания. С.В. Юшков датировал памятник XIII—XIV вв.², Л.В. Черепнин и И.В. Ипатов — концом XIV в.³, М.Н. Тихомиров и Я.Н. Щапов — XV в.⁴, В.Н. Автократов — концом XV — началом XVI в.⁵ При этом, как правило, датирующими признаками справедливо служила употребляемая в «Правосудии» терминология. Исключение представляет собой позиция В.Н. Автократова, который полагал, что памятник возник среди новгородского духовенства вскоре

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 20-09-00060 «Памятники права русских земель конца XIII—XV веков»).

после издания Судебника 1497 г., послужившего одним из источников «Правосудия». Некоторые нормы права будто бы «подверглись... умышленной архаизации»; составителем памятника В.Н. Автократов был склонен считать самого писца рукописи⁶.

Следует отметить, что две основные части конволюта — л. 9—143 и 144—162 (листы 1—8 содержат оглавление, подшитое к манускрипту в XVII в.) — относятся, вопреки М.Н. Тихомирову, не к первой и второй половинам XVI в. соответственно⁷, а приблизительно к одному и тому же времени. Возможно, ученого смутило использование во второй части конволюта «копченных» (сажевых) чернил, имевших широкое употребление на Руси во второй половине XVI и особенно в XVII в., но, тем не менее, изредка встречающихся уже в XV в. Вторая часть Син. 687 переписана другой рукой, но на л. 161 об. — 162 читается приписка (извлечение из канонических ответов патриарха Иоанна XI Векка на вопросы епископа Сарайского Феоноста), несомненно принадлежащая тому же писцу, что и л. 9—143⁸. Таким образом, по времени создания две части рукописи не могут быть отдалены друг от друга несколькими десятилетиями. К сожалению, не удастся уточнить данные М.Н. Тихомирова относительно филиграней второй части конволюта (тип «перчатка под цветком»). Ученый указывает их близость к Брикe № 10682 и 10685 (1572 и 1577—78 гг.). Сходство это неполное (а сравнение затруднено плохим состоянием рукописи); других аналогий в альбомах мы не обнаружили. Однако, учитывая относительную распространенность знаков данного типа и наличие в первой части Син. 687 различных филиграней не позднее 1530-х годов⁹, представляется допустимым датировать обе части конволюта первой половиной XVI в.

Версия В.Н. Автократова, датировавшего «Правосудие митрополичье» временем после 1497 г., не может быть подкреплена данными палеографии. Текст изобилует описками, так что нет сомнений, что рукопись ГИМ Син. 687 — не оригинал памятника. Это касается не только «Правосудия», но и всей той части конволюта, на последних листах которой оно читается (л. 9—143). На то, что писец зачастую «не понимал тот текст, который он переписывал», обращал внимание М.Н. Тихомиров¹⁰. Очевидно, в этой части рукопись имела единый и достаточно древний антиграф не лучшей сохранности.

В тексте «Правосудия» (это обстоятельство никем ранее не отмечалось) дважды встречается буква «зело» (в числовом значении — «б») в ее архаическом варианте — с головкой, повернутой влево (во фразах: «б: велит моуж(а) своег(о) красти»; «за ж(е)р(е)бя б ногот»). Это начертание уже с рубежа XIV—XV вв. начинает замещаться новым, «правосторонним»; «архаическое левостороннее “зело”», как указывает Л.П. Жуковская, «доживает до начала 80-х гг. XV в.»¹¹ и в

это время попадаетея весьма не часто. Оно регулярно встречается и в других статьях Син. 687: «6 Аред» (л. 57; в перечислении потомков Адама), «6 час ноши» (л. 72) и др. Иногда писец заменял левостороннее «зело» правосторонним, но всегда сохранял его в датах (в помещенных в сборнике кратких летописцах), к примеру: «6523», «6[5]24» (л. 45 об.)¹² и т.д. «Левостороннее» «зело» встречается и во второй части конволюта (возможно, мы имеем дело с работой двух писцов одного скриптория по копированию двух разных антиграфов).

Еще один признак древности антиграфа первой части сборника — сокращения слов в виде букв, названиями которых в кириллической азбуке служат эти слова, например (л. 45): «При том (царе Борисе. — *К.В.*) с(вя)щ(е)нна (!) быс(ть) Болгарьская .з.» (то есть «Болгарьская земля»); «и прият всю з Рюрик» (то есть «всю землю»). Такой способ сокращения слов является раритетным и зафиксирован в ограниченном числе русских рукописей конца XIV — начала XV в.¹³ Его наличие в разных статьях основной части синодальной рукописи заставляет думать, что переписчик механически перенес буквенные сокращения из антиграфа. Г.С. Баранкова распространяет время существования подобных аббревиаций на всю первую половину XV в., что, однако, является уже некоторым допущением. Во всяком случае, на основании описанных палеографических примет версию о возникновении «Правосудия» после Судебника 1497 г. можно исключить.

Датировка антиграфа первой части Син. 687 отчасти подкрепляется ошибкой на л. 86 об. (в статье «Ино чудо»). Здесь дата перенесения Пояса Пресвятой Богородицы из Зилы в Константинополь из-за невнимательности книжника, перепутавшего буквы, передана как СЦИ = 6908/1400 г. вместо правильного СУН = 6450/942 г. Маловероятно, между тем, чтобы писец оставил неисправленной еще не наступившую дату. Ошибка, если настаивать на ее наличии в антиграфе Син. 687, дает основание относить этот антиграф к началу XV в.

Можно ли видеть в л. 9—143 синодальной рукописи особое, цельное сочинение? Такова точка зрения И.В. Ипатова, чья статья остается наиболее подробным и обстоятельным исследованием «Правосудия». Его наблюдения относительно источников памятника отличаются наибольшей полнотой. К сожалению, работа содержит и существенный недостаток. Убежденность И.В. Ипатова в том, что «Цветник» представляет собой результат целенаправленного творчества одного автора (это не доказывается, а постулируется), заставляет исследователя подыскивать параллели к статьям «Правосудия» (часто весьма случайные) в других текстах сборника. Так, приводимые им пассажи о милости к «челяди», о наказании «убийцы»¹⁴

представляют собой места, общие для многих древнерусских переводных и оригинальных текстов, и не могут служить надежными примерами связи «Правосудия» с другими статьями Син. 687.

В рассуждениях И.В. Ипатова присутствует заметное противоречие: он и сам отмечает, что «литературная отделка» текстов, попавших в рукопись Син. 687, «едва заметна», что подбор этих текстов «хаотичен»¹⁵. Рукопись Син. 687, как и подавляющее большинство древнерусских сборников, наполнен статьями самого разного происхождения и разной датировки, с «Правосудием» никак не связанными. Так, например, здесь помещены толкования на некоторые евангельские стихи, где, в частности, говорится, что благодать открылась «послед(и) всех русскому языку» (л. 17 об.)¹⁶. Этот текст, сохранивший отзвук недавнего Крещения Руси, читается также в хорошо известной рукописи XVI в. РГАДА, МГАМИД 478 — настоящей «коллекции... литературных раритетов» преимущественно домонгольского времени¹⁷. Статья «Яко ни единого подобия имать ч(е)л(ове)къ к Б(о)гу...» (л. 53 об.)¹⁸ происходит из «Притчи о слепце и хромце» Кирилла Туровского (середина XII в.)¹⁹. В один из кратких летописцев вставлена цитата из послания митрополита Никифора князю Ярославу Святополчичу (начало XII в.): «По сем покорени быс(ть) римляне от унда, иже нарицаютьс(я) немци...» (л. 58 об. — 59)²⁰.

В то же время статья «Сказание о прьввых кн(я)зех русских» (л. 47)²¹ содержит указание на приход Рюрика с братьями «из Немець», самая ранняя аналогия которому обнаруживается в статье «Сице родословятся велицеи князи русьстии» — новгородском памятнике 1420-х годов²². При этом считать переписчика Син. 687 составителем данного текста едва ли возможно, так как он встречается в подобном же окружении («Сказание о семи соборех» и летописные фрагменты о князе Владимире Святославиче) в сборнике XVII в. РНБ, Q.XVII.176²³. Попутно заметим, что статья «Сице родословятся...» вкуче с отрывками из Епифаниева Жития свт. Стефана Пермского²⁴ (написанного во второй половине 1390-х годов или самое позднее в начале XV в.²⁵) вновь указывает на создание антиграфа первой части Син. 687 в конце XIV — начале XV в.

Впрочем, в нашем сборнике есть одна вполне значимая параллель к «Правосудию», не отмеченная И.В. Ипатовым. Речь идет об одной фразе в рассказе из цикла апокрифов о Соломоне (бывший слуга и приемный сын знатного человека из Вавилона не возвращается из торговой поездки и становится «боярином» у Соломона; после смерти вавилонянина его родной сын едет в Иерусалим и требует своего; «боярин» выдает себя за родного сына, а того называет «холопом»; царь выясняет правду). «Соломонов цикл» был переведен с древнеев-

рейского языка на Руси еще в домонгольскую эпоху²⁶. В большинстве списков интересующее нас место (слова родного сына) выглядит так: «Аще не будеть, царю, сей холопъ отца моего и мой, да за ударение руку мою вдасть ми ся мечь потяти мя»²⁷. В Син. 687 читаем: «Аще, ц(а)рю, сии холоп не будет мои холоп и отца моег(о) и мои, то соими с меня главу мою» (л. 36). Такое же выражение мы находим в первой статье «Правосудия»: «Кн(я)зю великому за бесчестье глав(у) снят(и)». Встречающееся в разговорной речи до сих пор, оно крайне редко употребляется в книжных текстах²⁸. Совпадение окажется еще более разительным, если учесть, что и Соломону грозило «бесчестье», если не подтвердились бы слова родного сына вавилонянина. «Разгневанному» царю стало «жаль» неудобной ситуации на «обедѣ» среди «бояр». Поэтому представляется весьма вероятным непосредственное влияние рассказа на «Правосудие». С И.В. Ипатовым трудно согласиться в том, что «координирующее влияния составителя»²⁹ прослеживается на протяжении всей рукописи. Однако, по-видимому, есть доля истины в мнении исследователя, что в «Правосудии» «этико-христианские сентенции “Цветника” ограничены... юридическими квалификациями»³⁰. Невозможно доказать, что именно составитель юридического памятника был редактором «Соломонова цикла». Однако он мог быть читателем той его версии, что помещена в Син. 687³¹.

Наконец, для уточнения датировки «Правосудия» важны применяющиеся в нем юридические понятия. Несколько таких терминов выделил в «Правосудии» еще М.Н. Тихомиров («бесчестье» ‘наказание за оскорбление’, ‘душегубец’, ‘корчма’, ‘пристав’, ‘околичник’, ‘присуд’). По мнению исследователя, эти термины обычны для XIV—XV вв. К этим наблюдениям можно сделать несколько уточнений. Слово «корчма» неправомерно включено ученым в перечень: термином оно не является, относится к общеславянской лексике и зафиксировано в русских памятниках начиная с домонгольского времени (Прологе, переводе Пандект Никона Черногорца)³². «Присуд» ‘судебная пошлина’, к которому М.Н. Тихомиров дает параллель из грамоты 1488 г., встречается в статье 1398 г. Новгородской I летописи³³. Термин «околичник», действительно, известен только по грамоте белозерского князя Михаила Андреевича середины XV в. Однако слово, производным от которого он является — «околица» ‘округ’, — налицо в актах конца XIV в.³⁴ Никем до сих пор не был отмечен термин «сутяжай» ‘участник судебной тяжбы’ (статья 30 «Правосудия»). Он известен только по Житию Михаила Ярославича Тверского, написанному в 1319—1320 гг. (читается уже в древнейшей, Пространной редакции³⁵) и Чудовскому Новому Завету XIV в.³⁶ В дальнейшем этот архаизм (ср. известные еще по древнеболгарским

текстам слова «послухатай» ‘свидетель’ и «позоратай» ‘то же’), по-видимому, выходит из употребления.

И.В. Ипатов справедливо указал, что штраф в виде «гривны злата» за бесчестье княжеским тиуну и наместнику происходит из Церковного Устава Ярослава и памятника великоморовской эпохи — Закона Судного людем³⁷. Как расчетная условность золотая гривна сохраняется, хотя и очень редко, в полоцких актах конца XV в.³⁸ Но составитель «Правосудия» настойчив: он также применяет уникальный, из юридических текстов известный лишь по изучаемому памятнику оборот «злато за злато» (статья 3), обозначающего пошлину с присужденной истцу суммы (эта пошлина в тексте запрещается). Поэтому можно думать, что в эпоху «Правосудия» золотые гривны, если и не употреблялись, то были живым воспоминанием. Эти денежные единицы еще упоминаются в реестре вещей из «отрывков Бенешевича» — своего рода записной книги митрополита Феогноста (1328—1353)³⁹; позднее о них ничего не известно.

Важно при этом, что гипотеза о происхождении памятника, в соответствии с названием, из кругов, близких к московской митрополичьей кафедре, не вызывает особых сомнений. В.Н. Автократов, пишущий о новгородском происхождении «Правосудия», вероятно, неточно истолковал предположение Л.В. Черепнина, который связывал возникновение текста с деятельностью митрополита Киприана во время конфликта с новгородцами, где в 1385 г. была проведена реформа, отменившая право судебной апелляции к первосвятителю⁴⁰. Конечно, «Правосудие» могло возникнуть непосредственно в Новгороде, но опираться при этом на нормы московского права. Гипотезу Л.В. Черепнина, весьма правдоподобную в свете особого интереса Киприана к юридическим вопросам (так, сохранился уникальный для своего времени документ — грамота 1404 г. по делу вдовы Федосьи, содержащая «первую и на долгие годы единственную»⁴¹ в русском делопроизводстве ссылку на византийские правовые нормы), нелегко подкрепить доказательствами. Ученый основывался лишь на заглавии «О нугородцкихъ судехъ митрополич(ь)ихъ»⁴², которое дано помещенной в сборнике с «Правосудием» выписке из Церковного Устава Ярослава в оглавлении, написанном значительно позднее. Тем не менее происхождение Син. 687 действительно связано с городом на Волхове, о чем свидетельствуют единичные орфографические «новгородизмы»: «сродничю» (л. 45), «яковлицах» (л. 71 об.).

Итак, составление «Правосудия митрополичьего» следует в любом случае относить ко времени до Судебника 1497 г. Наиболее вероятной представляется датировка памятника концом XIV — началом XV в. Хотя достаточных оснований для атрибуции текста

кому-либо одному из русских митрополитов пока не найдено, предположение об отражении в тексте судебной деятельности Киприана заслуживает дальнейшей разработки.

¹ Описание сборника и публикации отдельных статей см.: *Горский А.В., Невоструев К.И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. — М., 1857. — Отд. II. — Ч. 3. — С. 680—695; *Тихомиров М.Н.* Правосудие митрополичье // Археографический ежегодник за 1963 год. — М., 1964. — С. 32—41.

² *Юшков С.В.* Правосудие митрополичье // Летопись занятий Археографической комиссии. — Л., 1929. — Т. 35. — С. 117—118.

³ *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков. — М., 1951. — Ч. 2. — С. 26—28; *Ипатов И.В.* «Правосудие митрополичье» // Вспомогательные исторические дисциплины. — СПб., 1994. — Т. XXIV. — С. 254.

⁴ *Тихомиров М.Н.* Правосудие митрополичье. — С. 43—44; *Щапов Я.Н.* Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. — М., 1976. — С. 207—211. Текст «Правосудия» цитируется по указанному изданию Я.Н. Щапова.

⁵ Памятники русского права. — М., 1955. — Вып. 3. — С. 438—439.

⁶ Там же.

⁷ *Тихомиров М.Н.* Правосудие митрополичье. — С. 32—33.

⁸ Это свое наблюдение сообщила мне М.В. Корогодина, за что я приношу ей сердечную благодарность.

⁹ *Тихомиров М.Н.* Правосудие митрополичье. — С. 32.

¹⁰ Там же. — С. 42.

¹¹ *Жуковская Л.П.* Грецизация и архаизация русского письма 2-й половины XV — 1-ой половины XVI в. (об ошибочности понятия «второе южнославянское влияние») // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. — М., 1987. — С. 169.

¹² Смерть князя Владимира Святославича и убиение Бориса и Глеба; во втором случае по ошибке пропущено число сотен.

¹³ *Баранкова Г.С.* Редкий способ сокращения слов, связанный с названиями кириллических букв // Лингвистическое источниковедение и история русского языка, 2012—2013. — М., 2013. — С. 133.

¹⁴ *Ипатов И.В.* «Правосудие митрополичье» // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л., 1991. — Т. XXII. — С. 203—204.

¹⁵ Там же. — С. 200.

¹⁶ *Горский А.В., Невоструев К.И.* Описание славянских рукописей... — С. 681.

¹⁷ *Турилов А.А.* «Поучение Моисея» и сборник игумена Спиридона (новгородский памятник XII в. в контексте русско-южнославянских связей) // *Турилов А.А.* Межславянские культурные связи эпохи средневековья и источниковедение истории и культуры славян: этюды и характеристики. — М., 2012. — С. 297. Отрывок статьи по этой рукописи издан: *Калачов Н.В.* Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. — М., 1855. — Кн. 2, 1-я половина. — С. XXIII.

¹⁸ Статья издана: *Тихомиров М.Н.* Правосудие митрополичье. — С. 35.

¹⁹ Ср.: Библиотека литературы Древней Руси. — СПб., 2004. — Т. 4. — С. 146.

²⁰ Ср.: *Поньрко Н.В.* Эпистолярное наследие Древней Руси XI—XIII вв. Исследования, тексты, переводы. — СПб., 1992. — С. 74.

²¹ Издано: *Тихомиров М.Н.* Правосудие митрополичье. — С. 34.

²² «Первыи князь на Русьской земли Рюрикъ, пришедый из Немечь...» (Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. — М.; Л., 1950. — С. 465).

- ²³ *Кунцевич Г.З.* История о Казанском царстве или Казанский летописец. — СПб., 1905. — С. 606—607.
- ²⁴ *Тихомиров М.Н.* Правосудие митрополичье. — С. 34—35.
- ²⁵ *Дробленкова Н.Ф., Прохоров Г.М.* Епифаний Премудрый // Словарь книжников и книжности Древней Руси. — Л., 1988. Вып. 2, ч. 1. — С. 212; *Духанина А.В.* Жизнь и творчество Епифания Премудрого // Житие Сергия Радонежского (Пространная редакция). — Москва; Брюссель, 2015. — С. 560—561 (Приложение 1).
- ²⁶ *Пичхадзе А.А.* Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. — М., 2011. — С. 46.
- ²⁷ Библиотека литературы Древней Руси. — СПб., 2004. — Т. 3. — С. 186 (по Полной хронографической Палее конца XV в. РНБ, Погод. 1435); то же: Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. — СПб., 1862. — Вып. 3. — С. 57 (по Полной Хронографической Палее 1494 г. РГБ, Рум. 453).
- ²⁸ До XVII в. нам известен лишь один пример: Летописец Еллинский и Римский. — СПб., 1999. — Т. 1: Текст. — С. 241 (в составе фрагмента из «Иосиппона»; славянский перевод этого памятника был осуществлен на Руси не позднее начала XII в., но в отдельном виде не сохранился, так что невозможно определить, архетипное ли перед нами чтение или след работы редактора XV в.).
- ²⁹ *Ипатов И.В.* «Правосудие митрополичье» // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л., 1991. — Т. XXII. — С. 204.
- ³⁰ Там же. — С. 203.
- ³¹ «Правосудие» было последним текстом в антиграфе первой части Син. 687, как можно понять из пометы «назади кн[иги?]», поставленной писцом на полях напротив заглавия «Правосудия». М.Н. Тихомиров ссылается на утрату после л. 143 и допускает, что помета может относиться к иному тексту, читавшемуся после «Правосудия». Но окончание памятника (л. 143 об.) оформлено в виде «воронки». Следовательно, утраченные листы относились к другой части конволюта (л. 144—162).
- ³² Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). — М., 1991. — Т. 4. — С. 373.
- ³³ Словарь русского языка XI—XVII вв. — М., 1995. — Вып. 20. — С. 45.
- ³⁴ Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). — М., 2009. — Т. 6. — С. 132. Заметим, что связь почти омонимичных терминов «окольниковый» (находящийся «около», вблизи государя) и «околичник» (управитель «околицы») эфемерна.
- ³⁵ *Кучкин В.А.* Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // Средневековая Русь. — М., 1999. — Вып. 2. — С. 142.
- ³⁶ Словарь русского языка XI—XVII вв. — М., 2011. — Вып. 29. — С. 68. Ср. западнорусское «сутяжей».
- ³⁷ *Ипатов И.В.* «Правосудие митрополичье» // Вспомогательные исторические дисциплины. — СПб., 1994. — Т. XXIV. — С. 254.
- ³⁸ Полоцкие грамоты XIII — начала XVI века. — М., 2015. — Т. 2. — № 316, 347.
- ³⁹ *Приселков М.Д., Фасмер М.Р.* Отрывки В.Н. Бенешевича по истории русской церкви XIV века // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. — Пг., 1916. — Т. XXI, кн. 1. — С. 50.
- ⁴⁰ *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы... — Ч. 2. — С. 26—28.
- ⁴¹ *Живов В.М.* Особенности рецепции византийской культуры в Древней Руси // *Живов В.М.* Разыскания в области истории и предистории русской культуры. — М., 2002. — С. 223. Что касается предположения М.Н. Тихомирова о пермском «следе» в происхождении «Правосудия», то оно опирается на еще более шаткий аргумент — наличие в сборнике статьи о пермской грамоте (основанной, очевидно, на Житии Стефана Пермского) и, как справедливо указал В.М. Живов, «лишено всякого правдоподобия» (Там же. — С. 225).
- ⁴² *Горский А.В., Невоструев К.И.* Описание славянских рукописей... — С. 683.

С.В. Городилин

РОСТОВСКИЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ И ЕГО НЕДОЛГОЕ ПСКОВСКОЕ КНЯЖЕНИЕ

Аннотация: Статья посвящена конкретному случаю: событиям, связанным с изгнанием псковичами в 1462 г. своего князя Владимира Андреевича Ростовского. Привлечение более обширного массива сведений летописей и актов позволило конкретизировать бытовавшие в то время нормы выбора и принятия князей на псковский стол, зафиксировать вызванные конфликтом с князем Владимиром новации в этой важнейшей для тогдашних псковско-московских связей сфере, а также рассмотреть вопрос о роли, которую направление Владимира Андреевича из руки великого князя на княжение во Псков могло играть в отношениях Москвы и Ростова. Полученные выводы позволяют точнее охарактеризовать роль эксцесса 1462 г. в политической истории Псковской республики. Кроме того, в результате удастся выявить целый ряд значимых деталей, характеризующих реальное наполнение тех зафиксированных великокняжескими актами политических статусов Пскова и Ростова относительно Великого княжения Московского, общие направления трансформации которых намечены упоминаниями в духовных и договорных грамотах великих князей Василия Васильевича и Ивана Васильевича.

Ключевые слова: Владимир Андреевич Ростовский; Псковская республика; псковские князья; Ростов; русская средневековая история

S.V. Gorodilin

Prince of Rostov Vladimir Andreyevich and his short-term rule in Pskov

Abstract: The article examines a particular case: the events related to banishing by Pskov citizens their Prince Vladimir Andreyevich of Rostov. Broadening of the examined chronicles and acts has let make more specific contemporaneous norms of election and acceptance of Princes as Pskov rulers, detect novations in this area, one of the most important for relations between Moscow and Pskov of that time, and also consider the problem of the role which appointment of Vladimir Andreyevich by the Great Prince to rule at Pskov could play in relation between Moscow and Rostov. The findings let characterise more accurately the role of the excess which took place in 1462 in political history of Pskov republic. Besides that this study helps to reveal a considerable number of significant details which characterise real circumstances behind those political statuses of Pskov and Rostov in their relationship with Moscow that had been documented in the Great Prince's acts and whose main directions of transformation are outlined by references in testaments and pacts of Great Princes Vasilij Vasilijevich and Ivan Vasilijevich.

Keywords: Vladimir Andreyevich Rostovsky; Pskov republic; Pskov princes; Political history; Rostov; Russian medieval history

Пребывание на псковском столе ростовского князя Владимира Андреевича оказалось достаточно кратким — как позже отметил летописец, «с полтора году и не полны» — и не было отмечено какими-то особо выделяющимися событиями. Чрезвычайно ярким стал лишь его финал: в самом начале осени 1462 г. великокняжескому наместнику и владельтельному князю не просто пришлось покинуть город, как это не столь уж редко случалось со ставшими неугодными псковичам князьями до того. Князь Владимир еще и подвергся ранее небывалому оскорблению — «на вечи съ степени съпхнули его». Обычно о лишенных горожанами власти князьях просто и сухо писалось «поеха из Пскова», а Владимир Андреевич после случившегося, как дружно сообщают городские летописи, отправился «на Москву съ бесчестиемъ к великому князю Ивану Васильевичю жаловатися на Псковъ»¹. Прибывшее вскоре вслед за оскорбленным Владимиром псковское посольство великий князь, после того, как его наместника и князя псковичи подвергли такому позору, не принимал в течение трех дней. Впрочем, в итоге status quo в отношениях великого князя Московского и его отчины «мужей псковичъ доброволных людеи» все же был восстановлен.

Отраженный лишь псковским летописанием, столь колоритный эпизод позднего русского средневековья был воспринят отечественной историографией еще со времен Н.М. Карамзина, интерпретация которого предопределила угол зрения на данный сюжет и последующих исследователей. Опираясь на доступные ему тексты Архивского 2-го списка ПЗЛ (далее Арх.П; Н.М. Карамзин называет его «псковской летописью Малиновского»), где известие о приезде на княжение в Псков великокняжеского наместника князя Владимира сопровождается замечанием, что тот был прислан «не по псковскому прошению ни по старинѣ», и Синодального списка П2Л (далее Син.), ученый указал, что великий князь Василий Васильевич незадолго до своей кончины дал псковичам «в наместники, без их воли, князя Владимира Андреевича; они приняли его, но не любили и скоро выгнали: даже обругали и столкнули с крыльца на вече». После чего, когда в Москву прибыло посольство псковских бояр, новый великий князь Иван три дня «не хотел их видеть; на четвертый выслушал извинения, простил и милостиво дозволил им выбрать себе князя»². Таким образом был задан контекст, в рамках которого и происходило дальнейшее осмысление этого эпизода в историографии: все случившееся рассматривалось сквозь призму отношений подчиняющей себе все новые политические образования великокняжеской власти и Пскова в последние полвека существования городской коммуны; активной стороной предполагался Василий

Васильевич, пославший своего наместника на княжение вопреки традиции без согласия горожан, но те, пойдя в ответ на резкое обострение, все же сумели отстоять (хотя, как впоследствии окажется, не столь уж надолго) свою «старину» от посягательства Москвы, которая в итоге уступила.

Публикация памятников псковского летописания М.П. Погодиным³, а затем в IV и V томах ПСРЛ⁴ в этом смысле ничего не изменила: события реконструировались и анализировались историками на основе простой компиляции известий изданных летописных текстов. Определяющее суть конфликта замечание о нарушившем «старину» приезде Владимира без прошения псковичей, что и предопределило последовавшее изгнание наместника, бралось из положенного в основу публикации Арх.П списка ПЗЛ и дополнялось содержащимся в разночтениях к его статье 6970 г. по Архивскому I (далее Арх.I), Карамзинскому, Бальзеровскому и Снегиревскому спискам П1Л и в статье 6971 г. опубликованной по Син. П2Л, указанием, что неугодного князя «с степена на вечи спихнули», которым иллюстрировалось его «бесчестье».

Эта модель интерпретации событий псковского княжения Владимира Андреевича применялась и в общих обзорах русской истории, и в работах, посвященных проблемам истории Пскова⁵. Хотя все те авторы, которые касались данной темы, придавали обстоятельствам присылки и последовавшему изгнанию этого князя особое значение в свете развернувшегося в дальнейшем наступления великокняжеской власти на псковскую самостоятельность и, в итоге, присоединения Пскова к Московскому государству, но попыток привлечь для анализа доступных сведений о псковском княжении Владимира иные известия источников или сопоставить между собой имеющиеся летописные версии рассказа о конфликте и о его предыстории ими не делалось. Предполагаемые кандидатуры князей, будто бы выдвинутые в 1461 г. псковичами, но отвергнутые Москвой, вопреки им демонстративно отправившей Владимира Андреевича, возникали из мира идей без поиска каких-либо оснований в имеющихся текстах памятников⁶. Принятие Псковом нежеланного князя, прибывшего наперекор воле города, объяснялось страхом перед великим князем либо нуждой в московской помощи для борьбы с немцами — впрочем, вскоре этот страх почему-то напрочь исчез, а с Ливонией как раз перед приездом Владимира было заключено мирное соглашение на пять лет. Не находили убедительного объяснения в рассматриваемом контексте ни странная резкость, ни последующая неожиданная мягкость Москвы, которая согласно принятой интерпретации вначале пошла на ничем не обусловленное и

при этом не встретившее никакого сопротивления провокационное нарушение старинных норм только что перед этим столь удачно для нее восстановившихся отношений с Псковом, а спустя полтора года вдруг легко уступила без каких-либо санкций. Мотивы решений и смысл действий великих князей Василия Васильевича и Ивана Васильевича реконструировались на основе одних и тех же использованных еще Н.М. Карамзиным летописных известий, которые иллюстрировали гипотетические построения исследователей.

Новая публикация псковских летописей А.Н. Насоновым⁷, установившим существование трех, а не двух, как прежде считалось, ветвей летописания в Пскове второй половины XV — середины XVI в., наглядно продемонстрировала наличие в них различных версий сообщений о появлении князя Владимира и о его изгнании, а также уточнила место содержащих эти версии памятников в летописной традиции Пскова. Впрочем, это мало повлияло на уже сложившийся подход к осмыслению рассматриваемых событий. Взятый за сопоставление версий Л.В. Черепнин пришел к выводу, что за сообщением П1Л и П2Л о бесчестии князя на вече скрыто неизвестное источникам «восстание народа» в защиту старины против усиления власти Москвы и против местных бояр, которые, не приняв во внимание чаяний «широких масс черных людей», согласились на наместничество прибывшего без воли псковичей Владимира⁸. При этом лишь умолчавшая о самом факте предполагаемого восстания П3Л, напротив, сохранила указание о мотивах этого восстания, страх перед повторением которого и вынудил затем великого князя и псковских бояр прийти к соглашению, «чтобы отвести от себя народный гнев». Впрочем, убедительных аргументов в защиту своей гипотезы ученый не привел, не получила она поддержки и у последующих авторов⁹.

Ю.Г. Алексеев также констатировал расхождение версий рассказа о княжении Владимира в разных летописях, указав, что согласно одному списку князь приезжает «ни по псковскому прошению, ни по старине», а по другому — он принят с великой честью, и, кроме того, отметил, что Владимир все же «в известной мере... участвовал в политической жизни Пскова», а «открытый разрыв» псковичей с князем произошел все же не сразу, но «уже осенью 1462 г.». Однако ученый отказался от подробного рассмотрения вопросов о характере и причинах самого конфликта, поддержав уже ставшее общим мнение, что тот был связан «прежде всего с самой процедурой назначения князя», но осторожно добавляя, впрочем, что это «остается неясным» и, «во всяком случае, князь Владимир Андреевич во Пскове не прижился», а также присоединившись к традиционному предпо-

ложению, что перед его приездом, «по-видимому, псковичи просили другого князя, имя которого летописец не называет»¹⁰.

В целом нужно заметить, что всеми касающимися проблемы авторами применительно к рассматриваемым событиям презюмируется господство в то время в Пскове традиции приглашения князей исключительно по своему собственному выбору (иногда используется термин «выборность князей»), однако ни ее свойства, характеристики и формы реализации в рассматриваемый период, ни длительность ее бытования, ни ее соотношение с декларируемым самими же псковичами статусом их города как отчины московского великого князя не разбираются¹¹. Княжение Владимира в Пскове осмысливается историографией как уникальная ситуация первого и при этом осознанного нарушения великокняжеской властью сложившихся задолго до этого политических норм функционирования городской республики, отражение «усиливающегося давления» Москвы, которое вызвало мощную ответную реакцию. Вследствие такого подхода само это княжение не сопоставляется с княжениями в городе других московских наместников, не определяются те общие мотивы и критерии, которыми в рассматриваемый период руководствовались псковичи при приглашении князей и при их изгнании, а также не принимаются во внимание и не исследуются особенности статуса князя Владимира Андреевича в сравнении с прочими наместниками великих князей в Пскове. Более того, до настоящего времени эпизод с псковским княжением практически не рассматривался в контексте биографии самого Владимира и отношений великокняжеской власти и князей Ростова¹². Представляется возможным в той мере, какую может позволить источниковая база, попытаться исправить сложившееся положение.

Уточним событийную канву, восстанавливаемую по сведениям летописей. Даты приезда князя Владимира в Псков они не указывают, но известны предшествовавшие ему события: в 1460 г. при содействии великого князя Василия Васильевича готовится заключение пятилетнего перемирия Пскова с Дерптом, и, наконец, в самом начале 1461 г. псковское посольство и представители Ордена, Риги и Дерпта съехались в Новгород. Там при участии посла великого князя Московского и новгородских посадника и тысяцкого происходит подписание перемирной грамоты и целование креста, после чего начинаются процедуры ратификации соглашения и урегулирование последствий завершившегося конфликта¹³. В это же время Псков покидает предыдущий наместник великого князя Иван Васильевич Стрига Оболенский, который княжил там с 23 марта 1460 г.¹⁴ Вместе с ним к великому князю в Москву сразу же отправ-

ляется посольство псковских бояр во главе с посадником Максимом Ларионовичем «чтобы князь великий печаловался своею вотчиною мужьями псковичи»¹⁵. Миссия послов очевидна: городу было нужно подтверждение, что полученные им годом раньше обязательства военной и политической поддержки Василием Васильевичем Пскова как его великокняжеской «отчины» по-прежнему остаются в силе¹⁶.

Наиболее ранний из дошедших списков псковских летописей — сохранивший П2Л Син.¹⁷ — называет в качестве цели посольства посадника Максима также и то, чтобы великий князь «дать бы князя». С учетом признанной тенденции П2Л не к распространению, а, напротив, к максимальному сокращению текста, и близости времени создания памятника к описываемым событиям степень достоверности этого указания видится самой высокой¹⁸. Не противоречит ему и контекст: просьба о присылке нового князя после отъезда предыдущего — многократно упоминаемая летописями на протяжении всего XV в. стандартная псковская ситуация, и для мысли, что псковичи вдруг почему-то решили отказаться от уже прочно укоренившегося института своей политической системы или, прося у великого князя продолжения военного союза, в то же время захотели поискать для себя независимого от него князя в каком-то ином месте, нет никаких оснований. Такого рода заключения, впрочем, подталкивали ученых и к различным предположениям в связи с желаемой для Пскова кандидатурой нового князя, какую, по их мнению, непременно должно было заявить это посольство, но о которой почему-то промолчали летописцы¹⁹. Однако отсутствие в их рассказе имени того конкретного князя, которого в рамках этой логики послан непременно надлежало просить в Москве, не должно смущать: в известиях об отправке подобных миссий имена кандидатов прямо указываются не всегда²⁰ (некоторые соображения о причинах этого будут изложены ниже). В известии о возвращении посольства Максима и о его отчете на вече также нет никаких указаний на то, что поездка хотя бы в чем-то оказалась не вполне успешна или на то, что в ходе миссии возникли какие-то противоречия с Москвой: послы вернулись «все добры и здоровы», а князь великий «свою отчину» Псков «жаловал» и обещал «стояти и боронити за домъ святыхъ Троица и за мужи псковичь», все летописи в этом согласны²¹.

Сразу же за этим следует сообщение о приезде на псковское княжение князя Владимира Андреевича. Точной даты оно, как уже сказано, не содержит, а следующее за ним известие годовой статьи — о закладке храма Успения в Мелетове — также не датировано и может быть отнесено к весенне-летнему строительному сезону 1461 г. Таким образом, князь должен был прибыть не ранее того времени, за

которое посольство смогло добраться из Пскова до Москвы, провести переговоры о его приезде и, вернувшись, отчитаться на вече (все это занимало никак не менее месяца или — обычно — даже ощутимо больше). Посольство же, как говорилось, выехало в Москву вместе с князем Иваном Стригой Оболенским, а тот покинул Псков по сообщению Тихановского списка П1Л (далее Тих.) и всех списков ПЗЛ «в недѣлю святых Отец 300 и 18».

А.В. Экземплярский вначале датировал отъезд этого князя 2 сентября 1461 г., решив, что речь идет о дне памяти не 318, а 3618 «святых отец», но позже не включил это предположение в свою обобщающую работу²². Действительно, оно было явно ошибочным: «3618 мученикам, иже в Никомидии» неделя не посвящена, кроме того, эти мученики вряд ли могли быть определены как «святые отцы». Мнение, что Иван Стрига «с год наместничал во Пскове» в 1461—1462 гг. (и, следовательно, уехал из города в 1462 г.), высказанное с неточной ссылкой лишь на П1Л А.А. Зиминым²³, противоречит всем хронологическим указаниям источников²⁴.

Ю.Г. Алексеев отнес отъезд князя Ивана к 31 мая 1461 г. (исходя, видимо, из того, что упомянутая летописцем Неделя святых отец 318 — это воскресенье 7-й недели по Пасхе), а возвращение послов и следующий за ним приезд Владимира — к лету этого же года²⁵. При всей внешней логичности такого заключения возникает, однако, неразрешенное противоречие. Сообщение об отъезде Владимира из Пскова в ПЗЛ дополнено, как говорилось, указанием, что он пробыл во Пскове чуть менее полутора лет («с полтора году и не полны»). Летописцы помещают бесчестие князя и последовавший за этим его отъезд в Москву в самое начало 6971 г. (Син.), или в конец статьи 6970 г. — «того же лѣта на осень» (Тих.), «тоя же осени» (П1Л в списках Арх.І; Варшавском²⁶, далее Варш., л. 338 об.; Погодинском, далее Пог., и Оболенском, далее Обол.) или «тоя же осени... месяца септября» (Строевский список ПЗЛ — далее Стр., и прочие ее списки), т.е. на рубеж августа и сентября или на сентябрь 1462 г.²⁷ При датировке Ю.Г. Алексеева княжение Владимира не могло начаться ранее июля — августа 1461 г. Но в таком случае оно продлилось бы никак не более 13 полных месяцев, а поскольку о прибытии князя сообщается как о случившемся уже после возвращения послов самостоятельным событием, то даже явно меньше — и вряд ли это могло быть определено летописцем как неполных «полтора году». Если усомниться в указанной ПЗЛ длительности пребывания князя на псковском столе, предположив в ней результат позднейшей ошибки (к примеру — вычисление на основе неясных указаний протографа), то придется заподозрить характер не слишком точного

припоминания и для всей этой включенной лишь в ПЗЛ вставки в присутствующее и в остальных псковских летописях известие об отъезде Владимира, которая дополнительно сообщает о продолжительности его княжения и о причинах изгнания. Если же считать, что в цифрах ПЗЛ, явно не слишком расположенная к ростовскому князю и не заинтересованная преувеличивать длительность его правления, все-таки не ошиблась, то остается подозревать ее и Тих. в неточности с датой отъезда Ивана Стриги. Это видится наиболее вероятным: если речь о точной дате — о конкретном воскресном дне, в который князь выехал из города, то он скорее должен был бы быть определен, как Собор святых отец 318, а не как их «неделя». Но существует и «Неделя святых отец» — последнее воскресенье перед Рождеством. Если предположить, что уточнение с цифрами («318»; «300 и 18») является дополнением позднейшего редактора или переписчика, не понявшего, о каких именно святых отцах шла речь, то выходит, что князь Иван вместе с послами покинул Псков 21 декабря 1460 г. В этом случае (с учетом времени на дорогу послов в Москву, переговоры, возвращение и их отчет и на последующий приезд князя) «с полтора году и не полны» завершившегося в сентябре 1462 г. княжения Владимира могли начаться весной 1461 г., что снимает все противоречия²⁸.

Указаний, что приехавший Владимир Андреевич принадлежал именно к Ростовскому княжескому дому, летописи не содержат. Впрочем, иных князей с таким именем и отчеством, сопоставимых по статусу и находящихся в сфере политического влияния Москвы, в это время не известно, ростовские же князья — в том числе отец и дядя Владимира Андрей и Федор Александровичи, а позднее также и сыновья Владимира Александр и Дмитрий — традиционно княжили на псковском столе, поэтому со времен публикации «Ключа...» П.М. Строева²⁹ никто не оспаривает мнения, что речь идет именно о Владимире Андреевиче Ростовском. Все летописи согласно отмечают, что он прибыл в Псков на княжение как наместник от великого князя и псковичи приняли его с честью³⁰. ПЗЛ и все списки ПЛ, кроме Тих., продолжают эту фразу известием «и посадиша его на княжение» («...во Псковѣ», уточняют Пог. и Обол.). Эта деталь опущена в П2Л, но ее автор, как сказано, сокращал текст своего протографа и краткая формула «прияша съ честию» постоянно применяется им в отношении вне всякого сомнения занявших псковский стол князей. Одновременное наличие чтения «и посадиша его на княжение во Пскове» в списках Стр., Арх. I, Варш., Пог., Обол. предполагает, что оно должно было быть уже в протографе, к которому они восходят (по мнению А.Н. Насонова — Своде 1481 г.).

В ПЗЛ это сообщение о приезде Владимира дополнено замечанием: «а не по псковскому прошению ни по старинѣ». В других псковских летописях, в том числе и в дошедших в ранних списках и ранних редакциях, его нет, что вынуждает предположить его отсутствие и в общем источнике этих памятников; возможных причин появления данного замечания в этом известии ПЗЛ мы коснемся ниже. Здесь же отметим, что, несмотря на то внимание, которое ему уделяли все исследователи, до настоящего времени никак не обсуждалось отсутствие упоминаний об этом важном обстоятельстве в прочих памятниках псковского летописания. Ни в них, ни в самой ПЗЛ нет и указаний о каких-то сопутствовавших вокняжению Владимира и его дальнейшему правлению сложностях или особенностях, которые бы возможно было связать с этой характеристикой его приезда и которые позволяли бы предположить некую неполноту его последующего княжеского статуса в сравнении с прочими псковскими князьями. При этом даже и ПЗЛ сохраняет выраженное в традиционной формуле указание своего протографа о должной чести, с которой князь был принят, и о его посажении на княжеский стол (т.е. о совершении обычного ритуала, легитимирующего властный статус в городе). Все последующие известия о княжении Владимира без колебаний именуют его «князем Псковским» и упоминают о происходящих в период его княжения событиях, как о случившихся «при князи Пъсковъскомъ Володимере Ондреевичи и при посаднике Максиме Ларионовиче».

Однако Л.В. Черепнин, опираясь лишь на лаконизм летописных формул, описывающих приезд и посажение на стол Владимира, уверенно заключил, что хотя «приехавший из Москвы наместник был принят с соблюдением всех соответствующих его положению церемоний», но при этом имело место резкое нарушение обычной практики: князь Владимир не целовал креста ко Пскову. «Летописи обычно очень последовательны в своих сообщениях о форме присяги, приносимой князьями Пскову и псковичами князьям, — отмечает исследователь. — Очевидно, в данном случае такой двусторонней присяги и не было». Таким образом, Владимир «не был князем, избранным Псковом, взявшим перед ним определенные обязательства и получившим соответствующие права», он лишь «являлся великокняжеским наместником», только «признанным местными псковскими властями»³¹. К сожалению, Л.В. Черепнин не сопроводил этот свой чрезвычайно серьезный вывод какой-то минимально подробной доказательной базой, которая бы содержала прямые ссылки на источники.

Ту же позицию недавно занял и даже развил А.А. Вовин. Касаясь «ритуализованных символических актов», сопровождающих вокня-

жение князей в Пскове, ученый указывает на постепенное формирование в летописании «устойчивых нарративных конструкций», описывающих их процедуру³². По его мнению, это происходит параллельно с усложнением в XV в. форм ритуала присяги, которые, как предполагается, всякий раз весьма точно отражены в текстах летописных сообщений о вокняжениях. Обязательность соблюдения и исполнения всех элементов ритуала А.А. Вовин вслед за Л.В. Черепниным иллюстрирует как раз казусом с приездом князя Владимира: поскольку в летописном известии не упомянуто о крестоцеловании этого князя Пскову, значит, этого целования креста не было и в действительности, и, следовательно, без столь важного элемента «в глазах псковичей не произошло» и самого вокняжения князя Владимира. В таких случаях, по словам исследователя, «князь ненадолго оставался в Пскове» и «псковичи могли обойтись с ним довольно неуважительно», т.е., следуя логике этой гипотезы, власть Владимира в сравнении с властью полностью прошедших процедуру посажения князей изначально имела куда менее легитимный характер³³. Развернутой аргументации, подтверждающей уникальность для псковского летописания того времени формулы, которой описано вокняжение Владимира, А.А. Вовиным также не приведено. В качестве примера, близкой ситуации, когда князь тоже не прошел необходимой церемонии поставления полностью, тоже не целовал креста ко Пскову, и также вскоре оказался вынужден уехать с жалобами о бесчестье от псковичей, исследователь предлагает эпизод 1509 г. с последним князем Пскова Иваном Михайловичем Репней Оболенским³⁴.

С данной позицией сложно согласиться, поэтому вопрос о положении Владимира на псковском столе с точки зрения летописцев и о степени легитимности обретенного им статуса князя Псковского следует разобрать подробнее. А.А. Вовиным приводится пространная летописная формула, описывающая ритуал княжеской присяги и посажения на стол: «И священноиноки и священники и дьяконы выидоша противу его с кресты и соустрекали его у Старого Вознесения и прияха его честно и посадиша его на княжение во святеи Троицы; и крест целовал на вечи по пошлинной грамоте». По словам ученого, это — устойчивая конструкция, повторяющаяся «с вариациями... много раз» и описывающая усложняющиеся «на протяжении XV в.» формы княжеской присяги, сам ритуал которой существует и упоминается уже в XIV в.³⁵ А.А. Вовин приходит к выводу, что упоминаемые в данной формуле элементы в реальности были обязательны и неисполнение какого-то из них ставило под сомнение княжеский статус (что, будто бы, и произошло с князем

Владимиром, поскольку в описании его прибытия данная формула в полном объеме не использована). Однако неизбежно возникающие в таком случае вопросы о том, сколь стабильны элементы формулы, когда именно и при каких обстоятельствах она складывается и фиксируется, а также является ли наличие или пропуск элемента в описываемой событии летописной формуле непереносимым отражением того, что данная часть ритуала в таком случае имела или не имела места и в реальности, исследователем поставлены не были.

Рассмотрим, какие формулировки используют летописцы при описании поселения приехавших в город князей на псковский стол в период до 1461 г. В XIV в. известия о приезде на княжение лапидарны, но в тех случаях, когда они все-таки есть, употребляется именно та же формула, которая приведена и в сообщении о приезде Владимира: «и псковичи прияша его честно и посадиша на княжение», или даже просто «...посадиша на княжение». Примерно то же самое мы многократно видим и в первой половине XV в.: применяются эти емкие формулы (встречается даже еще более краткий вариант: «приехал князь ...наместником», «приехал князь ...во Псков» или «...на княжение»), явно заключающие в себе весь объем подразумеваемых действий и смыслов, необходимых для обретения прибывшим статуса псковского князя, власть которого признана городским сообществом — в том числе и целование креста. Это подтверждается и тем, что в некоторых случаях с князьями, известия о приезде которых не упоминали прямо о целовании теми креста, когда князь уже покидает город, указано, что при этом он слагает крестное целование или, напротив, если считает, что скрепленная крестным целованием договоренность оказалась нарушена горожанами, то «возлагает» его на псковичей (об Александре Михайловиче³⁶, Иване Андреевиче, Александре Федоровиче)³⁷, и тем, что есть случаи, когда опять-таки в сообщениях отдельных летописных памятников в связи с вокняжениями отдельных князей о целовании креста упомянуто. Так, в известии ПЗЛ о первом приезде князя Александра Федоровича (1409 г.) сказано, что прибыв на княжение он «крестъ цѣлова ко Пскову» (но этой детали нет в П1Л и П2Л), П2Л же под 1415 г. в отличие от всех иных летописей сохранила известие, что приехавший на княжение и принятый «честно» князь Андрей Александрович «целова крестъ къ псковичем». В последующую четверть века даже отрывистые упоминания о крестоцеловании снова исчезают, скрываясь за устоявшимся кратким вариантом летописной формулы.

Развернутый ее вариант, и сразу же уже весьма близкий к приведенному А.А. Вовиным, в первый раз появляется в сообщении 1443 г. об Александре Васильевиче Чарторыйском, где говорится о поса-

жении «на княжение во святеи Троицы» и о целовании креста «ко всему Пскову по псковской (*вар.* — и на всей псковской) пошлине» приехавшего на княжение и принятого честно псковичами князя³⁸. И это нельзя не связать с уникальностью описываемой ситуации: в первый и последний раз в истории города князя торжественно сажают на княжение не сразу, а только лишь спустя почти полгода после его приезда — по прибытии и в присутствии специально уполномоченного для участия в этой церемонии великокняжеского посла. Посол «поручи княжение» Александру Васильевичу «по слову князя великого», а крест Александр целовал «ко князю великому Василию Васильевичю и ко всему Пскову... по князя великого слову и по его воли»³⁹. Таким образом, впервые развернутая формула, описывающая процедуру посажения на княжеский стол с рядом дополнительных подробностей, появляется в летописании лишь при возникновении необходимости рассказать об исключительном для псковских практик случае одновременного крестоцелования к великому князю и к городу (то, что это летописное известие фиксирует именно некое выходящее за рамки существующей традиции событие, отмечала еще Н.Н. Масленникова⁴⁰)⁴¹. Характерно, что П2Л с ее стремлением к лаконизму, в этот раз также специально упомянув о не имеющем аналогов целовании креста Александром к князю великому и к Пскову (хотя и без прочих составляющих формулы, которую А.А. Вовин предполагает обязательной), в последующих известиях о прибытии князей вновь, как и прежде, ограничивается традиционной краткой формулировкой⁴², П1Л во всех списках (кроме Тих.) по поводу приезда следующего за Александром псковского князя Василия Васильевича лишь сообщает, что псковичи «прияша его честно и посадиша его на княжении во святеи Троицы», но уже снова забывает о крестоцеловании, а в ПЗЛ и Тих. теперь вновь применяется впервые использованная в предыдущем случае пространная формула⁴³.

Интересно также, что в известии о втором приезде и посажении на княжение в Пскове того же князя Александра Васильевича (в 1456 г., на этот раз уже из Новгорода и вовсе без какой-либо санкции из Москвы) в Тих. и ПЗЛ добавляется и следующая новая деталь этой формулы, ранее также отсутствовавшая — «игумены и попы и диаконы с честными кресты», встречая князя, «выидоша противу его»⁴⁴. В работе А.А. Вовина прямо отмечается особая значимость этой составляющей ритуала, без которой вокняжение было неполным. Однако, как бы ни относиться к появлению данного элемента в летописной формуле (напомним, он фигурирует в описании встречи псковичами прибывшего на княжение князя впервые) — отразил ли он возникновение нового, прежде не существовавшего элемента

ритуала вокняжения, был ли включен летописцем в формирующуюся развернутую формулу описания торжественной встречи князя как ранее постоянно опускавшаяся подробность, или просто украсил эту весьма репрезентативную формулу под влиянием текстов предшествующих годовых статей с описаниями торжественных встреч горожанами святителя Евфимия и проезжего князя Ивана Шемяча⁴⁵ — нельзя не указать на то, что в рассказах тех же самых летописей о принятии следующего после Александра Чарторыйского князя-наместника, Ивана Стриги Оболенского, упоминание о встрече со кресты опять исчезает⁴⁶. Хотя нет совершенно никаких оснований считать статус этого чрезвычайно популярного в Пскове⁴⁷ князя на взгляд городского сообщества хоть в чем-то ущербным.

Приходится заключить, что на летописные формулы, описывающие ритуал вокняжения, достаточно сложно опираться как на точные сценарии конкретных происходивших церемоний, где появление в сообщении новых элементов синхронно отражает изменение реалий и включение этих элементов в ритуальную практику, а их пропуск (как в случае с Владимиром Андреевичем) убедительно свидетельствует, что данные элементы на этот раз были пропущены и в самом ритуале. Весьма показательно, что, к примеру, о вокняжении Федора Юрьевича ПІІ сообщает в стандартных выражениях, включая и известие о том, что псковичи «даша ему всю княжю пошлину», но уникальное сообщение ПЗІ, что он вопреки традиции получил тогда право держать своих наместников и судить суды не на 7, а на всех 12 пригородах, чего никогда «из веков» не случалось, «колко ни есть княжей бывало во Псковѣ на столу», убедительно демонстрирует, что летописные формулы принятия князя вовсе не обязательно исчерпывающе точны во всех своих элементах, как во включенных, так и в пропущенных⁴⁸.

С учетом сказанного, мнение, что поскольку в известии о приезде Владимира «нет никакого упоминания ни встречи его всем духовенством с крестами, ни посажения на княжение в Святой Троице, ни крестоцелования на вече», то эти элементы не были осуществлены и в реальности, не представляется в достаточной мере обоснованным. А.А. Вовин здесь почему-то цитирует только Тих.⁴⁹, никак не комментируя и даже не отметив, что, как уже сказано, во всех прочих списках ПІІ кроме Тих. и во всех списках ПЗІ это, по оценке исследователя, «скупое замечание» «И псковичи прияша его с великой честью» (*вар.* — «с честью», «честно») продолжено фразой «и посадиша его на княжение во Пскове». Собственно, именно этой формулой на протяжении многих предшествующих десятилетий псковские летописцы обозначали легитимное обретение князем власти в городе во всей ее обычной для псковской республики пол-

ноте. Если же в случае с Владимиром вся традиционная процедура посажения на стол вдруг по чьей-то инициативе оказалась полностью отброшена, то нет никакого объяснения тому, почему об этом не сказано специально и прямо ни в этом случае, ни позднее при описании мотивов изгнания князя (где, тем не менее, недвусмысленно указывается, что «с полтора году» во Пскове князь пребывал именно «на столу»⁵⁰).

Такая же ситуация с приведенной А.А. Вовиным «идеальной» пространной формулой наблюдается и позднее: так, к примеру, в описании ПЛ встречи и посажения князя Семена Романовича Ярославского в 1489 г. применена как раз та самая конструкция, которая и предложена ученым в качестве эталонной и для предшествующего периода, и для последующего (заметим, это единственный случай в псковском летописании, когда она использована именно в таком виде), но при этом его преемник Василий Федорович Шуйский спустя два года просто приехал от великого князя «во Псков князем». Принятие двух следующих князей, Александра Владимировича Ростовского и Ивана Ивановича Горбатого описывается по формуле «выидоша со кресты» и «посадиша его на княжении», Дмитрий Владимирович Ростовский вновь только лишь «приехал во Псков», а к Петру Васильевичу Великому опять-таки «выидоша противу его со кресты и посадиша его на княжение у святеи Троицы»⁵¹. Ни целование креста, ни вече, ни псковская пошлина, ни княжая пошлина, которая дается князьям, в связи с ритуалом их посажения ни разу за это время вообще не упоминаются, но вряд ли возможно применить ко всему этому княжившему во Пскове на протяжении двух десятилетий ряду вывод А.А. Вовина о том, что в таких случаях все они не воспринимались городом в качестве полноценных князей. Нет также никаких оснований предполагать, что князья, известия о посажении которых содержат два элемента, чем-то по своему властному статусу в Пскове отличаются от тех, которые просто «приехали».

Следующим в ряду псковских князей, последним из занимавших этот стол, является Иван Михайлович Репня Оболенский. Именно события его приезда и княжения в 1509 г. как сказано выше, предложены А.А. Вовиным в качестве параллели к княжению и изгнанию Владимира, «похожей истории», когда — как и в ситуации с ростовским князем — неперемненные ритуальные действия, включая целование креста, по мнению ученого не были выполнены; Иван Михайлович тоже «не прошел необходимой процедуры поставления» и, следуя построениям рассматриваемой гипотезы, его «вокняжения в глазах псковичей не произошло» (следствием чего в обоих случаях и оказалось быстрое изгнание князей)⁵².

Нарушения «пошлины» и ритуала в случае с Иваном Репней действительно имели место — более того, эти нарушения специально указаны летописцем при описании принятия князя псковичами и позднее повторены в рассказе о его отъезде. Они прямо приведены ПІЛ (Варш. и Пог.): это приезд будущего князя без предварительного извещения горожан о его прибытии и вызванное этим отсутствие его торжественной встречи вне городских стен священниками «со кресты»⁵³, вместо которой успели лишь отслужить молебен уже в городе — у Торга, «да шли ко святеи Троицы, да посадили на княжение оу святеи Троицы»⁵⁴. Тут ничего не сказано ни о наличии, ни о предполагаемом А. А. Вовиным применительно к этой ситуации отсутствии целования креста и «прочих необходимых ритуальных действий». Но вариант с *argumentum ex silentio* здесь неприемлем, поскольку, как было показано, в описаниях приезда в город князей на протяжении предшествующих двадцати лет также ни разу не упомянуто ни крестное целование, ни какие-то иные «ритуальные действия» помимо того же самого посажения на княжение и — лишь иногда — встречи «со кресты».

Свое мнение о том, что власть Ивана Репни не была утверждена целованием креста ко Пскову, А.А. Вовин подкрепляет цитатой из «Повести о псковском взятии» по Пог.: «а то Репня не по крестному целованию оучал во Пскове житии»⁵⁵. Цитату, однако, следует уточнить и привести полностью. В тексте летописи за сообщением, что князь Иван отправился жаловаться на бесчестья от псковичей великому князю, следует: «а тот Репня не пошлиною во Псков приѣхал да сѣл на княжении, а не по крестному целованию оучал во Пскове жити, а не оучал добра хотѣть святеи Троицы, ни моужем псковичем; да тот Репня много зла чинил дѣтем боярским и посадничим»⁵⁶. Конструкция «сѣл на княжении, а не по крестному целованию учал во Пскове жити» может быть интерпретирована вовсе не только как констатация — «начал жить без крестного целования», но и как упрек — «сел на княжение, но начал жить не по нормам [данного им] крестного целования». В том, что скорее верен второй вариант, убеждает следующая фраза: «а не оучал добра хотѣть святеи Троицы, ни моужем псковичем», заставляющая предположить за ней одну из норм скрепленной целованием креста клятвы, которая и была явно нарушена князем — «хотеть добра [во всем] святеи Троице и мужем псковичем» — находящую определенные соответствия в княжеских документах и летописных упоминаниях о присягах⁵⁷. Возможной языковой параллелью тут видится объяснение в наказе апреля 1563 г. послу Афанасию Нагому по поводу князя Дмитрия Вишневецкого, сначала отправленного царем Иваном Васильевичем в Черкасы «на

государство», а затем выведенного им оттуда, так как князь **«учал жити в Черкасех не по указу»**, т.е. стал нарушать данную ему ранее государем инструкцию о порядке управления⁵⁸.

Таким образом, от предположений о том, что из летописных сообщений о приездах Владимира Андреевича и Ивана Михайловича следует вывод о неполноте их властного статуса в городе, связанной с тем, что в отличие от прочих князей они не прошли «необходимой церемонии поставления» и «их княжеская власть не была подтверждена крестоцелованием ко Пскову», а также о том, что именно эта неполнота и стала причиной скорого изгнания этих князей, все же приходится отказаться. Рассказы летописцев об их приезде и о дальнейшем правлении не дают оснований для такого построения: оба князя были приняты Псковом и посажены на стол, как и их предшественники, а в известиях, связанных с их последующим княжением, применительно к ним используются именованья «князь псковский» и «наш князь». Мнение о том, что оба они не целовали креста к Пскову и не совершили неких не названных прямо, но обязательных для обретения князем легитимности «прочих ритуальных действий», также не представляется обоснованным.

Впрочем, предложенная А.А. Вовиным параллель между этими двумя княжениями действительно видится весьма важной, но в несколько ином смысле. Действительно, и тот, и другой князь вынужденно покидают город, находясь в состоянии острого конфликта с городским сообществом, и оба они, как указано в рассказах об их отъездах, ранее прибыли туда с некими отступлениями от «старинны». Что чрезвычайно показательно, сами эти нарушения, в отличие от лишь предполагавшихся исследователями на основании молчания источников отсутствия присяги и неких элементов ритуала посвящения, названы летописцами очень четко: князь Владимир приехал «ни по старине» — не по прошению псковичей, «не зван» ими лично, князь Иван «не пошлиною» — горожане не были извещены о его приближении⁵⁹ и церемония торжественной встречи «со кресты» нового князя у стен города не состоялась. Традиционные летописные формулы, как было показано, вариативны и гибки, их пропуски и дополнения стандартными деталями в обычных для летописца ситуациях находятся в нелинейных отношениях с описываемой реальностью, но в случаях с Владимиром Ростовским и Иваном Репней летописи сообщают именно о данных конкретных обстоятельствах (а не о каких-то неопределенных) как о выходящих за рамки типичного. Это заставляет отнестись к прямо приведенным ими фактам с большим вниманием и с большим доверием.

Другая важная подробность: в обоих описываемых случаях указанные претензии к нарушению традиционных норм повторены

дважды: в известии о приезде князя и в известии, связанном с его вынужденным отъездом. Он, однако, и там, и там случается далеко не сразу же по прибытии, как можно предположить, опираясь на историографию, а только спустя достаточно значимое время (несколько менее полутора лет; примерно год⁶⁰) после вокняжения, и в обоих случаях мотивируется вовсе не исключительно ритуальными или процедурными упущениями, имевшими место еще в момент обретения князем властного статуса, а неприемлемым образом последующих действий псковского князя и его окружения в отношении «изобиженного» им псковского сообщества: «на народ не благ» применительно к Владимиру Андреевичу и «лють до людей», «не учал добра хотеть...», «много зла чинил...» — к Ивану Михайловичу. И эти — тоже прямо названные источником — причины, если учесть, что князья вынуждаются уехать лишь спустя определенное время, видятся точно не менее, а, скорее, даже явно более значимыми: покинуть Псков приходится вовсе не сразу после приезда «не по старине», а только после того, как режим правления данного князя оказался явно неприемлем для города. Это обстоятельство заставляет задуматься: когда именно отступления от «старины» при прибытии князя могли стать особо актуальными для псковского сообщества и для летописца — в сам момент нарушения или уже *post factum* в связи с разрывом Псковом отношений с этим князем.

Третья, но ничуть не менее важная, чем предыдущие, деталь: в обоих этих случаях отвергших их псковичей князья прямо обвиняют перед великим князем в «бесчестьи», параллельно чему в псковских летописях и появляются встречные напоминания о нарушении «старины» при их появлении. Именно «бесчестье» великокняжеского наместника подается и воспринимается обеими сторонами как недопустимое нарушение ритуальной нормы в отношениях Пскова с великим князем Московским, именно оно, а не вполне традиционное на тот момент расставание с не оправдавшим ожиданий князем оказывается «составом преступления» символического характера⁶¹. Характерно, что в случае с Федором Юрьевичем, также уехавшим из-за того, что он перестал устраивать псковичей, со стороны этого князя жалоб на бесчестье не прозвучало (узнав о посольстве в Москву с просьбой о присылке на княжение вместо него вновь князя Ивана Стриги Оболенского, опытный Федор сразу же сам сложил с себя на вече крестное целование и покинул город⁶²) — и не появляется и напоминаний о каких-то нарушениях «старины» при его приезде и посажении⁶³. В ситуации же и с Владимиром, и с Иваном Репней уехавшие из Пскова князья выдвигают против горожан обвинения в «бесчестьи» и в ответ получают обвинения в нарушении

ими самими «старины» и «пошлины» еще при их приезде, что опять-таки вынуждает задуматься о том, когда именно и по какому поводу эти обретшие особую актуальность припоминания включаются в летописные статьи, рассказывающие о прибытии князей. Характерно в этом отношении, что уже в рассказ о «непошлинном» приезде князя Ивана Репни добавляется описывающая будущее реплика «и бысть той князь лють до людей».

С учетом сказанного, вернемся наконец к событиям самого княжения Владимира Ростовского, продлившегося, как мы выяснили, с весны 1461 до начала осени 1462 г. ПЗЛ кратко извещает о ведущемся в это время строительстве, не упоминая связанных с ним лиц. ПЗЛ и ППЛ сообщают о начатом «при князи псковском Володимери Ондрѣвиче и при посаднике степенном Максиме Ларивоновиче» и завершеном «до осени» 1462 г. сооружении нового укрепления — Кобыльего (или Нового) городка «на обидном месте» над Великим озером. По ПЗЛ «князь псковский Володимеръ Ондрѣвич и посадники степенни, Зиновеи Михайловичъ» также заложили в 1462 г. новое здание храма Козьмы и Демьяна (по ППЛ это делают «сосѣди святого Козмы и Дамияна» — очевидно, имеется в виду, что финансировали и контролировали возведение торжественно заложенной при участии первых лиц Псковской республики каменной церкви ее прихожане). Кроме того, в это время псковичи «поставиша» новый городок на Володчине горе и «нарекoша ему имя Володимерецъ». А.В. Экземплярский задался вопросом — не в честь ли князя Владимира?⁶⁴ — и хотя для ответа положительных данных нет, а лица, причастные к этому строительству, не указаны, но следует отметить повышенную репрезентативность полученного укрепления имени в сравнении с исходным топонимом, который в обычном случае предполагал бы скорее «Володчин». Описанная летописцами реконструкция в этом же году всей западной стены Крома наряду со строительством двух упомянутых крепостей явно отражает масштабную подготовку Пскова к планирующимся военным столкновениям⁶⁵. В целом же княжение Владимира на протяжении 1461 — лета 1462 г., как его отразили местные летописи, вряд ли отличается от княжений в городе прочих князей рассматриваемого периода, о каких-то конфликтах не сообщается, а имеющиеся расхождения в деталях обычны для такого рода известий в этих памятниках.

Развязка подходит к концу 6970 г.: все летописцы дружно сообщают, что «псковичи выгнаша из Пскова князя Володимера Андрѣвича»⁶⁶. О датировке этого сказано выше, сам же факт изгнания князя ничуть не был необычен для тогдашнего Пскова, причем о подобных казусах в летописании традиционно сообщалось имен-

но в такой формулировке, а причины случившегося почти никогда не уточнялись. В нашем случае, однако, появляются уникальные для данных обстоятельств подробности: П1Л и П2Л добавляют, что «сопхнувшие его степени», П2Л и все списки П1Л кроме Тих. определяют это как случившееся «на вечи». Видится значимым то, что во всех вариантах выгнали князя «псковичи», т.е. такое решение (и ответственность за него) приняла все городское сообщество, но сопровождавшие его оскорбительные действия в отношении Владимира летописи, сообщая об этих действиях, приписывают лишь некоей части сообщества: «выгнаша» князя [все] псковичи, «а **иные люди** на вечи с степени съпхнули его»⁶⁷. Тих. дополнительно определяет их так: «иные невѣгласы псковичи, злыя люди». П3Л же вообще предпочитает умолчать о случившемся бесчестии, но о князе, которого выгнали, дополнительно сообщает то же, что включается и в ее известие о приезде Владимира: «а онъ приеха не по псковской старины, псковичи не зван», и добавляет к этому: «а на народ не благъ», т.е. только этот памятник предлагает свои разъяснения причин изгнания.

Показательно, что стремящаяся обосновать и защитить позицию горожан в этой ситуации П3Л одновременно опускает упоминание о причиненном князю Владимиру оскорблении, при этом сохранившие его П1Л и П2Л в свою очередь указывают, что в нанесении бесчестия участвовали только «иные люди», а Тих. к тому же весьма отрицательно их характеризует: само по себе бесчестие князя явно виделось грубым нарушением принятых норм и на взгляд всех псковских летописцев⁶⁸. Ответственность за его унижение возлагается летописцами на отдельных людей, не представляющих всего политического сообщества, а тот из них, который предпочел попытаться оправдать псковичей, решил вообще не вспоминать про явное оскорбление, но указать зато на нарушения «пошлины» еще при приезде самого Владимира.

Далее единство повествования восстанавливается: все летописи сообщают, что князь поехал из Пскова с бесчестием (сильнее прочих не одобряющий случившегося Тих. добавляет «со многимъ бесчестиемъ») в Москву «жаловатися на псковичь». Вслед за ним к великому князю направляется посольство во главе с посадником Тимофеем и рядом виднейших представителей городской знати, а цель посольства сформулирована абсолютно традиционно и не вызывает расхождений у летописцев: «просити князя во Псковь»⁶⁹. Последовательно продолжающая свою линию в интерпретации конфликта П3Л здесь снова уточняет: «просити князя во Псков, по псковской старине, которѣи князь Пскову люб».

По поводу дальнейшего серьезных разноречий нет: по возвращении послы докладывают на вече, что великий князь Иван три дня не пускал их к себе на очи (согласно П1Л — «про своего наместника и князя Владимира Андреевича», которого псковичи «здесь исчезли»; сокращающая все П2Л лишь поясняет, что Иван Васильевич про него «гневь держа», а П3Л — что государь «на Псковь подивиль на свою вотчиноу»), но бояре настойчиво «биша челом», и в итоге Иван принял их челобитье.

В более подробный рассказ П1Л и П3Л включена его прямая речь: «и князь велики отчину свою жалова, псковичь доброволныхъ людей, рече: котораго князя хочете и азъ вамъ того дамъ». Одно это было б возможно трактовать по-разному — и как восстановление Москвой ею же самой перед этим и нарушенной старинной нормы, и как подтверждение Москвой сохранения этой нормы в неизменности вопреки провинности горожан — если бы не представляющееся чрезвычайно важным продолжение рассказа, прямо не связанное уже с судьбой Владимира (о нем псковское летописание больше не упоминает). Великий князь велит послам «явить» это его жалование — «которого князя псковичи хотять и азъ вамъ того дамъ», летописи снова его цитируют — Пскову, и затем «вы же написавъ грамоту да пришлите ко мнѣ з бояриномъ своимъ». Дальнейшие события уточняют, что здесь имелось в виду: после того, как вернувшееся посольство доложило об этом вече, псковичи «на том же времени» отправляют в Москву гонца с грамотой, где написано «просити князя во Псковь Ивана Александровича Звенигороцкаго». 26 марта 1463 г. посланец вернулся и известил вече, что великий князь жалует псковичей и дает им этого князя, а спустя две недели на Пасху в город прибыл уже и сам князь Иван (П1Л и П3Л сообщают о его приезде с применением пространной формулы, расходясь в некоторых элементах, а П2Л просто констатирует, что тот приехал во Псков «на княжение», даже не упоминая, в отличие от своего же известия о прибытии его предшественника Владимира, о приеме нового князя «с честью»).

Таким образом, именно после казуса с изгнанием и бесчестьем Владимира в псковском летописании возникает первый подробный рассказ о процедуре прощения и назначения князя в Псков. Во всех предшествовавших подобных случаях начиная с 1399 г. псковичи слали в Москву послов «просить себе князя» (тут могло быть прямо указано имя, но чаще оно отсутствовало, зато затем такое известие продолжалось сообщением, кого именно там «испросиша»⁷⁰ послы или что великий князь дал им такого-то князя), а потом всякий раз сообщалось уже о его приезде. Здесь же мы ясно видим: послы при-

ехали просить для города нового князя, но при этом не имея на руках уже согласованной и утвержденной на вече готовой кандидатуры — ее не звучит, и сам великий князь, обещая дать любого из князей, которого попросят псковичи, предписывает посольству «явить» Пскову, что горожане должны определиться, кого они хотят, и затем сообщить ему имя кандидата в присланной с боярином грамоте. Поскольку вплоть до 1462 г. в псковском летописании подобная двухэтапная схема выбора и приглашения не встречалась ни разу — дело всегда обходилось одним посольством, за которым следовало уже прибытие князя, — то приходится связать происходящее именно с событиями изгнания Владимира и особо отметить, что процедура предписана новым великим князем в ответ на псковское челобитье и не сопровождается ссылкой на ее старину. Иван Васильевич не спрашивает приехавших о желаемом ими князе и не предлагает послам (весьма, как было замечено, высокопоставленным) сразу же вместе обсудить возможные персоналии и сообщает тут же, не теряя времени зря, сделать какой-то выбор, ему нужен кандидат, который уже будет публично утвержден всем городским сообществом («Псковом») и решение о котором будет зафиксировано в документе. Трудно не согласиться с тем, что это, скорее всего, новация, причем предлагаемая Пскову Москвой именно сейчас, сразу после неприятного для нее инцидента: в противном случае, если бы описанная процедура давно уже являлась бы традиционной, летописцам странно было бы не указать здесь на это при ее подробном изложении. Кроме того, во всех описанных предшествующих случаях просить князей в Москву отправлялись целые посольства во главе с посадниками, а не гонец с грамотой с веча. С учетом всего этого, неизбежно встает вопрос, какой же порядок мог предшествовать этой новации.

Как помним, Владимир Андреевич тоже был прислан на княжение после того, как у великого князя побывало посольство псковичей, причем о том, что оно в соответствии с решением веча или самостоятельно выдвигало в Москве какие-то иные кандидатуры, которые там не приняли во внимание или прямо отвергли, о том, что послы выступали против отправки Владимира, как и о том, что его кандидатура должна была бы сначала быть обсуждена на вече, летописцами (в отличие от историков) также ничего не было сказано. Нет и каких-то подтверждений тому, что князь Владимир навязывался Пскову силой. Более того, нет даже известий о том, что в момент его приезда или вскоре после Псков как-то сигнализировал, что по мнению города присылка этого князя требовала дополнительного согласования и радикально нарушила «старину». Он был «с великой честью» посажен псковичами на княжеский стол, ника-

ких миссий в Москву на эту тему не отправлялось и, судя по всему, вплоть до появления там уже спустя полтора года оскорбленного Владимира Андреевича с жалобами, а сразу вслед за ним и виднейших псковских бояр, прибывших «посольство правити про князя Володимера Ондрѣевича»⁷¹, вопрос о неких серьезных нарушениях при его отправке на княжение принятых в отношениях Пскова с великим князем норм на официальном уровне никем не поднимался.

Если судить по рассмотренным сообщениям, в сложившейся конфликтной ситуации с изгнанием Владимира ни исключительность действующих отчинных прав великого князя Московского в отношении Пскова, ни наличие у псковичей привилегии просить у него и получать себе князя по своему выбору никем не ставились под сомнение, не обсуждается, собственно, и их возможность расстаться с неудобным князем: Москва не требует восстановления статуса Владимира и его возвращения и не устраивает разбирательства между ним и псковичами. Речь идет только о происшедшем бесчестьи великокняжеского наместника, недопустимость чего уже заранее признается обеими сторонами. А та предотвращающая в будущем подобные эксцессы новая процедура, которая согласно П1Л и ПЗЛ была в итоге предписана Пскову Иваном Васильевичем для согласования и утверждения кандидатур последующих князей, и реальность действия которой именно начиная с этого момента подтверждает целый ряд последующих летописных известий, свидетельствует: хотя известие о претензиях горожан по поводу присылки Владимира без их выраженной воли появляется лишь в созданной заметно позже описанных событий ПЗЛ (с важной для нее сквозной темой постоянных московских вторжений в псковские «старины»), некие упреки по поводу недостаточной на взгляд псковичей легитимности выбора кандидатуры присланного из Москвы ростовского князя осенью 1462 г., видимо, действительно прозвучали (во всяком случае — как одно из оправданий уже случившемуся) и были всерьез восприняты московской властью⁷².

Как видим, проблематика, связанная с соответствующим по представлениям сторон сложившейся традиции порядком выбора и приглашения князей из Москвы, резко актуализировалась вовсе не в процессе назначения и приезда Владимира, а именно в ходе конфликта из-за его бесчестья — т.е. полтора годами позднее. Отвечая на вопрос о том, каким же, собственно, мог быть порядок, действовавший до этого, касающаяся проблемы историография склонна либо без каких-то подробностей говорить о псковской «старине», подразумевая ее близость новгородской «вольности в князьях» (понимаемой при этом тоже весьма обобщенно, вне какой-то хроноло-

гической и политической конкретики), либо реконструировать ее, в значительной мере опираясь на летописные сообщения о князьях, приглашаемых на княжение в Псков уже после Владимира Андреевича. Однако, как только что показано, имеются достаточные основания полагать, что именно драматичное изгнание ростовского князя как раз и привело к трансформации существующих практик, к установлению нового порядка в этой сфере отношений с великим князем, за которым теперь внимательно следит городское сообщество и соблюдение элементов которого теперь старается фиксировать и летопись. Для уточнения возникающих вопросов попытаемся в самом общем виде рассмотреть, что известно о том, как выбор и приглашение Псковом князей происходили во время, предшествующее приезду Владимира.

Данные, относящиеся к XIV в., не дают достаточно ясного представления о проблеме из-за своей неполноты, краткости и хронологической отдаленности. К тому же есть четкий рубеж, когда после длительного периода приездов в Псков князей из Литвы псковичи перешли к интересующей нас практике прошения князей у великого князя Московского: в 1399 г. посольство Луки Совкиничина в Москве «испросиша себѣ князя Ивана Всеволодича, Александра Тверского внука» и тот «приеха» в Псков (формулировка Син.: «и, испросивше, приведоша к себѣ князя Ивана...»). В целом можно отметить, что в летописных известиях за 1399—1461 гг. имеются три варианта сообщения о выборе и получении князя Псковом: отправленные псковичами «просить князя» (без указания имени кандидата) послы получают в Москве у великого князя кого-то конкретного; псковские послы едут просить именно конкретного князя и тот затем присылается; наконец, только сообщается о приеме от великого князя некоего конкретного князя. Любые детали процедуры выбора, утверждения и согласования псковичами кандидатур, а также сообщения о каких-то внутриспсковских или внешних противоречиях по их поводу в летописании отсутствуют⁷³. Краткость известий и традиционность описываемых реальность формул оставляют простор для самых разных предположений в этой сфере — как показано выше, летописцы были весьма свободны в выборе степени подробности сообщения и могли опускать указания на те итерации или перипетии, которые казались им малозначимыми или не получали продолжения в дальнейшем. Однако есть ряд веских аргументов против господствующих в историографии предположений, что в это время уже действует та же самая практика неперемennого предварительного выдвижения и согласования на вече кандидатур всех запрашиваемых затем в Москве и получаемых оттуда князей, какую рисуют

летописи после инцидента с Владимиром. Как уже сказано, за все это время ни разу не сообщается о двух посольствах в процессе утверждения кандидатуры: всякий раз поездка в Москву имеет итогом присылку некоего князя. Лишь после 1462 г. появляются первые упоминания о ситуациях, когда князей, которых персонально попросил себе Псков, оказывается нельзя прислать (по разным причинам — из-за их кончины или из-за их «нужности» великому князю), что вынуждает отправлять новое посольство с новыми кандидатурами, а также случаи, когда прямо сказано о вариативности запрашиваемых в Москве кандидатур.

Особое значение для рассматриваемого вопроса, имеет, как видится, уже упомянутый казус с князем из Суздальского дома Борисом Васильевичем: в ноябре 1435 г. тот «приеха во Псков, и псковичи прияша его, чаяхоуть его приехавша от князя великого наместником». Однако затем усомнившиеся, видимо, в его полномочиях горожане отправили в Москву послов. В результате Бориса «выпроводиша» из Пскова «по великого князя словоу, зане же онъ пролгался», а участвовавший в посольстве князь Владимир Данилович был легитимизирован Василием Васильевичем («отпусти на княжение от себѣ наместником») и после возвращения послов из Москвы в апреле 1436 г. занял псковский стол⁷⁴. Для обсуждаемой темы видится чрезвычайно важным, что за великокняжеского наместника в Пскове смогли принять (и поселить на княжьем дворе, а в Тих. даже прямо сказано, что «псковичи же прияша его честно и посадиша его на княжении») князя, судя по всему, не обладавшего этим статусом и уж явно не являвшегося тем, кого ранее по воле веча персонально попросило для города и получило в Москве псковское посольство. Вряд ли такая ситуация вообще могла бы возникнуть, если бы до 1461 г. «ис старины» на княжение в Псков из руки великого князя попадали исключительно те князья, которых псковичи уже избрали себе на вече.

Предполагаемая историографией применительно к «довладимирскому» периоду первой половины — середины XV в. практика получения из Москвы всякий раз конкретного князя по решению веча неизбежно требовала бы наличия у горожан необходимых для принятия такого решения сведений об имеющихся в свободном распоряжении великого князя в данный, чаще всего наставший неожиданно, момент статусных кандидатах (термин «наместник» здесь не должен вводить в заблуждение, заняв княжеский стол в Пскове мог только обладающий титулом и необходимыми возможностями, личными качествами и статусными свойствами князь, а число таких со всей неизбежностью было весьма ограничено, более того — не-

редко их могло сразу и не найтись под рукой) и об их достоинствах и недостатках. Заметим, однако, что очевидные и весьма серьезные сложности с оперативным получением таких сведений для Пскова понятным образом связаны с его удаленностью от Москвы: выяснение ситуации с кандидатурами, их согласование и утверждение оказывается в таких обстоятельствах непростой многоэтапной задачей.

Проанализируем в этом свете случаи 1399—1461 г., позволяющие предполагать те мотивы, по которым псковское посольство просит себе в Москве конкретного князя (когда об этом прямо сообщается в летописях). Первое приглашение, когда князем стал Иван Всеволодич, объяснимо в свете роли, которую в истории Псковской республики сыграл его дед великий князь Александр Тверской: возможность получить незадолго до этого с шумом «отъехавшего» с Твери к великому князю Василию Дмитриевичу внука знаменитого князя (что специально отметили псковские летописи) явно должна была показаться заманчивой Пскову, к тому же Иван еще и был с 1397 г. женат на великокняжеской сестре — дочери Дмитрия Донского. Испрошенный в Москве псковскими послами брат великого князя Константин также явно был широко известен, а его родственник по отношению к самому Василию Дмитриевичу статус весьма значим для города (и при этом уравнивал Псков с Новгородом, куда нередко направлялись великокняжеские братья, в том числе в 1399 г. Андрей Дмитриевич), поэтому псковичи охотно просят и принимают его на княжение и даже приглашали потом еще раз. Спустя некоторое время послы испросили для Пскова Федора Ростовского — его брат Андрей уже княжил там перед этим, а затем дважды приглашают персонально Александра Ростовского, который также был хорошо знаком горожанам, поскольку ранее уже занимал псковский стол. Владимир Данилович — сын прежнего псковского князя Даниила и зять того же 12 лет княжившего в Пскове Александра Ростовского в 1434 г. был уже прекрасно известен попросившим о нем псковичам. Наконец, также данный по псковскому челобитью лично о нем и посаженный на княжение 23 марта 1460 г. Иван Стрига Оболенский, судя по всему, приехал в Псков еще до того — вместе с великокняжеским братом Юрием, или, скорее, вслед за тем из соседнего Новгорода, куда московские князья и бояре прибыли с великим князем двумя месяцами раньше. Таким образом, у псковичей было достаточно возможностей разузнать о нем и предварительно обсудить это, прежде чем просить именно его на княжение (к тому же о прославившемся в 1456 г. военной удачей при взятии Русы князе они явно слыхали и прежде). Характерно, что об Иване бьют челом не послы, а посадники и «весь Псков», поскольку его испра-

шивают в самом городе у уже находящегося там великокняжеского сына Юрия⁷⁵.

Сходные и при этом вполне понятные закономерности: персональное приглашение преимущественно тех князей, которые сами — или их родичи, как, например, в случае с Иваном Бабой Друцким, сына которого Ивана Баби́ча затем в 1470-х годах трижды просят псковичи⁷⁶ — ранее княжили или бывали в Пскове, и которые при этом могли быть уже известны псковскому сообществу, так как действовали в географической близости (в Новгороде или иных соседних пунктах — допустим, в Великих Луках, как, судя по всему, Иван Владимирович Лыко Оболенский), можно заметить и вне рамок взаимоотношений Пскова по этому вопросу с великим князем (во времена обострения в Москве династических конфликтов на псковском княжении появлялись и князья не из под его руки), и в известных ситуациях прошения себе конкретных князей после 1461 г. И случай с выбором преемника князя Владимира на псковском столе Ивана Александровича Звенигородского как раз подтверждает это правило: судя по имеющимся данным его биографии, он, скорее всего, не мог быть заранее хорошо известен Пскову, поэтому для того, чтобы сначала узнать в Москве о наличии его кандидатуры, а затем принять ее и утвердить, как это было предписано великим князем, направляемым тому общим решением и понадобились два посольства (второе, собственно, уже скорее техническое: «правившего» это посольство Юшку Фоминича Велебина летописцы даже именуют «гонцом»).

В результате, однако, вне нашего обсуждения остался ряд князей 1399—1461 гг., тоже приехавших в Псков как наместники великого князя и затем княживших там, но о которых до их приезда псковичи скорее всего вряд ли могли иметь какое-то внятное представление. Их можно перечислить: это Данила Александрович (о происхождении и о деятельности которого до 1400 г. вообще ничего не известно); Александр Федорович из Сретенской ветви Ростовского княжеского дома (применительно к его первому приезду в город в 1409 г.) и представитель другой ветви этого дома — Борисоглебской — Андрей Александрович (ростовские князья обеих ветвей до них не появлялись на северо-западе уже немало десятилетий); сын отбегавшего пятнадцать лет назад из Литвы в Москву князя Федор Патрикеевич; уже упоминавшийся Борис Васильевич Суздальский; Александр Васильевич Чарторыйский, бежавший из Литвы и перед первым приездом в Псков, недолго побыв на кормлении в Суздале, включившийся в московские внутридинастические конфликты⁷⁷; наконец, сам Владимир Андреевич Ростовский, о котором псковичи

чам могло быть известно лишь то, что его отец очень недолго и не очень удачно княжил у них 45 лет назад в совсем иной политической реальности.

Уточним, какие сведения о появлении этих князей есть в псковском летописании. Данила Александрович приезжает в Псков «от великого князя наместником» и о том, что псковичи ранее попросили у Москвы именно этого князя, не говорится, — нет и вообще известия об отправке послов, как не сообщается ничего и о псковских посольствах перед приездом Андрея Ростовского, Бориса Суздальского и Александра Черторыйского. Относительно двух последних вероятность того, что за ними персонально направлялись послы, явно невелика: о показательном случае Бориса Васильевича уже было сказано, а по поводу первого приезда князя Александра еще Н.Н. Масленникова предположила, что он прибыл «по-видимому, без просьбы псковичей»⁷⁸. Конечно же, строить гипотезы лишь на основании отсутствия сообщений нерационально: известия об отправке послов и о деталях их переговоров в Москве могли быть просто опущены. Однако упоминания о посольствах, после которых на псковское княжение прибыли трое других князей из предложенного списка, имеются. В Син. о появлении Александра Ростовского рассказывается так: «послаша псковичи Федоса посадника и Юрья Винкова Тимофеевича бити чолом князю великому и просити собѣ князя; и дасть им князя Александра Федоровича Ростовского; и приеха во Псковъ месяца септевриа въ 26 день, и пьсковичи прияха его честно»⁷⁹, и в данном случае наиболее вероятным выглядит предположение, что кандидатура ранее никак не попадавшего в поле зрения псковичей ростовского князя возникла только в Москве и, следовательно, предложена великим князем, а послы принимают его предложение. П1Л лишь сообщает о приезде Александра, не уточняя предшествующих событий. ПЗЛ уже использует стандартную конструкцию: «послаша псковичи послове к великому князю Василью Дмитреевичю, Гюргя Винкова с дружиною, и испросиша себе князя Олександра Федоровича; и приехаше князь Олександръ от великого князя во Псков, и приаха его псковичи честно и на княженье его посадиша, месяца септября 26...» Если бы не приведенное только что выше известие самого раннего из дошедших до нас списков, Син., то одна эта стереотипная формулировка ПЗЛ — позднейшей из псковских летописей — уже не позволяла бы с уверенностью предполагать, была ли кандидатура Александра предписана посольству псковичами, или же послы согласились на нее только лишь в Москве. И здесь особенно интересно, что тот же самый вариант формулы, который применительно к Александру мы видим в

более раннем Син., встречается там же еще только один раз, причем теперь в отношении как раз другого из оставшихся в нашем перечне князей, Федора Патрикеевича: «псковичи послаша къ князю великому Василию Дмитриевичю Феодосиа посадника и боярь князя просити на Псковъ» и, как и в случае с Александром, князь великий «дасть на Псков князя Феодора Патрикеевича»⁸⁰. Как уже было сказано, сообщение всех трех псковских летописей о просившем князя посольстве, которое предшествовало приезду Владимира Ростовского, также не содержит сведений о том, что псковичи или псковские послы выдвигали какую-то конкретную иную кандидатуру.

Таким образом, напрашивается вывод, что реальная (а не декларируемая горожанами в ситуации встречных обвинений) «старина», бытовавшая в первой половине — середине XV в. применительно к получению Псковом становящихся великокняжескими наместниками князей из Москвы, допускала оба варианта: и приезд известного городу князя, о котором именно и ездило просить посольство, и просьбу дать князя, когда достаточно знакомого псковичам, приемлемого для них и при этом готового выехать к ним на княжение кандидата в поле зрения городского сообщества не обнаруживается. Во втором случае великий князь подбирал и присылал того, кого имел «под рукой» и считал возможным. Разумеется, его кандидатура могла предварительно обговариваться великим князем с послами, но возлагать всю ответственность на них для города имело мало смысла, ведь предлагаемый претендент нередко был совершенно им неизвестен (и в момент посольства мог находиться даже вне Москвы). Видимо, в реальности псковичи сажали такого нового князя на стол и сами определяли, насколько он для них приемлем и «люб»: впоследствии он мог заручиться их поддержкой и оказаться весьма популярным, неоднократно приглашаемым на княжение — как Данило Александрович или Александр Федорович — а мог не ужиться с горожанами и весьма быстро уехать сам или быть изгнан. Эта возможность, оставляющая свободу рук для Пскова, значила для поддержания баланса между внешнеполитической ориентацией на Москву и сохранением независимости города куда больше, чем право выдвигать и одобрять кандидатов из находящихся в распоряжении великого князя князей. Вероятно, второй сценарий с изгнанием как раз и описывает происшедшее в случае Владимира Андреевича: то, что он прибыл не по персональному приглашению псковичей, стало крайне значимым вовсе не в момент его появления в городе, а позже, спустя полтора года и уже в ситуации взаимных тяжких обвинений. То, что он оказался «на народ не благ», заставило вспомнить и придало особый вес и тому обстоятельству, что полтора годами ра-

нее он появился не по «псковскому прошению» о нем лично. В противном случае — если бы князь сумел показать свою ценность для города и способность искать с его жителями общий язык — эта подробность его появления, вероятно, и не попала бы на страницы летописей.

Разумеется, тут следует принимать во внимание и то, что восстановлению тесных отношений Пскова с великим князем Московским, происшедшему в 1460 г. — за год до присылки Владимира, предшествовал достаточно длительный период начала второй трети — середины XV в., когда псковичи даже и без собственной к тому воли обрели гораздо больше гибкости в отношениях со своими князьями, поскольку в это время из-за постоянных вспышек борьбы между претендентами на великое княжение Москве чаще всего было совсем не до псковских дел. Большую часть этого беспокойного периода в Пскове княжили князья, лично приглашенные или самостоятельно принятые псковичами — как из-под руки великого князя, так и без его ведома. Кто-то из них легитимизировался в качестве его наместника *post factum*, а некоторые и вовсе обходились без этого, причем с 1448 по 1460 г. такая сложившаяся явочным порядком практика уже была непрерывной. Подобное положение дел, конечно же, подталкивало к тому, что в отношении получения Псковом князей «старина» в ретроспективе из начала 1460-х годов с псковской и с московской точек зрения могла видеться уже не вполне сходным образом. Однако то, что такое расхождение оптик выявилось и стало предметом взаимного псковско-московского обсуждения лишь спустя полтора года после вокняжения Владимира, уже вследствие резкого разрыва псковичей с ростовским князем, убедительно демонстрирует: если это обстоятельство и сыграло какую-то роль среди прочих спровоцировавших разрыв факторов, то в любом случае его роль была вовсе не первостепенна.

В результате неизбежно вырастает значимость вопроса о причинах конфликта Владимира с городским сообществом. Конечно же, реплика летописца о том, что князь, как выяснилось, оказался «на народ не благ», имеет здесь чрезвычайно важное значение. Вместе с тем, видится уместным рассмотреть данный сюжет и в иных доступных аспектах. Выше уже говорилось об историографической традиции, рассматривающей появление Владимира Ростовского на псковском княжении как новый, продуманный и при этом весьма решительный и важный шаг в деле подчинения псковской государственности Москвой. Основой такому мнению, собственно, является лишь само появление этого князя в Пскове, как оно описано ПЗЛ. Впрочем, к уже изложенным выше сомнениям в том, что от-

правляя в Псков после того, как псковское посольство попросило дать им князя вместо уехавшего Ивана Стриги, именно Владимира Андреевича, великий князь Василий Васильевич заранее предположил, что такое назначение станет для псковичей резким нарушением норм существующей традиции, но уверенно просчитал, что в имеющихся обстоятельствах они принуждены будут с ним смириться и в результате эту традицию удастся навсегда сломить, можно добавить еще ряд наблюдений. Вряд ли столь опытный политик, каким, вне сомнений, был Василий в конце своего правления, мог бы принять решение о назначении наместника в далекий Псков с одной лишь провокативной целью, не предполагая в случае удачи его дальнейших реальных действий по установлению московской власти над подчинившейся республикой, а также возможности эффективных контрмер, если этот план вдруг сорвется и псковичи откажут Владимиру. Но упоминаний о попытках этого князя каким-то образом изменить в интересах Москвы и с опорой на ее политический ресурс механизмы функционирования псковской власти рассказ о княжении Владимира вроде бы не содержит, «на народ не благ» — это все же описание обычных наместничьих злоупотреблений, а не целенаправленная трансформация существующих политических институтов. Если же великий князь ставил целью одно лишь изменение порядка назначения наместника для усиления в будущем своей роли в этой процедуре, то в случае такой миссии ростовский князь, избежав столкновения при приезде, для закрепления достигнутого успеха должен был бы затем чрезвычайно лояльно вести себя в городе, избегая любого возмущения, а уж тем более такого, которое в итоге произошло. Никакого же запасного плана в случае конфликта из-за Владимира в Москве, как видно из источников, не имелось: его «бесчестье» практически сразу же прощено, а претензии Пскова удовлетворены без каких-либо встречных санкций⁸¹.

Не раз высказывавшееся мнение, что изгнать приехавшего не по старине князя псковичи хотели уже с самого начала, но им мешал некий страх перед Василием Васильевичем, а кончина великого князя в марте 1462 г. наконец-то развязала городу руки⁸², сложно принять по одной причине: новость о смерти Василия достигла Пскова почти за полгода до того, как Владимир был изгнан. Если бы острое напряжение возникло еще с его приездом, оно должно было вырваться наружу сразу же, уже весной 1462 г., чтобы попытаться успеть использовать ситуацию перехода власти в Москве. Но этого также не происходит. Конфликт с новым великим князем — а жесткость реакции на случившееся молодого Ивана Васильевича было сложно предугадать — явно противоречил интересам Пскова, который после за-

ключенного благодаря содействию Москвы с ливонскими городами пятилетнего перемирия, как говорилось, укреплялся и готовился к невозможным без великокняжеской поддержки дальнейшим акциям по расширению влияния в тех регионах, где псковское освоение наталкивалось на сопротивление со стороны ливонцев⁸³.

В целом, гипотетические построения, приписывающие Владимиру роль приближенного к Василию Васильевичу доверенного и деятельного агента великокняжеской политики и характеризующие его появление в Пскове без приглашения городским сообществом как весьма значимый агрессивный и тонкий ход Москвы, а его изгнание — как направленный против усиления московской власти ответный удар, основаны, кажется, не столько на данных источников, сколько на интерпретации известного сквозь призму будущих событий середины 1470-х — 1510 г. Однако, судя по летописному известию о январском посольстве 1462 г. Федора Челядни, Федора Белеутова и Степана Бородатого в Новгород от князя великого «многа замышления», которое вызвало возмущение новгородцев, во время княжения Владимира Андреевича фокус московской внешней политики в регионе был направлен никак не на далекую Псковскую землю⁸⁴. Если бы уже в 1461 г. действительно планировалось приступить к полному подчинению Пскова, установив контроль над его внутренней политикой и начав деконструкцию его институтов власти, то не было никакого смысла отзываться пользующегося доверием горожан и опытного Ивана Стригу Оболенского, вскоре блестяще решившего на посту ярославского наместника сходную задачу инкорпорации в структуру великого княжества Московского присоединяемого Ярославля⁸⁵.

Более вероятным видится, что для Москвы ситуация бесчестья статусного представителя великого князя в политически значимом центре Северо-Запада Руси, отношения с которым, особенно ценные в свете развивающегося московского давления на Новгород, только начали вновь налаживаться, оказалась не заранее ожидаемым в качестве возможного этапом многоходовой политической комбинации, а, скорее всего, неприятной и неуместной неожиданностью. Ее острота сглаживалась лишь тем, что псковское посольство сразу же заявило о желании полностью сохранить тесные связи с великим князем, а случившееся, судя по всему, предпочло объяснить совокупностью процедурных упущений, приключившихся при назначении наместника еще во время предыдущего великого княжения, административных просчетов самого князя Владимира и грубости «иных невегласов злых людей». Если исходить из мягкой реакции Ивана Васильевича на этот инцидент, то такая трактовка устрои-

ла Москву, которая не стала принимать никаких мер к Пскову «пр князя бесчестье», лишь выказав послам особую озабоченность случившимся и предложив на будущее детальную процедуру, защищающую от подобных недоразумений. В отношении же московской политики в северо-западном регионе в 1460-е годы особую разницу в том, представлял ли великокняжескую власть в Пскове Владимир Андреевич Ростовский или Иван Александрович Звенигородский, сложно предположить.

Все это, однако, еще не позволяет в нужной мере охарактеризовать самого неудачливого псковского князя, а также не дает нам достаточно оснований для сопоставления Владимира с другими княжившими в Пскове великокняжескими наместниками, чтобы стало возможно увереннее определить место рассматриваемого эпизода в его биографии и в отношениях Москвы и Ростова, а также уточнить ту роль, которую княжение Владимира Андреевича сыграло в развитии политического устройства Псковской республики. Поэтому следует, наконец, уделить внимание и личности обсуждаемого деятеля.

Родившийся где-то во второй половине XIV в. (до 1393 г.) отец Владимира Андрей Александрович с 1404 г. был правящим ростовским князем, возглавив младшую, Борисоглебскую ветвь Ростовского дома. Совместно с князьями его старшей ветви, Сретенской (сначала Андреем Федоровичем, а затем Федором Андреевичем), Андрей до конца второй половины 1410-х (возможно, даже до начала 1420-х годов⁸⁶) чеканил в Ростове монету со своим именем на одной из сторон. В 1415—1417⁸⁷ гг. Андрей Александрович, как затем и его сын Владимир, княжил в Пскове, но тоже был достаточно быстро изгнан псковичами и вернулся в Ростов. Когда именно князь Андрей умер и как именно власть над принадлежавшей их ветви Борисоглебской половиной города перешла от него к Владимиру Андреевичу⁸⁸, в точности неизвестно, но отсутствие данных о княжении в Ростове старших братьев Владимира (в том числе — самого старшего, Ивана, оставившего сыновей), позволяет предполагать и то, что правление их отца могло быть относительно долгим, и то, что в период династической борьбы внутри Московского княжеского дома власть Борисоглебской ветви в Ростове на какое-то время могла прерываться. Во всяком случае, к 1458 г. там княжит уже Владимир: в надписи на кресте, поставленном в Ростове на могиле скончавшегося 7 ноября 1458 г. сына великокняжеского дьяка Степана Бородатого, Владимир Андреевич Ростовский назван вслед за великим князем Василием Васильевичем как правящий в городе князь⁸⁹.

Помимо псковского летописания, летописи прямо упоминают об этом князе лишь однажды: зимой 1473/74 г. «князи Ростовские»

Владимир Андреевич вместе с двоюродным братом Иваном Ивановичем и всеми их детьми и племянниками продают великому князю Ивану Васильевичу «свою отчину половину Ростова со всемъ»⁹⁰. Главой этой территориально-генеалогической корпорации — Борисоглебской ветви Ростовского дома, потомков зятя Ивана Калиты Константина Васильевича, которые владели Борисоглебской стороной Ростова, и последним в перечне княживших там ростовских князей этой ветви предстает Владимир и в позднейших источниках⁹¹. Прямых упоминаний, где бы содержались какие-то дополнительные сведения о нем, больше не обнаруживается⁹², но известно, что вплоть до самого конца правления Василия Васильевича за ростовскими князьями Борисоглебской ветви сохраняется их часть княжеской власти в отчинном городе, другой половиной которого в то время уже владеют великие князья. По духовной Василия, умершего 27 марта 1462 г., Ростов со всеми принадлежавшими в нем великому князю полномочиями и с его селами там получает великая княгиня Мария. При этом согласно акту после получения города ей прямо запрещалось вступаться в то, что там держали и держат «князи ростовские», т.е. в их права, связанные с их половиной Ростова, которая остается за княжащим в это самое время в Пскове Владимиром Андреевичем и его «братией» и которую он спустя почти 12 лет вместе с той же «братией» продаст⁹³.

Итак, и до 1461, и после 1462 г. Владимир — владетельный ростовский князь, и пусть другая часть Ростова (а также, что очевидно, «старейшая» власть в княжении и право сношений с Ордой) уже принадлежит в это время Москве, но его положение как правителя отчинной половины крупного города и тянущих к тому наследных земель — хотя и находящегося в определенной политической зависимости от великого князя — весьма высоко в сравнении с многими другими потомками княжеских династий Северо-Восточной Руси, которые к тому времени уже давно утратили со своими родовыми столами всякую связь и которых некоторые источники именуют «сельскими» или «сельными» князьями⁹⁴. То, что Владимир, являясь владетельным князем в Ростове, одновременно садится на псковский стол, не должно смущать: его отец Андрей, судя по всему, точно так же княжил в Пскове, сохраняя при этом за собою и передав затем по наследству сыну тот же самый статус владетельного князя и, видимо, не прекращая чеканки монеты (во всяком случае, на данный момент не известны ростовские денги, выпущенные от имени иных представителей его ветви в это время). Другое важное замечание: за рамками, собственно, краткого правления Владимира Андреевича в Пскове на протяжении всего великого княжения Ва-

сия Василиевича нет никаких иных данных, отражавших бы его присутствие или отсутствие любых ростовских князей его ветви на службе великому князю, ни на административной, ни на военной⁹⁵. Это продолжается и дальше — вплоть до продажи их половины Ростова⁹⁶ и даже некоторое время спустя: при дворе Ивана Василиевича можно увидеть с 1490-х годов лишь уже сыновей и племянников Владимира, причем сразу же достигающих весьма высокого уровня служебных назначений.

Таким образом, Владимира Ростовского к 1461 г. вряд ли можно причислить к служебным князьям в понимании данного термина применительно к XV в., во всяком случае, его отличия от обычных представителей этой категории очевидны: он — наследный владетель половины стольного города, на которую не распространяется в полной мере великокняжеский суверенитет (что подтверждается и продажей — т.е. договорным, юридически равноправным и возмездным характером последующей передачи этой половины в 1473/74 г. великому князю), при этом и он и его сородичи не фиксируются тогдашними источниками на великокняжеской службе⁹⁷. К тому же нужно иметь в виду, что присутствующее в историографии соотношение Владимира на псковском столе с таким распространенным видом службы великому князю, как обычное городское наместничество в административных центрах земель великого княжения Московского, не может быть признано минимально корректным. Городской наместник в первой половине — середине XV в. это не предполагающая никакой самостоятельной политической роли должность, которую могли занимать и служебные князья, и представители боярских родов, и назначение на которую и лишение которой зависело только от великого князя. На псковский же княжеский стол на всем протяжении XIV — начала XVI в. мог претендовать лишь обладатель княжеского титула, а два наместника-боярина впервые были впервые демонстративно поставлены в Псков как раз в момент ликвидации его независимости — именно для того, чтобы показать, что с существованием там собственного стола навсегда покончено; не было, разумеется, у жителей обычных городов великого княжества Московского и права путем прямых сношений с великим князем менять не устраивших их или приглашать наиболее приемлемых для себя великокняжеских наместников. Не могли обычные наместники — в отличие от псковского князя — и иметь собственных «княжих» бояр, обладающих административной властью в управляемом ими городе⁹⁸, или ставить собственных наместников на его пригороды⁹⁹.

Тут же можно привести и еще одно наблюдение по поводу занимавших псковский стол из руки великого князя предшественников

Владимира. Ни один из них на протяжении всей первой половины XV в. вовсе не принадлежал к числу постоянно находившихся на московской службе деятелей, близких к великому князю и являвшихся проводниками его политической воли. Все, кто направлялся Василием Дмитриевичем на княжение в Псков, были достаточно автономны в политической системе великого княжения Московского, хотя и обладали при этом весьма значимым политико-генеалогическим статусом: Иван Всеволодич быстро уехал обратно в Тверскую землю, Данила Александрович, изгнанный с псковского стола, тоже вовсе не возвращается к великому князю, а уходит на службу Новгороду, Константин Дмитриевич руководствуется собственными династическими интересами и, как знаем, в случае чего идет на серьезный конфликт со старшим братом, быстро покинувший Псков Федор Патрикеевич — сын литовского князя, выехавшего на службу Василию, а ранее служившего и Новгороду. Ростовские князья в первой трети XV в., разумеется, пребывали в сфере влияния Москвы и принимали участие в некоторых ее военных акциях (авантюра в Двинской земле 1397 г., походы братьев великого князя во втором десятилетии XV в. против защищающих свои права на Нижний Новгород суздальских князей), но степень их вовлеченности в великокняжескую политику трудно даже сравнивать с такими кланами служебных князей этого периода, как Стародубские или Оболенские. О появлениях в Пскове Бориса Васильевича, Владимира Даниловича и Александра Васильевича уже говорилось: всякий раз со своими особенностями, они, однако, тоже вовсе не были продолжением какого-то целенаправленного московского администрирования в отношении республики, а все время определялись приключившимся случаем: псковский стол в ответ на просьбу псковичей необходимо было занять кем-то достойным, но ни Василий Дмитриевич, ни его сын в первой половине — середине XV в. явно не стремились отпустить на это княжение кого-то, кто был бы ценен и значим для Москвы в служебном — военном и административном смысле. Единственным исключением, собственно, был непосредственный предшественник Владимира, Иван Стрига — но он был испрошен псковичами тогда, когда и так уже находился в Пскове, и быстро покинул город, выполнив поставленную перед ним задачу.

С учетом всего вышесказанного, полагаем, что полное молчание летописей о Владимире Андреевиче на протяжении его 50-х годов XV в. и в период между осенью 1462 и 1473/1474 гг. проще всего объяснить тем, что на протяжении этого времени — о чем, собственно, свидетельствует и запись 1458 г. на ростовском кресте Степана Бородатого — князь находился не на московской службе (где представитель

знати его уровня должен был бы регулярно получать соответствующие своему статусу придворные, воеводские или административные назначения, так или иначе отражавшиеся в источниках), а пребывал вне этой службы, в своем Ростове, управляя отчинной половиной города и возглавляя там своих сородичей из Борисоглебской ветви, также не фиксирующихся в рассматриваемый период среди служебных князей.

Важным для рассматриваемой темы представляется также то, что ни Владимир Андреевич, ни вообще ростовские князья ни разу ни в каком качестве не упомянуты среди участников многочисленных военных столкновений эпохи династических войн 30-х — начала 50-х годов XV в., нет их и в перечне погибших во время Суздальского боя. С одной стороны, это позволяет уверенно заключить, что как корпорация они совершенно точно не были непримиримыми противниками Василия Васильевича, а, напротив, с учетом сохранения за ними их отчин и статуса после 1453 г., в этот период были нейтральны или, скорее, как правило, принимали его сторону. С другой — из этого следует вывод, что и его приближенными соратниками или деятельными и значимыми в военном отношении союзниками этого великого князя их тоже нельзя было бы назвать. Все вместе подталкивает к мысли, что ростовские князья Борисоглебской ветви не только не смогли оказать какого-то заметного воздействия на ход тогдашних конфликтов между князьями Московского дома, но даже не сумели или практически не пытались тогда организовать эффективной защиты собственных владений, прямо на территории которых в это время регулярно происходили боевые действия — поскольку, видимо, из-за сокращения собственного потенциала, вызванного прогрессирующей утратой и опустошением их наследных земель, и связанного с этим падением численности бояр и слуг, уже больше не представляли в то время серьезного значения как военная сила¹⁰⁰.

С учетом этого, определяя контекст отправки Василием Васильевичем Владимира Андреевича на княжение в Псков, видится возможным сопоставить его приезд туда с появлением на псковском столе предыдущего поколения ростовских князей обеих ветвей полувеком раньше, при великом князе Василии Дмитриевиче. Оно, как, очевидно, и в рассматриваемом случае, происходило на фоне резкого снижения военно-политического и экономического потенциала Ростовского княжения и вероятных финансовых проблем его правителей¹⁰¹. Причем в конце концов наиболее прочно из княживших в Пскове ростовцев там укоренился старший сын последнего владетельного князя Сретенской ветви Федора Андреевича Александр. Именно он должен был унаследовать ростовский стол после

отца, однако вместо этого их половина города как раз в это время неизвестным нам образом оказывается в руках великого князя¹⁰², а Александр остается у псковичей, где обростает семейными связями¹⁰³. Вероятнее всего, псковское княжение в первой четверти XV в. представлялось Москвой ростовским князьям как возможная замена принадлежащей тем власти в Ростове или как предлагаемая за передачу этой власти великому князю и их окончательный переход к нему на службу компенсация — что в итоге, видимо, и было так или иначе осуществлено к концу правления Василия применительно к Сретенской ветви Ростовского княжеского дома, старший сын и наследник последнего из владетельных князей которой Федора Андреевича Александр в итоге оседает на псковском столе, пребывая в городе вместе со своим единственным сыном Дмитрием¹⁰⁴.

Трудно не отметить, что заметная близость ситуации наблюдается спустя несколько десятилетий и в случае с Владимиром Андреевичем и его Борисоглебской ветвью: судя по всему, как сказано, в недавних московских династических столкновениях он поддерживал Василия Васильевича, что позволило Владимиру и его сородичам сохранить их долю власти в отчине. Но наследные земли этой княжеской ветви за это время со всей неизбежностью должны были оказаться сильно разорены, что могло вести к сложностям в сборе и выплате великому князю дани. Отправку тем в подобной ситуации старшего ростовского князя в Псков на княжение можно воспринять и как политическую и финансовую поддержку Василием родича-Калитовича (Владимир — правнук дочери великого князя Ивана Даниловича), и как сделанное тому в качестве главы Борисоглебской ветви завуалированное предложение о переходе всей этой корпорации на великокняжескую службу и о возмездной передаче их отчины Москве — по такому же сценарию, какой ранее уже был, видимо, реализован в подобных обстоятельствах и в отношении старшей ветви ростовских князей. Как известно, применительно к Борисоглебской ветви все это в итоге тоже произойдет, и при этом достаточно скоро, уже в 1473/74 г. В данном контексте можно напомнить, что в надписи на кресте Степана Бородатого 1458 г. в качестве гаранта прав ростовского монастыря Воскресения упомянут присутствующий, видимо, в то время в Ростове известный московский дьяк Алексей Полуектович. Как известно, Ермолинская летопись считает его вдохновителем происшедшей в 1463 г. покупки соседнего с Ростовом Ярославля у ярославских князей, который «ис старины печаловался о том, что бы вотчина их не за ними была»¹⁰⁵, и вряд ли позиции и этого дьяка, и его государя в отношении ближайшего политического будущего отчины ростовских князей были существенно иными.

Впрочем, если такой московский план — предоставить главе Борисоглебской ветви назначение на стол Пскова и поддержку его там в качестве наместника для того, чтобы подтолкнуть ростовского князя и всю возглавляемую им княжескую корпорацию к расставанию с наследной властью в Ростове и к окончательному и бесповоротному общему переходу на службу великому князю — и вправду существовал в начале 1461 г. в действительности, в любом случае на этот раз из него ничего не вышло: всему помешал вспыхнувший летом следующего года конфликт Владимира Андреевича с псковичами. Причем та небывалая ранее острота не нужного в конкретный момент с точки зрения высокой политики ни Москве, ни Пскову столкновения на вече, какую передают летописи, заставляет думать, что именно сам князь Владимир не захотел уезжать, а горожане сильно не хотели, чтобы он у них оставался¹⁰⁶. Если попытаться определить мотивы, которыми псковичи руководствовались в это время при приглашении и изгнании князей, и то, насколько мог князь Владимир Андреевич соответствовать этим ожиданиям жителей города, то станут возможны некоторые предположения о причинах сложившейся к осени 1462 г. напряженной ситуации.

Сложный и чрезвычайно объемный вопрос о месте князя в политической системе Пскова вряд ли следует подробно рассматривать в рамках этой работы, посвященной отдельному казусу, но привести здесь ряд общих наблюдений все же видится необходимым. Несомненный факт, что роль князя как политического института на протяжении времени изменялась параллельно с развитием Псковской республики, уже отмечался исследователями¹⁰⁷. Применительно к нашему случаю заметим: то, что князь на протяжении достаточно продолжительного времени мог позволять себе быть «на народ не благим» (как ПЗЛ охарактеризовала Владимира) — явный признак реального обладания им в тогдашнем Пскове определенным и при этом весьма значительным объемом политической власти. Это, разумеется, противоречит давней общей концепции статуса псковского князя как «слуги псковского веча», предложенной когда-то А.И. Никитским, которая восходит еще к осмыслявшим прошлое уже сквозь призму московского самодержавия книжникам XVI—XVII вв., согласно которым своего князя в прежние времена псковичи «избираху» и «держаху его приведше к себѣ яко наемника, а не яко князя»¹⁰⁸.

В данном контексте значим тот очевидный факт, что в рассматриваемый период между 1399 и 1462 г. (как, собственно, и ранее) многие князья покидали Псков по собственной инициативе, хотя псковичи уговаривали их остаться, и что были достаточно продолжительные периоды, когда князя для себя горожане простили, искали и

не могли найти. Отсюда с непереносимостью следует, что сам по себе псковский стол, княжение на котором сопровождалось в сравнении с обычной княжеской властью чрезвычайно обширным рядом ограничений, который было невозможно обычным образом передать своим детям и которого в любой момент можно было лишиться по воле городского сообщества, явно не был исключительно притягателен, во всяком случае — не был неизменно притягательным в любой момент и для любого приемлемого для псковичей князя. Необходимо также отметить, что установившиеся с 1399 г. отношения с московскими великими князьями, в рамках которых Псков мог просить и получать себе на княжение князей из их руки вовсе не предполагали, что вся ответственность за постоянное присутствие князей на псковском столе и их бесперебойную оперативную замену в случае необходимости лежит на великом князе: тот лишь предоставлял своих наместников в ответ на просьбу послов, но выстраивание, поддержание и сохранение отношений с устраивающим город князем были делом самих псковичей и не являлись предметом великокняжеской заботы.

Псковская гипотетическая «вольность в князьях», таким образом, в реальности находилась в весьма жестких рамках политически возможного в каждый конкретный момент. Городское сообщество нуждалась в постоянно пребывающем в городе князе (это очевидным образом отличало Псковскую республику от Новгородской республики того же времени) и было заинтересовано в его стабильном присутствии, что и вынуждало псковичей предлагать кандидатам помимо «чести» еще и устраивающие тех условия, которые должны были гарантировать их княжеский статус, предполагая наличие у князя четко определенного положения в политической системе Пскова и реальных властных полномочий. С этими полномочиями напрямую были связаны и привлекающие князей финансово-экономические возможности, которые позволяли им материально обеспечивать себя и своих людей — приближенных и военных слуг-ратников: сам князь получал входившую в состав «псковской пошрины» часть доходов от городского суда, и, видимо, часть той дани, которую смерды, т.е. сельские жители Псковской земли «князю... давали и Пскову», а своих представителей также в рамках «пошрины» сажал наместниками на псковские пригороды, где те тоже получали налоги («наместничу денгу») и судебные доходы¹⁰⁹. Это явно значило для стабильного положения князя в псковском социуме больше, чем «дары» от городского сообщества и гипотетическая возможность получения военной добычи.

Поскольку на протяжении рассматриваемого периода первой половины — середины XV в. одни князья спустя какое-то время изго-

нялись псковичами, а другие, напротив, исполняли свои функции год за годом и даже вновь приглашались псковскими посольствами, если отношения с ними вдруг почему-то оказывались прерваны, можно со всей очевидностью отметить, что встречные обязательства князя к городу, ставящиеся перед ним псковичами задачи, также, разумеется, существовали и осознавались и князем, и «всем Псковом», а уровень их выполнения находился в центре внимания городского сообщества и определял устойчивость положения конкретного князя в политической системе республики.

До нас не дошло письменных текстов докончаний, где бы эти обязательства могли быть сформулированы, поэтому строить заключения по поводу их содержания мы можем лишь на базе летописных данных. Условие, если так можно выразиться, «отрицательного характера», уже было упомянуто выше: политический режим участия князя в управлении Псковской землей не должен был быть нелояльным по отношению к коммуне: князь не имел права быть «лют до людей», не должен был чинить зла псковичам и «грубости» Пскову. Идеальному князю при исполнении его полномочий подобало быть «благим на народ», «внимать о граде» и хотеть добра «святеи Троице» и «моужем псковичем»¹¹⁰.

Актуальность другой важной функции псковского князя как политического института — легитимации суверенной власти города, репрезентации его статуса в общерусском и международном планах — в рассматриваемый период несколько сокращается. Если в XIV — начале XV в. для Пскова явно чрезвычайно привлекательным казалось заполучить на свой стол великого князя Владимирского или Литовского, его сына, брата или хотя бы внука, то где-то со второй четверти XV столетия мы уже не встречаем ни близких к правящим представителям династий такого уровня членов великокняжеских семей на псковском столе, ни даже претензий города на их вокняжение. Причины этого, насколько можно судить, лежали во вполне практической плоскости: суверенитет Пскова, его правосубъектность во внешнеполитических связях и независимость от ранее претендовавшего на ведущую роль во взаимоотношениях двух республик его «старейшего брата» Новгорода к этому времени уже в достаточной мере были закреплены. Более ценной теперь становилась стабильность в отношениях города со своим князем, готовность того принимать псковские правила игры и ставить во главу угла интересы Пскова, а не собственные династические планы за пределами Псковской земли. В этом смысле знатные представители великокняжеских семей, рассматривавшие псковский стол как не самый заманчивый и в любом случае промежуточный этап, готовые

в любой момент покинуть его ради более масштабных политических целей и вряд ли воспринимающие псковичей как равных и постоянных партнеров, явно проигрывали. Для Пскова второй четверти — середины XV в. оказывается уже достаточно присутствия у кандидата княжеского титула и соответствующих генеалогических связей, подтверждающих уровень его рода. Более того, наиболее тесные и длительные отношения у Пскова завязываются как раз с князьями, которые в момент появления и пребывания на его столе не обладают за пределами города серьезной личной княжеской властью и значимыми политическими интересами — как Данила Александрович, беглец Александр Чарторыйский или утративший в итоге отцовскую половину Ростова Александр Федорович — с лишившимися суверенных княжеских прав или с сохранившими лишь их остатки в осколках былых отчин.

Еще одна роль князя, имеющая как символический, так и практический аспекты, остается для Пскова по-прежнему важной: в качестве получаемого псковичами «из руки» великого князя наместника псковский князь олицетворяет прочность отношений республики с одним из мощных политических образований средневековой Восточной Европы, что поддерживает статус Пскова в международных связях и подкрепляет стабильность его внутреннего устройства. Присылка по просьбе псковичей и принятие ими в качестве своего князя великокняжеского наместника служат не только прокламативным целям, но и предполагают право города на реальное получение политической и военной поддержки и обязанность предоставлять ее по просьбе псковичей. С середины и до конца XIV в. в таком амплуа для Пскова тем или иным образом выступала Литва, а после связанного с Салинским договором 1398 г. изменения курса Великого княжества Литовского по отношению к республике псковичи решают передать эту миссию великому князю Московскому.

Ее надлежащее выполнение во время обострений династической борьбы среди московских князей второй четверти — середины XV в. часто, как говорилось, оказывалось непосильно для Москвы и псковичам в этой ситуации приходилось действовать уже практически совершенно самостоятельно — в том числе и в отношении принятия князей. Но с возвращением в Великое княжество Московское стабильности, что убедительно продемонстрировала всему региону победа над Новгородом в 1456 г., Псков решительно берет курс на восстановление прежнего положения. То, что речь шла именно об инициативе горожан и об их собственных политических интересах, а не о московском проекте по подчинению Пскова, прямо следует из летописного рассказа о событиях января 1460 г.: псковичи сами узна-

ют о приезде великого князя с сыном в Великий Новгород и сами отправляют к нему бить челом своих послов¹¹¹. То же самое отражает и отчетливо однонаправленный характер сразу же ставших вдруг вновь регулярными псковских посольств к Василию Васильевичу — теперь они прибывают к нему одно за другим: в 1460 г. о жаловании великим князем своей отчины, о защите «от Нѣмьць» и о подтверждении статуса его наместника за псковским князем, в 1461 г. о печаловании своей отчиной и о присылке князя, в 1462 г. о том же, в 1463 г. об отправке в помощь городу воеводы с войском, в 1464 г. об учреждении в Пскове отдельной от Новгорода кафедры и т.д. Так же, собственно, оценили происшедшую в 1460 г. коррекцию политической программы Пскова и соседи-новгородцы: «Той же зимы възбуяшася Псковичи в нестройнѣ уме, наша братіа мнимая, по нашимъ грѣхомъ, задашася за великого князя Василья Васильевича и за его сынове»¹¹².

Стремясь к возобновлению показавшегося комфортным для республики прежнего status quo, сложившегося еще при отце Василия Василии Дмитриевиче, Псков в контактах с Москвой начиная с 1460 г. постоянно и настойчиво декларирует свое положение по отношению к великому князю как его великокняжеской «отчины». Это не только предполагало устойчивость обязательства псковичей вновь, как они решали для себя еще при отце нынешнего великого князя, принимать себе на княжение наместников из его руки, не обращаясь за ними в Литву, и не вступать больше в антимосковский союз с Новгородом, но и, судя по всему, должно было напоминать Василию Васильевичу, что когда-то из-за конфликта псковичей с Витовтом его отец для защиты Пскова решился на полномасштабную войну со своим могущественным тестем. Княжения великокняжеских наместников первой трети XV в. не оставили о себе до 1460 г. памяти как о чем-то слишком уж обременительном для горожан, а восстановление эксклюзивных связей с Москвой решало проблему поиска князей на свой стол и, к тому же, обладало огромным потенциалом при выстраивании взаимоотношений с соседями. Ливонская конфедерация в рассматриваемый период слабнет из-за внутренних противоречий, при этом прямая торговля помимо Новгорода с ее входящими в Ганзейский союз городами — основа экономического могущества Пскова. В такой ситуации опора в отношении с Ливонией на возможность военно-политической поддержки из Москвы в случае столкновений из-за освоения приграничных районов или коммерческих конфликтов была чрезвычайно заманчива для Псковской республики, автоматически гарантируя для нее положение сильной стороны в коммерческих и территориальных спорах с западными соседями.

Что касается значимости для Пскова еще одной княжеской функции — организации военной защиты города, которая в построении образа идеального князя с точки зрения псковичей — уже обретшего к тому времени роль их символического патрона Довмонта — играла центральную роль, то ее ценность на протяжении всей первой половины — середины XV в. явно сохраняется на прежнем уровне и даже возрастает. Именно военные успехи постоянно отмечались летописцем в рассказе о княжении Даниила Александровича, удостоившегося специального летописного некролога, именно в обстоятельствах жесточайшей военной угрозы со стороны Витовта Псков изо всех сил добывается себе от Москвы князя во второй половине 1420-х годов. Не случайно ПІЛ (Пог. и Обол.), с сожалением сообщая об отъезде в 1460 г. Александра Чарторыйского, в качестве главной детали упоминает о 300 человек одной только его «кованой рати», не считая обозных слуг, а повествование о пребывании на псковском столе этого князя также посвящено военным победам псковичей под его руководством в столкновениях с ливонцами. Характерно, что в роли военачальников выступали до своего появления во Пскове и предшественник Владимира Андреевича Иван Васильевич Стрига Оболенский, и его преемник Иван Александрович Звенигородский. В обстановке вновь разгоревшегося сразу после изгнания Владимира конфликта с немцами псковичи просят и получают в помощь прибывшему к ним Ивану Александровичу еще и великокняжеское войско во главе с воеводой князем Федором Юрьевичем Шуйским, и именно этого воеводу после отъезда Ивана Звенигородского псковичи просят себе в Москве на княжение. Сохраненная Син. под 1480 г. отрицательная характеристика его преемника, Василия Васильевича на первое место из всех его недостатков ставит именно его военные качества: «И бяша тогда въ градѣ Псковѣ князь не воискьи, грубыи, токмо прилежаше многому питию и граблению, а о граде не внимаше ни мала и много Пскову грубости очинил»¹¹³.

Таковыми в самом общем виде представляются факторы, принимавшиеся во внимание псковским сообществом при приглашении и изгнании своих князей в период, предшествующий княжению Владимира Ростовского. Рассмотрим в этом свете применительно к его княжению в Пскове известные нам личные свойства, достоинства и недостатки Владимира Андреевича. Псковский стол явно не являлся для князя в это время единственной сферой приложения сил: ростовский князь в 1461—1462 гг. по-прежнему оставался главой своей Борисоглебской ветви, территориально-генеалогической корпорации, в которую входили его родные, двоюродные и троюродные братья и племянники (всего около двух десятков князей).

Как упоминалось, это сообщество под руководством Владимира владело родовыми землями в Ростове и под его началом участвовало наравне с представителями великого князя в административном и судебном управлении городом и городской округой¹¹⁴. Сохранение и реализация собственной власти там, контроль за происходящим и разрешение неизбежно возникающих при совместном управлении конфликтов поневоле должны были требовать усилий и ресурсов от ставшего теперь еще и псковским князем Владимира. Все это, разумеется, не могло не отвлекать внимания нашего князя и не ограничивать его кадровый (и, соответственно, военный) потенциал в Пскове. Еще острее данная проблема должна была встать перед ним именно весной 1462 г.: после случившейся 27 марта кончины Василия Темного верховная власть в Ростове по его завещанию должна была перейти от представителей великого князя к его вдове Марии Ярославне. Хотя в великокняжескую духовную и был специально включен запрет великой княгине «вступаться» после получения Ростова в права ростовских князей, но уже само появление этого пункта красноречиво свидетельствовало: в отсутствие находящегося в это время вдали от отчины князя Владимира даже одна только смена лиц, осуществлявших московскую власть в Ростовской земле, легко могла привести к неприятным эксцессам и к ущемлению властных и имущественных правомочий ростовских князей Борисоглебской ветви и ее главы. Это не могло не беспокоить Владимира Андреевича весной и летом 1462 г. Псковичи же, как показано выше, предпочитали, чтобы все свои планы и все свои силы их князь в то время, пока он княжит в их городе, посвящал бы именно псковским делам. Характерно, что в 1417 г. из Пскова изгоняют отца Владимира, Андрея Александровича, так же, как и позднее его сын, сохранявшего за собой во время княжения там власть над половиной Ростова и старейшинство в Борисоглебской ветви, и тоже прокняжившего в Пскове весьма недолго — от полутора до двух с небольшим лет. При этом вместо него псковичи просят для себя в Москве не представителя какого-то иного княжеского дома, а его собственного младшего брата, князя Федора, главным и, видимо, наиболее выгодным достоинством которого для Псковской республики, судя по всему, оказалось именно то, что в отличие от Андрея Федор не обладал в тот момент столь серьезным статусом в отчинном Ростове. Дядя Владимира, похоже, тогда и впрямь в отличие от своего брата оказался готов полностью посвятить себя Пскову — вплоть до женитьбы на псковской боярышне Акилине. Племянник же Федора и сын Андрея Владимир, кажется, своей половиной Ростова ради Пскова жертвовать и даже рисковать, как и когда-то его отец, явно не собирался.

К тому же этот князь, судя по всему, разительно отличался от своих непосредственных предшественников Александра Чарторыйского и Ивана Стриги — опытных военачальников, окруженных хорошо подготовленными воинами и прославленных прекрасно известными летописцам победами: о Владимире Ростовском чего-то подобного точно нельзя было сказать. Новый князь, о котором псковичи к моменту его приезда почти ничего (кроме сохранявшихся у немногих из них смутных и в любом случае вряд ли ярких воспоминаний о его отце) не знали, неизбежно должен был на столь эффектном фоне показаться недостаточно «воиским». Он явно не мог предоставить городу собственный боевой контингент, по численности и качеству сравнимый с тремя сотнями «кованой рати» князя Чарторыйского, а вполне вероятно, что и вообще военное дело, судя по молчанию источников о его военных подвигах или хотя бы каких-то заметных действиях в этой сфере, не было сильным местом Владимира Андреевича. Вряд ли это могло понравиться горожанам в любом из случаев, но к тому же еще именно в это время назревало новое столкновение с Дерптом и Орденом. К нему Псков, желавший воспользоваться результатами происходящего военно-политического ослабления Ливонии, надежно закрепить за собой спорные территории и в дальнейшем уже постоянно выступать в приграничных и торговых спорах в качестве сильнейшей стороны, судя по всему, явно шел вполне осознанно. Видимо, псковскому обществу по прошествии года со всей отчетливостью стало ясно, что и в этом смысле Владимир также является недостаточно ценным союзником¹¹⁵.

Нужно также заметить, что формально высокий личный владельческий и династический статус, унаследованный князем Владимиром Андреевичем, судя по всему, не находил себе адекватного соответствия в иерархии взаимоотношений внутри великокняжеского двора: во второй половине XV в. несоизмеримо более значима была уже фактическая близость к великому князю и его ближайшему окружению, назначения на высокие административные, дипломатические и военные посты, отражающие участие в формировании политики великого княжества Московского, а также связанные со всем этим служебные, личные и матримониальные отношения с высшими слоями московской знати. Биография Владимира Андреевича, насколько она известна источникам, не дает оснований предположить какие-то его успехи в этой сфере или наличие у него значимых ресурсов подобного рода. Он, насколько можно судить, до присылки в Псков своим основным поприщем имел управление отчинной половиной Ростова, и так же, как и его отец и братья, не обладал

каким-то заметным и значимым опытом деятельности и «аппаратным весом» в системе московской политической власти, следствием чего неизбежно должен был оказаться дефицит формальных и неформальных связей внутри кремлевского сообщества, как персональных, так и родовых. Вызванные кончиной Василия Васильевича перемены в великокняжеском окружении также, скорее всего, в этом смысле ничего не добавляли Владимиру Андреевичу.

Псковичи же приглашали себе князя из-под руки великого князя московского отнюдь не только в прокламативных целях, для демонстрации связи республики с главой резко усиливающегося государства Восточной Европы. Не менее ценным был и реальный личный потенциал становящегося псковским князем его наместника как вовлеченного в придворную жизнь политического оператора: в этой сфере псковский князь должен был выступать как влиятельный партнер, как опытный эксперт, консультирующий глав правящего слоя городского сообщества, и как эффективный ходатай в Москве за интересы республики. Псковские летописи и акты не случайно постоянно упоминают своего князя на первом месте в перечнях принимающих политические решения от имени «всего Пскова» лиц. Неформальное содействие наместника должно было играть роль и при обращениях к великому князю с просьбой о военной помощи, и при получении поддержки в вопросах внешней политики, его личный политический статус в великокняжеской Москве должен был производить впечатление и при переговорах с представителями Новгорода, Ливонии и Литвы. Показательным в этом смысле видится также упоминавшееся личное челобитье отца князя Владимира, псковского князя Андрея Александровича к митрополиту Фотию об отмене навязанной незадолго до того Пскову великокняжеским братом Константином Дмитриевичем новой «уставленной» грамоты. Получившие спустя почти полвека себе на княжение сына этого ростовского князя псковичи неизбежно должны были обнаружить для себя неприятный факт: относительно великокняжеского центра принятия политических решений их новый князь находился на далекой периферии, его личное влияние и практический опыт в этой сфере явно не были сколь-нибудь велики, а назначение на псковский стол стало пиком его московской карьеры.

Судя по сообщению о том, что Владимир Андреевич оказался еще и «на народ неблаг», можно предположить и то, что при всем вышесказанном владетельный ростовский князь к тому ж явно мог глядеть свысока на своих нетитулованных псковских контрагентов, и то, что он мог воспринимать это свое княжение не как исполнение долга перед принявшей его с честью и посадившей на свой кня-

жеский стол Псковской республикой, а как предоставленную ему великим князем возможность поправить свои финансовые дела и поддержать своих приближенных, защитив, сохранив и приумножив при этом за счет псковичей свой персональный статус и свою личную власть в родном Ростове. Если дело в целом и вправду обстояло примерно так, то это вряд ли могло сколь-нибудь долго устраивать городское сообщество.

То, что все дошло до открытого столкновения на вече, может быть связано как с тем, что ростовский князь оказался недостаточно чуток в политическом смысле для того, чтобы вовремя осознать масштаб недовольства, так и с тем, что он осознанно отказался от варианта покинуть утрачивающий лояльность к нему город по собственной инициативе. Если верны сделанные выше наблюдения по поводу политико-экономического положения ростовских князей в 1450-х — начале 70-х годов — в ситуации, когда их владения переживали последствия военных событий завершившихся династических конфликтов, при этом оказавшись со всех сторон окружены землями великого княжения, куда в такой обстановке неминуемо должны были уходить на службу их бояре, и, вероятно, даже перетекать оставшееся население — то шансов как-то еще поддержать и повысить свой политический и социальный статус помимо псковского княжения Владимиру уже не могло представиться. Возможно, именно это и удерживало его от самостоятельного отъезда — наряду с надеждой на то, что заинтересованные в военно-политическом союзе с Москвой горожане все же не пойдут на крайние меры. В любом случае, эти гипотетические расчеты, как выяснилось к началу сентября, с треском рухнули.

Показательно, что после возвращения ростовского князя из Пскова мы не слышим о какой-то компенсации ему перенесенного бесчестия — ни псковичами, ни великим князем. Похоже также, что Владимир Андреевич больше не получал от Ивана Васильевича и каких-то иных достойных предложений. О нем просто забывают источники: единственным местом, куда ему оставалось уехать, был его родной Ростов, и, судя по тому, что мы ничего не слышим о князе, именно там он и пребывал до 1473/74 г. То, что спустя одиннадцать лет ему все же пришлось навсегда расстаться с наследной властью его ветви в отчинном городе, убедительно показывает, что положение князей ростовских за это время вряд ли улучшилось. К числу несомненно положительных итогов этого периода жизни Владимира Андреевича можно отнести разве что появление у него двух сыновей, Александра и Дмитрия, к 1490-м годам уже достаточно зрелых.

Сложно сказать, из-за чего в первую очередь Владимир не захотел самостоятельно покинуть псковский стол — из-за своей в нем

заинтересованности, из-за нежелания выказать себя неудачником перед великим князем или из-за чрезмерной уверенности во влиянии московской власти. В любом случае, псковичи, впервые столкнувшиеся, судя по всему, с еще необычным для них неподчинением собственного князя воле городского сообщества¹¹⁶, оказались в поисках обоснования какой-то убедительной «старинной» своих объяснений во вспыхнувшем из-за происшедшего инцидента разбирательстве с Москвой. В итоге они избрали в качестве актуального в этом смысле прошлого, нормативной «старины» и «пошлины» те периоды истории республики, когда она была достаточно вольна в отношениях со своим князем (в первую очередь, разумеется, непосредственно предшествовавший 1460 г., хотя актуализируемая старина, конечно же, могла избирательно простираться сколь угодно глубоко — вплоть до времен Довмонта или даже Всеволода Мстиславича). С опорой на эту часть псковской политической традиции и прозвучали осенью 1462 г. от представителей города упреки в недостаточном соответствии «старине» не только вызывающего поведения князя, но и уже самого появления Владимира на их столе, — упреки, которые предполагали зафиксировать каким-то образом на будущее в качестве традиционной нормы приемлемую для города гибкость в отношениях с великим князем по поводу его наместника, получающего княжение в Пскове, и, в то же время, устраивающую горожан степень влияния городского сообщества на этого наместника. Предложенный в ответ Москвой механизм учитывал эти пожелания псковичей, но защищал и великокняжеские интересы, предписывая для регулируемых отношений (в первую очередь — для действий Пскова) четкие и ясные рамки: запрашиваемый из-под московский руки князь персонально избирался по воле города, но для ее выражения теперь определялась четкая процедура: утверждение кандидатуры Псковом на вече и фиксация ее в письменном документе, представляемом послами великому князю. Таким образом, на городское сообщество возлагалась несколько большая, чем прежде, доля ответственности за поддержание статуса ими самими же и испрошенного конкретного князя, смена которого по инициативе псковичей также ставилась теперь исключительно в эти же рамки: посольство с письменной просьбой о конкретном кандидате и обязательство в любом случае не подвергать бесчестию того князя, который оказался не устраивающим горожан. Великокняжеская Москва в 1462 г. предпочла не бороться с вечевыми порядками Пскова, с которыми она столкнулась в результате инцидента с Владимиром, а использовать их при выстраивании дальнейших отношений: по ее предложению именно вече теперь должно было согласовывать и

письменно утверждать кандидатуру запрашиваемого на княжение наместника, ответственность за держание которого «в чести» после этого ложилась на все городское сообщество. Это, как станет ясно из дальнейшей истории Псковской республики вплоть до ее финала в начале 1510 г., имело свои чрезвычайно значимые результаты.

Рассмотрев, таким образом, общий фон и ход событий псковского княжения Владимира Андреевича, приходится отметить: особую значимость для формирования новых норм взаимоотношений Псковской республики с великим князем и для развития институтов власти Пскова имел не сам казус приезда, правления и изгнания этого князя, а его итоги. Комплекс реальных действий Москвы, направленных на ограничение внешне- и внутривосточного суверенитета Пскова хронологически располагается позднее — уже в пределах 1480-х годов и далее, т.е. после присоединения в 1478 г. Новгорода, органично включаясь в широкую политическую программу правления «государя всея Руси» Ивана Васильевича. Контекст же появления на псковском столе Владимира — более ранний, генетически укорененный еще в традиции первой половины — середины XV в., в политических реалиях эпохи Василия Васильевича. Решение об отправке на княжение Владимира принималось, судя по всему, еще в предшествующей системе координат: в ответ на просьбу посольства необходимо было занять вакансию псковского князя достаточно статусным персонажем, присылка которого в качестве наместника продемонстрировала бы сохраняющуюся преемственность и внимание великого князя к Пскову и присутствие которого на тамошнем столе предохраняло бы от возобновления псковско-новгородских связей. Одновременно предоставление Владимиру княжения имело вполне рациональный смысл в контексте московско-ростовских отношений, плотнее втягивая сохраняющую наследную власть в Ростове Борисоглебскую ветвь княжеского дома в служебные отношения с Москвой.

Конфликт с Владимиром предопределяет уже будущий дискурс отношений Пскова и его князей — великокняжеских наместников: на протяжении последующих десятилетий осознающие преимущества своего положения князья добиваются для себя от города все больших возможностей и полномочий, псковичи же жалуются на них великому князю, в то же время стремясь сохранить и максимально использовать московский ресурс во внешней политике. Изгнание Владимира — первый случай острого столкновения псковского князя с городским сообществом. В дальнейшем в разрешении этих противоречий все больше и больше включаются берущие в них на себя роль верховного арбитра великие князья, что обеспечивало

широкие возможности для великокняжеских вторжений в пределы суверенитета республики и сокращения его фактического объема, в 1510 г. послужив также и удобным поводом для окончательной ликвидации псковской независимости. В этом смысле видится показательным, что согласно московской повести «Взятие Пскова» первым в перечне московских бояр, посланных к захваченным великим князем Василием «посадникам и прочим псковичам» с требованием о снятии вечевого колокола и отмене вечевых порядков, назван именно князь Александр Владимирович Ростовский, сын нашего Владимира Андреевича¹¹⁷. Он же затем возглавил и отправленных в Псков приводить «всех пскович городских и сельских» к великокняжеской присяге бояр, окольных и дьяков. Трудно судить, в какой мере это эффективное решение было осознанным жестом, но в городе явно не могли не вспомнить о том, что случилось на той же соборной площади почти полувеком раньше с отцом князя, не забывал об этом, вероятно, и сам Александр Владимирович.

¹ Псковские летописи. — М.; Л., 1941. — Вып. 1. С. 62; М., 1955. — Вып. 2. — С. 52, 150.

² Карамзин Н.М. История государства Российского. (1-е изд.: СПб., 1818). — С. 8.

³ Псковская летопись, изданная М. Погодиным. — М., 1837.

⁴ ПСРЛ. — СПб., 1848. — Т. 4; СПб., 1851. — Т. 5.

⁵ Болховитинов Е.А. История княжества Псковского. — М., 2012 (1-е изд.: Евгений (Болховитинов), митр. История княжества Псковского. — Киев, 1831. — Ч. 1—4). — С. 72—73; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 5 // Соловьев С.М. Сочинения. — М., 1989. — Т. 3. (1-е изд.: М., 1855). — С. 35; Костомаров Н.И. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада (история Новгорода, Пскова и Вятки). — СПб., 1863. — С. 283—284; Беляев И.М. Рассказы из русской истории. — М., 1867. — Кн. 3: История города Пскова и Псковской земли. — С. 159; Никитский А.И. Очерк внутренней истории Пскова. — СПб., 1873. — С. 260—265; Экземпларский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. — СПб., 1889. — Т. 1: Великие князья Владимирские и Владимиро-Московские с приложением хронологии событий, касающихся Новгорода и Пскова. — С. 186—187, 189; СПб., 1891. — Т. 2: Владетельные князья Владимирских и Московских уделов и великие и удельные владетельные князья Суздальско-нижегородские, Тверские и Рязанские. — С. 56—58; Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 2 // Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. — М., 1988. — Т. 2. — С. 87 (1-е изд.: СПб., 1906); Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства: очерки по истории XIII—XV столетий. — С. 281, 303 (1-е изд.: Пг., 1918); Stern C. von. Dorpat-Pleskauer Kämpfe und Verträge 1448—1463 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. — 1940. — Bd. 5. — С. 399; Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы. — М.; Л., 1948. — Т. 1. — С. 413—416; Мартысевич И.Д. Псковская судная грамота: историко-юридическое исследование. — М., 1951. — С. 24; Масленникова Н.Н. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. — Л., 1955. — С. 58—59.

⁶ Так, митр. Евгений (Болховитинов) уверенно утверждал, что псковичи тогда «умоляли прислать к ним на княжение» великокняжеского сына Юрия, но был назначен Владимир: *Болховитинов Е.А.* История княжества Псковского. — С. 72.

⁷ Псковские летописи. — М.; Л., 1941. — Вып. 1; М., 1955. — Вып. 2.

⁸ *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв.: очерки социально-экономической и политической истории Руси. — М., 1960. — С. 838—840.

⁹ См.: *Алексеев Ю.Г.* Под знаменами Москвы: борьба за единство Руси. — М., 1992. — С. 116; *Pickhan G.* Gospodin Pskow: Entstehung und Entwicklung eines städtlichen Herrschaftszentrums in Altrussland // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Osteuropa-Institut an der Freien Universität Berlin Historische Veröffentlichungen. — Berlin, 1992. — Bd. 47. — S. 289.

¹⁰ *Алексеев Ю.Г.* Под знаменами Москвы: борьба за единство Руси. — С. 115—116.

¹¹ Историографией XIX в. эти вопросы не воспринимались как особенно актуальные, поскольку считалось, что реалии Пскова в данной сфере сформировались под воздействием новгородских (представлявшихся при этом весьма статичными), для советской исторической науки подобная проблематика также осталась на периферии внимания исследователей (см., напр.: *Костомаров Н.И.* Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевое уклада (история Новгорода, Пскова и Вятки); *Никитский А.И.* Очерк внутренней истории Пскова; *Масленникова Н.Н.* Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству; *Алексеев Ю.Г.* Под знаменами Москвы: борьба за единство Руси). Предложенное в работах Л.В. Черепнина и М.М. Крома определение летописной формулы, описывающей данную ситуацию взаимодействия властных правомочий великого князя иосковского и Пскова — «своя отчина мужи псковичи добровольные люди» — как «противоречивой» или «парадоксальной» (*Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв.: очерки социально-экономической и политической истории Руси. С. 833; *Кром М.М.* Статус Пскова в системе великого княжения Владимирского XV — начала XVI в. (к вопросу о суверенитете средневекового русского города) // Псков, русские земли и Восточная Европа в XV—XVII вв. К 500-летию вхождения Пскова в состав единого Русского государства: сб. тр. междунар. науч. конф., 19—21 мая 2010 г. — Псков, 2011. — С. 120) также сложно признать исчерпывающим решением проблемы, явно заслуживающей самостоятельного исследования.

¹² Ю.Г. Алексеев лишь отметил, что псковское княжение было для Владимира Андреевича выполнением «политического поручения великого князя», являясь «показателем процесса ассимиляции удельных княжеств Москвой»: ростовский князь, «как и другие князья», «фактически находится» на великокняжеской службе, при этом «не переставая быть князем в своем уделе» (*Алексеев Ю.Г.* Под знаменами Москвы: борьба за единство Руси. — С. 115).

¹³ Псковские летописи. — Вып. 1. — С. 57—61; Вып. 2. — С. 51—52, 145—149; ПСРЛ. — Т. 16. — Стб. 203—204; Т. 25. — С. 276; Т. 28. — С. 283; *Stern C. von.* Dognat-Pleskauer Kämpfe und Verträge 1448—1463. — S. 384—391; *Казакова Н.А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в. — Л., 1975. — С. 131.

¹⁴ О причинах его скорого отъезда лишь в том ключе, что они «неизвестны» и, возможно, связаны с «неудовольствиями, возникшими вследствие неприязненных отношений к Пскову немцев», высказался только А.В. Экземплярский (*Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. — Т. 2. Владетельные князья владимирских и московских уделов и великие и удельные владетельные князья Суздальско-Нижегородские,

Тверские и Рязанские. С. 56). Не вполне ясно, что имел в виду исследователь: именно «неприятные отношения», а точнее — военный конфликт псковичей с Дерптом — и привели к появлению этого князя в Пскове, его отъезд же, напротив, пришелся как раз на момент нормализации псковско-ливонских отношений. Заметим также, что, судя по имеющимся известиям, княжение Ивана Стриги завершилось вовсе не по инициативе псковичей: нормы взаимоотношений Пскова и псковских князей предполагали, что любая из сторон вправе их прекратить. Князья могли уехать из города по своей воле или по воле великого князя — псковские летописи в таких случаях почти не уделяли внимания мотивам отъезда, могли лишь быть указаны обстоятельства, отражающие его добровольность и сохраняющиеся взаимное уважение сторон. В случае с Иваном Стригой проще всего предположить, что и ему, и великому князю его роль в далеком Пскове показалась уже выполненной: покровительство городу продемонстрировано, ливонцы пошли на заключение длительного перемирия, и такой ценный администратор и военачальник, как князь Иван, был Москве уже «здесь оубе надобе». Это подтверждает и указание ПЛ, что наместник уехал «к великому князю».

¹⁵ Псковские летописи. — Вып. 1. — С. 61; Вып. 2. — С. 52, 149.

¹⁶ Там же. — С. 58; Вып. 2. — С. 51, 146.

¹⁷ В последнем описании содержащая данный список рукопись Син. №154 датирована сер. 1480-х годов (*Клосс Б.М.* Предисловие к изданию 2003 г. // ПСРЛ. — М., 2003. — Т. 5, вып. 1. — С. 6), на ее вероятную близость к этому периоду указывал и А.Н. Насонов (Псковские летописи. — Вып. 1. — С. XIV).

¹⁸ О данных Син., отсутствующих в позднейших памятниках летописания Пскова, см.: *Насонов А.Н.* Из истории псковского летописания // ИЗ. — 1946. — № 18. — С. 272.

¹⁹ Наиболее эффектными тут видятся идеи Л.В. Черепнина, предположившего, что, возможно, «Василий II обманул псковских послов», пообещав им дать того князя, которого они попросили, но вместо него прислав своего кандидата, либо, напротив, сами вернувшиеся послы умышленно умолчали на вече о том, что уже согласились в Москве на Владимира, не настояя на предписанной им псковичами кандидатуре (*Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв.: очерки социально-экономической и политической истории Руси. — С. 838).

²⁰ См., напр.: Псковские летописи. — Вып. 2. — С. 35, 39.

²¹ Но трудно согласиться с Л.В. Черепниным в том, что «подробное изложение» этого отчета будто бы «говорит, насколько злободневной и острой была для псковичей тема о дальнейшем порядке выбора на месте или назначения из Москвы псковских князей» и какой «широкий и глубокий общественный интерес» она возбуждала: и обычная процедура отчета послов, и степень подробности его освещения в данном случае чем-то особенным не выделяются, а подтверждений тому, что предполагаемая ученым тема общего порядка выбора князей или их назначения вообще хотя бы как-то обсуждалась на том вече, в летописях не содержится (*Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв.: очерки социально-экономической и политической истории Руси. — С. 838).

²² *Экземлярский А.В.* Ростовские владетельные князья. — Ярославль, 1888. — С. 60, прим. 160; ср.: *Экземлярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. — Т. 2: Владетельные князья владимирских и московских уделов и великие и удельные владетельные князья Суздальско-Нижегородские, Тверские и Рязанские. — С. 56.

²³ *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI вв. — М., 1988. — С. 48, прим. 165.

²⁴ Визит великого князя с сыновьями в Новгород, во время которого Псков и получает на княжение Ивана Стригу, относится всеми летописями к январю — февралю 1460 г., а соглашение о пятилетнем перемирии с Дерптом, рассказу о заключении которого предшествует известие о принятии Псковом и посажении 23 марта на стол князя Ивана, готовится во второй половине — конце того же 1460 г. К тому же, в случае пребывания Ивана на этом столе в 1461—1462 гг. для длившегося согласно ПЗЛ около полутора лет княжения его преемника Владимира Андреевича, отъезд которого из города четко датирован сентябрем 1462 г., просто не остается времени.

²⁵ *Алексеев Ю.Г.* Под знаменами Москвы: борьба за единство Руси. — С. 115.

²⁶ Отдел рукописей Национальной библиотеки в Варшаве. BOZ sim. 78.

²⁷ Не вполне понятно с учетом этого указание М.М. Крома о том, что инцидент с изгнанием Владимира «произошел незадолго до смерти Василия II» (*Кром М.М.* Статус Пскова в системе великого княжения Владимирского XV — начала XVI в.: к вопросу о суверенитете средневекового русского города. — С. 123), т.е. до 23 марта 1462 г.

²⁸ Примерно те же даты, хотя и без всякого обоснования, предполагал еще Карл фон Штерн (работа которого, к сожалению, осталась незамеченной отечественными историками): по его мнению, Иван Стрига покидает Псков 21 декабря 1460 г., псковское посольство возвращается из Москвы где-то в марте 1461 г., а новый наместник Владимир Андреевич прибывает в апреле или мае того же года (*Штерн С. von.* Dorpat-Pleskauer Kämpfe und Verträge 1448—1463. — S. 398—399).

²⁹ *Строев П.М.* Ключ к «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. — М., 1836. — С. 48.

³⁰ Псковские летописи. — Вып. 1. — С. 61; Вып. 2. — С. 52, 149.

³¹ *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв.: очерки социально-экономической и политической истории Руси. — С. 839.

³² *Вовин А.А.* К вопросу о княжеской власти в Пскове XIV—XV вв. // Новгородский исторический сборник. — Великий Новгород, 2013. — Т. 13 (23). — С. 112—113.

³³ Там же. — С. 113—114.

³⁴ Там же. — С. 113.

³⁵ Там же.

³⁶ Применительно к приезду великого князя Александра, обстоятельства которого явно были нетривиальны, специально упомянуто, что ему целовали крест псковичи, и в ПЗЛ уточняется важная особенность этой присяги: «что его не выдати княземь рускымь»: Псковские летописи. — Вып. 2. — С. 23.

³⁷ Псковские летописи. — Вып. 1. — С. 17, 26, 33; Вып. 2. — С. 23, 30, 91, 109, 119.

³⁸ Псковские летописи. — Вып. 1. — С. 46; Вып. 2. — С. 135. Обзор летописных известий 1443—1509 гг. о посажениях на княжение в Троицком соборе Пскова см.: *Лабутина И.К.* Историческая топография Пскова в XIV—XV веках. — М., 2011. — С. 255—256.

³⁹ Приезд публично подтверждающего наместнический статус великокняжеского посла мог потребоваться в связи с предшествовавшим случаем появления в 1436 г. в Пскове будто бы из московской руки князя Бориса Васильевича, полномочия которого, судя по всему, были поставлены под сомнение псковичами и затем не подтверждены — «зане же онь пролгался» — великим князем, к которому по поводу Бориса специально ездило псковское посольство.

Вместе с тем, верность собственно Александра Чарторыйского Василию Васильевичу и до того (как, впрочем, и позднее) была вовсе не постоянной: лишь годом раньше, в 1442 г. он вместе с Дмитрием Шемякой пошел в поход на великого князя, и только посредничество троицкого игумена Зиновия остановило конфликт. Возможно, что в этих обстоятельствах вскоре последовавшее назначение князя Александра наместником в Псков могло стать одним из условий достигнутого тогда у Троицкого монастыря соглашения, преследуя цель отколоть Чарторыйского от противников Василия и удалить беспокойного литовского князя из земель Великого княжества Московского. Поэтому думается, что и самому великому князю в то бурное время явно не могло показаться излишним взять с присланного им Александра Васильевича еще одну публичную присягу, чтобы тот не почувствовал себя на псковском столе слишком уж независимым. Заметим здесь также, что гипотеза Н.С. Борисова о том, что в Псков Александр Чарторыйский прибыл «из руки» не Василия Васильевича, а будто бы державшего в это время совместно с тем великого княжение Дмитрия Юрьевича (*Борисов Н.С. Псковская политика Василия Темного // Псков, русские земли и Восточная Европа в XV—XVII вв. К 500-летию вхождения Пскова в состав единого Русского государства: сб. тр. междунар. науч. конф., 19—21 мая 2010 г. — Псков, 2011. — С. 104*), противоречит и прямым указаниям ПЛ, и другим источникам (см., напр.: ДДГ. — № 38).

⁴⁰ *Масленникова Н.Н. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. — С. 54—55.*

⁴¹ Уверенность Н.М. Карамзина о том, что вообще все великокняжеские наместники, занимая псковский стол, обязательно целовали крест великому князю и «народу», т.е. жителям города, основана лишь на общих представлениях исследователя (*Карамзин Н.М. История государства Российского. — Т. 5. — М., 1993. (1-е изд.: СПб., 1819). — С. 164—165*). Впрочем, мнение Н.А. Масленниковой и следующей за ней Г. Пикхан о том, что этот порядок, отражая усилившееся московское влияние в Пскове, именно с вокняжения Александра Васильевича становится общеобязательным, также не находит каких-либо подтверждений (альтернативную позицию см.: *Масленникова Н.Н. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству; Pickhan G. Gospodin Pskow.*)

⁴² Псковские летописи. — Вып. 2. — С. 47 и далее.

⁴³ Псковские летописи. — Вып. 1. — С. 48; Вып. 2. — С. 137; см. также: Варш.; л. 326.

⁴⁴ Псковские летописи. — Вып. 1. — С. 54; Вып. 2. — С. 143.

⁴⁵ В 1449 и 1453 гг. псковский клир согласно летописи приветствовал владыку, выйдя «противу его со кресты», а в 1454 г. примерно в тех же выражениях эта новая для псковского летописания деталь уже включается и в описание встречи посетившего Псков проездом из Новгорода сына Дмитрия Шемяки (Псковские летописи. — Вып. 1. — С. 49, 50; Вып. 2. — С. 138, 140). «Со кресты противу Старого Вознесения» согласно всем псковским летописям псковичи встречают в 1460 г. великокняжеского сына Юрия Васильевича, который псковским князем не был, но чрезвычайно торжественные церемонии, сопровождавшие его имеющее особое политическое значение появление во Пскове, также необычно подробно описаны городскими летописцами. В дальнейшей встрече «со кресты» упоминается в известиях о княжеских приездах достаточно часто, но может и опускаться. При описании псковскими летописцами более ранних событий эта подчеркивающая особую значимость происходящего деталь встречается в рассказе Син. о встрече горожанами Александра Ярославича после победы на Чудском озере (т.е. в Повести о житии Александра Невского) и в ее же повествовании о князе Всеволоде Мстиславиче (Псковские летописи. — Вып. 2. — С. 13,

19) — т.е. в текстах, не являющихся в прямом смысле летописными, но не используется в обычных погодных статьях, нет ее и в Повести о Довмонте.

⁴⁶ Псковские летописи. — Вып. 1. — С. 59; Вып. 2. — С. 147.

⁴⁷ Позднее его еще дважды — в 1467 и 1472 гг. — просили снова прислать на княжение псковские посольства.

⁴⁸ Псковские летописи. — Вып. 1. — С. 73; Вып. 2. — С. 164.

⁴⁹ *Вовин А.А.* К вопросу о княжеской власти в Пскове XIV—XV вв. — С. 113.

⁵⁰ И вовсе не находился в реконструированном Л.В. Черепниным неизвестном источнике статусе лишь «признанного наместником», но при этом не являющегося псковским князем (*Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв.: очерки социально-экономической и политической истории Руси. — С. 838—839).

⁵¹ Псковские летописи. — Вып. 1. — С. 81, 82, 84, 88, 91; см. также: Варш., л. 398.

⁵² *Вовин А.А.* К вопросу о княжеской власти в Пскове XIV—XV вв. — С. 113.

⁵³ И.К. Лабутина так интерпретирует летописный рассказ о приезде Ивана Репни: псковичи «нашли» князя Ивана, когда он уже оказался внутри города, в противном случае его смогли бы встретить с крестами по обычаю у Старого Вознесения (*Лабутина И.К.* Историческая топография Пскова в XIV—XV веках. — С. 187). См. также: *Городилин С.В.* Где нашли псковичи своего князя Ивана Найдена Репню Оболенского? Городская топография и политическая история // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2019. — № 1 (75). — С. 27—31.

⁵⁴ Псковские летописи. — Вып. 1. — С. 92; см. также: Варш., л. 398 об.

⁵⁵ *Вовин А.А.* К вопросу о княжеской власти в Пскове XIV—XV вв. — С. 113.

⁵⁶ Псковские летописи. — Вып. 1. — С. 92.

⁵⁷ Напр., см.: ПСРЛ. — Т. 2. — Стб. 509—510; Устюжский летописный свод. 1950. — С. 92; ср.: *Масленникова Н.Н.* Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. — С. 189.

⁵⁸ РГАДА. — Ф. 123. — Оп. 10. — Д. 10. — Л. 60—60 об., 134.

⁵⁹ Лишь в позднейшем Копенгагенском списке к этому добавляется еще и уточняющая интерпретация-реконструкция «и не по нашему челобитью» (Псковские летописи. — Вып. 2. — С. 294).

⁶⁰ Иван Репня Оболенский прибыл в Псков в период между началом сентября 1508 и 25 марта 1509 г., а уехал из города уже следующей зимой, незадолго до января 1510 г.

⁶¹ Поэтому сложно согласиться с М.М. Кромом, в работе которого расторжения Псковом отношений с князьями Даниилом Александровичем и Владимиром Даниловичем попадают в один ряд с позорным изгнанием Владимира Андреевича и на этой основе сделан вывод, что в предшествующий 1462 г. период псковичи еще могли изгонять князей «без оглядки на Москву» и без «каких-либо санкций за столь непочтительное обращение с великокняжеским наместником» (*Кром М.М.* Статус Пскова в системе великого княжества Владимирского XV — начала XVI в. (к вопросу о суверенитете средневекового русского города). — С. 117—118, 123). Различие между ситуациями, однако, видится не в наличии или отсутствии последующих санкций (к тому же вряд ли трехдневную задержку в аудиенции для послов можно оценить как слишком чувствительные для Пскова последствия), а в том, что во всех предыдущих случаях псковичи расставались с князьями, не допуская в их отношении бесчестия и не подвергаясь с их стороны обвинениям в этом (показательно, что князь Данила впоследствии снова возвращается на псковский стол; сын же Даниила Владимир сначала сам был посажен на княжение без какой-либо санкции Москвы, спустя некоторое время посольство Пскова добилось в Москве придания до приезда в Псков десять лет пребывавшему в Литве Владимиру статуса великокняжеского наместника, и

лишь позднее сами же горожане все же удаляют его с княжеского стола — сложно ждать, что все эти далекие внутриславянские перипетии в середине — второй половине 1430-х годов могли всерьез задевать великого князя Василия Васильевича). Единственный известный прецедент, позволяющий предполагать в том числе и какой-то конфликт и в «ритуальной» сфере, связан с князем Александром Федоровичем, но тот, покидая город, лишь упрекнул горожан в каком-то нарушении условий договора с ним («а на пскович крестное целование возложил»), не апеллируя при этом к приславшему его великому князю, и также позднее счел для себя возможным вновь принять приглашение в Псков. Бесчестье же князя в рамках русских средневековых представлений о праве всегда являло собой вопиющее нарушение нормы и вполне могло стать законной причиной даже для начала войны (см. напр.: НПЛ. — С. 89, 393; ПСРЛ. — Т. 4, ч. 1, вып. 2. — С. 345; Т. 6, вып. 1. — Стб. 490; ГВНИП. — № 18. — С. 33—34; характерно также, что «Правосудие Митрополичье» в случае бесчестья великого князя лицом более низкого статуса предполагает исключительную санкцию — «главу сняти» (АСЭИ. — Т. 3. — С. 22, № 8). Тут следует также упомянуть, что еще на взгляд владимирского летописца, описывавшего события 1170 г., не ставшаяся им под сомнение политическая свобода новгородцев в отношениях с их князьями вовсе не предполагала, однако, за горожанами права «соромляти» князей, к которым они ранее «крестъ честныи цѣловаше»: в противном случае следует надлежащее наказание от Бога «по достоянью», в конкретной ситуации осуществляемое «рукою благовѣрнаго князя Андрѣя» (ПСРЛ. — Т. 1. — Стб. 362; *Флора Б.Н.* Представления об отношении власти и общества в Древней Руси (XII — начало XIII вв.) // Власть и общество в литературных текстах Древней Руси и других славянских стран (XII—XIII вв.). — М., 2012. — С. 41—43.

⁶² Псковские летописи. — Вып. 2. — С. 187.

⁶³ Зато, впрочем, возникает обвинение в грабеже им при расставании на границе псковских почетных провожатых: В.Д. Назаров даже предположил, что хранившаяся согласно Описи царского архива в ящике 147 «Запись княж Федорова Юрьевича Шуйского в его вине» могла быть связана с великокняжеским разбирательством этих претензий к Федору со стороны псковичей (*Назаров В.Д.* Докончание князей Шуйских с князем Дмитрием Шемякой и судьбы Нижегородско-Суздальского княжества в середине XV в. // Архив русской истории. — М., 2002. — Вып. 7. — С. 72).

⁶⁴ *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. — Т. 2: Владетельные князья владимирских и московских уделов и великие и удельные владетельные князья Суздальско-Нижегородские, Тверские и Рязанские. — С. 59, прим. 160.

⁶⁵ Такие столкновения действительно разгораются уже в первые месяцы следующего, 1463 г.: поводом для озлобленного их начало ливонского рейда стало, видимо, именно появление построенного при Владимире Кобыльего городка, который закреплял псковский контроль над спорным пограничным районом у Озольицы (см.: *Казакова Н.А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в. — С. 132—134; *Баранов А.В.* Русско-ливонские мирные договоры 1474 года: предпосылки, переговоры, последствия // Средневековая Русь. — М., 2016. — Вып. 12. — С. 210; о работах 1462 г. по усилению оборонительных сооружений Пскова см.: *Лабутина И.К.* Историческая топография Пскова в XIV—XV веках. — С. 82, 100). Думается, несомненно достигшее Дерпта известие о разрыве псковичей с их князем и о его отъезде также поспособствовало началу военных действий.

⁶⁶ Псковские летописи. — Вып. 1. — С. 62; Вып. 2. — С. 52, 150.

⁶⁷ Вопреки предположению об изгнании Владимира некой «радикальной группировкой, отстаивавшей курс на конфронтацию с Москвой и не соглашающейся

ся со стратегией добровольного подчинения», высказанному Гертруд Пикхан (*Pickhan G. Gospodin Pskow. — S. 289*), летописный текст четко противопоставляет общее решение о прекращении власти князя и последовавшие оскорбительные действия отдельных людей, нет ни с одной из сторон и любых указаний на конфронтацию с Москвой как мотив или как цель происшедшего.

⁶⁸ На это обратил внимание еще Б.Б. Кафенгауз (*Кафенгауз Б.Б. Древний Псков: очерки по истории феодальной республики. — М., 1969. — С. 99*). Псковские летописи четко различали вполне допустимое на их взгляд лишение псковичами князей — великокняжеских наместников власти в городе, т.е. односторонний разрыв отношений с ними, и их бесчестье: в случае с Владимиром сами летописцы ясно указывают, что именно было бесчестьем (и действительно могло стать поводом для московских санкций), а в известных случаях изгнаний других князей речь об их бесчестьи при этом не шла. Характерно, что Иван Репня, так же, как и Владимир Андреевич, перед лицом великого князя обвинявший горожан в бесчестьи, даже не был ими изгнан, а уезжает сам — т.е. сам по себе его отъезд бесчестьем не был и таковым не сопровождался. Псковичи по мнению князя Ивана «бесчестовали» его не при отъезде, а ранее, когда во время его княжения постоянно ставили ему и его людям ограничения при осуществлении княжеской судебной-административной власти в городе и в пригородах, как сообщает и московский рассказ «Взятие Пскова» (*Масленникова Н.Н. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. — С. 185—187*). Сам же по себе отказ в поддержке городским сообществом великокняжеского наместника, подразумевающий необходимость прекращения его княжеских полномочий, как бесчестье не интерпретировался и до, и после 1462 г.: характерно, что лишившийся расположения псковичей князь Федор Юрьевич, когда в Москву отправилось посольство за другим князем, как уже было сказано, даже не ждет распоряжений великого князя, а просто слагает с себя крестное целование и покидает Псков.

⁶⁹ Псковские летописи. — Вып. 1. — С. 62—63; Вып. 2. — С. 52, 151. Мнение о том, что, «по-видимому», «посольство было не о князе, а о сохранении права» (*Костомаров Н.И. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада (история Новгорода, Пскова и Вятки). — С. 284*) прямо противоречит летописным текстам.

⁷⁰ Заметим, что конструкция, которая чаще всего применялась летописцами — «послаша псковичи послов (перечисляются имена послов) к князю великому и испросиша себе князя» (далее следует имя князя) — не позволяет судить о степени самостоятельности послов в деле обсуждения с великим князем кандидатур: судя по всему, в разных ситуациях она могла быть весьма различной — во всяком случае, в период до 1462 г.

⁷¹ Псковские летописи. — Вып. 2. — С. 151.

⁷² Признаваемое великим князем за Псковом право — в рамках надлежаще проведенной и оформленной процедуры получать для себя желаемого псковичами князя («язь князь великои вась свою вотчину о всемъ жалоую, коего от мене к себѣ намѣстником, а к себѣ князем хотите, толко ко мнѣ своего боярина с листом о коем князе не прислете») — та же ПЗЛ, описывая процесс длившегося почти год согласования кандидатур во время замены уже покинувшего город князя Федора Юрьевича, связывает именно с прелотворением угрозы бесчестья великокняжеского наместника: «зане же великий князь многажды послом псковским глаголет: кои боудеть вамъ намѣстник от мене вамъ князь надобѣ, я вамъ того не стою; а того бы есте не бешчестовали, которѣи у вась боудеть начнет творити сило» — т.е. «я готов давать вам наместником любого нужного вам князя и не буду тут на чем-то настаивать, но только не подвергайте бесчестью наместника, который у вас уже княжит, даже в случае злоупотреблений с его сто-

роны» — и это явная отсылка именно к рассматриваемым нами событиям осени 1462 г. (Псковские летописи. — Вып. 2. — С. 186—187).

⁷³ Известен случай, когда псковичи попросили у великого князя вновь утвердить в качестве его наместника вернувшегося к ним из Новгорода еще три года назад Александра Чарторыйского, но конфликта горожан с Василием Васильевичем здесь не возникло: он согласился на это при условии принесения князем Александром новой присяги великому князю и его детям, что оказалось неприемлемо уже для Чарторыйского.

⁷⁴ Псковские летописи. — Вып. 1. — С. 43—44; Вып. 2. — С. 44, 132.

⁷⁵ Высказанное К. фон Штерном предположение, что Иван Стрига входил в свиту Юрия Васильевича и был его авторитетным советником (*Stern C. von. Dorpat-Pleskauer Kämpfe und Verträge 1448—1463.* — S. 384) вынуждает все же уточнить, что во всяком случае князь Иван служил не Юрию, а великому князю, и псковичи получают его себе по великокняжескому повелению.

⁷⁶ Мнение, что сам Иван Друцкий «в 1436 г. был князем в Пскове» (*Бенцианов М.М.* «Княжеский элемент» в новгородской поместной корпорации на рубеже XV—XVI вв. — С. 95), неточно: летопись говорит о нем, как о приехавшем 1 ноября 1435 г. в город (и вскоре уехавшем к великому князю) не на княжение, а «в своем безвременьи», как беглец; псковским князем же тогда (как минимум — до приезда Бориса Васильевича 17 ноября) оставался Владимир Данилович.

⁷⁷ ПСРЛ. — СПб, 1910. — Т. 23. — С. 151; *Назаров В.Д.* Докончание князей Шуйских с князем Дмитрием Шемякой и судьбы Нижегородско-Суздальского княжества в середине XV в. — С. 67.

⁷⁸ *Масленникова Н.Н.* Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. — С. 55. Мнение Н.С. Борисова о том, что Александр Чарторыйский после событий 1441 (вероятнее, все же 1442. — С.Г.) г. был пожалован великим князем неким «провинциальным кормлением», но вместо связанных с ним «тихих радостей» предпочел принять полученное им от псковичей — несмотря на возможное неудовольствие великого князя и, кажется, даже вовсе без его ведома — приглашение на псковский стол (*Борисов Н.С.* Псковская политика Василия Темного. — С. 103), сложно разделить, поскольку ни один из его элементов не находит поддержки в имеющихся источниках. Наиболее вероятным в рассматриваемой ситуации видится высказанное нами выше предположение, что отправка князя Александра Василием Васильевичем в начале 1443 г. в Псков — одно из следствий заключенного у Троицкого монастыря в 1442 г. примирения великого князя с Дмитрием Шемякой и выступившим тогда на стороне Дмитрия Чарторыйским.

⁷⁹ Псковские летописи. — Вып. 2. — С. 35.

⁸⁰ Там же. — С. 39.

⁸¹ Собственно говоря, в обстановке, когда ближайшей московской задачей оставалось дальнейшее подчинение Новгорода, в деле которого важно было не допустить возрождения новгородско-псковского союза, и, напротив, опереться на военную поддержку Пскова, любые жесткие меры к псковичам со стороны Москвы видятся вряд ли возможными в реальности. Таким образом, наиболее убедительной по-прежнему представляется оценка ситуации осени 1462 г. фон Штерном: «Der Großfürst gab in allem nach, gewiß nicht aus Achtung vor altem Recht und Herkommen, sondern weil er der Bundesgenossenschaft Pleskaus gegen Novgorod bedurfte und diese nicht aufs Spiel zu setzen wagte» — «великий князь уступил во всем, и определено не из уважения к старинному праву, а из-за того, что нуждался в союзе с Псковом против Новгорода и не хотел рисковать» (*Stern C. von. Dorpat-Pleskauer Kämpfe und Verträge 1448—1463.* — S. 404).

⁸² *Болховитинов Е.А.* История княжества Псковского. — С. 72—73; *Беляев И.* Рассказы из русской истории. — Кн. 3: История города Пскова и Псковской земли. — С. 159; *Мартысев И.Д.* Псковская судная грамота: Историко-юридическое исследование. — С. 24; *Pickhan G.* Gospodin Pskow. — S. 289.

⁸³ *Баранов А.В.* Русско-ливонские мирные договоры 1474 года: предпосылки, переговоры, последствия. С. 208—212.

⁸⁴ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 6. — Стб. 206—207.

⁸⁵ Новейшую работу и библиографический обзор по этой теме см.: *Назаров В.Д.* О включении Ярославского княжения в состав Российского государства // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. — М., 2015. — Вып. 4. — С. 51—79.

⁸⁶ *Титов Г.А.* Об одной группе монет с именем князя Федора // Русь, Литва, Орда. — М., 2016. — Вып. 2. — С. 132.

⁸⁷ По гипотезе И.К. Лабутиной, которой предложено распределение известных статей 6923 и 6925 гг. ПЛ между 6923, пропущенным 6924 и 6925 гг., изгнание Андрея произошло 17 июля не 1417, а 1416 г. (*Лабутина И.К.* Историческая топография Пскова в XIV—XV веках. — С. 108—109). В таком случае, однако, возникает неразрешенная пока что проблема: в послании псковичам 24 сентября 1416 г. по поводу Константиновой грамоты митрополит Фотий ссылается на то, что с просьбой об этом к нему обратились псковские послы посадник Яким и Василий, а также князь Андрей Александрович (РИБ. — СПб., 1908. — Т. VI. — Ч. 1. 2-е изд. Памятники древнерусского канонического права. — Стб. 385 № 44). Трудно предположить, что уже изгнанный псковичами князь отправляется с ходатайством об отмене не устраивающего их акта к митрополиту, продолжая действовать в интересах отказавшегося от его услуг города.

⁸⁸ Дата рождения князя Владимира неизвестна, согласно синодику его отец был дважды женат, по родословным Владимир — четвертый из шести братьев-Андреевичей. Вероятно, он получил имя в честь своего двоюродного деда, Владимира Константиновича, родившегося где-то между 1328 и 1364 гг. и к 1404 г. уже, судя по всему, умершего (а в 1415 г. скончался и сын того Константин Владимирович). Если исходить из имеющихся косвенных данных, Владимир Андреевич мог появиться на свет на рубеже XIV—XV вв. или, скорее, где-то в первой трети XV в.

⁸⁹ *Николаева Т.В.* Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — первой четверти XVI в. // САИ. Е1-49. — М., 1971. — № 100. — С. 93, таб. № 66.

⁹⁰ ПСРЛ. — Т. 24. — С. 194.

⁹¹ *Сиренов А.В.* Летописцы в рукописях Михаила Медоварцева // Летописи и хроники, 2013—2014. — М.; СПб., 2015. — С. 330; ПСРЛ. — Т. 24. — С. 227; *Конов С.В.* Синодиология. Ч. II. Ростовский соборный синодик // Историческая генеалогия. — Екатеринбург; Нью-Йорк, 1995. — Вып. 6. — С. 101.

⁹² Определенный И.А. Голубцовым как Владимир Андреевич Ростовский «князь(ь) Володимерь», о поездке которого с Василием Замытским в Новгород по поводу великокняжеских земель в Задвинье в период между 1456 и 1462 гг. сообщает 2 список Двинских земель (АСЭИ. Т. 3. С. 31. № 15) — судя по всему, князь Владимир Иванович Оболенский. Благодарю за консультацию А.В. Кузьмина, в устном обсуждении поддержавшего эту гипотезу.

⁹³ ДДГ. — С. 195. — № 61.

⁹⁴ См. напр.: АСЭИ. — Т. 3. — С. 224. — № 8.

⁹⁵ Характерно, что Ю.Г. Алексеев, отмечая сохранение за Владимиром Андреевичем его прежнего владетельного статуса во время пребывания в Пскове, само княжение там ростовского князя определяет лишь как «выполнение политического поручения великого князя», во время которого «не переставая быть кня-

зем в своем уделе» Владимир «фактически находится» на великокняжеской службе, очевидно, подразумевая, что в полноценном понимании этого термина на службу Василию Васильевичу «ростовский владетельный князь» и глава Борисоглебской ветви не поступал (*Алексеев Ю.Г.* Под знаменами Москвы: борьба за единство Руси. — С. 115).

⁹⁶ Устюжский наместник князь Иван Александрович, которому адресована грамота великого князя Ивана Васильевича, опубликованная В.А. Аракчеевым (*Аракчеев В.А.* Новый источник по истории великокняжеской политики в северорусских землях в третьей четверти XV в. // *Российская история.* — 2011. — № 4. — С. 178—184), судя по всему, не дядя Владимира Иван Александрович Ростовский: даже если бы тот в 1462 г. еще здравствовал, ему б должен был идти тогда уже как минимум восьмой десяток, кроме того, будь князь Иван жив и политически активен в сер. XV в., то он имел бы больше прав на Ростов, нежели его племянник Владимир, но еще известия 1390-х—1400-х годов изображают младшего из братьев Александровичей чрезвычайно болезненным. Поэтому, скорее всего, в акте упомянут преемник Владимира на псковском столе Иван Александрович Звенигородский, — видимо, после 1466 г. получивший назначение в Устюг (характерно, что в 1468 г. рать устюжан в поход на Казань ведет его сын Иван Звенец: ПСРЛ. — Т. 25. — С. 280). Первый ростовский князь Борисоглебской ветви, бесспорно находящийся на московской службе — поминаемый согласно ранним синодикам как павший при взятии Казани в 1487 г. князь Юрий Дмитриевич, представитель младшей линии этой ветви, потомков Владимира Константиновича: Памятники истории русского служилого сословия. — М., 2011. — С. 174, 189. Для них так же, как и для множества их сородичей, представляющих уже обе ветви князей Ростовских, несомненная их служба Ивану Васильевичу определяется только лишь массовым испомещением этих князей с середины 1480-х годов на конфискованных великим князем у новгородских вотчинников землях. Этапное в этом смысле значение 1485 г., когда после кончины великой княгини Марии вся территория бывшего Ростовского княжения окончательно вошла в состав великокняжеских земель, было отмечено еще А.А. Зиминным (*Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. — С. 82).

⁹⁷ В отличие от другой, Сретенской ветви князей Ростовских, представитель старшей линии которой Андрей Федорович Голенин после 1462 г. уходит из Ростова на службу к Борису Волоцкому, а его ближайшие родичи (возможно, уже к этому времени, и, что несомненно, несколько позднее) служат великому князю. Кому-то из боровшихся между собой членов московского великокняжеского рода, судя по всему, служил и приобретающий во второй половине 1430-х годов или, скорее, 1440-х годов на некоторое время вотчину в Бежецке старший сын наследника последнего владетельного князя Сретенской ветви Александра Федоровича Дмитрий Щепа.

⁹⁸ В Пскове такого рода практика фиксируется в правой грамоте князя Ярослава Васильевича и посадников Леонтия Тимофеевича и Степана Максимовича Снеготорскому монастырю, согласно которой на межевание спорной земли «оспода» посылала «княжого боярина Михаилу Чета» и псковского сотцкого Климету Семеновича, а сам акт писал «князь дьякъ» (ГВНиП. — М.; Л., 1949. — № 340).

⁹⁹ Эта практика также была демонстративно прекращена по воле великого князя сразу же после «псковского взятия» в январе 1510 г.

¹⁰⁰ Эту тенденцию можно отметить еще с первой трети XV в.: с конца предыдущего столетия Ростовский княжеский дом уже не может защищать свои северные земли на Двине и Ваге от постоянного давления Новгорода, в итоге обширные владения в этой части княжества, принадлежавшие ряду ростовских князей,

в том числе дядя Владимира Ивану Александровичу, оказываются под новгородской властью, а в 1456 г. переходят к великому князю. Другой дядя Владимира, Федор Александрович, в середине 1400-х — начале 1420-х годов заложил свое отчинное село Никольское с деревнями в Ростове за 300 рублей ростовскому боярину Борису, и, поскольку долг так и не удалось выплатить, это крупное пригородное владение навсегда ушло из родовой собственности.

¹⁰¹ Подробнее см.: *Городилин С.В.* К вопросу о брачных связях псковской элиты в первой трети XV в. // Археология и история Пскова и Псковской земли. — Псков, 2015. — Вып. 30: Семинар им. акад. В.В. Седова: материалы 60-го заседания. — С. 81—82.

¹⁰² Самостоятельный чекан монеты ростовскими князьями прекратился где-то к концу 1410-х — началу 1420-х годов, и, в любом случае, в 1433 г. в Ростове уже сидит великокняжеский наместник. Но переход прав на половину города к московскому князю случился несколько ранее: известно пожалование еще Василия Дмитриевича, выданное вышеупомянутому ростовскому боярину на его село в Ростове при жизни Федора Александровича Ростовского или, скорее всего, вскоре после пострижения того в 1421 г. и смерти (АСЗ. — М., 1996. — Т. 1. — С. 55. — № 66). На данный момент наиболее вероятным видится вариант, при котором принадлежащую князьям Сретенской линии половину Москва получает в последние полтора года жизни этого великого князя, между серединой 1423 и февралем 1425 г., почему упоминание о Ростове и не попадает в уже заверенный к тому времени Витовтом текст последней духовной грамоты великого князя Василия.

¹⁰³ *Городилин С.В.* К вопросу о брачных связях псковской элиты в первой трети XV в. — С. 78—81.

¹⁰⁴ После отъезда из Пскова 28 февраля 1434 г., вызванного обострением династического конфликта в Москве, из-за чего поддержка великим князем своего княжашего в Пскове наместника стала невозможна, Александр через некоторое время умирает, а Дмитрий Александрович, судя по всему, обнаруживается на службе князьям московского дома (как позднее и его испомещенное в 1480-х годах в новгородских землях потомство) в принадлежащем тем Бежецком Верхе.

¹⁰⁵ ПСРЛ. — СПб., 1910. — Т. 23. — Стб. 157—158.

¹⁰⁶ Сообщение о бесчестии князя на вече в летописи следует за известием о его изгнании, что заставляет предположить, что «с степени» князя разгорячившиеся горожане спустили сразу после публичного выражения воли городского сообщества о лишении его статуса псковского князя. Вероятнее всего, Владимир Андреевич в этот момент не проявил подобающего уважения к сообществу псковичей или даже вступил с ними в дискуссию, что и вызвало ранее никогда не фиксировавшуюся летописцами вспышку эмоций. Во всяком случае, не вполне ясно, что имел в виду В.А. Аракчеев, говоря, что «in the late summer of 1462, Prince Vladimir Andreevich was not permitted to assume the princely throne: “The ignorant Pskovians, evil people, pushed him off the rostrum”» (*Arakcheev V. The Evolution of State Institutions of the Republic of Pskov and the Problem of its Sovereignty from the Thirteenth to Fifteenth Centuries // Russian History. — № 41 (2014). — P. 432*) — этот стол Владимир занимал еще с весны предыдущего года, а в ходе рассматриваемого инцидента как раз его утратил. Если речь тут о том, что занимаемый князем «стол» располагался на вечевом собрании и на этот раз князю не дали его занять, то с этим также сложно согласиться: ритуал настолования происходил, как известно, единожды при приезде князя в соборе Троицы, в дальнейшем же, насколько можно судить, главным местом официального пребывания и репрезентативного функционирования князя был княжий двор у городского Торга, а не соборная площадь.

¹⁰⁷ *Вовин А.А.* К вопросу о княжеской власти в Пскове XIV—XV вв. — С. 103, 112, 114.

¹⁰⁸ *Никитский А.И.* Очерк внутренней истории Пскова. — С. 124; Псковские летописи. — Вып. 2. — С. 300.

¹⁰⁹ Псковские летописи. — Вып. 2. — С. 68, 199, 201. Тут следует заметить, что несмотря на установившиеся с 1399 г. псковско-великокняжеские отношения, нет никаких данных, свидетельствующих о вовлеченности Пскова в фискальную систему великого княжения (за исключением отдельных известий о различных суммах поднесенных великому князю даров — разумеется, нерегулярных). Не сообщается о сборе в Псковской земле ордынского «выхода» (нет указаний и о том, что в ней в период после монгольского завоевания производилась перепись или хотя бы, как в Новгороде и Смоленске, когда-то бывали ханские послы), не входит она и в новгородскую систему взимания черного бора, тамга начинает взиматься в Пскове лишь в 1510 г., не брался, судя по всему, на территории республики и ям. Таким образом, помимо взаимных военно-внешнеполитических обязательств, то, что Псков считал себя отчиной великого князя, в рассматриваемый период выражалось лишь исключительно в прошении и приеме городским сообществом князей для себя из московской руки и в обеспечении этих князей и их окружения «пошлиной».

¹¹⁰ Псковские летописи. — Вып. 1. — С. 92; Вып. 2. — С. 59, 150.

¹¹¹ Там же. — С. 57—58; Вып. 2. — С. 51, 146.

¹¹² ПСРЛ. — Т. 16. — Стб. 202.

¹¹³ Псковские летописи. — Вып. 2. — С. 59.

¹¹⁴ См.: *Городилин С.В.* Три жалованные грамоты на ростовский двор Троице-Сергиева монастыря: к вопросу о судоустройстве в Ростове в XV в. // «По любви, во правду, безо всякие хитрости»: друзья и коллеги к 80-летию Владимира Андреевича Кучкина. — М., 2014.

¹¹⁵ К близким выводам приходит и Карл фон Штерн, также называющий в качестве одной из причин конфликта горожан с князем Владимиром их недовольство его сдержанной позицией в разворачивающемся противостоянии с Дерптом. Однако немецкий исследователь считал позицию Владимира лишь выражением воли молодого великого князя Ивана Васильевича, не хотевшего быть втянутым в войну с Дерптом и Орденом (*Stern C. von. Dorgpat-Pleskauer Kämpfe und Verträge 1448—1463.* — S. 403). Думаем, однако, что вряд ли псковский князь успел бы за лето запросить и получить из Москвы какие-то новые указания по этой проблеме и уже вызвать напряженность их неукоснительным выполнением. К тому же, как показывают последующие события, сама по себе война из-за пограничного спора псковичей в итоге вовсе не показалась неприемлемой для Москвы.

¹¹⁶ Позже им это уже было знакомо: в 1476 г. вошедший в затяжной конфликт с городским сообществом князь Ярослав Васильевич Оболенский «изо Пскова не едет, а псковичи его и провадят, и не провадят, как онъ от великого князя посла ожидаетъ, тако и псковичи, а над ним силно не чинят по его насилью» (Псковские летописи. — Вып. 2. — С. 205), близкая ситуация с князем Иваном Репней Оболенским, собственно, предшествовала и самому «Взятию псковскому» 1510 г.

¹¹⁷ *Масленникова Н.Н.* Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. — С. 188.

А.В. Виноградов

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ С МОСКВОЙ В ПЕРИОД «ВЕЛИКОГО БЕСКОРОЛЕВЬЯ» 1572—1576 ГГ.

Аннотация: *Статья рассматривает роль Рады панов Великого княжества Литовского в осуществлении дипломатических связей с Русским государством до Люблинской унии 1569 г. Показан процесс формирования единого сената Речи Посполитой после 1569 г. и положения литовской магнатуры в его составе, при сохранении ее роли в дипломатических связях с Москвой. Отмечена роль политической элиты Великого княжества Литовского в проведении самостоятельной политики в отношении московских кандидатур на престол Речи Посполитой в период «великого бескоролья» 1572—1576 гг. Рассмотрены роль отдельных кланов литовской магнатуры в осуществлении дипломатических связей с Москвой.*

Ключевые слова: «Великое бескоролье» 1572—1576 гг.; Корона Польская; Великое княжество Литовское; Польско-Литовское государство Сенат Речи Посполитой; Рада панов Великого княжества Литовского; Люблинский сейм 1569 г.; Стефан Баторий; Иван Грозный.

A.V. Vinogradov

Political elite of Grand duchy Lithuanian in diplomatic communications with Moscow during the period «Great Interrex» 1572—1576

Abstract: *Article considers a role of Lithuanian Council of Lords in realisation of diplomatic communications with Russian state till Union of Lublin 1569. Process of formation of the uniform senate of Polish-Lithuanian Commonwealth after 1569 and position of Lithuanian magnateria in its structure is shown, at preservation of its role in diplomatic communications with Moscow. The role of political elite of Grand duchy Lithuanian in preservation of an independent policy concerning the Moscow nominees on a throne of Polish-Lithuanian Commonwealth during the period «Great Interrex» in 1572—1576. Are considered a role of separate clans Lithuanian magnateria in realisation of diplomatic relations with Moscow.*

Keywords: «Great interregnum» 1572—1576; Polish crown; Grand Duke of Lithuania; Polish-Lithuanian Commonwealth, Senat of Poland; Lithuanian Council of Lords; Seym of Lublin; Stefan Bahory; Ivan the Terrible

На протяжении всей истории Великого княжества Литовского вплоть до заключения Люблинской унии 1569 г. дипломатические связи с сопредельными государствами осуществлялись его монар-

хом — великим князем совместно с радой панов, по определению М.Е. Бычковой «немногочисленным советом при великом князе, куда входили представители феодальной верхушки, крупнейших магнатских родов»¹. Рада панов являлась высшим исполнительным органом власти в Великом княжестве. В дореволюционной отечественной историографии функционирование рады панов и ее состав были освещены в классических трудах И.И. Лаппо, М.К. Любавского и И.А. Малиновского. В современной отечественной историографии эти проблемы подымались в трудах М.Е. Бычковой и А.Л. Хорошкевич. Тем не менее, до сих пор в отечественной историографии не сложилось цельной картины показа функционирования и прежде всего дипломатической деятельности рады панов ни до 1569 г., ни как составной части единого «спольного» сената Речи Посполитой после 1569 г. Между тем еще в трудах В.В. Новодворского, а в дальнейшем, в современный период, в работах А.И. Филиюшкина и Б.Н. Флоря был поставлен вопрос о самостоятельной роли литовских панов радных в дипломатических связях с Москвой в период «великого бескоролья» 1572—1576 гг. При этом до сих пор нет ясности в вопросе, как именовать литовских панов радных, вошедших в состав «спольного сената» Речи Посполитой.

Впрочем, само наименование «совета при великом князе» и лиц, входящих в его состав, в дореволюционной отечественной историографии не было окончательно определено. М.К. Любавский употребляет термин «господарская рада», а лиц, входивших в ее состав, «паны-рада»². По определению И.А. Малиновского «ближайшие сотрудники великого князя по управлению государством и по защите его от внешних врагов сделались его советниками, панями радами. Таковы прежде всего — католические бискупы и важнейшие урядники земские и дворные, преимущественно главные областные правители»³. И.А. Малиновский называет, таким образом, высший совет при князе «радой» а лиц, вошедших в ее состав, «панями радами». Эта терминология получила в дальнейшем в отечественной историографии широкое распространение. М.Е. Бычкова вслед за И.А. Малиновским употребляет термины «паны-рада» и «рада».

Следует уточнить, что И.А. Малиновский рассматривает деятельность рады панов до 1569 г. И.И. Лаппо, исследовавший историю Великого княжества Литовского в составе Речи Посполитой в отношении литовской части объединенного сената, использует термин «паны рада Великого княжества Литовского», однако называет, лиц входящих в ее состав, не панями радными, а «литовскими сенаторами». Б.Н. Флоря по отношению к литовским панам радным, вошедшим в состав единого сената Речи Посполитой, исполь-

зует термин «литовские сенаторы»⁴. Наименование единого органа власти Речи Посполитой введено в научный оборот И.И. Лаппо — «сполный Польско-Литовский сенат, созданный Униєю 1569 года»⁵. М.К. Любавский употребляет термин «соединенный сенат Речи Посполитой»⁶.

Роль рады панов в осуществлении дипломатических связей Великого княжества Литовского до Люблинской унии была исключительно велика, что в значительной степени предопределило большую роль литовских сенаторов во внешнеполитической деятельности «сполного» сената Речи Посполитой, особенно на «московском направлении». С момента формирования Польско-Литовского государства в виде конфедерации, связанной личной унией, дипломатические отношения с Москвой находились в ведении канцелярии Великого княжества Литовского. В ее ведении находилась подготовка посольской документации, прежде всего посланий великого князя литовского московскому государю. Дипломатические контакты польско-литовского монарха с «великим князем Московским» в форме приема (аудиенции) его представителей осуществлялись только при участии панов радных. И.А. Малиновский выделил два основных направления внешнеполитической деятельности рады панов — отправление и снаряжение посольств, причем нередко и в отсутствие великого князя, который находился на территории Короны, и прием дипломатических представителей сопредельных государств на территории Великого княжества Литовского как в церемониальной, так и в деловой частях приема. Действительно, проведенный И.А. Малиновским анализ русской посольской документации свидетельствует, что помимо церемониальных функций представители политической элиты Великого княжества Литовского вели непосредственно дипломатические переговоры с московскими послами. И.А. Малиновский обратил внимание на то, что помимо ведения переговоров с московскими послами выделенной радой панов комиссией весь ее присутствующий в месте приема посольства состав принимал участие в обсуждении хода переговоров, особенно в случае возникновения конфликтных ситуаций. Это ясно следует из русской посольской документации — отчетов посольств 1558 г. и особенно 1567 г. Принципиально важным был вывод И.А. Малиновского о том, что в отсутствии на территории Великого княжества Литовского короля рада панов стремилась задерживать московских дипломатических представителей до его возвращения из коронных земель. В любом случае следование московских дипломатических представителей в Корону Польскую к месту нахождения короля осуществлялось только с разрешения рады панов⁷.

Все дипломатические миссии Великого княжества Литовского в Москву, Бахчисарай, Молдову возглавлялись только панами радными. И.А. Малиновский, обстоятельно рассмотрев состав польско-литовских посольств к московским государям, пришел к выводу, что все «большие послы» являлись ведущими панами радными⁸.

Выводы И.А. Малиновского разделяли И.И. Лаппо и В.В. Новодворский. В дальнейшем они были закреплены в исследовании Э. Банениса, который составил хронологический перечень литовских дипломатических представителей в Русское государство, Крым, Молдову, Большую Орду, Казанское ханство и Ливонский Орден до 1569 г.⁹

Итак, аудиенции посольствам сопредельных государств, в первую очередь Ливонского ордена, Русского государства и Крымского ханства, в периоды нахождения монарха на территории Великого княжества Литовского до 1569 г. происходили только в присутствии рады панов. В 60-е годы состав присутствующих на аудиенции у Сигизмунда II Августа посольств из Москвы панов радных начинает фиксироваться в представляемых им статейных списках¹⁰. Так, на аудиенции 26 июля 1567 г. в Гродно (Городне) посольства Ф.И. Умного-Кольчева присутствовало двадцать панов радных, из которых шестеро сидело по правую сторону от монарха, а четырнадцать по левую сторону¹¹.

Для ведения дипломатических переговоров рада панов выделяла комиссию (термин введен в научный оборот И.А. Малиновским). В русской посольской документации это учреждение традиционно именовалось «ответной комиссией», так как она высылалась радой панов с «ответом» на изложенные на аудиенции у монарха, а также представленные в письменном виде «посольские речи», что соответствовало дипломатической практике принятой в Русском государстве. Следует отметить, что в отечественной историографии до сих пор нет единства в терминологии «ответной комиссии». Например, В.В. Новодворский именует ее «совещательной комиссией»¹². С 60-х годов состав «ответной комиссии» всегда фиксировался в «статьных списках» русских посольств. Так, 28 июля 1567 г. в Гродно (Городно) переговоры с посольством Ф.И. Умного-Кольчева вела «ответная комиссия» в составе десяти человек во главе с Валерианом Протасьевичем, епископом виленским, куда входили все влиятельные паны радные: Миколай Юрьевич Радзивилл, воевода виленский, канцлер литовский, Юрий Александрович Ходкевич, пан (каштелян) троцкий, Остафий Воллович, подканцлер и маршалок дворный литовский и другие. В состав «ответной комиссии» вошли четыре писаря литовских: Ян

Шимкович, Лаврин Война, Михаил Гарабурда и Матиас Совитцкий¹³.

Особой формой дипломатической деятельности рады панов была переписка с думными чинами Русского государства, осуществлявшаяся посредством направления в Москву гонцов, как правило, от возглавляющего ее епископа виленского. В период «бескорольевий» в Речи Посполитой эта форма дипломатической деятельности приобрела огромное значение.

В Короне Польской до 1569 г. высшим органом исполнительной власти являлся сенат, как он именовался на латинском языке — официальном языке польского делопроизводства. В документации канцелярии Великого княжества сенат именовался «рада панов Короны Польской», так же, как и в русской посольской документации. Как уже отмечалось, в Польско-Литовском государстве к 1569 г. сложилось разделение полномочий между радой панов Великого княжества и коронным сенатом по осуществлению внешнеполитической деятельности при одновременном разделении полномочий в деятельности коронной и литовской канцелярий. В сферу дипломатической деятельности Великого княжества Литовского к 1569 г., как известно, входили Русское государство, Крымское ханство и Молдова. Однако применительно к коронному сенату и раде панов Великого княжества Литовского это разделение полномочий отчасти было условно. В состав «великих посольств» в Москву при приоритетной роли литовских панов радных всегда включались представители коронного сената. В 60-х годах участились случаи отправления литовский панов радных в качестве послов в Османскую империю.

После 1569 г. пошел сложный процесс инкорпорации рады панов Великого княжества Литовского в единый «сполный» сенат Речи Посполитой, которая вошла в его состав в «усеченном виде». Как отметил И.И. Лаппо, «Число членов сената от Княжества в Речи Посполитой было меньшим, чем число панов-рад Литовских в эпоху совершенно отдельного существования Литовско-Русского государства»¹⁴.

Последние до «великого бескорольевья» дипломатические переговоры посольства князя И.М. Канбарова, князя Г.Ф. Мещерского, князя Г.В. Путятина и дьяка П. Протасьева, посланного для ратификации московского договора 1570 г. о заключении перемирия в Варшаве в мае 1571 г., явились одновременно первыми переговорами с «ответной комиссией» «сполного» сената Речи Посполитой. Состав «ответной комиссии» известен из литовской документации. Это т.н. «Описание приема посольства И.М. Канбарова и Г.Ф. Мещерского» в составе 591-й книги Литовской метрики¹⁵. В составе комиссии

превалировали представители Короны — пятеро из девяти во главе с Лукашем Гуркой, воеводой познанским. Однако численное превосходство коронных сенаторов в составе комиссии, как показывают материалы «статейного списка» послов, компенсировалось политическим весом и компетенцией литовцев — подканцлера литовского Остафия Воловича, маршалка земского литовского Яна Ходкевича и подскарбия земского литовского Миколая Нарушевича¹⁶. Четвертым участником переговоров с литовской стороны был Миколай Кшиштов Радзивилл («Сиротка»), маршалок дворный литовский, но пока он еще не проявил себя.

В период «великого бескоролья» обмен «большими послами» между Русским государством и Речью Посполитой, как известно, не имел место. Это определялось положениями актов Люблинского сейма 1569 г., подтвержденных т.н. «Генриховскими артикулами» 20 мая 1573 г., согласно которым полноправные посольства могли отправляться в сопредельные державы только после элекции нового короля. Однако дипломатические связи между двумя государствами продолжались и шли весьма интенсивно что было связано с целым комплексом важнейших проблем от сохранения в силе перемирия 1570 г. до планов элекции Ивана Грозного либо его сына Федора Ивановича на польский и литовский престолы. При этом и в отечественной (В.В. Новодворский, А.И. Филюшкин, Б.Н. Флоря), и польской (Х. Люлевич, А. Рахуба) историографии подчеркивалось, что наряду с дипломатическими отношениями Москвы с «спольным» сенатом Речи Посполитой, которому по положению актов Люблинского сейма 1569 г. должна принадлежать власть в Речи Посполитой до элекции нового короля, с 1572 по 1576 г. имели место и «сепаратные контакты» как с коронным сенатом, так и с радой панов Великого княжества Литовского. Между тем по положению актов Люблинского сейма 1569 г. эти органы власти двух частей польско-литовской конфедерации теоретически должны были прекратить свое существование. Однако в 1572—1576 гг. дипломатические контакты осуществлялись именно в форме обмена посланиями между московским государем и обеими частями единого «спольного сената», что четко отражено в русской посольской документации. Так, послание литовских панов радных, доставленное с Михаилом Гарабурдой, носит в описи архива Посольского приказа 1626 г. наименование: «Грамота от панов-рад ко государю царю и Великому князю Ивану Васильевичу всея Руси Валериана, бискупа виленского, с товарищи о мирном договоре и о покое христианском, прислана с Михайло Гарабурдою, на бумаге, на листу, лета по-литовскому от Рождества Христова 1572, месяца декабря, в 29 день, а у ней 15

печатей»¹⁷. Показательно и «сепаратное» обращение Ивана Грозного к «панам рады коруны Польские» и к «панам радам Великого княжества Литовского» в декабре 1575 г. с гонцом С. Янгыч-Басталовым. Перечень адресатов впечатляет: в первом послании 33 адресата, во втором — 23¹⁸. При этом более половины адресатов обеих посланий государя не входили по положениям Люблинского сейма 1569 г. в состав «спольного» сената Речи Посполитой. Показательно, что в период «великого бескорольевья», как и Иван Грозный, отдельно обращался с посланиями к коронным сенаторам и литовским панам радным крымский хан Девлет-Гирей I¹⁹.

Между тем по крайней мере в период «второго бескорольевья», т.е. с лета 1574 г. по лето 1576 г., после принятия т.н. «Генриховских артикулов» вопросы внешней политики Польско-Литовского государства должны были решаться общим «спольным» сенатом Речи Посполитой. Однако за весь этот период в отношении Русского государства имеется только единственный факт отправления послания от «спольного» сената во главе с Якубом Уханским, архиепископом гнезинским, Ивану Грозному из Варшавы 19 декабря 1575 г. с гонцами Мартыном Стратомским и Матушем Нарбутом, которые были приняты московским государем в Старице в марте 1576 г.²⁰ Там в числе отправителей значится литовские паны радные Миколай Радзивилл, воевода виленский, канцлер литовский (третьим), Остафий Волович, пан (каштелян) троцкий (четвертым) и Миколай Тальвош, пан (каштелян) жомойтский (пятнадцатым). Таким образом из шестнадцати отправителей только трое представляли Великое княжество Литовское, что явно не отражало норм, установленных для литовского представительства в «спольном» сенате положениями Люблинского сейма 1569 г., и данная акция носила не до конца «легитимный» характер. Интересно, что в Москве прекрасно сознавали, что имеют дело только с обращением от коронных сенаторов. В описи архива Посольского приказа 1626 г. это послание обозначено следующим образом: «Грамота панов-рад Коруны Польские, Якуба Уханского, арцыбискупа гнезинского, да от Петра Мышковского, бискупа полоцкого, с товарищи к царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси об отъезде Генриха, короля польского, что было выбрали ево на королевство Польское и он, для смерти брата своего, отъехал и учинился королем во Французской земле, и они на Польское королевство обрала Максимилиана, второго сына цесаря римского, и покаместа государь к Максимилиану королю польскому послы обошлется, и в те б поры по прежнему мирному постановлению войны не вчинать. Прислана грамота в 84-м году панов-рад с посланцы с Мартином Стратомским да с Матушем Нар-

бутом, а у ней панов рад 16 человек руки и печати, грамота ветхая, подралась»²¹. Отсутствие среди адресатов других панов радных Ивана Грозного в том момент, вероятно, не смутило, так как все трое адресатов литовцев были сторонниками элекции на польский престол императора Максимилиана II, а с прочими литовскими панями радными он готов был вести переговоры о избрании на престол Великого княжества себя или своего сына Федора, в рамках своего плана раздела Речи Посполитой²².

Между тем, как показано и в исследовании И.И. Лаппо, и в фундаментальной работе современного польского историка Х. Люевича «Споры об унии продолжение», что в период «великого бескоролья» и даже после элекции Стефана Батория литовская рада панов реально управляла Великим княжеством Литовским и осуществляла внешнеполитическую линию, не согласованную с Коронной Польской. При этом Х. Люевич уточняет, что в период «великого бескоролья» речь шла не только о заседаниях рады панов как таковой, но и о «съездах литовских сенаторов и шляхты», т.е. по существу уже даже о «сепаратных» литовских вальных сеймах, созыв которых также был отменен актами Люблинского сейма 1569 г. Х. Люевич выделил следующие собрания литовских панов радных и «съезды литовских сенаторов и шляхты» в 1572—1576 гг.: в Гродно (13 VIII 1572 г.), в Вильно (14—15 IX 1572 г.), в Рудниках (24—27 IX 1572 г.), в Мстибогове (5—7 XII 1572 г.), в Вильно (20 XII 1572 — 5 I 1573 г.), в Бельске-Подляшском (IV 1573 г.), в Вильно (11 X 1573 г.) (21—22 X 1573 г.) (10—11 VIII 1574 г.), в Ивии (13 IX 1573 г.), в Вильно (X—XI 1574 г.), в Клецке (I 1575 г.), в Вильно (III 1575 г.), в Бресте Литовском (4—5 V 1575 г.), в Вильно (II 1575 г.), (25 IX 1575 г.), в Мстибогове (X—XI 1576 г.), в Вильно (II 1576 г.), в Геронвичах (26 II—4 III 1576 г.) в Гродно (8—20 IV 1576 г.) и Мстибогове (20 V—3VI 1576 г.)²³.

«Съезды панове рады да шляхты и рыцарства многия» фиксируются в русской посольской документации: Виленский 25 сентября 1575 г. в статейном списке Ф. Янгыч-Басталова и Виленский 14 февраля 1576 г. в статейном списке Л.З. Новосильцева²⁴. Именно с этих «съездов литовских сенаторов и шляхты» отправлялись дипломатические миссии к претендентами на польско-литовский (либо только на польский или литовский) престол в т.ч. и миссия Михаила Гарабурды к Ивану Грозному. Там же принимались и дипломатические представители сопредельных государств, в т.ч. все гонцы, отправляемые Иваном Грозным в Речь Посполитую. Представительство ведущих литовских политиков из числа панов радных на всех «съездах литовских сенаторов и шляхты» было различным и варьировалось в зависимости от общей политической ситуации в

Речи Посполитой. Так, в известной «Грамоте государственных чинов ВКЛ к царю Ивану IV Васильевичу, извещающей о последовавшем на Варшавском сейме избрании римского императора Максимилиана II королем польским»²⁵ от 26 февраля 1576 г. с виленского «съезда литовских сенаторов и шляхты» отправителями являются:

1. Валериан, бискуп виленский;

2. Миколай Юрьевич Радзивилл, князь на Дубиниках и Биржах, воевода виленский, канцлер литовский, староста лидский и мозырский, державца борисовский;

3. Ян Иеронимович Ходкевич, пан (каштелян) виленский, маршалок земский литовский, староста жомоитский, администратор и гетман лифляндский, староста ковенский, державца плотельский и телешовский;

4. Ян Янович Глебович, пан (каштелян) минский, державца оникштенский;

5. Миколай Криштоф Радзивилл, князь на Олике и Несвиже, маршалок дворный литовский;

6. Криштов Миколаевич Радзивилл, подचाший и гетман дворный литовский;

7. Миколай Дорогостайский, стольник литовский, староста волковыйский, шерстовский и бойсагольский, тивун земли жомоитской.

Список отправителей содержит, таким образом, имена ведущих политиков Великого княжества, кроме Остафия Воловича. «Великое бескорольевье» резко усилило «литовский сепаратизм». По существу весь состав литовской части «спольного» сената Речи Посполитой активно участвовал в «сепаратных» дипломатических связях с Москвой и с Веней. В современной польской историографии четко обозначена «проблема самостоятельных дипломатических контактов литовской элиты, главным образом с венским двором и Москвой» как одна из главных составляющих истории «великого бескорольевья»²⁶.

Это заключение Х. Люевича подтверждает выводы А.И. Филюшкина и Б.Н. Флоря, также исследовавших роль политической элиты Великого княжества в период «великого бескорольевья», которое продолжалось с июля 1572 г. по июнь 1576 г., за исключением кратковременного пребывания на территории Речи Посполитой (в Короне) короля Генриха Вalezия (Валуа) в конце января — середине июня 1574 г. В целом ход событий и в польской, и в отечественной историографии представляется следующим образом. Уже в начале первого «бескорольевья» на «съезде сенаторов и шляхты» в Рудниках в сентябре 1572 г. определилась тенденция к установлению самосто-

ятельных дипломатических контактов с Москвой, что выразилось в отправлении послания оттуда Ивану Грозному²⁷. Вторым шагом явилось отправление со «съезда сенаторов и шляхты» в Вильно в декабре 1572 г. известной миссии М. Гарабурды. Дипломатический зондаж с Москвой политической элиты Великого княжества не дал ей ясного ответа относительно намерений Ивана Грозного, за исключением гарантий фактического сохранения в силе перемирия 1570 г. и она приняла участие в элекции Генриха Вalezия (апрель—май 1573 г.). Кратковременное «правление» Вalezия, пребывавшего только в Кракове и не успевшего даже прибыть на территорию Великого княжества, тем не менее показало наличие противоречий литовцев с различными группировками магнатории Короны в плане их притязаний на пересмотр ряда положений Люблинской унии. В результате в период второго «бескоролья» (июнь 1574 — июнь 1576 г.) «литовцы намеревались прежде всего довести до выбора на общий трон такого короля (лучше всего Эрнста Габсбурга), который в первую очередь развеял бы отрицательные последствия унии»²⁸. На «съезде литовских панов и шляхты» в Вильно в марте 1575 г. была декларирована желательность эрцгерцога Эрнста на польско-литовский престол. В ходе усиления позиций Стефана Батория и не до конца продуманными шагами императора Максимилиана II после их «двойной элекции» с конца 1575 — начала 1576 г. начинается постепенный отход части литовской политической элиты от «прогабсбургской ориентации». Это усугубляется опасениями относительно планов Ивана Грозного относительно элекции императора Максимилиана II на польский престол, а самого себя на литовский. О реальности этих планов и причин их провала в отечественной историографии до сих пор нет единства мнений. Наибольшее распространение получила точка зрения Б.Н. Флоря, согласно которой «программа политического переустройства восточной Европы» (т.е. раздел Речи Посполитой) оказалось «неприемлемой» для ее «господствующего класса». «Колебание» и «нерешительность» Грозного и его советников по мнению исследователя, отражают «постепенное осознание этого факта»²⁹. Однако А.И. Филюшкин считает, «что шансы по крайней мере усложнить положение Стефана и политически расколоть Литву у Грозного были»³⁰.

К лету 1576 г. после водворения Стефана Батория в Кракове и общей деморализации «прогабсбургской группировки» в Короне большая часть политической элиты Великого княжества смирилась с неизбежным, но это не означало ее полной «капитуляции». Отказ от планов разрыва Люблинской унии был вынужденным шагом. Признание элекции Стефана Батория ставилось в зависимость от

признания привилегий Великого княжества, что произошло только на Мстибоговском «съезде литовских панов и шляхты» в июне 1576 г., откуда было отправлено посольство в Краков с признанием Батория.

Подобная позиция литовской политической элиты не была секретом для Стефана Батория, и исход «великого бескорольвья» создал для нее непростую ситуацию.

29 июня 1576 г. в Кракове Стефан Баторий принес присягу в присутствии литовского посольства о соблюдении прав Великого княжества, что было закреплено соответствующим универсалом. Однако Баторий из Кракова не отправился в Вильно, где, по мнению литовских политиков, он должен был короноваться великим князем литовским. Вместо этого он отправился в Кнышин, затем в Тикотин, где в июле принял ведущих литовских панов радных во главе с Миколаем Радзивиллом («Рудым»). Большая часть из них являлась отправителями многочисленных посланий Ивану Грозному. Затем, после пребывания в Кнышине и Тикотине, король вернулся в Варшаву, куда за ним последовала большая часть литовских панов радных. Стефан Баторий актом 29 июня 1576 г. определил нормы функционирования «сполного сената». В период нахождения короля вне пределов Великого княжества Литовского при нем должны были находиться литовские паны радные в составе т.н. «прибыточной рады» или сенаторов-резидентов. Все внешнеполитические решения должны были приниматься при максимальном «кворуме» «сполного сената». Аналогичным образом обстояло дело с приемом посольств сопредельных государств (прежде всего речь шла о посольствах из Москвы). Они должны были приниматься королем и великим князем при максимальном «кворуме» «сполного» сената, желательно во время работы сейма в Варшаве.

«Консолидированная позиция» политической элиты Великого княжества Литовского была обозначена в известном послании «сполного» сената от 6 июня 1576 г., отправленного в Москву думным чином с гонцом Иваном Гоголем, извещающем о элекции Стефана Батория³¹. Из 32 отправителей литовскую часть «сполного сената» Речи Посполитой представляли:

- Валериан Протасьевич, епископ Виленский;
- Малхир Кгедройтц, епископ жомоитский;
- Миколай Радзивилл («Рудый»), воевода виленский. канцлер литовский;
- Ян Ходкевич, пан (каштелян) виленский, староста жомоитский, маршалок земский литовский;
- Князь Стефан Збаражский, воевода троцкий;

- Остафий Волович, пан (каштелян) троцкий, подканцлер литовский;
- Григорий Волович, носитель уряда воеводы смоленского;
- Миколай Дорогостайский, носитель уряда воеводы полоцкого;
- Павел Сапега, воевода новогруденский;
- Юрий Остик, воевода мстиславский;
- Миколай Сапега, воевода минский;
- Павел Пац, пан (каштелян) витебский;
- Лаврин Война, подскарбий земский литовский;
- Миколай Криштов Радзивилл («Сиротка»), маршалок дворный литовский;
- Криштов Радзивилл («Перун»), гетман польный литовский;
- Ян Кишка, кравчий литовский;
- Александр Ходкевич, староста городенский.

Из отправителей большинство было сторонниками во время «второго бескоролья» (1574—1576 гг.) элекции на польско-литовский престол либо эрцгерцога Эрнста Австрийского, либо его отца императора Максимилиана II. Так, послание к эрцгерцогу Эрнсту от 29 марта 1575 г. о согласии на его избрание на польско-литовский престол украшают подписи Миколая Радзивилла («Рудого»), Остафия Воловича, Миколая Криштова Радзивилла («Сиротки»), Криштова Радзивилла («Перуна») ³². Последний к тому же подписал акт Варшавского сейма о элекции императора Максимилиана II. Пятеро из отправителей — Валериан Протасьевич, Миколай Радзивилл («Рудый»), Ян Ходкевич, Миколай Криштов Радзивилл («Сиротка») и Криштов Радзивилл («Перун») — менее за полгода до этого в феврале 1576 г. уведомили Ивана Грозного о элекции императора Максимилиана II.

«Переориентация» на Стефана Батория большей части отправителей, за исключением Яна Ходкевича и Остафия Воловича, произошла только в Мстибогове в начале июня 1576 г. Тем не менее большинство польских и белорусских исследователей вслед за И.И. Лаппо полагают, что сотрудничество Стефана Батория с политической элитой Великого княжества Литовского началось именно в июле 1576 г. в Кнышине и Тикотине, где и было покончено с «литовским сепаратизмом» эпохи «великого бескоролья» ³³.

В отношениях Речи Посполитой и Русского государства началась «эпоха Батория», во время которой политическая элита Великого княжества Литовского прошла путь от недоверия до тесного сотрудничества с королем в его противостоянии с Москвой.

- ¹ *Бычкова М.Е.* Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г.: опыт сравнительно-исторического изучения политического строя. — М., 1996. — С. 33.
- ² *Любавский М.К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. — Минск, 2012. — С. 278.
- ³ *Малиновский И.А.* Рада Великого княжества Литовского в связи с боярской думой древней России. — Томск, 1912. — Ч. II, вып. 1—2. — С. 1.
- ⁴ *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. — М., 1978. — С. 165.
- ⁵ *Ланно И.И.* Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569—1585). — СПб, 1901. — Т. I. — С. 564. В дальнейшем наибольшее распространение в историографии получило наименование «сенат Речи Посполитой»: *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. — С. 132, 135.
- ⁶ *Любавский М.К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. — С. 390.
- ⁷ *Малиновский И.А.* Рада Великого княжества Литовского в связи с боярской думой древней России. — Ч. II, вып. 1—2. — С. 140—143, 151—152.
- ⁸ Там же. — С. 144—149.
- ⁹ *Banionis E.* Lietuvos didziosios kunigaikstystes pasiuntinybiu tarnyba XV—XVI amzi-ais. — V., 1998. — S. 176—226.
- ¹⁰ *Толмачев П.А.* Великое княжество Литовское и Польша в «статейных списках» Посольского приказа XVI века: опыт описания иностранной монархии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — Н. Новгород, 2017. — № 2. — С. 86.
- ¹¹ СИРИО. — СПб., 1892. — Т. 71. — С. 527—528.
- ¹² *Новодворский В.В.* Борьба за Ливонию между Москвой и Речью Посполитой (1570—1582). — СПб., 1904. — С. 205.
- ¹³ СИРИО. — Т. 71. — С. 528.
- ¹⁴ *Ланно И.И.* Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569—1585). — Т. I. — С. 565.
- ¹⁵ Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государство короля Сигизмунда Августа (с 1545 по 1572 год) / изд. М. Оболенским, И. Даниловичем. — М., 1843. — С. 303.
- ¹⁶ СИРИО. — Т. 71. — С. 791—792, 794, 796—797, 800—807.
- ¹⁷ Описание архива Посольского приказа 1626 года. — М., 1977. — Ч. 1. — С. 89—90.
- ¹⁸ Памятники истории Восточной Европы. — М.; Варшава, 2004. — Т. VII: Посольская книга по связям России с Польшей. — С. 28—32.
- ¹⁹ AGAD AKW. Dz. tatarskie. Karton 62, tesza 100, nr. 677 (22 февр. — 23 марта 1574 г.); tesza 102, nr. 677; teksa 103 nr. 679 (17 марта 1574 г.).
- ²⁰ Памятники истории Восточной Европы. — Т. VII: Посольская книга по связям России с Польшей. — С. 89—91.
- ²¹ Описание архива Посольского приказа 1626 года. — Ч. 1. — С. 93.
- ²² Разбор ответного послания Ивана Грозного «спольному» сенату сделан А.И. Филошкиным: *Филошкин А.И.* Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны глазами современников и потомков. — СПб., 2013. — С. 449.
- ²³ *Lulewicz H.* Gniewow o unie ciag dalszy: Stosunki polsko-litewskie w latach 1569—1586. — Warszawa, 2002. — S. 85—86, 90—91, 92—108, 119—121, 122—126, 133—134, 134—135, 146—149, 151—154, 168—172, 178—193, 193—195, 199, 201—202, 217—219, 220—222, 223—226, 241—246, 246—250, 255—263, 274—278.

- ²⁴ Памятники истории Восточной Европы. — Т. VII: Посольская книга по связям России с Польшей. — С. 75, 108.
- ²⁵ Собрание государственных грамот и договоров... — М., 1894. — Т. 5. — С. 159—161, № 126.
- ²⁶ *Lulewicz H.* Gniewow o unie ciag dalszy: Stosunki polsko-litewskie w latach 1569—1586. — S. 430.
- ²⁷ Акты, относящиеся к истории Западной России. — СПб., 1848. — Т. 3. — С. 162—163.
- ²⁸ *Lulewicz H.* Gniewow o unie ciag dalszy: Stosunki polsko-litewskie w latach 1569—1586. — S. 430.
- ²⁹ *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. — С. 118—119.
- ³⁰ *Филюшкин А.И.* Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны глазами современников и потомков. — С. 450.
- ³¹ РГАДА. — Ф. 79. — Оп. 1. — Ед. хр. 10. — Л. 212—217 (в составе русской посольской документации); Ф. 389. — Оп. 1. — Ед. хр. 591. — Л. 389—391 об. (в составе свода «Литовская метрика»). Опубликовано: Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государствование короля Стефана Батория (с 1573 по 1580 год) / изд. М. Погодиным и Д. Дубенским. — М., 1843. — С. 4—6, № 3.
- ³² Akta Zjazdow stanow Wielkiego Ksiestwa Lietowskiego. — Warszawa, 2006. — Т. I. — S. 135.
- ³³ *Lulewicz H.* Gniewow o unie ciag dalszy: Stosunki polsko-litewskie w latach 1569—1586. — S. 291—292; *Подолинский В.А.* Представительство и политическая позиция Великого княжества Литовского на вальных сеймах Речи Посполитой в последней трети XVI в.: дис. ... канд. ист. наук. — Минск, 2014. — С. 48—49.

А.Г. Гуськов, Д.В. Лисейцев

«И КОТОРЫЕ БЛИСКО НАС ЗЕМЛИ ЕСТЬ, И ТЫЕ... ТВОИ, ГОСУДАРЯ ВЕЛИКОГО, БУДУТ»: ГРАМОТА КНЯЗЯ СЕМЕНА ФЕДОРОВИЧА БЕЛЬСКОГО ТУРЕЦКОМУ СУЛТАНУ СУЛЕЙМАНУ ВЕЛИКОЛЕПНОМУ

Аннотация: *Статья посвящена небольшому эпизоду жизни князя-авантюриста Семена Федоровича Бельского, бежавшего в 1534 г. из Московского государства за рубеж. На протяжении нескольких лет он пытался добиться защиты своих гипотетических прав на владение Рязанским княжеством, незадолго до этого поглощенного Москвой. В центре внимания исследователей — грамота, адресованная князем С.Ф. Бельским турецкому султану Сулейману Великолепному, датированная августом 1540 г. Ее содержание прямо изобличает намерения беглеца поступиться политической независимостью не только Рязанских земель, но по возможности и всего Московского государства как оплату поддержки со стороны султана. Текст грамоты публикуется в Приложении.*

Ключевые слова: *русско-турецкие отношения; посольская книга; С.Ф. Бельский; Сулейман I Великолепный*

A.G. Guskov, D.V. Lisitsev

“And there will be lands near us, and those ... yours, the great sovereign, will be”: a letter from Prince Semyon Fedorovich Belsky to the Turkish sultan Suleiman the Magnificent

Abstract: *The article is dedicated to a small episode of the life of Prince Adventurer Semyon Fedorovich Belsky, who fled from the Moscow State in 1534. For several years, he tried to secure the protection of his hypothetical rights to own the Ryazan principality, which had been absorbed by Moscow shortly before. The focus of the researchers is a letter from Prince S.F. Belsky to the Turkish Sultan Suleiman the Magnificent, dated August 1540. Its content directly exposes the fugitive's intentions to compromise the political independence of not only the Ryazan lands, but, if possible, the entire Moscow state as payment for support from the Sultan. The text of the letter is published in the Appendix.*

Keywords: *Russian-Turkish relations; The embassy book; Diploma, S.F. Belsky; Suleiman the Magnificent*

После смерти великого князя Московского и всея Руси Василия III Ивановича российский престол перешел к его малолетнему сыну Ивану IV. Страна оказалась в состоянии перманентного внутривосточного кризиса, общее содержание которого состояло в борьбе вдовы покойного государя Елены Васильевны Глинской с ее политическими противниками, а затем, после кончины княгини-

регентши, в схватке за власть между боярскими семействами князей Шуйских и Бельских. Одним из эпизодов этой борьбы стала авантюра князя Семена Федоровича Бельского, бежавшего из Московского государства за рубеж и на протяжении нескольких лет пытавшегося добиться защиты своих гипотетических прав на владение недавно ликвидированным Рязанским княжеством при дворах польского короля, германского императора, венецианского дожа, турецкого султана и крымского хана. Интрига Бельского приобрела международное звучание и достаточно рано привлекла внимание историков (начиная с труда Н.М. Карамзина и заканчивая работами наших современников). В основных контурах история заграничных приключений беглого московского аристократа реконструирована, однако выявление новых источников, позволяющих дополнить сведения о деятельности князя Семена Федоровича Бельского за рубежом, не исключена. На один из таких документов авторы настоящей статьи хотят обратить внимание специалистов по политической истории Московского государства 1530—1540-х годов.

В августе 1534 г., в условиях начинавшейся Стародубской войны между Московским государством и Великим княжеством Литовским, князь Семен Бельский вместе с Иваном Ляцким бежал ко двору Сигизмунда Старого. В 1534—1535 гг. перебежчики участвовали в военных действиях против своего прежнего отечества в составе польско-литовских войск. На исходе 1535 г. князь Семен Бельский временно утратил расположение своего нового государя и даже на некоторое время был взят под стражу (сумев, правда, вскоре вполне оправдаться). Весной 1536 г. под предлогом поездки по обету на богомолье в Иерусалим Бельский покинул пределы Польско-Литовского государства. На территории Венгрии он был пленен и ограблен людьми короля Фердинанда Габсбурга, затем побывал при дворе этого государя в Инсбруке, после — в Венеции, откуда направился в Стамбул ко двору султана Сулеймана Великолепного¹. Последнего князь Семен Бельский убеждал оказать содействие в отвоевании у «московского узурпатора» родовых владений — города Белой и Рязанского княжества (по линии матери князь Семен Федорович был потомком рязанского княжеского дома). О происках знатного эмигранта в Москве узнали уже весной 1537 г. из грамоты крымского хана Ислам-Гирея, предупредившего своего северного соседа о возможности вторжения в московские пределы султанского войска. Перебравшись из Стамбула в Крым, Бельский вновь пытался склонить на свою сторону литовского князя, но момент для этого был безнадежно упущен: в марте 1537 г. Стародубская война закончилась пятилетним перемирием, нарушать которое Сигизмунд

Старый не видел резонов. К концу 1537 г. князь Бельский оказался пленником ногайцев, которые увезли его в Астрахань. Спустя некоторое время он был выкуплен крымским ханом и возвратился в Крым. Летом 1541 г. князь Семен Бельский спровоцировал крупный татарский набег на владения Московского государства (когда орда хана Сахиб-Гирея дошла до окского рубежа и была остановлена в районе Ростиславля)². После провала похода Бельский вновь оказался в Литве; последний документ, свидетельствующий о нем как о живом человеке, датирован январем 1544 г., а к 1549 г., надо полагать, в живых его уже не было³.

Неизвестный ранее исследователям политической истории Московского государства 1530—1540-х годов документ, вышедший из-под пера князя Семена Федоровича Бельского, сохранился в копии в составе посольской книги по связям Московского государства с Османской империей⁴. Книга содержит в себе уникальные сведения о русско-турецких отношениях за полувековой период (1512—1564 гг.). Наиболее ранние сведения, включающие в себя информацию до 1521 г. включительно, были введены в научный оборот и опубликованы в конце XIX в. (в посольской книге они составляют менее половины объема и обрываются 188-м листом)⁵. Еще примерно треть книги (с 206-го по 337-й лист), опосредованно связанная с деятельностью Максима Грека в 1522—1533 гг., увидела свет накануне революции в 1916 г. в рамках работы Б.И. Дунаева⁶. Неопубликованная часть посольской книги неоднократно использовалась исследователями дипломатической истории Московского государства⁷, однако документ, о котором идет речь в настоящей статье, внимания ученых до сей поры не привлекал.

18 января 1542 г. ко двору юного Ивана IV явился купец турецкого султана Сулеймана Андреан, который, в соответствии с установившейся к тому времени практикой, привез в Москву грамоту от своего государя, а также послания константинопольского патриарха Иеремии. Среди доставленных в Москву посланий оказалась грамота, адресованная князем Семеном Бельским турецкому султану Сулейману Великолепному, датированная августом 1540 г. Как она оказалась в руках направленного в Москву купца — можно лишь предполагать. Маловероятно, чтобы документ, свидетельствующий о намерении султана поддержать притязания беглого князя на Рязанские земли, мог быть послан ко двору Ивана IV с вedomо Сулеймана Кануни. Вряд ли получение подобных сведений могло способствовать улучшению отношений между Османской империей и Московским государством; в условиях войны с Габсбургами (1540—1547 гг.) портить отношения с Москвой Стамбулу было не выгодно.

Остается предположить, что грамота Семена Бельского была скопирована кем-то из служащих султанской канцелярии и передана константинопольскому патриарху Иеремии, который решил сообщить о кознях русского эмигранта московскому правительству. Аргументом в пользу этого предположения может быть факт размещения текста грамоты Бельского среди грамот, присланных в Москву от патриарха Иеремии.

Грамота совершенно недвусмысленно излагает цели, которых добивался в Стамбуле князь Бельский. Побывав на личной аудиенции у султана, он просил у него содействия в деле отторжения от Московского государства земель, наследником которых князь себя полагал — города Белой и Рязанского княжества: «которые наши недрузи отчину нашу держат, которая ся нам достала отца, и от дядек, и от матки нашей, ты, яко государь велики, выслушавши наши слова, пожаловал еси мене, наменьшого слугу». В ответ на эту просьбу Сулейман Великолепный составил грамоты к крымскому хану Саип-Гирею, кафинскому санджаку Халил-беку и польскому королю Сигизмунду I Старому: «а велел еси ты, велики государю, им мою отчину, взяв у недругав моего, и мне велел дать».

Содержащаяся в посольской книге по связям Московского государства с Османской империей копия грамоты князя Семена Федоровича Бельского позволяет уточнить обстоятельства, в которых тот в 1537 г. попал в ногайский плен. По предположению И.В. Зайцева, Бельский оказался в руках ногайцев во время их нападения на улус царевича Ислам-Гирея. Опираясь на анализ дипломатической переписки последнего с московским правительством, исследователь пришел к выводу, что данные Ислам-Гиреем обещания пленить беглого москвитя и отправить его в Москву были царевичем частично выполнены: ногайцы захватили князя Бельского во время разгрома татарского улуса, следовательно, русский эмигрант находился тогда у Ислам-Гирея (впрочем, И.В. Зайцев оставил нерешенным вопрос о том, в каком качестве — пленника или гостя — пребывал Семен Бельский в улусе)⁸. Грамота князя Бельского уточняет обстоятельства его пленения: ногайцы захватили его на пути из крымской Кафы во владения польского короля. Семен Федорович и его люди оказали ногайцам вооруженное сопротивление («нагайские князи мене изымали на бою»), о чем свидетельствует также и упоминание в грамоте о 17-ти раненных спутниках князя. Становится очевидным, что князь Семен Федорович не был у Ислам-Гирея ни гостем, ни пленником — в руках ногайцев он оказался, будучи уже на пути в Польшу.

Нерешенным оставался вопрос о времени возвращения Семена Бельского из ногайского плена в Крым. И.В. Зайцев приводит в

своем очерке мнения разных исследователей, датирующих это событие в интервале от 1538 до 1540 г., сам при этом склоняясь к 1538 или 1539 г. В статье М.М. Крома вопрос о времени возвращения Бельского в Крым обойден вниманием. Известно было лишь, что в октябре 1540 г. русский авантюрист уже определенно находился в Бахчисарае⁹. Сохранившаяся в составе посольской книги по связям Московского государства с Османской империей копия текста грамоты от князя Семена Федоровича Бельского к турецкому султану Сулейману Кануни позволяет уточнить этот эпизод жизни русского авантюриста XVI в.

Грамота датирована августом 1540 г. и написана в «Киркоре» (крымско-татарское именование Чуфут-Кале). Следовательно, к тому времени Семен Бельский уже находился в Крыму. И, видимо, находился не слишком долго, поскольку в своем послании к султану он употребляет выражение «и *тепер* до Саип-Кирея царя пришел есми». С другой стороны, какое-то время в Крыму он провести к моменту написания грамоты уже успел. Ему уже удалось навести справки о судьбе его захваченных в плен ногайцами людей («и твой государский аминь продал трех моих добрых слуг вольных, а четвертого моего доброго слугу, Шимком зовут, твой государский Кара-чауш взял, и теперве у него есть»). Успел Бельский узнать и о своем разграбленном имуществе, которое тоже оказалось частично распродано, но частью оставалось в руках у кафинских властей. Семену Федоровичу хватило времени испросить у хана Сахиб-Гирея грамоту в Кафу с требованием вернуть «статки» беглого москвиты (что, впрочем, положительного эффекта не принесло). Кроме того, Бельский, очутившись в Крыму, возобновил деятельность по организации антимосковской коалиции и получил от хана заверения в полной готовности выполнить прежние распоряжения султана. Из Крыма Бельский послал грамоту и ко двору короля Сигизмунда Старого и даже получил от него не вполне определенный ответ, состоявший в просьбе прислать прежнюю султанскую грамоту (захваченную ногайцами в 1537 г.). Учитывая эти обстоятельства, можно предполагать, что к моменту написания грамоты в Стамбул Бельский находился в Крыму уже несколько месяцев, и его возвращение из плена можно условно датировать маем — июнем 1540 г. Не исключено, что к его вызволению из Астрахани имел касательство сам султан Сулейман I, однако содержащаяся в грамоте фраза «твоим государским счастьем и твоим славным именем, нагаиские князи мене отпустили» не доказывает этого со всей определенностью: это вполне может оказаться и простой этикетной формулировкой.

В завершении своего послания в Стамбул Семен Бельский раскрывает перспективы затеянной им интриги: «А коли моя земля в моих руках будет, тогда я, и с моею землею, подножный слуга есми, и которые блиско нас земли есть, и тые з Божьею волею, Бог даст, твои, государя великого, будут». Из чего следует, что в случае осуществления своего намерения князь Бельский согласен был заплатить за поддержку со стороны султана политической независимостью не только Рязанских земель, но, по возможности, и всего Московского государства. Грамота, изобличавшая предательские намерения князя Семена Бельского оказалась в руках московских властей в самый неудобный для него момент. Окажись она в Кремле всего тремя неделями ранее, скорее всего, мы бы никогда не узнали о ее существовании (думается, возглавлявший московское правительство родной брат Семена Федоровича князь Иван Федорович Бельский, давно добивавшийся для брата амнистии и разрешения вернуться на родину, позаботился бы об уничтожении столь тяжелого «компромата»). Но в самом начале января 1542 г. в Москве произошел политический переворот, и князь Иван Бельский был взят под стражу. Власть вновь оказалась в руках боярского клана Шуйских, и, надо полагать, попавшая в их руки копия грамоты Семена Бельского участи опального семейства не облегчила.

В приложении к статье размещен фрагмент посольской книги по связям Московского государства с Османской империей 1512—1564 гг., содержащий копию текста грамоты князя Семена Федоровича Бельского турецкому султану Сулейману Великолепному. Текст грамоты публикуется впервые в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1990). Текст передается в современной орфографии и синтаксисе, учтено расположение текста в рукописи, выделение абзацев. Выносные знаки вносятся в строку и специально не оговариваются; к мягкозвучащим выносным согласным добавляется мягкий знак. Вышедшие из употребления буквы заменяются знаками современного алфавита. Текст передается с раскрытием титл, буквенное обозначение цифр передается арабскими цифрами.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ГРАМОТА КНЯЗЯ СЕМЕНА ФЕДОРОВИЧА БЕЛЬСКОГО ТУРЕЦКОМУ СУЛТАНУ СУЛЕЙМАНУ I ВЕЛИКОЛЕПНОМУ (АВГУСТ 1540 Г.).

А се грамота от князя Семена Бельского к турскому:

Первие Бог ижукрасил есть небесное чиновачалие, и того повеленьем и с его святыми пророки Аврамом, Исаком, Ияковом, Моисеим, и всех святых пророк их повеленьем государь еси.

Великому и славному государем государю шах || л. 355 об. салтан Сулейман царю царем государю восточному и западному, беломорскому, черноморскому, урумскому, караманскому, анаталискому, генди-станскому, гурмыскому и всем землям азсамским государю, мекеме-деискому, тунезю, шамскому, египетскому и всем землям арапским, государю еросалимскому, великого и славново Вавилона государю, фряским землям государю, и иных многих земель государю. || л. 356

Слуга наменьши, прах подножья твоего, вашему царскому величеству много челом бьет. Коли есмья были у ваших государьских великих ворот, били есмо челом вашему царскому величеству: которые наши недрузи отчину нашу держат, которая ся нам достала отца, и от дядек, и от матки нашей, ты, яко государь велики, выслушавши наши слова, пожаловал еси мене, наменьшаго слугу своего, и дал свои грамоты до царя || л. 356 об. Саип-Кирея, а другую грамоту до лясского короля, а третью грамоту до кафинского санчака Халил-бега, а велел еси ты, велики государю, им мою отчину, взяв у недругав моего, и мне велел дать. Я, подножные слуга твои, твои грамоты Саип-Кирею царю дал есми, и Халил-бегу санчаку кафинскому дал есми. А как в Кафе санчак говорил мне: теперешним временем дело ся стать не может. Я поехал с Кафы до лясского короля Жигимонта с тою грамотою, || л. 357 которую грамоту ты, велики государь, дал мне до краля. А как я, на дорозе будучи, приехали на нас недрузи — нагаиские татарове, людии моих побили и мене самого изымали, и казну мою взяли, и грамоту тую, которую ты, велики государь, дал мне до краля, взяли. А твоим государьским щастьем и твоим славным именем нагаиские князи мене отпустили, и тепере до Саип-Кирея царя пришел есми. И Саип-Кирей царь твоим || л. 357 об. государьским жалованьем, как ты свою грамоту писал до него, мое дело делати хочет. А король ляски так говорит: которую великую грамоту государь велики по мне прислал, и ты ко мне ту грамоту¹ привези, я твое дело буду чинити. Я, подножные слуга твой государьскийи, много челом бью тебе, великому государю, шtbody ты, государь велики, велико жалованье свое учинил, а такову же бы

¹ *Далее зачеркнуто:* грамоту ко мне привези.

грамоту мне, подножному служебнику своему, ||^{л. 358} прислал, какову наперед того мне дал, коли я был у ваших великих ворот, до краля лясского Жигимонта. А коли твое, государя великого, жалование будет, а такову же грамоту дашь до краля лясского, какову и наперед дал, тогда Божьим милосердием, а твоим, государя великого, счастьем, и Саип-Киреем царем, а с кралем лясским, мою землю возьмем. А коли моя земля в моих руках будет, тогда я и с моею землею, подножный слуга еси, и которые ||^{л. 358 об.} блиско нас земли есть, и тые з Божьею волею, Бог даст, твои, государя великого, будут.

Еще наменьши я служебник много челом бью тебе, государю великому: коли нагаиские князи мене изымали на бою, тогда моих слуг семнадцать человек раненых приехали до Кафы. И твои государьские аминь продал трех моих добрых слуг вольных, а четвертого моего доброго слугу, Шимком зовут, твои государьские Кара-чауш взял, и те ||^{л. 359} перве у него есть. А што моего статку осталось в Кафе, и тое аминь и дездарь кафински иное продали, а иное и теперь есть. Я просил у них, оне мне не хотят дать того. И Саип-Кирею царю бил челом еси, и Саип-Киреи царь посылал грамоту свою, штобы мне тое отдали, и они таки не дали. Государем государь, ты еси бусурмански государь еси, ты ведаешь, што мне, слуги своему подножному, вчинишь.

Писано ||^{л. 359 об.} в Киркоре, лето Исусова 1540, августа месяца.

А на подписи пишет: От Московских земель Семион князь, слуга подножный ваш, государьский, много челом бьет. ||^{л. 360}

¹ Кром М.М. Судьба авантюриста: князь Семен Федорович Бельский // Очерки феодальной России. — М., 2000. — Вып. 4. — С. 108.

² Пенской В.В. «Царь крымский пришел ко берегу Оки-реки с великою похвалою и с множеством вьнства своего...». Стояние на Оке в 1541 году // Военно-исторический журнал. — 2011. — № 12. — С. 41—47.

³ Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом: Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV — первая половина XVI вв.): очерки. — М., 2004. — С. 145—146; Кром М.М. Указ. соч. — С. 114.

⁴ РГАДА. — Ф. 89. — Оп. 1. — Кн. 1. — Л. 355 об. — 360.

⁵ Сборник Русского императорского исторического общества. — СПб., 1895. — Т. 95. — С. 83—130 (л. 1—66), 139—145 (л. 66—72), 226—238 (л. 73—90), 334—337 (л. 90—93), 426—432 (л. 95—104), 619—630 (л. 105—122), 667—706 (л. 123—188).

⁶ Дунаев Б.И. Пр. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в. — М., 1916. — С. 33—92.

⁷ Из последних работ, см., например: Мусеев М.В. Посольские книги по связям России со странами Востока в XVI веке: к вопросу о возможности реконструкции содержания утерянных документов // «Чтобы не перестала память родителей наших и наша, и свеча бы не угасла...»: к 70-летию Николая Михайловича Рогожина / отв. ред. Ю.А. Петров. — М., 2019. — С. 21—33.

⁸ Зайцев И.В. Указ. соч. — С. 140.

⁹ Там же. — С. 143—144; Кром М.М. Указ. соч. — С. 112.

А.В. Малов, О.С. Смирнова

ПОЖАЛОВАНИЯ НА КАЗЕННОМ ДВОРЕ ПЕРЕВОДЧИКОВ И ТОЛМАЧЕЙ ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА В 1613—1621/22 ГГ.

Аннотация: *Статья посвящена первым упоминаниям в расходных книгах Казенного двора переводчиков и толмачей Посольского приказа за период с венчания на царство Михаила Романова (1613) до разбора служивых городов в 7130-м (1621/22) г. Основой статьи стала просопографическая база данных, которая заметно расширяет имеющиеся в историографии биографические сведения о таких категориях служивых людей Посольского приказа как переводчики и толмачи в конце Смутного времени и в первые послесмутные годы.*

Ключевые слова: *Смутное время; Посольский приказ; переводчики и толмачи; Казенный двор; служилые люди; служилые иноземцы*

A.B. Malov, O.S. Smirnova

Awards at Government yard translators and interpreters of Posolsky prikaz in 1613—1621/22

Abstract: *The article is devoted to the first references in the account books of the Kazennyj prikaz translators and interpreters of Posolsky prikaz during the period from the coronation of Mikhail Romanov in 1613 to parse the serving cities in 7130-m (1621/22). The Basis of the article was prosopographic database, which significantly expands the existing historiography of biographical information about such categories of serving men of Posolsky prikaz as translators and interpreters at the end of the time of Smuta in the first postsmuta years.*

Keywords: *Smuta; The Embassy of the order; Translators and interpreters; Kazenyj dvor; Moscow service people; Serving foreigners*

Переводчики иностранных языков составляли и составляют неотъемлемую часть культуры любого более или менее развитого общества, выполняя коммуникативную функцию межкультурного общения. С их помощью обеспечиваются, в первую очередь, дипломатические, финансово-экономические, культурные и военные контакты общества с иными странами и народами. Кроме внешних связей в многонациональных государствах в неменьшей степени востребованы переводчики тех языков, представители которых вошли в состав этих государств (для краткости будем называть их в дальнейшем внутренними языками). Ситуация в этих случаях смягчалась наличием билингвистичной (двуязычной) части населения, почему в многонациональных государствах потребность в профессиональных переводчиках внутренних языков нечасто фиксируется

в документах государственного делопроизводства. Вопрос лингвистического единства многонационального государства зачастую решался посредством придания в таких государствах некоторым национальным языкам статуса общегосударственного. В разных случаях выбор языка межнационального общения был продиктован политическим или демографическим доминированием носителей языка в существующем политическом образовании или наиболее развитой письменной культурой той или иной народности данного государства. В целом на схожих принципах строились и международные отношения, когда какому-то языку придавался статус международного или двустороннего межгосударственного. Примерами международных языков стали латынь в Европе в Средние века, которую в Новое Время сменяет французский, а в исламском мире функцию аналогичную латыни выполняли арабский, турецкий (в арабской графике) и фарси. Наиболее ярким примером двусторонних межгосударственных языков является древнерусский в отношениях России с Великим княжеством Литовским (с 1569 г. — с Речью Посполитой), что стало следствием разделения древнерусских земель между двумя государствами Раннего Нового Времени. В соответствии с международными дипломатическими отношениями языки международного общения обретали и статус международных языков профессиональных сообществ, в сферах международной торговли, мореплавания, различных сфер науки, искусства, архитектуры, промышленности, военного дела и медицины — особенно в эпоху Великих географических открытий и складывания национальных государств и колониальных империй. Не стало исключением и Московское государство, уже к концу XVI в. представлявшее собой многонациональное «всевеликое Российское царство», территориальный рост которого был лишь ненадолго прерван Смутой начала XVII ст. Возобновление территориального роста Московского государства даже в южном направлении неотделимо от преодоления тяжелых последствий Смутного времени. Территориальные потери на западе удалось в целом вернуть лишь с присоединением Левобережной Украины по Андрусовскому перемирию 1667 г., закрепленному Вечным миром 1686 г.

В Московском государстве XVI—XVII вв. переводчики в современном понимании делились на собственно переводчиков и толмачей. В профессиональные обязанности первых входил перевод, в первую очередь, письменных текстов, вторые же представляли собой переводчиков устной речи, некоторые из которых вполне могли быть и безграмотны. С начала восстановления Российского государства в 1613 г. по 130-й (1621/22) г. в документах Казенного двора встречаются как переводчики, так и толмачи разных языков только

в рамках ведомства Посольского приказа (20 переводчиков и 21 толмач), в то время как встречающиеся в тех же документах толмачи даже в большем числе (24 толмача) служили в городах, подведомственных Приказу Казанского дворца: в Поволжье (6 — в Астрахани, 1 — в Казани), на Северном Кавказе (6 — в Терском городе), на Южном Урале (3 — в Уфе) и в Сибири (8 чел.: 3 — в Тобольске и по одному — в Мангазее, Пелыме, Верхотурье, Нарыме и Таре). В небольшом числе на Казенном дворе жаловались толмачи, служившие по ведомствам Аптекарского (1 чел.) и Панского (1 чел.) приказов и Казенного двора (1 чел.). Кроме них среди выехавших в Россию иноземцев за указанный период 6 нововыезжих иноземцев в документах об их приеме и пожаловании были записаны толмачами, еще не определенными в службу. Однако общее число переводчиков и толмачей, служащих в Посольском приказе, безусловно доминирует. Картина переводческой и толмаческой службы Посольского приказа будет неполной, если не учесть практики привлечения приказом для разовых дипломатических поручений российского правительства в качестве переводчиков и толмачей московских торговых иноземцев, также отразившейся в документах Казенного двора об их пожаловании (4 человека).

Деятельность Посольского приказа в Смутное время с конца XVI по начало 20-х годов XVII в. была обстоятельно исследована в фундаментальной монографии Д.В. Лисейцева, включая и службу переводчиков и толмачей¹. В приложении к монографии помещен просопографический справочник по служилым людям Посольского приказа, в частности и по переводчикам и толмачам внешнеполитического ведомства, составленный по документам архива Посольского приказа. Результаты изучения дипломатических служб переводчиков и толмачей Посольского приказа Лисейцевым дополняют два биографических очерка того же автора о переводчиках Игнатии Андрееве сыне Кучине и Иване Фомине², а также просопографическое исследование А.В. Белякова о службах в дипломатическом ведомстве касимовских татар переводчиками, толмачами и станичниками на протяжении XVII ст. начиная с 1618 г. (всего 25 человек)³. Примечательно, что персональные данные просопографических справочников двух историков за 1618—1620-е годы не пересекаются.

Настоящая работа носит просопографический характер и направлена на пополнение и уточнения широкой галереи переводчиков и толмачей Посольского приказа, начало которой было положено нашими предшественниками, в первую очередь, Д.В. Лисейцевым. Источниковой базой настоящей работы послужили документы, не использованные Лисейцевым при составлении его

справочника. Основу ее составил комплекс расходных книг Казенного двора за период 1614—1621 гг.⁴ Сведения об упомянутых в нем переводчиках и толмачах дополнены данными из некоторых опубликованных источников, а также из неопубликованных — из бывших архивов Посольского приказа (Росписи служащих Посольского приказа за 1630 и 1631 гг.)⁵, Приказного стола Разрядного приказа (Столбец о выезде иноземцев в 127-м (1618/19) и 128-м (1619/20) гг.)⁶, а также остатков окладных и расходных книг Иноземского приказа за 1620-е — 1630-е годы (Окладные книги 137-го (1628/29) и 139-го (1630/31) гг. и)⁷.

В справочнике Лисейцева учтены: 44 переводчика (32 переводчика европейских языков и 12 чел. — азиатских) и 70 толмачей (8 толмачей европейских языков и 62 чел. — азиатских). Историком отмечались многочисленные случаи карьерного роста, когда толмачи выслуживались в переводчики или продолжали службу в служилых иноземцах, дворянах и детях боярских. Карьерный рост с пожалованием за службу из служилых татар в толмачи и переводчики, а переводчика после крещения — в дворяне московские отмечает и А.В. Беляков на примере касимовских татар⁸. В справочнике Лисейцева переводчики и толмачи разделены на владевших европейскими и азиатскими языками, что логично и удобно для современного исследователя, однако следует отметить, что в списках Посольского приказа те и другие делились на поместных и кормовых, а не по языкам, что в полной мере соответствует приказной практике.

Представленное здесь просопографическое исследование позволило не только дополнить справочник Лисейцева сведениями о пожалованиях и службах переводчиков и толмачей Посольского приказа, но и уточнить их биографические данные, включая даты смерти некоторых из них. Кроме того, нам удалось пополнить состав переводчиков и толмачей Посольского приказа несколькими не упомянутыми в справочнике Лисейцева людьми: переводчиком Андреем Кирилловым (английского и датского языков?) и 2 толмачами — Ермолой Григорьевым (татарский или фарси?) и неким Назарием (английский?).

В представленном исследовании разделение на переводчиков и толмачей произведено за указанный период с 1614 по 1621 г., все последующие изменения служебного статуса указаны в биографических справках. Единжды записанный переводчиком в феврале 1620 г. толмач Посольского приказа Данила Аминев помещен нами в числе толмачей, поскольку в других документах, включая позднейшие, он называется толмачом. Его запись переводчиком может оказаться как ошибкой подьячего, так и отражением прецедента

поручения ему письменного перевода. Разделение переводчиков и толмачей по языкам в нашем случае не представляется конструктивным, поскольку в записях книг Казенного двора не часто указывалось, какими языками владеет пожалованный переводчик или толмач. Исключение может составить лишь единственный толмач Казенного двора Фирс Зайцев, владевший татарским и армянским языками, очевидно наиболее актуальными для торгово-финансовых операций Казенного двора, но он не имел отношения к Посольскому приказу. В то же время мы сочли необходимым поместить отдельной статьей справки о торговых московских иноземцах, привлекавшихся Посольским приказом для выполнения дипломатических поручений: Ефиме Ефимьеве, Андрее Келдермане, Еремее Пантелееве и Андрее Шкле (Шкля), как имеющих непосредственное отношение к дипломатической деятельности Посольского приказа.

АЛФАВИТ⁹

ПЕРЕВОДЧИКИ

Алманзенов Иван Фомин сын, переводчик (немецкий, латинский?)

ПП¹⁰. 26 августа 1617 г. вместе с подьячим Первым Михайловым получил на КД серебряный ковш в 45 золотников (4 руб. 5 алт.), сорок соболей (17 руб.), 8 арш. камки адамашки зеленой (по 26 алт. 4 ден.), портище сукна английского темно-зеленого (по 1 руб. арш.) «за царскую службу»¹¹. 21 сентября 1623 г. вместе с переводчиком ПП Е. Павловым получили на КД по портищу сукна лундышу мясного цвета (по 1 руб. 23 алт. 2 ден. арш.), по 9 арш. камки кармазина червчатого (по 26 алт. арш.), по сороку куниц башкирских «за службу, что посыланы на государеву службу в Датцкую землю с послы со князем Алексеем Лвовым да з дьяком з Жданом Шиповым»¹². По приказной выписке и по росписи 1624 г. (составлена по приказу от 23 мая, на основании челобитья о 2-й половине годового жалованья, указ о выдаче жалованья — 13 июля) как «немецкой» переводчик возглавлял список переводчиков с денежным окладом в 70 руб.¹³ В 1-й половине января 1629 г. извещал и подал изветную челобитную на переводчика Гармана Вестермана (Еремея Еремеева) в «измене», что он возил письма и посылки между московскими торговыми иноземцами и их приезжавшими в Великий Новгород зарубежными родственниками, не извещая об этом ПП¹⁴. Во 2-й пол. декабря 1626 г. «розных языков» переводчики ПП подали коллективную челобитную о досрочной даче 1-й половины годового жалованья: «преж сего давано нам холопям твоим, твое цар-

ское годовое денежное жалованье о Рождестве и о Крещенье дни, а ныне нам, холопам твоим, дают твоё царское жалованье в Великое Говенье в последней путь; и мы, холопи твои, покупаем всякие запасишка про свою нужу в две цены; и мы, холопи твои, будучи у твоего государева дела для того вконец погibli и одолжали великими долги». По тому челобитью: «чтоб нам, холопам твоим, будучи у твоего государева дела про свою нужу всяково запасишку купить в пору податною ценою» — по выписи и росписи переводчиков к даче жалованья он возглавляет список как «немецкой» переводчик с окладом в 70 руб.¹⁵ В памяти из ПП в РП от 31 октября 1630 г. написан в списке 19 чел. — «татарские и немецкие и полские и греческие переводчики, которые емлют государево жалованье поденной корм»¹⁶. В памяти из ПП в РП от 29 ноября 1631 г. по запросу из РП от 22 сентября 1631 г., представленному в ПП 25 сентября, написан в списке 20 чел. — «татарские и немецкие и полские и греческие переводчики, которые емлют государево жалованье поденной корм»¹⁷. В марте 1632 г. переводчики и толмачи ПП во главе с «аглинским и немецким» переводчиком Иваном Фоминым подали челобитье о выдаче 2-й половины годового жалованья (оклад 70 руб.): «для нашей бедности, чим бы нам, холопом твоим, искупить ныне по пути запасишку», каковое по выписке и было удовлетворено царским указанием от 27 марта¹⁸. 25 апреля 1634 г. во время московского пожара сгорел его двор в числе дворов 7 немецких переводчиков ПП, и по указу от 22 ноября 1634 г. на основании коллективной челобитной ему (по окладу в 70 руб.) дано из Большого дворца 50 руб. «на дворовое строенье»¹⁹. По коллективному челобитью переводчиков и толмачей ПП января 1639 г. о даче 1-й половины годового жалования «про свою нужу дровишек и всяково запасцу по нынешнему по зимнему пути купить нечем и платишка на себя и на людишек своих поделать нечем..., чтоб нам, холопам твоим, по нынешнему по зимнему пути про свою нужу дровишек и всякого запасцу искупить», он как английский переводчик возглавлял список с окладом в 70 руб.²⁰ Упоминается в делах ПП 1652 г.²¹

Англер (Анелеров, Анцын, Ангелар) **Андрей** (Ондрюшка Иванов) **Анцев сын**, переводчик «немецкий» ПП²². 24 июня 1617 г. вместе с товарищами Павлом Томосовым, Елисеем Павловым и Андреем Петровым по памяти от 23 июня получил на КД камку индийскую (5,5 руб.), 4 арш. тафты виницейки (по 23 алт. 2 ден. арш.), 2 портища сукна настрафила разных цветов (по 2,5 руб. портище)²³. 5 декабря 1622 г. вместе с шотландцем Робертом Грифом получил на КД 8 арш. камки адамашки лазоревой (по 22 алт. арш.), 4 арш. сукна английского вишневого (по 30 алт. арш.) «за аглинскую службу и за

долг, что они посылаемы были в Аглинскую землю с посланником с Ысаком Погожим»²⁴. 29 декабря 1622 г. получил на КД сорок соболей (40 руб.) «для службы»²⁵. 13 мая 1623 г. привез в ПП грамоту шведского короля Густава-Адольфа о «земском деле» и царском титуле²⁶. 24 июля 1623 г. как «немецкий» переводчик получил на КД 8 арш. камки адамашки желтой (по 26 алт. 4 ден. арш.), сорок куниц башкирских (12 руб.); за серебряную чарку в 3 руб. дано деньгами — «за службу, что он посылан был на Г службу в Свею»²⁷. 7 февраля 1624 г. в составе группы из 3 переводчиков во главе с Тимофеем Фаннеминым и вместе с Елисеем Павловым получил на КД 10 арш. кармазина червчатой (по 30 алт. арш.) «за службу: как делали государю золотого дела мастера коруну золотую, а каменные резцы к тому корунному делу камень растирали и резали, а они у того государева золотого дела и у каменные ростирки и рези были безотступно»²⁸. 19 сентября 1626 г. получил на КД 10 арш. камки кукфтера червленого (по 1 руб. 20 алт. арш.) «за то, что он был у дела, как делали алмазного и золотого дела мастера Ян Лент да Якуб Гаст с тов диадимное дело и братину золоту с камнем да двои пугвицы золоты ж с камнями и к Живоначальной Троице в Сергиев монастырь три цаты золоты с камнем и с жемчуги и будучи он у того Государева дела радел»²⁹. Во 2-й пол. декабря 1626 г. «розных языков» переводчики ПП подали коллективную челобитную о досрочной даче 1-й половины годового жалованья, по каковому челобитью, по выписи и росписи переводчиков к даче жалованья он записан как «свейской и датцкой» переводчик с окладом в 35 руб.³⁰ 11 сентября 1627 г. вместе с 8 золотого и алмазного дела мастерами получил на КД 10 арш. камки адамашки зеленой мелкотравной (по 26 алт. 4 ден. арш.) и 4 арш. сукна аглийского темно-синего (по 30 алт. арш.) «в приказ за то, что они делали государю его царскую шапку»³¹. В памяти из ПП в РП от 31 октября 1630 г. написан в списке 19 чел. — «татарские и немецкие и польские и греческие переводчики, которые емлют государево жалованье поденной корм» с пометой «у города»³². В памяти из ПП в РП от 29 ноября 1631 г. по запросу из РП от 22 сентября 1631 г., представленному в ПП 25 сентября, написан в списке в списке 20 чел. — «татарские и немецкие и польские и греческие переводчики, которые емлют государево жалованье поденной корм»³³. В 1632 г. как «немецкого языку переводчик» имел в ПП оклад в 450 чети, 40 руб. и по 5 алт. на день поденного корма³⁴. 12 февраля 1634 г. получил на КД вместо адамашки 8 арш. камки индийской рудо-желтой (по 23 алт. 2 ден. арш.), 4 арш. тафты виницейки двоеличной — шолк белый и червленный (по 28 алт. 2 ден. арш.), вместо куниц — сорок соболей (13 руб.), и

за серебряную 3-рублевую чарку дано 6 ефимков «за Дацкую службу, что он посылан к дацкому Хрестьянусу, королю, в гонцах»³⁵. 25 апреля 1634 г. во время московского пожара сгорел его двор в числе дворов 7 немецких переводчиков ПП, и по указу от 22 ноября 1634 г. на основании коллективной челобитной ему (по окладу в 50 руб.) дано из Большого дворца 23 руб. «на дворовое строенье»³⁶. Ум. в 1636 г., но упоминается в делах ПП 1637 и 1673 гг., у него жена Христина и сын Тимофей — служил переводчиком ПП³⁷.

Андреев (Ондреев) **Семен**, татарский переводчик ПП³⁸. В июне 1615 г. вместе с товарищем Курманом Алеем Кутляевым и 4 стрельцами по памяти от 12 июня встречали в Нижнем Новгороде или во Владимире посланника Михаила Никитича Тиханова и подъячего Алексея Бухарова из Ирана для ареста и конвоирования привезенных ими посланцев И.М. Заруцкого к шаху Аббасу Ивана Хохлова, Якуша Гладкова и подъячего Богдана Накрачевея³⁹. В 7124-м (1615/16) г. ездил в Крым гонцом с вожем Андреем Ковериным, который был пожалован за эту службу на КД 12 ноября 1619 г. «что посылан был он в Крым в вожех... и будучи в Крыме и на степи всякую нужу терпел»⁴⁰. 18 апреля 1616 г. получил на КД 4 арш. без чети сукна английского темно-зеленого (по 23 алт. 2 ден. арш.), 8 арш. камки адамашки червчатой (по 23 алт. 2 ден. арш.) «за крымскую службу»⁴¹. С 23 мая 1616 по 1617 г. — в миссии посланника Федора Исаковича Леонтьева и Богдана Тимофеева и подъячего Ивана Федосеева вместе с толмачами Семеном Герасимовым, Степаном Микифоровым и Тимофеем Баубековым и 6 сокольничьими чинами (ноябрь/декабрь 1616 г. — март/апрель 1617 г. — переговоры с шахом)⁴². 19 сентября 1621 г. получил на КД 4 арш. тафты двоеличной, шелк белый и рудо-желтый (по 21 алт. арш.), портище сукна настрафия лазоревого (2,5 руб.) «за кызылбаскую службу»⁴³. В памяти из ПП в РП от 31 октября 1630 г. написан в списке 19 чел. — «татарские и немецкие и полские и греческие переводчики, которые емлют государево жалованье поденной корм»⁴⁴. В памяти из ПП в РП от 29 ноября 1631 г. по запросу из РП от 22 сентября 1631 г., представленному в ПП 25 сентября, написан в списке в списке 20 чел. — «татарские и немецкие и полские и греческие переводчики, которые емлют государево жалованье поденной корм»⁴⁵. В марте 1632 г. в числе переводчиков и толмачей ПП подавал коллективное челобитие о выдаче 2-й половины годового жалованья, каковое по выписке и было удовлетворено царским указанием от 27 марта — оклад Семена Андреева написан в 40 руб.⁴⁶ В феврале — мае 1639 г. был в приставах у послов сибирского царевича Девлет-Гирея Каплана и Ишея и 15 февраля

водил их в ПП, а 24 мая — на царский прием⁴⁷. По коллективному челобитью переводчиков и толмачей ПП января 1639 г. о даче 1-й половины годового жалования он написан с окладом в 40 руб.⁴⁸

Бук Арн (Арент, Арен, Арно, Андрей), выезджий швед, переводчик шведского посольства Я. Делагарди, после бегства — переводчик ПП⁴⁹. Осенью 1615 — зимой 1615/16 г. во время переговоров кн. Д.И. Мезецкого и А.И. Зюзина с шведским посольством Делагарди завербован Яковом Боборыкиным «зговорил он неметцково переводчика Арна Бука на государево имя, и сам с тем переводчиком с Арном Буком ночью к послом приезжал и про всякие де посолские дела им росказывал ... А переводчик де Арн Бук по ево зговору, будучи у Якова Пунтосова, во всем государю радел и о всяких делех приказывал къ ево государевым послом, и с посолства от неметцких людей отъехал»⁵⁰. В 124-м (1615/16) г. как «свейской выезджей немчин» взят в ПП «в свейские переводчики», в связи с чем дано ему 25 руб. «на дворовое строенье»⁵¹. 26 марта 1616 г. получил вместе с Я. Боборыкиным, У. Лупандиным и подьячим Федором Витовтовым на КД 8 арш. камки адамашки червчатой (по 20 алт. арш.), 4 арш. тафты двоеличной, шелк червчат и лазорев (по 23 алт. 2 ден. арш.), сорок соболей (20 руб.), 2 портища (по 4 арш.) сукна английского мурамно-зеленого (по 23 алт. 2 ден.) «за службу и за выезд»⁵². 22 июня 1618 г. вместе с товарищем Яковом Вульфом как «свийский переводчик» по памяти от 31 мая получил на КД в место камки 4 арш. сукна лундыша лимонного цвета (по 1 руб. 10 алт. арш.) «за службу»⁵³. В октябре 1618 г. как переводчик ПП вместе с 9 иноземцами свидетельствовал двух французских саперов, в ночь на 30 сентября вышедших в Москву из польско-литовских войск⁵⁴ «что они их знали в Литовской и в Неметцкой земле были они в спитарных мастерех, а было де им жалованье в Литве и в Немцах месечное по-московски по 30 рублей на месяц, к сей они скаске назади руки свои приложили»⁵⁵. В начале 1619 г. перевел шведскую окончательную грамоту за подписью и печатью (красновосковая в серебряном ковчеге) Густава-Адольфа, на которой король целовал Евангелие перед кн. Федором Барятинским (об чем сделана помета на грамоте), после чего 4 марта положена в бархатный ящик⁵⁶. В 130-м (1621/22) г. как «московский немчин Ондрей Бук» продал на Казенный двор в царскую казну «3 запоны с олмазы и с ыскорки яхонтовыми и з жемчюги» (150 руб.)⁵⁷. 1 января 1629 г. вместе с Богданом Тушиным как переводчик получил на КД 4 арш. сукна английского темно-вишневого (по 30 алт. арш.) «за саадашное дело в приказ»⁵⁸. 10 сентября вместе с иноземными канительными мастерами Государевой мастерской палаты Фреде-

риком Гуриком и Абрамом Арфимом толмач и канительник той же Мастерской палаты Анц Бук (Он же?) получили на КД 2 памяти в Новую Четь и в Большой Приход и даче им из Чети «питья», а из Большого Прихода — месячного корма⁵⁹. В памяти из ПП в РП от 31 октября 1630 г. написан в списке 7 чел. — «переводчики, которые испомещены»⁶⁰. В памяти из ПП в РП от 29 ноября 1631 г. по запросу из РП от 22 сентября 1631 г., представленному в ПП 25 сентября, написан в списке 6 переводчиков, «которые испомещены», с пометой о пребывании на службе «Со князем Иваном Засекиным»⁶¹. Упоминается в делах ПП 1645 г.⁶²

Вестерман Еремей (Гарман) Еремеев сын (Еремеев Еремей), немецкий переводчик ПП, служил гонцом в Данию⁶³. В конце ноября 1615 г. перевел с латыни письмо австрийского императора ко всем чинам Российского царства, присланный из-под Смоленска 24 ноября⁶⁴. 12 апреля 1620 г. получил на КД 8 арш. камки немецкой лазоревой (по 26 алт. 4 ден. арш.), 4 арш. сукна английского темно-синего (по 26 алт. 4 ден. арш.) «за службу, что он был посылан з государевыми грамотами к дацкому Христианусу, королю»⁶⁵. В июне (?) 1622 г. переводчики подали коллективную челобитную о даче им 2-й половины их окладов; по принятому 12 июля 1622 г. решению об удовлетворении челобитья в окладной росписи его доклад составлял 45 руб.⁶⁶ В конце мая — начале июня 1626 г. в ПП разбиралось дело об измене его с Елисеем Павловым: «в роспросе сказали, что они в том перед государем виновати бес хитрости — из Свеи к Ондрею от сына ево грамотки посыльные и посылку привозили, а в тех де грамотках дурна никоторого и измены никако не объявилося; а в Посолском де приказе про те грамотки не сказали спроста, и в той их бесхитростной вине волен Бог да государь»⁶⁷. 3 июня 1626 г. по царскому указу его вместе с Елисеем Павловым за самовольную доставку писем и посылок между московскими торговыми иноземцами и их зарубежными родственниками посадили на неделю в тюрьму: «чтоб им вперед неповадно было так делать»⁶⁸. Во 2-й пол. декабря 1626 г. «розных языков» переводчики ПП подали коллективную челобитную о досрочной даче 1-й половины годового жалованья, по каковому челобитью, по выписи и росписи переводчиков к даче жалованья он записан с окладом в 45 руб.⁶⁹ По извету переводчика Ивана Фомина сына Алманзенова обвинен в измене за время его службы в Великом Новгороде, куда посылался «для толмачества и переводу немецкого языку» в 129-м (1620/21) г. к боярину кн. Г.П. Ромодановскому: «ево Еремеева измена ко государю объявилася в посылной грамотке, которую грамотку писала в Свею Ондреева жена Дюкиева в Свею к сыну своему к Роману написано,

что тот сын ее с тем Еремеем послал, и то до нее дошло»⁷⁰. По тому извету на допросе переводчик винулся и признал доставку между иноземцами писаем и денег, за что 26 января 1629 г. по указу его велено «отослать в Ыноземской приказ и служить бы ему государева служба с ыноземцы, а в Посолском пркиазе в перевотчикех быти не велел»⁷¹. По памяти от 27 января он вместе с толмачем Иваном Рехтеревым отосланы в Иноземский приказ в сопровождении толмача Михаила Дедякина, на тот момент его оклад в ПП был 550 чети, 45 руб.⁷² 27 января 1629 г. как поместный иноземец «переводчик немецкого языка» вместе с толмачем Иваном Рехтеревым записан в Иноземском приказе с указом о переводе из ПП: «служить им свою государеву службу служить с ыноземцы вместе, и ведати их вперед в Ыноземском приказе», умер не позднее августа 1629 г.⁷³

Выберх (Вберх) Ульф (Вульф, Олоф, Олферий) **Яковлев сын**, шведский и датский переводчик ПП⁷⁴. 7 марта 1615 г. как «свейский» переводчик получил на КД портише сукна настрафиля (2 руб.) и 12 арш. тафты бурской рудо-желтой (по 5 алт. арш.)⁷⁵. 14 сентября 1616 г. как переводчик Олферий Я. забрал с КД в ПП ткани и меха на жалованье выезжим иноземцам⁷⁶. 15 июля 1617 г. как «свейский и датцкий» переводчик получил на КД по памяти от 13 июля серебряную чарку (1 руб. 27 алт 4 ден.), 8 арш. камки адамашки зеленой (по 25 алт. арш.), 4 арш. сукна лундышу сизого (по 1 руб. 10 алт. арш.), 4 арш. тафты лимонного цвета (по 23 алт. 2 ден. арш.)⁷⁷. 22 июня 1618 г. как «свейский» переводчик вместе с товарищем Арном Буком как «свийский переводчик» по памяти от 31 мая получил на КД 8 арш. камки куфтера зеленой (по 25 алт. арш.), 4 арш. сукна лундыша лимонного цвета (по 1 руб. 10 алт. арш.) «за службу»⁷⁸. В июне (?) 1622 г. переводчики подали коллективную челобитную о даче им 2-й половины их окладов, чтоб «голодную смертью не помереть» — по причине: «проелись донага и одолжали великими долги»; по принятому 12 июля 1622 г. решению об удовлетворении челобитья в окладной росписи его доклад составлял 35 руб.⁷⁹ По приказной выписке и по росписи 1624 г. (составлена по приказу от 23 мая, на основании челобитья о 2-й половине годового жалованья, указ о выдаче жалованья — 13 июля) как «свейской и датцкой» переводчик написан с денежным окладом в 35 руб.⁸⁰ В памяти из ПП в РП от 31 октября 1630 г. написан в списке 7 чел. — «переводчики, которые испомещены»⁸¹. В памяти из ПП в РП от 29 ноября 1631 г. по запросу из РП от 22 сентября 1631 г., представленному в ПП 25 сентября, написан в списке 6 переводчиков, «которые испомещены»⁸². 25 апреля 1634 г. во время московского пожара сгорел его двор в числе дворов 7 немецких пе-

реводчиков ПП, и по указу от 22 ноября 1634 г. на основании коллективной челобитной ему (по окладу в 52 руб.) дано из Большого дворца 25 руб. «на дворовое строенье»⁸³. По коллективному челобитью переводчиков и толмачей ПП января 1639 г. о даче 1-й половины годового жалования он написан с окладом в 52 руб.⁸⁴ Как переводчик ПП еще упоминается в 1659 г., у него сын Яков, капитан солдатского строя, потом — «немецкий» переводчик ПП⁸⁵.

Еремеев Еремей, см.: Вестерман Гарман.

Каменев Своитин Дмитриев сын (Митрофанов сын), переводчик ПП⁸⁶. 21 января 1618 г. возглавил торжественный конвой из двух толмачей и троих детей боярских до Владимира отпущенного из Москвы персидского посла Кая-салтана Булат-бека⁸⁷. 4 декабря 1618 г. забрал с КД 313 пар обуви и шапок для литовских полоняников⁸⁸. Умер в 135-м (1626/27) г.⁸⁹ В июне (?) 1622 г. переводчики подали коллективную челобитную о даче им 2-й половины их окладов; по принятому 12 июля 1622 г. решению об удовлетворении челобитья в окладной росписи его доклад составлял 50 руб.⁹⁰ По приказной выписке и по росписи 1624 г. (составлена по приказу от 23 мая, на основании челобитья о 2-й половине годового жалованья, указ о выдаче жалованья — 13 июля) как «греческой» переводчик написан с денежным окладом в 50 руб.⁹¹ Во 2-й пол. декабря 1626 г. «розных языков» переводчики ПП подали коллективную челобитную о досрочной даче 1-й половины годового жалованья, по каковому челобитью, по выписи и росписи переводчиков к даче жалованья он записан с окладом в 50 руб.⁹²

Кириллов Андрей (Ондрей), польский переводчик ПП, латынью не владел. С марта до начала июня 1619 г. входил в состав посольства Ф.И. Шереметева и кн. Д.И. Мезецкого с товарищами по обмену пленными между Вязьмой и Дорогобужем на речке Полянковке, в период работы миссии выполнял функции и переводчика, и толмача⁹³. 15 июля 1619 г. забрал с КД в ПП аршин тафты виницейки червчатой, «а огибати тою тафтою грамоты, которые посылают в Аглинскую и в Дацкую землю»⁹⁴.

Кучин Игнатий Андреев сын, шведский переводчик ПП⁹⁵. 11 марта 1619 г. как «свиский переводчик» получил на КД сорок соболей (25 руб.), 10 арш. камки рудо-желтой (по 23 алт. 2 ден. арш.), 5 арш. тафты двоеличной, шелк рудо-желтый и червчатый (по 23 алт. 2 ден. арш.), 4 арш. сукна лундыша вишневого (по 40 алт. арш.); да жене его 8 арш. камки адамашки лазоревой (по 26 алт. 4 ден. арш.), 5 арш. сукна багреца (1,5 руб. арш.) — «за службу и за полонское терпение и за выход»⁹⁶. 18 декабря 1621 г. он как «немецкий» и «свейский» переводчик бил челом в приказе о жалованье

«на крестины», на что дано ему 5 руб. в его оклад в Новгородской чети⁹⁷. В июне (?) 1622 г. переводчики подали коллективную челобитную о даче им 2-й половины их окладов; по принятому 12 июля 1622 г. решению об удовлетворении челобитья в окладной росписи его доклад составлял 35 руб.⁹⁸ В начале сентября 1626 г. он бил челом о пожаловании его по случаю пожарного разорения: «канун Успеньева дни гнев Бойй надо мною, холопом твоим, учинился — ушел яз, холоп твой, з женишком своим и з детишками душею да телом в одних рубахах, и ныне, государь, скитаюсь з женишком и з детишками на пожарище и помирю голодною и холодною смертью, не имею, где головы приклонити»⁹⁹. Просьба челобитчика о досрочной выдаче 2-й половины годового жалованья: «чтоб мне было чем на зиму избенко поставить и, волочась бы по чюжим углом в конец не погинуть», — была удовлетворена, хотя за 7134-й (1625/26) год он уже получил жалованье вместе со своими товарищами 10 марта и 10 июля. По выписке и по указу от 8 сентября велено было дать ему «для его бедности и пожарного разоренья» выдать немедленно 1-ю половину его оклада (денежный оклад — 40 руб.) на наступивший 7135-й (1626/27) г., а 2-ю половину выдать, когда его товарищи будут получать 1-ю половину годового жалованья¹⁰⁰. Во 2-й пол. декабря 1626 г. «розных языков» переводчики ПП подали коллективную челобитную о досрочной даче 1-й половины годового жалованья, по каковому челобитью, по выписи и росписи переводчиков к даче жалованья он записан с окладом в 40 руб.¹⁰¹ В памяти из ПП в РП от 31 октября 1630 г. написан в списке 19 чел. — «татарские и немецкие и полские и греческие переводчики, которые емлют государево жалованье поденной корм»¹⁰². В памяти из ПП в РП от 29 ноября 1631 г. по запросу из РП от 22 сентября 1631 г., представленному в ПП 25 сентября, написан в списке в списке 20 чел. — «татарские и немецкие и полские и греческие переводчики, которые емлют государево жалованье поденной корм»¹⁰³. Упоминается в делах ПП 1633 г.¹⁰⁴

Кучуков Резеп, см.: Устокасимов.

Кучумов Резеп, см.: Устокасимов.

Мананаев Сюналей, см.: Монананев.

Мануйлов Мануйла (Мануил), в крещении **Павел**, латинский, итальянский и французский переводчик ПП¹⁰⁵. 22 марта 1615 г. как «латынсково и (и)талянсково и фрянцовскому переводчик» получил на КД 4 арш. сукна лундышу сизого (по 1,5 руб. арш.), 9 арш. камки адамашки червчатой (по 1 руб. арш.) и за серебряную чарку деньгами «за службу и за выход»¹⁰⁶. В 137-м (1628/29) г. — переводчик Иноземского приказа, написан по списку служилых инозем-

цев, которым «на лошади конского корму им не дают и в роту их кому не написаны, потому что им на лошади их конского корму давать не указано» со служилыми немцами, у которых «помесных и денежных окладов не ведомо»¹⁰⁷. При приеме в ПП в 138-м (1629/30) г. на его место во французские переводчики Ивана Николаева (Николаева) был выписан оклад прежнего переводчика, с которым его отослали в Иноземский приказ: 450 чети, 35 руб., и поденного корма по 2 гривны на день¹⁰⁸. В окладную книгу Иноземского приказа 139-го (1630/31) г. не внесен¹⁰⁹.

Миколаев (Николаев) **Дмитрий**, немецкий переводчик ПП¹¹⁰. 23 ноября 1614 г. получил на КД 4 арш. без чети сукна английского темно-синего «за датцкую службу»¹¹¹.

Мозолевский (Мазалевский, Мазолевский, Масалевский) **Федор**, польский и латинский переводчик ПП¹¹². В конце декабря 1613 г. новокрещеный литвин латинский переводчик ПП Федька Мозолевский бил в приказе челом о поверстании его денежным и поместным окладом «сежу... у твоего государева дела безотступно» — по рассмотрении которого ему был написан оклад в 450 чети и 35 руб.¹¹³ Однако в выписке 1635 г. написано, что поляк Федор Мозолевский взят в ПП «для переводу полского и латынского языку в переводчики» в 124-м (1615/16) г., что однако может быть ошибкой подьячего, перепутавшего в буквенной цифире «в» (2) на «д» (4), и дано ему при зачислении в приказ 15 руб. «на дворовое строенье»¹¹⁴. 20 декабря 1617 г. как переводчик «польсково и латенсково языка» получил на КД серебряную чарку (2 руб.), сорок соболей (20 руб.), 4 арш. тафты широкой зеленой (по 26 алт. 4 ден. арш.), 8 арш. камки адамашки желтой (по 22 алт. арш.), 5 арш. сукна багреца (по 1 руб. 6 алт. 4 ден. арш.) «за выход и за службу»¹¹⁵. Осенью 1618 г. «в королевичев приход под Москву» сидел в осаде: «был на Москве у государева дела в Посольском приказе (беспрестанно и до отходу королевичева)»¹¹⁶. В мае 1619 г. на него как переводчика ПП жаловался выезджий литовский поручик Андрей Голубовский¹¹⁷, что умален перед своей братьей в жалованье потому, что тот, «не умея перевести латынской грамоты, про меня сказал» — пожалован поручик был по сказке переводчика, а бил челом: «вели тое грамоту перевести иному переводчику, и мое отчество объявитца»¹¹⁸. В июне (?) 1622 г. переводчики подали коллективную челобитную о даче им 2-й половины их окладов; по принятому 12 июля 1622 г. решению об удовлетворении челобитья в окладной росписи его оклад составлял 40 руб.¹¹⁹ По приказной выписке и по росписи 1624 г. (составлена по приказу от 23 мая, на основании челобитья о 2-й половине годового жалованья, указ о

выдаче жалованья — 13 июля) как «полской и латынской» переводчик написан с денежным окладом в 40 руб.¹²⁰ В 134-м (1625/26) г. его поместный оклад составлял 450 чети¹²¹. Во 2-й пол. декабря 1626 г. «розных языков» переводчики ПП подали коллективную челобитную о досрочной даче 1-й половины годового жалованья, по каковому челобитью, по выписи и росписи переводчиков к даче жалованья он записан как «полской и латынской» переводчик с окладом в 40 руб.¹²² В памяти из ПП в РП от 31 октября 1630 г. написан в списке 7 чел. — «переводчики, которые испомещены»¹²³. В списке переводчиков и толмачей «и всяких иноземцов» ПП 1631 г. не написан¹²⁴. Упоминается в делах ПП 1635 г.¹²⁵

Монанаев (Мананаев, Монаев, Томонаев, Момонаев) **Сюналей** (Суналей) (Тонаев сын?), татарский переводчик ПП¹²⁶. 29 октября 1615 г. вместе с новокрещенными и служилыми татарами ПП по памяти от 23 октября получил на КД 8 арш. камки адамашки лазоревой (по 25 алт. арш.), 12 арш. тафты бурской рудо-желтой (по 5 алт. арш.), 2 портища сукна настрафиля лазоревого (по 1 руб. 26 алт. портище) «за крымскую службу»¹²⁷. Писал по-татарски царскую грамоту шаху Аббасу от 9 февраля 1617 г.¹²⁸ 27 декабря 1618 г. получил на КД шапку лисью черную (3 руб.) «на окуп: в прошлом в 126-м году послан был он на государеву службу в Крым с Степаном Хрущевым, и на Елце их поймали в полон запорожские черкасы и отдали ево на Елце за конь казаку Зинцу»¹²⁹. 28 января 1619 г. получил жалованье (портище сукна настрафиля лазоревого (2,5 руб.)?)¹³⁰. В 129-м (1620/21) был в крымской посылке с посланником Микитой Лихаревым, для чего получил жалованье на 1,5 года¹³¹. В июне (?) 1622 г. переводчики подали коллективную челобитную о даче им 2-й половины их окладов; по принятому 12 июля 1622 г. решению об удовлетворении челобитья в окладной росписи его доклад составлял 40 руб.¹³² Упоминается в делах ПП 1623 г.¹³³ Во 2-й пол. декабря 1626 г. «розных языков» переводчики ПП подали коллективную челобитную о досрочной даче 1-й половины годового жалованья, по каковому челобитью, по выписи и росписи переводчиков к даче жалованья он записан с окладом в 45 руб.¹³⁴

Нагаев (Ногаев) **Миллота** (Малюта), татарский переводчик ПП¹³⁵. 23 ноября 1617 г. получил на КД 8 арш. камки индийской двоеличной, шелк зеленый и рудо-желтый (6 руб.), 6 арш. сукна еренка темно-синего (1 руб. 31 алт.) «за крымскую службу»¹³⁶. С июня 1618 г. по 22 (29) октября (2 ноября — пристав Иван Благой привез арестованного в Чебоксарах М. Тюхина) 1620 г. — в посольстве боярина кн. Михаила Петровича Бяратинского, думного дворянина Ивана Ивановича Чичерина и думного дьяка Михаила Акинфовича Тюхина вместе с тол-

мачами Иваном Сергеевым, Иваном и Гаврилой Есиповыми, Федором Ивановым и Софоном Огарковым и 10 сокольничьими чинами в Иран (переговоры — с 4 ноября 1618 по 24 июня 1619 г., в т.ч. был на аудиенции дьяка М. Тюхина у шаха 6 (5) ноября 1618 г.)¹³⁷.

Осеев (Сеев, Евсеев) **Александр**, польский и латинский переводчик ПП¹³⁸. 1 октября 1615 г. получил на КД 4 арш. тафты двоеличной шелк таусинен и червчат (по 23 алт. 2 ден. арш.), 4 арш. без чети сукна английского багрового (по 1 руб. арш.)¹³⁹.

Павлов Елисей, переводчик «немецкий» (шведский?) ПП¹⁴⁰. 24 июня 1617 г. вместе с товарищами Павлом Томосовым, Андреем Петровым и Андреем Англерам по памяти от 23 июня получил на КД камку индийскую (5,5 руб.), 4 арш. тафты виницейки (по 23 алт. 2 ден. арш.), 2 портища сукна настрафиля разных цветов (по 2,5 руб. портище)¹⁴¹. 9 июля 1617 г. получил на КД 4 арш. сукна английского багрового (по 30 алт. арш.), 4 арш. тафты двоеличной (по 25 алт. арш.) «за свискую службу»¹⁴². 25 мая 1619 г. получил на КД 8 арш. камки адамашки двоеличной, шелк желтый и зеленый (по 23 алт. 2 ден. арш.), 5 арш. тафты виницейки широкой лазоревой (по 26 алт. 4 ден. арш.), 4 арш. сукна лундыша багрового (по 1,5 руб. арш.) «за службу, что он был посылан с послы со князем Федором Борятинским с товарищи»¹⁴³. 2 февраля 1623 г. по памяти от 1 февраля получил на КД серебряный ковш (весом за дело — 2 руб. 28 алт. 4 ден.), денгами 4 алт. 4 ден., 10 арш. камки кармазина (по 30 алт. арш.), сорок куниц (11 руб.) — «за службу в приказ»¹⁴⁴. 21 сентября 1623 г. вместе с переводчиком ПП И.Ф. Алманзеновым получили на КД по портищу сукна лундышу мясного цвета (по 1 руб. 23 алт. 2 ден. арш.), по 9 арш. камки кармазина червчатого (по 26 алт. арш.), по сороку куниц башкирских «за службу, что посылаемы на государеву службу в Датцкую землю с послы со князем Олексеем Лвовым да з дьяком з Жданом Шиповым»¹⁴⁵. 7 февраля 1624 г. в составе группы из 3 переводчиков во главе с Тимофеем Фаннеминым и вместе с Андреем Англерам получил на КД 10 арш. камки кармазина червчатой (по 30 алт. арш.) «за службу: как делали государю золотого дела мастера коруну золотую, а каменные резцы к тому корунному делу камень ростирали и резали, а они у того государева золотого дела и у каменные ростирки и рези были безотступно»¹⁴⁶. По приказной выписке и по росписи 1624 г. (составлена по приказу от 23 мая, на основании челобитья о 2-й половине годового жалованья, указ о выдаче жалованья — 13 июля) как «немецкий» переводчик написан с денежным окладом в 50 руб.¹⁴⁷ В конце мая — начале июня 1626 г. в ПП разбиралось дело об измене его с Еремеем Вестер-

маном, по которому 3 июня по царскому указу их обоих за самовольную доставку писем и посылок между московскими торговцами иноземцами и их зарубежными родственниками посадили на неделю в тюрьму: «чтоб им вперед неповадно было так делать»¹⁴⁸. Во 2-й пол. декабря 1626 г. «розных языков» переводчики ПП подали коллективную челобитную о досрочной даче 1-й половины годового жалованья, по каковому челобитью, по выписи и росписи переводчиков к даче жалованья он записан с окладом в 50 руб.¹⁴⁹ В памяти из ПП в РП от 31 октября 1630 г. написан в списке 7 чел. — «переводчики, которые испомещены»¹⁵⁰. В памяти из ПП в РП от 29 ноября 1631 г. по запросу из РП от 22 сентября 1631 г., представленному в ПП 25 сентября, написан в списке 6 переводчиков, «которые испомещены»¹⁵¹. 25 апреля 1634 г. во время московского пожара сгорел его двор в числе дворов 7 немецких переводчиков ПП, и по указу от 22 ноября 1634 г. на основании коллективной челобитной ему дано из Большого дворца 30 руб. «на дворовое строенье»¹⁵². Упоминается в делах ПП 1635 г.¹⁵³ Пастакасымов Иррез, см.: Устокасымов Резеп.

Петров Андрей (Ондрей), переводчик «немецкий» (и?) шведский ПП¹⁵⁴. 8 июня 1617 г. забрал с КД в ПП пол арш. тафты червчатой (на грамоту?)¹⁵⁵. В тот же день вместе с товарищем Павлом Томосовым получил на КД по памяти от 7 июня портище сукна английского темно-зеленого (по 23 алт. 2 ден. арш.) и 4 арш. тафты широкой зеленой (по 23 алт. 2 ден. арш.) «для службы, что посланы они в Свию с послы со князем Федором Борятинским с товарищи»¹⁵⁶. 24 июня 1617 г. вместе с товарищами Павлом Томосовым, Елисеем Павловым и Андреем Англером по памяти от 23 июня получил на КД камку индийскую (5,5 руб.), 4 арш. тафты виницейки (по 23 алт. 2 ден. арш.), 2 портища сукна настрафиля разных цветов (по 2,5 руб. портище)¹⁵⁷. 28 июля 1617 г. как свийский переводчик получил на КД серебряную чарку (2 руб.), 8 арш. камки адамашки червчатой (по 26 алт. 4 ден.), 4 арш. сукна английского темно-синего (по 30 алт. арш.) «за выход»¹⁵⁸. 21 ноября 1621 г. как «свийский переводчик» по памяти от 15 ноября получил на КД 8 арш. камки адамашки лазоревой (по 22 алт. арш.), 4 арш. сукна английского темно-синего (по 26 алт. 4 ден. арш.) «за свейскую и за межевальную службу»¹⁵⁹. В июне (?) 1622 г. переводчики подали коллективную челобитную о даче им 2-й половины их окладов; по принятому 12 июля 1622 г. решению об удовлетворении челобитья в окладной росписи его доклад как «свейского» переводчика составлял 23 руб.¹⁶⁰ Не ранее 130-го (1621/22) и не позже 139-го (1630/31) г. получил 15 руб. «на дворовое строение»¹⁶¹. Упоминается в делах ПП 1635 г.¹⁶²

Сеев, см.: Осеев.

Томосов (Томасов) **Павел**, переводчик «немецкий» (шведский?) ПП¹⁶³. 8 июня 1617 г. вместе с товарищем Андреем Петровым получил на КД по памяти от 7 июня портище сукна английского темно-зеленого (по 23 алт. 2 ден. арш.) и 4 арш. тафты широкой зеленой (по 23 алт. 2 ден. арш.) «для службы, что посланы они в Свию с послы со князем Федором Борятинским с товарищи»¹⁶⁴. 24 июня 1617 г. вместе с товарищами Андреем Перовым, Елисеем Павловым и Андреем Англером по памяти от 23 июня получил на КД камку индийскую (5,5 руб.), 4 арш. тафты виницейки (по 23 алт. 2 ден. арш.), 2 портища сукна настрафиля разных цветов (по 2,5 руб. портище)¹⁶⁵.

Устокасимов (Устокасымов, Стокосимов, Пастакасымов) **Резеп** (Ирез) **Кучуков** (Кучумов, Ачюмов) **сын**, татарский переводчик ПП¹⁶⁶. 12 августа 1621 г. получил на КД 8 арш. камки адамашки лазоревой (по 25 алт. арш.), 4 арш. без чети сукна кострышу темно-синего (2 руб. 28 алт. 2 ден.) «за крымскую службу, что он был в Крыму посланником с Прокофьем Воейковым и будучи в Крыме государю служил»¹⁶⁷. 15 апреля 1622 г. получил вместе со станичным служилым татаринном Зянгилдеем Исеневым, новокрещеном Григорием Бедеевым и толмачом Иваном Суром на КД 4 арш. без чети сукна кострыша темно-синего (по 25 алт. арш.) и 4 арш. тафты виницейки лазоревой (по 23 алт. 2 ден. арш.) «для Царегородцкие посылки и для их бедности»¹⁶⁸. 30 апреля 1622 г. получил на КД 3 пары соболей (8 руб.) «в тех пар место, что у него взяли в Азове государевы посланники Петр Мансуров да диак Семейка Самсонов, и отдали в подарках для Г-ва дела азовскому князю»¹⁶⁹. 15 мая 1624 г. получил на КД портище сукна настрафиля лазоревого (2 руб.) и 8 арш. камки адамашки лазоревой (по 23 алт. 4 ден. арш.) «за царегородцкую службу»¹⁷⁰. По приказной выписке и по росписи 1624 г. (составлена по приказу от 23 мая на основании челобитья о 2-й половине годового жалованья, указ о выдаче жалованья — 13 июля) написан с денежным окладом в 48 руб., а указано дать ему 28 руб. — 2-ю половину годового оклада, поскольку с 1-й половиной не получил 8 руб. придаточных денег¹⁷¹.

Файемин, см.: Фаннемин.

Фаннемин (Файемин, Фаномин, Фан-Немин, фон Немен) **Тимофей**, немецкий переводчик ПП¹⁷². 26 мая 1618 г. получил на КД дараги ценинные (2 руб. 20 алт.), портище сукна английского муромно-зеленого (по 30 алт. арш.) «за службу, что он был з государевыми послы на свийских съездех и с межевальными дворяны на розмежевань»¹⁷³. В июле 1618 г. вместе с подьячим Иваном Дедковым ездили гонцами с царскими грамотами в Швецию к русским

послам¹⁷⁴. 15 марта 1619 г. как переводчик вместе с подьячим Иваном Детковым как переводчик по памяти от 11 марта получил на КД 8 арш. камки адамашки рудо-желтой (по 26 алт. 4 ден. арш.), 4 арш. тафты виницейки двоеличной, шелк червчатый и желтый (по 29 алт. арш.), 2 портища сукна английского (по 1 руб. арш.) «за службу, что оне посыланы были для Государева дела з грамотою к свейскому Густаву Адолфу королю»¹⁷⁵. В июне (?) 1622 г. переводчики подали коллективную челобитную о даче им 2-й половины их окладов; по принятому 12 июля 1622 г. решению об удовлетворении челобитья в окладной росписи его оклад составлял 35 руб.¹⁷⁶ 7 февраля 1624 г. во главе группы переводчиков с Елисеем Павловым и Андреем Англером получил на КД серебряный ковш (2,5 руб.), 10 арш. камки куфтера лазоревого (по 1 руб. арш.) и сорок куниц (10 руб.) «за службу, как делали государю золотого дела мастера коруну золотую, а каменные резцы к тому корунному делу камень растирали и резали, а они у того государева золотого корунного дела и у каменные ростирки и рези были безотступно»¹⁷⁷. По приказной выписке и по росписи 1624 г. (составлена по приказу от 23 мая, на основании челобитья о 2-й половине годового жалования, указ о выдаче жалования — 13 июля) написан с окладом в 12 руб.¹⁷⁸ В памяти из ПП в РП от 31 октября 1630 г. написан в списке 19 чел. — «татарские и неметцкие и полские и греческие переводчики, которые емлют государево жалованье поденной корм» с пометой о пребывании его на службе «с рудознатцы»¹⁷⁹. В памяти из ПП в РП от 29 ноября 1631 г. по запросу из РП от 22 сентября 1631 г., представленному в ПП 25 сентября, написан в списке в списке 20 чел. — «татарские и немецкие и полские и греческие переводчики, которые емлют государево жалованье поденной корм»¹⁸⁰. 28 января 1632 г. вместе с 13 мастерами золотого, алмазного и серебряного дела получил на КД 10 арш. камки кармазина мелкотравной да 4 арш. сукна аглинского вишневого (по 1 руб. арш.). «в приказ за всякие прежние дела и за нынешнее за сабельное дело»¹⁸¹. В марте 1632 г. в числе переводчиков и толмачей ПП подавал коллективное челобитье о выдаче 2-й половины годового жалования, каковое по выписке и было удовлетворено царским указанием от 27 марта — оклад Т. Фан-Немина написан в 35 руб.¹⁸² В 1632 г. как «немецкого языку переводчик» имел в ПП оклад в 400 чети, 40 руб. и по 5 алт. на день поденного корма: «и Тимофея в нынешнем во 140-м году не стало» (к июню 1632 г.)¹⁸³. У него жена, в 1633 г. — вдова, Анна¹⁸⁴.

Фомин Иван, см.: Алманзенев Иван Фомин сын.
Яковлев Ульф, см.: Выберх Ульф Яковлев сын.

ТОЛМАЧИ

Алышев (Алышов, Лаишев, Лышов, Олышев) **Иван**, толмач ПП¹⁸⁵.

19 января 1620 г. толмач Иван Лышов забрал с КД в ПП 2 половинки сукон¹⁸⁶. 19 сентября 1620 г. толмач Иван Алышев забрал с КД в ПП пол аршина тафты кармазина¹⁸⁷. У него сыновья Алмакай (Олмокай) и Алмаш (Урмаш, Урман, Курман) также служили толмачами ПП¹⁸⁸.

Аминев (Аменов, Оменов, Аминьев) **Данила** (Данило), толмач (и переводчик?) ПП¹⁸⁹. В марте 1619 г. как толмач в качестве гонца ездил с грамотой к посольству Ф.И. Шереметева и кн. Д.И. Мезецкого с товарищами в Вязьму, куда прибыл 27 марта и в то же ден отпущен назад с отписками¹⁹⁰. 13 апреля вновь приехал в Вязьму в гонцах к великим послам с грамотами и росписью корма пленникам, отпущен назд с отписками 16 апреля¹⁹¹. 12 февраля 1620 г. как переводчик забрал с КД в ПП 9 арш. сукна лятчины лазоревой (вместо 15 арш. сукна рославского)¹⁹². В 129-м (1620/21) г. как толмач судился с толмачем ПП Андреем Раковым по его иску о луке (2,5 руб.)¹⁹³. По коллективной челобитной толмачей, поданной в приказе в мае 1622 г. о даче им 2-й половины годовых окладов, в докладной выписке по результатам предыдущей дачи от 31 декабря 1621 г. его оклад по списку татарских толмачей написан в 12 руб.; но первую половину не получил, поскольку «было до него дело с Патриархова двора — сидел в смиренье болши полугода»; а после освобождения был послан с грамотами в Большую Ногайскую Орду к посланнику Ивану Кондыреву с товарищами, для чего получил из оклада 3 руб.; и 31 мая еще не вернулся из поездки, а 24 июня приказные дьяки приговорили добавить ему 3 руб. «для бедности»¹⁹⁴. По приказной выписке и по росписи 1624 г. (составлена по приказу от 23 мая, на основании челобитья о 2-й половине годового жалованья, указ о выдаче жалованья — 13 июля) написан с окладом в 12 руб.¹⁹⁵ Летом 1626 г. был на посольской розмене на Валуйках. В августе 1626 г. его жена Марья Юрьева дочь была челом о жаловании своего мужа, находящегося на посольской службе на Валуйках в связи со смертью толмача Романа Родина, который должен был получать на нее мужнино денежное жалованье в Приказе Большого прихода. По ее челобитью жалованье на Марью Данилову жену Аминова по памяти от 19 августа указано получать «немецкому» толмачу Архипу Малахову¹⁹⁶. В памяти из ПП в РП от 31 октября 1630 г. написан в списке 37 кормовых толмачей с пометой на пребывании на службе «в Кизылбашех»¹⁹⁷. В памяти из ПП в РП от 29 ноября 1631 г. по запросу из РП от 22 сентября 1631 г.,

представленному в ПП 25 сентября, был вымаран из списка кормовых толмачей ПП с пометой «умре»¹⁹⁸.

Афанасьев Степан, толмач ПП¹⁹⁹. 18 июля 1614 г. забрал с КД в ПП хребты белы²⁰⁰. С 23 июля 1614 г. по вторую половину июля 1615 г. — в посольской миссии в Иран к шаху и к посольству М.Н. Тиханова (23 октября 1614 г. — середина января — переговоры в Иране)²⁰¹. Осенью 1614 г. имел оклад денежный в 20 руб., поместный в 400 чети²⁰². В делах ПП упоминается в 1622 г.²⁰³

Байбирин (Байберин) **Кирилл** (Кирило), толмач ПП²⁰⁴. 15 января 1617 г. забрал с КД в ПП ткани на жалованье гонцу в Любеч к митрополиту Филарету черниговцу Филиппу Голикову и на посылаемую грамоту²⁰⁵. В 125-м (1616/17) г. вместе со служилым татаринном Иваном Енбулатовым ездили в Крым в гонцах²⁰⁶. В 131-м (1622/23) г. ездил в Крым гонцом²⁰⁷.

Бабубек (Бабек, Бобек, Балбек) **Тимофей**, татарский толмач ПП²⁰⁸. 31 декабря 1614 г. получил вместе с литовскими жожами на КД портище сукна голубого (по 14 алт. 5 ден. арш.) «за Крымскую службу, что будучи они в Крыме з государевыми послы со князем Григорьем Костянтиновичем да з дьяком с Петром Овдокимовым, идучи в Крым и назат ис Крыму всякую нужу терпели»²⁰⁹. В 123-м (1614/15) г. он получил жалованье за крымскую службу в посольстве кн. Г.К. Волконского 122-го (1613/14) г. со станичным головой Деликеем Девлеткозиным²¹⁰. 10 января 1616 г. получил на КД по памяти от 31 декабря портище сукна настрафила лазеревого (24 алт. 2 ден.), дараги червчатые (2,25 руб.) «за крымскую службу»²¹¹. С 23 мая 1616 по 1617 г. — в миссии посланника Федора Исаковича Леонтьева и Богдана Тимофеева и подьячего Ивана Федосеева вместе с переводчиком Семеном Андреевым и товарищами Семеном Герасимовым и Степаном Микифоровым и с 6 сокольничьими чинами (ноябрь/декабрь 1616 г. — март/апрель 1617 г. — переговоры с шахом)²¹².

Болдырев (Болдырь) **Федор Иванов сын**, татарский толмач ПП²¹³. В августе 1614 г. ездил из Астрахани от Ивана Заруцкого и Марины Мнишек в миссии посланников Ивана Хохлова и Якова Гладкова и подьячего Богдана Накрачеева в Иран, откуда под конвоем были отправлены в Москву с посольством М.Н. Тиханова и А. Бухарова, по прибытии в Терский городок 17 марта 1615 г. целовали крест царю и во 2-й пол. июня 1615 г. вместе с посольством Тиханова прибыли в Москву²¹⁴. В 124-м (1615/16) и 125-м (1616/17) гг. с товарищами Иваном Есиповым и Айдаром Ганюковым как толмачи ездили на Дон на переговоры с князем Барангазыем и ногайскими мурзами Казыева улуса²¹⁵. 9 октября 1616 г. получил на КД портище сукна настрафила лазеревого (2 руб. 3 алт. 4,5 ден.) «за ногай-

скую службу»²¹⁶. С июня 1618 г. по 22 (29) октября 1620 г. — в посольстве боярина кн. Михаила Петровича Барятинского, думного дворянина Ивана Ивановича Чичерина и думного дьяка Михаила Акинфовича Тюхина вместе с переводчиком Милютой Нагаевым, толмачами Иваном Сергеевым, Гаврилой и Иваном Есиповыми и Софоном Огарковым и 10 сокольничьими чинами в Иран (переговоры — с 4 ноября 1618 по 24 июня 1619 г., в т.ч. был на аудиенции дьяка М. Тюхина у шаха 6 (5) ноября 1618 г.)²¹⁷.

Булгаков Бессон (Безсон), толмач ПП²¹⁸. 25 апреля 1620 г. забрал с КД в ПП аршин тафты виницейки червчатой, «аобертывать в той тафте грамоты, что послать к Юргенскому Арап-хану да в Олтыну, царю»²¹⁹.

Вилимов Вилим, «немецкий» толмач, потом — переводчик ПП²²⁰. 30 сентября 1617 г. как толмач (английский?) получил на КД 4 арш. сукна английского багрового (по 30 алт. арш.), 4 арш. тафты виницейки зеленой (по 23 алт. 2 ден. арш.) «для аглинские службы»²²¹. 9 ноября 1617 г. забрал с КД в ПП пол арш. тафты виницейки червчатой — «а послано та тафта, в чом дати перед государем государева грамота аглинскому гонцу Рыцарю Свифту»²²². 24 октября 1619 г. как немецкий толмач получил на КД по памяти от 22 октября дараги червчатые (2 руб. 20 алт.), портище сукна английского багрового (по 30 алт. арш.) «за аглинскую службу»²²³. 13 ноября 1619 г. как немецкий толмач получил на КД портище сукна английского темно-синего (по 23 алт. 2 ден. арш.), 5 арш. тафты празеленой (по 23 алт. 2 ден. арш.) за службу, что он был посылан с Курдюком Кафтыревым в Свею²²⁴. 8 декабря 1621 г. как немецкий переводчик получил на КД 8 арш. камки адамашки лазоревой (по 23 алт. 2 ден. арш.), 4 арш. сукна английского темно-синего (по 26 алт. 4 ден. арш.) «за службу, что он был для толмачества и переводу на межеванье меж Ноугородцкого и Корелского уезда»²²⁵. В июне (?) 1622 г. переводчики подали коллективную челобитную о даче им 2-й половины их окладов; по принятому 12 июля 1622 г. решению об удовлетворении челобитья в окладной росписи его доклад как немецкого переводчика составлял 21 руб.²²⁶ По приказной выписке и по росписи 1624 г. (составлена по приказу от 23 мая, на основании челобитья о 2-й половине годового жалованья, указ о выдаче жалованья — 13 июля) как «немецкий» переводчик написан с денежным окладом в 21 руб.²²⁷ В памяти из ПП в РП от 31 октября 1630 г. написан в списке 19 чел. — «татарские и немецкие и польские и греческие переводчики, которые емлют государево жалованье поденной корм»²²⁸. В памяти из ПП в РП от 29 ноября 1631 г. по запросу из РП от 22 сентября 1631 г., представленному в ПП

25 сентября, написан в списке 20 чел. — «татарские и немецкие и польские и греческие переводчики, которые емлют государево жалованье поденной корм»²²⁹. В 1632 г. как «немецкого языку переводчик» имел в ПП оклад в 250 чети, 21 руб. и по гривне на день поденного корма²³⁰. 25 апреля 1634 г. во время московского пожара сгорел его двор в числе дворов 7 немецких переводчиков ПП, и по указу от 22 ноября 1634 г. на основании коллективной челобитной ему (по окладу в 21 руб.) дано из Большого дворца 10 руб. «на дворовое строенье»²³¹. По коллективному челобитью переводчиков и толмачей ПП января 1639 г. о даче 1-й половины годового жалования он как «немецкий» переводчик написан с окладом в 21 руб.²³² Упоминается в делах ПП 1649 г.²³³

Врадичев, см.: Драгичев.

Герасимов (Гарасимов) **Семен**, татарский толмач ПП²³⁴. С ноября 1613 по вторую пол. июня 1615 г. — в миссии посланника Михаила Никитича Тиханова и подьячего Алексея Бухарова в Иран вместе с товарищами Семеном Лежневым и Иваном Есиповым (4 октября — 29 декабря 1614 г. — переговоры с шахом)²³⁵. 28 октября 1615 г. вместе с товарищами Иваном Есиповым и Семеном Лежневым как татарский толмач ПП получил на КД портище сукна настрафила лазоревого (1 руб. 26 алт)²³⁶. С 23 мая 1616 по 1617 г. — в миссии посланника Федора Исаковича Леонтьева и Богдана Тимофеева и подьячего Ивана Федосеева вместе с переводчиком Семеном Андреевым и товарищами Степаном Микифоровым и Тимофеем Баубековым и 6 сокольничьими чинами (ноябрь/декабрь 1616 г. — март/апрель 1617 г. — переговоры с шахом)²³⁷.

Григорьев Ермола (Ермолка), толмач татарский (ПП или терский?). 30 июня 1616 г. вместе с Григорием Шахматовым получил на КД портище сукна настрафила червчатого (по 21 алт. 4 ден.) «за кизылбаскую службу»²³⁸.

Драгичев (Врадичев, Дорогичев, Драгачевский) **Иван** (Иванис), толмач ПП²³⁹. 15 августа 1615 г. забрал с КД в ПП поминки для английского королевского дворянина Ульяна Бичюры²⁴⁰.

Есипов Гаврила Матвеев сын, толмач (татарский?) ПП²⁴¹. 15 июля 1614 г. забрал с КД в ПП тафту желтую²⁴². Осенью 1614 г. имел оклад денежный в 18 руб., поместный в 300 чети²⁴³. По памяти от 16 января 1617 г. он вместе с новокрещеном Иваном Алибековым «для нагайские службы» получил в Приказе Большого дворца свой оклад (18 руб.) и 2-й — в качестве «подмоги»: «сказана им государева служба в Нагаи в Казыев улус» — в качестве гонцов: «для своего государева дела в Нагаи в Казыев улус ко князю и к мурзам з грамоты»²⁴⁴. 7 октября 1617 г. вместе со служилым татаринном Ива-

ном Исиналеевым получил на КД портище сукна настрафила червчатого (2,5 руб.), 8 арш. камки адамашки двоеличной, шелк зеленый и рудо-желтый (по 23 алт. 2 ден. арш.) «за нагайскую службу»²⁴⁵. С июня 1618 г. по 22 (29) октября 1620 г. — в посольстве боярина кн. Михаила Петровича Барятинского, думного дворянина Ивана Ивановича Чичерина и думного дьяка Михаила Акинфова Тюхина вместе с переводчиком Милутой Нагаевым, толмачами Иваном Сергеевым, Иваном Большим Есиповым, Федором Ивановым и Софоном Огарковым и 10 сокольничьими чинами в Иран (переговоры — с 4 ноября 1618 по 24 июня 1619 г., в т.ч. был на аудиенции дьяка М.Тюхина у шаха 6 (5) ноября 1618 г.)²⁴⁶. 16 октября 1621 г. как толмач вместе с братом Иваном получил на КД 4 арш. тафты двоеличной, шелк червчатый и зеленый (по 23 алт. 2 ден. арш.), портище сукна настрафила лазоревого (2,5 руб.) «за кизилбаскую службу»²⁴⁷. 4 июня 1622 г. забрал с КД в ПП камку адамашку желтую для дачи палатному мастеру²⁴⁸. 23 августа 1622 г. забрал с КД в ПП сорок соболей (40 руб.) для послов ст. кн. Василия Ахамашукова Черкасского и Степана Проестева²⁴⁹. Во 1-й пол. декабря 1626 г. толмачи ПП подали коллективную челобитную о досрочной даче 1-й половины годового жалованья, по каковому челобитью, по выписи от 10 декабря и росписи толмачей к даче жалованья он возглавляет список с окладом в 26 руб.²⁵⁰ В 7140-м (1631/32) г. он наряжен на службу с воеводой Иваном Биркиным и своими товарищами Астафием Анисимовым и Иваном Алексеевым, для каковой службы ему выдан годовой оклад (29 руб.) на покупку лошадей и запасов: «посланы они с Ываном Биркиным к нагайским татаром на Воронеж для толмачества татарского языку и быть им с ним до указа»²⁵¹. В памяти из ПП в РП от 29 ноября 1631 г. по запросу из РП от 22 сентября 1631 г., представленному в ПП 25 сентября, написан в списке 4 поместных толмачей «розных языков»²⁵². В марте 1632 г. в числе переводчиков и толмачей ПП подавал коллективное челобитье о выдаче 2-й половины годового жалованья, каковое по выписке и было удовлетворено царским указанием от 27 марта — оклад Семена Андреева написан в 40 руб.²⁵³

Есипов Большой Иван Семенов сын, татарский толмач ПП²⁵⁴. С ноября 1613 по втор. пол. июня 1615 г. — в миссии посланника Михаила Никитича Тиханова и подьячего Алексея Бухарова в Иран вместе с товарищами Семеном Герасимовым и Семеном Лежневым (4 октября — 29 декабря 1614 г. — переговоры с шахом)²⁵⁵. Осенью 1614 г. имел оклад денежный в 15 руб., кормовой по 15 чети ржи и овса²⁵⁶. 28 октября 1615 г. вместе с товарищами Семеном Герасимовым и Семеном Лежневым как татарский толмач ПП получил

на КД портище сукна настрафиля лазоревого (1 руб. 26 алт)²⁵⁷. В 124-м (1615/16) и 125-м (1616/17) гг. с товарищами Федором Ивановым и Айдаром Ганюковым как толмачи ездили на Дон на переговоры с князем Барангазыем и ногайскими мурзами Казыева улуса²⁵⁸. В 126-м (1617/18) г. как толмач в Твери конфисковывал и распродал конфискованное имущество Остафия Пересеки-Собакина²⁵⁹. С июня 1618 г. по 22 (29) октября 1620 г. — в посольстве боярина кн. Михаила Петровича Барятинского, думного дворянина Ивана Ивановича Чичерина и думного дьяка Михаила Акинфовича Тюхина вместе с переводчиком Милутой Нагаевым, толмачами Иваном Сергеевым, Гаврилой Есиповым, Федором Ивановым и Софоном Огарковым и 10 сокольничьими чинами в Иран (переговоры — с 4 ноября 1618 по 24 июня 1619 г., в т.ч. был на аудиенции дьяка М. Тюхина у шаха 6 (5) ноября 1618 г.)²⁶⁰. 16 октября 1621 г. как толмач вместе с братом Гаврилой (двоюродный?) получил на КД 4 арш. тафты двоеличной, шелк червчатый и зеленый (по 23 алт. 2 ден. арш.), портище сукна настрафиля лазоревого (2,5 руб.) «за кизилбаскую службу»²⁶¹. 30 сентября 1623 г. получил на КД, по памяти от 26 сентября, портище сукна настрафиля лазоревого (2 руб.) и 5 руб. за камку — «за крымскую службу»²⁶². В 1-й пол. декабря 1626 г. толмачи ПП подали коллективную челобитную о досрочной даче 1-й половины годового жалованья, по каковому челобитью, по выписи от 10 декабря и росписи толмачей к даче жалованья он записан с окладом в 25 руб.²⁶³

Иванов Федор, см.: Болдырев.

Кучумов (Кучюмов) **Матяк** (Матвей, Мочак, Мочай) **Акимов**, толмач ПП²⁶⁴. 29 июля 1617 г. забрал с КД в ПП соболей в жалованье для кафинского и азовского «князей», посылаемое с гонцами Девлекеем Девлеткозиным и Сюнчалеем Беляевым²⁶⁵. 9 мая 1621 г. забрал с КД в ПП аршин камки адамашки зеленой и пол аршина тафты виницейки червчатой на посольские грамоты²⁶⁶. По коллективной челобитной толмачей, поданной в приказе в мае 1622 г. о даче им 2-й половины годовых окладов, в докладной выписке по результатам предыдущей дачи от 31 декабря 1621 г. его оклад по списку татарских толмачей написан в 13 руб.²⁶⁷ 24 июня 1622 г. приказные дьяки приговорили добавить толмачам 2-ю половину годовых окладов «для бедности», ему — 6,5 руб.²⁶⁸ Во 1-й пол. декабря 1626 г. толмачи ПП подали коллективную челобитную о досрочной даче 1-й половины годового жалованья, по каковому челобитью, по выписи от 10 декабря и росписи толмачей к даче жалованья он записан с окладом в 13 руб.²⁶⁹ В начале октября 1630 г. при посылке в Ногаи Ивана Кондырева и Сергея Мат-

веева с 3 татарскими толмачами, кормовое жалование на жену посылаемого Якова Елагина указано было получать ему²⁷⁰. В памяти из ПП в РП от 31 октября 1630 г. переводчик Мочак Кучюмов написан в списке 37 кормовых толмачей²⁷¹. В памяти из ПП в РП от 29 ноября 1631 г. по запросу из РП от 22 сентября 1631 г., представленному в ПП 25 сентября, написан в списке в списке 45 кормовых толмачей с пометой «на розмене»²⁷². В марте 1632 г. в числе переводчиков и толмачей ПП подавал коллективное челобитье о выдаче 2-й половины годового жалования, каковое по выписке и было удовлетворено царским указанием от 27 марта — оклад Семена Андреева написан в 40 руб.²⁷³ По коллективному челобитью переводчиков и толмачей ПП января 1639 г. о даче 1-й половины годового жалования он как толмач написан с окладом в 15 руб., да на 147-й (1638/39) г. дано ему треть оклада (5 руб.) «для волуйские посылки»²⁷⁴ Упоминается в делах ПП 1668 г.²⁷⁵

Лежнев Семен, толмач татарский (и турецкий?) ПП²⁷⁶. В 7121-м (1612/13) г. (вероятно, в сентябре — октябре 1613 г.) «взят в Посолской приказ турской толмач Семсен Лежнев» с окладом в 13 руб. и по 15 чети ржи и овса²⁷⁷. С ноября 1613 по вторую пол. июня 1615 г. — в миссии посланника Михаила Никитича Тиханова и подьячего Алексея Бухарова в Иран вместе с товарищами Семеном Герасимовым и Иваном Есиповым (4 октября — 29 декабря 1614 г. — переговоры с шахом)²⁷⁸. 28 октября 1615 г. как татарский толмач вместе с товарищами Иваном Есиповым и Семеном Герасимовым получил на КД портище сукна настрафиля лазоревого (1 руб. 26 алт)²⁷⁹. 14 февраля 1620 г. вместе с 2 станичными служилыми татарами и новокрещеном ПП во главе со станичным головой Девлекеем Девлеткозиным получил на КД 4 арш. тафты виницейки двоеличной (по 23 алт. 2 ден. арш.), портище сукна настрафиля лазоревого (2,5 руб.) «за царегородцкую службу»²⁸⁰. 19 августа 1621 г. как татарский толмач получил на КД портище сукна настрафиля лазоревого (2,5 руб.) «за то — пригнал он к государю с отписками от межевальных послов с свейского межеванья, что межевое дело совершилось»²⁸¹. В 1622 г. ездил к Большим Ногаям с посланником Иваном Кондыревым, для чего получил 4 руб. из второй половины годового оклада, который на май 1622 г. составлял 23 руб.²⁸² 24 июня 1622 г. приказные дьяки приговорили добавить толмачам 2-ю половину годовых окладов «для бедности», ему — 7,5 руб.²⁸³ 10 декабря 1623 г. трое донских казаков Семен Старков, Михаил Полянский и Томило Долгово получили на отпуске на КД лазоревые настрафильные сукна «за то — приехали они к государю к Москве с толмачи с Се-

меном Лежневым да с Никоном Наумовым»²⁸⁴. 30 апреля 1624 г. получил на КД портище сукна английского вишневого (по 30 алт. арш.) и 4 арш. тафты двоеличной (по 23 алт. 2 ден. арш.) «за приезд, что он приехал от посланников от Ывана Кондырева да от Тихона Бормосова полем с отписками»²⁸⁵. По приказной выписке и по росписи 1624 г. (составлена по приказу от 23 мая, на основании челобитья о 2-й половине годового жалованья, указ о выдаче жалованья — 13 июля) указано дать в счет другой половины 16,5 руб., поскольку при получении 1-й — ему не выплачена придача в 5 руб.²⁸⁶

Лехтов Иван, см.: Рехторов.

Лышов Иван, см.: Алышов.

Миляев Михаил, новокрещен, татарский толмач ПП. 29 октября 1615 г. как служилый новокрещен Посольского приказа вместе с татарским переводчиком Сюналеем Монанаевым и служилыми татарами Теребердеем Терегуловым и Енмаметем Коротаевым получил на КД 12 арш. тафты бурской рудо-желтой (по 5 алт. арш.), 4 арш. без чети сукна настрафила лазоревого (1 руб. 26 алт.) «за крымскую службу»²⁸⁷. 8 марта 1619 г. вместе с серпуховским новокрещеном по памяти от 27 февраля получил на КД 5 арш. сукна лятчины лазоревой (1 руб. 20 алт) «за язычной привод»²⁸⁸.

Назарий (Назарей), толмач ПП. 13 мая 1616 г. забрал с КД в ПП сорок соболей на жалованье английскому королевскому дворянину (из посольства Дж. Мерики?) Андрею Бедделю (Бевделю)²⁸⁹.

Рехторов (Рехтерев, Лехтов) **Иван**, толмач (английский?) ПП²⁹⁰. 16 ноября 1615 г. (И. Лехтов) забрал с КД в ПП поминки для члена свиты английского посла Джона Мерики (князя Ивана Ульянова) Томаса Вакфилта²⁹¹. 1 мая 1616 г. забрал с КД в ПП соболей в жалованье английскому королевскому дворянину (из посольства Дж. Мерики?) Андрею Бедделю (Бевделю)²⁹². 3 мая 1616 г. толмач Иван (он же?) забрал с КД в ПП сорок куниц «человеку» английского посла²⁹³. По коллективной челобитной толмачей, поданной в приказе в мае 1622 г. о даче им 2-й половины годовых окладов, в докладной выписке по результатам предыдущей дачи от 31 декабря 1621 г. его оклад как «немецкого» толмача написан в 20 руб.²⁹⁴ 22 января 1622 г. толмач И. Рехтерев забрал с КД в ПП 10 верш. камки червчатой к царским грамотам для дацкого гонца Вилима Фан-Дер-Гудена²⁹⁵. 24 июня 1622 г. приказные дьяки приговорили добавить толмачам 2-ю половину годовых окладов «для бедности», ему — 10 руб., и сам же он отнес память с росписью толмачей в Большой приход²⁹⁶. В 1-й пол. декабря 1626 г. толмачи ПП подали коллективную челобитную о досрочной даче 1-й половины годового жалованья, по каковому

челобитью, по выписи от 10 декабря и росписи толмачей к даче жалования он записан с окладом в 20 руб.²⁹⁷ По памяти от 27 января он вместе с переводчиком Еремеем Вестерманом отосланы в Иноземский приказ в сопровождении толмача Михаила Дедякина, на тот момент его оклад в ПП был 400 чети, 20 руб.²⁹⁸ 27 января 1629 г. как поместный иноземец толмач вместе с немецким переводчиком Еремеем Еремеевым переведен из ПП в Иноземский приказ с указом «служить им свою государеву службу служить с иноземцы вместе, и ведати их вперед в Иноземском приказе»²⁹⁹. В окладную книгу Иноземского приказа 139-го (1630/31) г. не внесен³⁰⁰. 31 августа 1631 г. в составе «урядчиков» (начальных людей и урядничьих чинов) солдатского полка полковника Александра Лесли как толмач вместе с товарищем Ульяном Ларионовым получил на КД дороги кашанские (4 руб.) и 4 арш. сукна английского багрового (по 23 алт. 2 ден. арш.) «для того, как государь смотрел августа в 1 день Александрова полку Лесли и подполковника и капитанов и иных урядчиков немец и солдат ратного ученья и стрелбы, как ведетца к бою, а смотрел под Симоновым на лугу»³⁰¹.

Семенов Федор, татарский толмач ПП. 14 февраля 1620 г. получил на КД портище сукна настрафила лазеревого (2,5 руб.) «за крымскую службу»³⁰².

Сур (Сура) Иван Никитин сын, татарский толмач³⁰³. 15 апреля 1622 г. как татарский толмач получил вместе с татарским переводчиком Резепом Устокасимовым, станичным служилым татаринном Зянгилдеем Исеневым и новокрещеном Григорием Бедеевым на КД 4 арш. без чети сукна кострыша темно-синего (по 25 алт. арш.) и дараги (дороги) вишневые (2 руб.) «для Царегородцкие посылки и для их бедности»³⁰⁴. 11 мая 1624 г. получил на КД портище сукна настрафила (2 руб.) «за службу, что посылан был во Царьград с посланники с Ываном Кондыревым да с подьячим с Тихоном Бормосовым»³⁰⁵. Во 1-й пол. декабря 1626 г. толмачи ПП подали коллективную челобитную о досрочной даче 1-й половины годового жалования, по каковому челобитью, по выписи от 10 декабря и росписи толмачей к даче жалования он записан с окладом в 16 руб.³⁰⁶

Тырин Федор, толмач ПП³⁰⁷. 11 февраля 1620 г. забрал с КД в ПП одежду, пожалованную 2 крымским языкам, которых привезли в Москву запорожские черкасы³⁰⁸. Упоминается в 1622 г.³⁰⁹ По коллективной челобитной толмачей, поданной в приказе в мае 1622 г. о даче им 2-й половины годовых окладов, в докладной выписке по результатам предыдущей дачи от 31 декабря 1621 г. его оклад как «немецкого» толмача написан в 13 руб.³¹⁰ 24 июня 1622 г. приказные дьяки приговорили добавить толмачам 2-ю половину годовых

окладов «для бедности», ему — 6,5 руб.³¹¹ По приказной выписке и по росписи 1624 г. (составлена по приказу от 23 мая, на основании челобитья о 2-й половине годового жалованья, указ о выдаче жалованья — 13 июля) написан с окладом в 13 руб.³¹²

НЕСЛУЖИЛЫЕ ПЕРЕВОДЧИКИ И ТОЛМАЧИ, ПРИВЛЕКАВШИЕСЯ К ДИПЛОМАТИЧЕСКИМ СЛУЖБАМ ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА

Ефимов Ефим, московский «немчин», служил толмачем в посольстве посланника Ивана Баклановского в Швецию, Данию и Голландию³¹³. 17 марта 1619 г. получил на КД 5 арш. тафты виницейки двоевличной, шелк червчатый и лазоревый (по 23 алт. 2 ден.), 4 арш. сукна английского темно-синего (по 1 руб. арш.) «за службу, что он был посылан для Г дела в Дацкую и в Галанскую и в Недерлянскую землю з государевым посланником с Ываном Боклановским для толмачества»³¹⁴.

Келдерман Андрей (Ондрей), московский торговый «немец», служил переводчиком и толмачем в посольстве посла Степана Волынского и дьяка Марка Поздеева в Англию³¹⁵. 7 января 1617 г. как московский торговый немчин привез из Голландии 30 писем вестовых в ПП от Исаака Авраама Массы³¹⁶. 17 марта 1619 г. вместе с товарищем Еремеем Пантелеевым получил на КД 5 арш. тафты виницейки двоевличной, шелк червчатый и лазоревый (по 23 алт. 2 ден.), 4 арш. сукна английского темно-синего (по 1 руб. арш.) «за службу, что они были посыланы для Государева дела в Аглинскую землю с послы с Степаном Волоньским да з дьяком с Марком Поздеевым для переводу и толмачества»³¹⁷. Как торговый иноземец упоминается в 1622 г.³¹⁸

Пантелеев Еремей, московский торговый «немец», служил переводчиком и толмачем в посольстве посла Степана Волынского и дьяка Марка Поздеева в Англию. 17 марта 1619 г. вместе с товарищем Андреем Келдерманом получил на КД 5 арш. тафты виницейки двоевличной, шелк червчатый и лазоревый (по 23 алт. 2 ден.), 4 арш. сукна английского темно-синего (по 1 руб. арш.) «за службу, что они были посыланы для Государева дела в Аглинскую землю с послы с Степаном Волоньским да з дьяком с Марком Поздеевым для переводу и толмачества»³¹⁹. У него дети Григорий и Иван, наследовали дело отца³²⁰.

Шкля Андрей (Ондрей), московский торговый «немчин», служил переводчиком и толмачем в посольстве Лукьяна Мясного. 4 сентября 1617 г. получил на КД по памяти от 3 сентября 4 арш. сукна английского темно-зеленого (по 1 руб. арш.), 4 арш. тафты широкой голубой (по 23 алт. 2 ден. арш.) «за Цесарскую службу, что

был он послан для Государева дела з Государевым посланником с Лукьяном Мясным к цесарю для толмачества и переводов»³¹.

¹ Лисейцев Д.В. Посольский приказ в эпоху Смуты. — М., 2003. — С. 149—183.

² Лисейцев Д.В. Переводчик Посольского приказа Игнатий Андреевич Кучин (к вопросу о судьбе одного из «годуновских студентов») // Русский родословец. — 2002. — № 1 (2). — С. 4—8; *Его же*. Переводчик Посольского приказа Иван Фомин и источники по истории приказной системы Московского государства конца XVI — середины XVII века // Иноземцы в России в XV—XVII веках. — М., 2006. — С. 241—252.

³ Беляков А.В. Касимовские татары — станичники, толмачи и переводчики Посольского приказа XVII в. // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. — Рязань, 2001. — Т. 2. — С. 36—42.

⁴ Приходо-расходные книги Казенного приказа / по инициативе и на средства кн. Г.Д. Хилкова // РИБ. — СПб., 1884. — Т. 9 / отв. за том А.И. Тимофеев. — С. 1—381. (Далее: ПРККП); РГАДА. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 277. — Л. 1—355 об.; Кн. 278. — Л. 1—260; Кн. 279. — Л. 1—476 об.; Кн. 203. — Л. 1—517 об.; Кн. 204. — Л. 1—808 об.; Кн. 205. — Л. 1—500 об.; Кн. 206. — Л. 1—567 об.; Кн. 207. — Л. 1—170 об.

⁵ РГАДА. — Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служащих в нем. — Оп. 1. — 1630 г. — № 3. — Л. 1—13 об.; 1631 г. — № 4. — Л. 1—12.

⁶ Там же. — Ф. 210. Разрядный приказ. — Оп. 13. Столбцы Приказного стола. — № 7. — Л. 1—605.

⁷ Там же. — Оп. 6. Книги Московского стола. — Кн. 43. — Л. 1—770; Кн. 68. — Л. 148—588.

⁸ Толубай Бавкеев (№ 3), из станичников был пожалован в толмачи; Мустафа Семенов сын Тевкелев (№ 21), начинал как станичник, но к 1650/51 г. записан переводчиком татарского языка; Имраэль (Михаил) Семенов сын Кошаев (№ 14), мурза и переводчик татарского и турецкого языков, после крещения в 1658 г. был пожалован в дворяне московские; Семен Бибищев (№ 8), начинал как служилый татарин, потом служил в рейтарах, крестился и к 1662/63 г. был пожалован в толмачи; Федор Канаев (№ 13), служилый татарин — был пожалован в толмачи за крещение и полное терпение в 1666 г.: Беляков А.В. Касимовские татары... — С. 38—39.

⁹ Список сокращений: КД — Казенный двор; ПП — Посольский приказ; РП — Разрядный приказ; арш. — аршин; алт. — алтын; г. — год; ден. — деньга; руб. — рубль.

¹⁰ РГАДА. Ф. 138. Дела о Посольском приказе. Именной указатель. Л. 3 // URL: http://rgada.info/opisi/138-ukaz_1.pdf (дата обращения 22.08.2019). См. о нем еще: Лисейцев Д.В. Переводчик Посольского приказа Иван Фомин и источники по истории приказной системы Московского государства конца XVI — середины XVII века // Иноземцы в России в XV—XVII веках. — М., 2006. — С. 241—252; *Его же*. Посольский приказ в эпоху Смуты. — С. 357—358; Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М. Переводчики Посольского приказа в XVII в.: персональный состав (предварительные данные) // Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетия: материалы Междунар. науч. конф. / ред.: А.В. Беляков, А.Г. Гуськов, Д.В. Лисейцев, С.М. Шамин. — М., 2019. — С. 188.

¹¹ РГАДА. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 279. — Л. 468 об. — 469.

¹² Там же. Кн. 209. Л. 35 об.—36.

- ¹³ Там же. — Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служащих в нем. — Оп. 1. 1624 г. — № 1. — Л. 188.
- ¹⁴ Там же. — 1626 г. — № 2. — Л. 50, 52.
- ¹⁵ Там же. — 1624 г. — № 1. — Л. 70—71.
- ¹⁶ Там же. — 1630 г. — № 3. — Л. 7.
- ¹⁷ Там же. — 1631 г. — № 4. — Л. 4.
- ¹⁸ Там же. — 1632 г. — № 1. — Л. 1—6.
- ¹⁹ Там же. — 1635 г. — № 4. — Л. 9—12.
- ²⁰ Там же. — 1639 г. — № 1. — Л. 1—2.
- ²¹ Там же. Именной указатель. — Л. 3 // URL: http://rgada.info/opisi/138-ukaz_1.pdf (дата обращения 22.08.2019).
- ²² См. о нем также: *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. — С. 366; *Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики ... — С. 188. У него сын Иван (?), уп. как переводчик, пожалованный 31 июля 1634 г. за поездку гонцом в Голландию с царскими грамотами (*Забелин И.Е.* Дополнения к Дворцовым разрядам, по поручению графа Д.Н. Блудова собранная из книг и столбцов преждебывших Дворцовых приказов архива Оружейной палаты Ив. Забелиным. (1613—1634 гг.). — М., 1882. — Ч. 1 — Стб. 912. (Далее: ДДР)).
- ²³ РГАДА. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 279. — Л. 346—347.
- ²⁴ Там же. — Кн. 208. — Л. 84 об. — 85 об.
- ²⁵ Там же. — Л. 123 об.
- ²⁶ Опись архива Посольского приказа 1626 г. / подгот. В.И. Гальцов. — М., 1977. — С. 177.
- ²⁷ РГАДА. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 208-б. — Л. 68—69.
- ²⁸ Там же. — Кн. 209. — Л. 252 об. — 253 об. Частично опублик. в выписках Забелина: ДДР. — Ч. 1. — Стб. 369.
- ²⁹ ДДР. — Ч. 1. — Стб. 454—455.
- ³⁰ Там же. — Л. 70—72.
- ³¹ Там же. — Стб. 479—480.
- ³² РГАДА. — Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служащих в нем. — Оп. 1. 1630 г. — № 3. — Л. 7.
- ³³ Там же. — 1631 г. — № 4. — Л. 4.
- ³⁴ Там же. — 1632 г. — № 4. — Л. 3.
- ³⁵ ДДР. — Ч. 1. — Стб. 871—872.
- ³⁶ РГАДА. — Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служащих в нем. — Оп. 1. 1635 г. — № 4. — Л. 9—12.
- ³⁷ Там же. Ф. 138. Дела о Посольском приказе. Именной указатель. Л. 5 // URL: http://rgada.info/opisi/138-ukaz_1.pdf (дата обращения 22.08.2019).
- ³⁸ См. о нем также: *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. — С. 372; *Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики ... — С. 189.
- ³⁹ *Бушев П.П.* История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1613—1621 гг. (По русским архивам). — М., 1987. — С. 65—66; *Лисейцев Д.В.* Русско-персидские дипломатические контакты и «кавказский вопрос» в политике России в начале XVII века // *Россия XXI.* — 2000. — № 5. — С. 166—196.
- ⁴⁰ РГАДА. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 205. — Л. 45 об. — 46.
- ⁴¹ Там же. — Кн. 278. — Л. 185—185 об.
- ⁴² *Бушев П.П.* История посольств... в 1613—1621 гг. — С. 143—154; *Лисейцев Д.В.* Русско-персидские ... — С. 166—196.
- ⁴³ РГАДА. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 207. — Л. 32—32 об.

- ⁴⁴ Там же. — Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служащих в нем. — Оп. 1. 1630 г. — № 3. — Л. 8.
- ⁴⁵ Там же. — 1631 г. — № 4. — Л. 5.
- ⁴⁶ Там же. — 1632 г. — № 1. — Л. 1—6.
- ⁴⁷ Материалы о сибирско-татарских посольствах в Московское государство. I: Посольство царевича Девлет-Гирея 1639 г. // *Трепавлов В.В.* Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. — М., 2012. — С. 161, № 5; С. 187, № 25.
- ⁴⁸ РГАДА. — Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служащих в нем. — Оп. 1. 1639 г. — № 1. — Л. 1—2.
- ⁴⁹ См. о нем: *Замятин Г.А.* Россия и Швеция в начале XVII века: очерки политической и военной истории / сост. *Г.М. Коваленко*. — СПб., 2008. — С. 461—462; *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. — С. 368—369; *Скобелкин О.В.* Служилые иноземцы и деятельность Джона Меррика в России (1614—1617) // Изв. Уральского гос. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. — 2007. — Вып. 13, № 49. — С. 43—56; *Селин А.А.* Новгородские судьбы Смутного времени. — Вел. Новгород, 2009. — С. 103—106; *Małow A.W.* Los jednego człowieka czasów Smuty: Jakow Machajłowicz Boborykin // *Wschodni rocznik humanistyczny*. — Lublin, 2016. — Т. XIII. — S. 83—100; *Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики ... — С. 191.
- ⁵⁰ РГАДА. — Ф. 96. Сношения со Швецией. — Оп. 1. Столбцы 1616 г. — № 12. — Л. 11—12.
- ⁵¹ Там же. — Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служащих в нем. — Оп. 1. 1635 г. — № 4. — Л. 10.
- ⁵² Там же. — Ф. 396. — Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 278. — Л. 170 об. — 172.
- ⁵³ Там же. — Кн. 203. — Л. 461—461 об.
- ⁵⁴ Об этих саперах см.: *Скобелкин О.В.* Переходы западноевропейцев из войск Владислава на русскую сторону в 1618 году // Исторические записки: научные труды ист. фак-та. — Воронеж, 2000. — Вып. 5. — С. 17—26; *Его же.* Французы, которые помогли отстоять Кремль в 1618 году // Мининские чтения: тр. науч. конф. — Н. Новгород, 2006. — С. 119—123.
- ⁵⁵ РГАДА. — Ф. 210. Разрядный приказ. — Оп. 13. Столбцы Приказного стола. — Кн. 7. — Л. 299.
- ⁵⁶ Опись архива Посольского приказа 1626 года. — С. 175.
- ⁵⁷ РГАДА. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 207. — Л. 279 об. — 280.
- ⁵⁸ ДДР. — Ч. 1. — Стб. 551.
- ⁵⁹ Там же. — Стб. 599.
- ⁶⁰ РГАДА. — Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служащих в нем. — Оп. 1. 1630 г. — № 3. — Л. 8.
- ⁶¹ Там же. — 1631 г. — № 4. — Л. 5.
- ⁶² Там же. Именной указатель. Л. 17 // URL: http://rgada.info/opisi/138-ukaz_1.pdf (дата обращения 22.08.2019).
- ⁶³ См. о нем также: *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. — С. 360—362; *Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики... — С. 192.
- ⁶⁴ Опись архива Посольского приказа 1626 г. — С. 135.
- ⁶⁵ РГАДА. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 205. — Л. 332 об. — 333.
- ⁶⁶ Там же. — Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служащих в нем. — Оп. 1. 1622 г. — № 2. — Л. 14—18.
- ⁶⁷ Там же. — 1626 г. — № 2. — Л. 46.

- 68 Там же. — Л. 46—47.
- 69 Там же. — 1622 г. — № 2. — Л. 70—71.
- 70 Там же. — 1626 г. — № 2. — Л. 50, 52.
- 71 Там же. — Л. 52—57.
- 72 Там же. — Л. 58.
- 73 Там же. — Ф. 210. Разрядный приказ. — Оп. 6. Книги Московского стола. — Кн. 68. — Л. 351.
- 74 См. о нем также: *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. — С. 367—368; *Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики... — С. 193.
- 75 РГАДА. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 277. — Л. 207 об. — 208.
- 76 Там же. — Кн. 279. — Л. 3 об. — 4 об.
- 77 Там же. — Л. 406—406 об.
- 78 Там же. — Кн. 203. — Л. 461—461 об.
- 79 Там же. — Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служащих в нем. — Оп. 1. Столбцы 1622 г. — № 2. — Л. 14—18.
- 80 Там же. — 1624 г. — № 1. — Л. 189.
- 81 Там же. — 1630 г. — № 3. — Л. 8.
- 82 Там же. — 1631 г. — № 4. — Л. 5.
- 83 Там же. — 1635 г. — № 4. — Л. 9—12.
- 84 Там же. — 1639 г. — № 1. — Л. 1—2.
- 85 Там же. Именной указатель. Л. 23 // URL: http://rgada.info/opisi/138-ukaz_1.pdf (дата обращения 22.08.2019).
- 86 См. о нем также: *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. — С. 356—357; *Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики... — С. 195.
- 87 *Бушев П.П.* История посольств... в 1613—1621 гг. — С. 170—171; *Лисейцев Д.В.* Русско-персидские... — С. 166—196.
- 88 РГАДА. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 204. — Л. 162—163.
- 89 См. о нем также: *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. — С. 357.
- 90 РГАДА. — Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служащих в нем. — Оп. 1. Столбцы 1622 г. — № 2. — Л. 14—18.
- 91 Там же. — Оп. 1. 1624 г. — № 1. — Л. 188.
- 92 Там же. — Л. 70—71.
- 93 Там же. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. Кн. 38. Л. 1—467; Столбцы 1619 г. № 3. Л. 1—361.
- 94 Там же. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 204. — Л. 786—787.
- 95 См. о нем также: *Лисейцев Д.В.* Переводчик Посольского приказа Игнатий Андреевич Кучин: (к вопросу о судьбе одного из «годуновских студентов») // Русский родословец. — 2002. — № 1 (2). — С. 4—8; *Его же.* Посольский приказ в эпоху Смуты. — С. 369; *Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики... — С. 197.
- 96 РГАДА. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 204. — Л. 447 об. — 448.
- 97 Там же. — Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служащих в нем. — Оп. 1. 1622 г. — № 2. — Л. 16—17.
- 98 Там же. — Л. 14—18.
- 99 Там же. — 1624 г. — № 1. — Л. 35.
- 100 Там же. — Л. 36—37.
- 101 Там же. — Л. 70—71.
- 102 Там же. — 1630 г. — № 3. — Л. 7.
- 103 Там же. — 1631 г. — № 4. — Л. 4.

- ¹⁰⁴ Там же. Ф. 138. Дела о Посольском приказе. Именной указатель. Л. 54 // URL: http://rgada.info/opisi/138-ukaz_1.pdf (дата обращения 22.08.2019).
- ¹⁰⁵ См. о нем также: *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. — С. 365—366; *Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики... — С. 197.
- ¹⁰⁶ РГАДА. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 277. — Л. 214 об. — 215.
- ¹⁰⁷ Там же. — Ф. 210. Разрядный приказ. — Оп. 6. Книги Московского стола. — Кн. 68. — Л. 281 об.
- ¹⁰⁸ Там же. — Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служащих в нем. — Оп. 1. 1632 г. — № 4. — Л. 1—2.
- ¹⁰⁹ Там же. — Ф. 210. Разрядный приказ. — Оп. 6. Книги Московского стола. — Кн. 43. — Л. 1—770.
- ¹¹⁰ См. о нем также: *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. — С. 363—364; *Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики... — С. 199.
- ¹¹¹ РГАДА. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 277. — Л. 82—82 об.
- ¹¹² См. о нем также: *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. — С. 365; *Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики... — С. 198.
- ¹¹³ РГАДА. — Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служащих в нем. — Оп. 1. Столбцы 1613 г. — № 1. — Л. 18—20.
- ¹¹⁴ Там же. — 1635 г. — № 4. — Л. 10.
- ¹¹⁵ Там же. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 203. — Л. 137—137 об.
- ¹¹⁶ Там же. — Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служащих в нем. — Оп. 1. Столбцы 1624 г. — № 1. — Л. 1.
- ¹¹⁷ О нем подробнее см.: *Малов А.В.* Выходцы из Речи Посполитой на службе царя Михаила Федоровича на завершающем этапе Смуты. 1613—1619 гг. // Смуты в России и Потоп в Речи Посполитой: опыт преодоления государственного кризиса в XVII столетии: материалы Российско-польской научной конференции, Москва, 24—26 октября 2012 г. / отв. ред. *А.В. Юрасов*, ред. *А.В. Малов*, пер. с пол. яз. *А.Б. Плотников*. — М., 2016. — С. 213—247.
- ¹¹⁸ РГАДА. — Ф. 210. Разрядный приказ. — Оп. 13. Столбцы Приказного стола. — Кн. 7. — Л. 213.
- ¹¹⁹ Там же. — Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служащих в нем. — Оп. 1. Столбцы 1622 г. — № 2. — Л. 14—18.
- ¹²⁰ Там же. — Оп. 1. 1624 г. — № 1. — Л. 188.
- ¹²¹ Там же. — Л. 1.
- ¹²² Там же. — Л. 70—71.
- ¹²³ Там же. — Оп. 1. 1630 г. — № 3. — Л. 8.
- ¹²⁴ Там же. — 1631 г. — № 4. — Л. 2—12.
- ¹²⁵ Там же. Именной указатель. Л. 66 // URL: http://rgada.info/opisi/138-ukaz_1.pdf (дата обращения 22.08.2019).
- ¹²⁶ См. о нем также: *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. — С. 370; *Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики... — С. 198.
- ¹²⁷ РГАДА. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 278. — Л. 48—48 об.
- ¹²⁸ *Бушев П.П.* История посольств... в 1613—1621 гг. — С. 140; *Лисейцев Д.В.* Русско-персидские... — С. 166—196.
- ¹²⁹ РГАДА. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 204. — Л. 205—205 об.
- ¹³⁰ Там же. — Кн. 204. — Л. 308 об.
- ¹³¹ Там же. — Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служащих в нем. — Оп. 1. 1622 г. — № 2. — Л. 16.

- ¹³² Там же. — Л. 14—18.
- ¹³³ Там же. Ф. 138. Дела о Посольском приказе. Именной указатель. — Л. 66 // URL: http://rgada.info/opisi/138-ukaz_1.pdf (дата обращения 22.08.2019).
- ¹³⁴ Там же. — Оп. 1. 1624 г. — № 1. — Л. 70—71.
- ¹³⁵ См. о нем также: *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. — С. 370; *Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики... — С. 199.
- ¹³⁶ РГАДА. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 203. — Л. 92—92 об.
- ¹³⁷ *Бушев П.П.* История посольств... в 1613—1621 гг. — С. 176—240; *Лисейцев Д.В.* Русско-персидские... — С. 166—196.
- ¹³⁸ См. о нем также: *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. — С. 366; *Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики... — С. 199.
- ¹³⁹ РГАДА. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 278. — Л. 24—24 об.
- ¹⁴⁰ См. о нем также: *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. — С. 362—363; *Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики... — С. 199.
- ¹⁴¹ РГАДА. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 279. — Л. 346—347.
- ¹⁴² Там же. — Л. 396—396 об.
- ¹⁴³ Там же. — Кн. 204. — Л. 647—647 об.
- ¹⁴⁴ Там же. — Кн. 208. — Л. 190 об. — 191.
- ¹⁴⁵ Там же. — Кн. 209. — Л. 35 об.—36.
- ¹⁴⁶ РГАДА. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 209. — Л. 252 об. — 253 об. Частично опубл.: ДДР. — Ч. 1. — Стб. 369.
- ¹⁴⁷ РГАДА. — Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служащих в нем. — Оп. 1. 1624 г. — № 1. — Л. 188.
- ¹⁴⁸ Там же. — 1626 г. — № 2. — Л. 46—47.
- ¹⁴⁹ Там же. — Л. 70—71.
- ¹⁵⁰ Там же. — 1630 г. — № 3. — Л. 8.
- ¹⁵¹ Там же. — 1631 г. — № 4. — Л. 5.
- ¹⁵² Там же. — 1635 г. — № 4. — Л. 9—12.
- ¹⁵³ Там же. Ф. 138. Дела о Посольском приказе. Именной указатель. Л. 75 // URL: http://rgada.info/opisi/138-ukaz_1.pdf (дата обращения 22.08.2019).
- ¹⁵⁴ См. о нем также: *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. — С. 366—367; *Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики... — С. 199.
- ¹⁵⁵ РГАДА. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 279. — Л. 318 об.
- ¹⁵⁶ Там же. — Л. 318 об. — 319.
- ¹⁵⁷ Там же. — Л. 346—347.
- ¹⁵⁸ Там же. — Л. 426.
- ¹⁵⁹ Там же. — Кн. 207. — Л. 110—110 об.
- ¹⁶⁰ Там же. — Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служащих в нем. — Оп. 1. Столбцы 1622 г. — № 2. — Л. 14—18.
- ¹⁶¹ Там же. — 1635 г. — № 4. — Л. 10.
- ¹⁶² Там же. Ф. 138. Дела о Посольском приказе. Именной указатель. Л. 77 // URL: http://rgada.info/opisi/138-ukaz_1.pdf (дата обращения 22.08.2019).
- ¹⁶³ См. о нем также: *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. — С. 360.
- ¹⁶⁴ РГАДА. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 279. — Л. 318 об. — 319.
- ¹⁶⁵ Там же. — Л. 346—347.
- ¹⁶⁶ См. о нем также: *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. — С. 372—373; *Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики... — С. 203.
- ¹⁶⁷ РГАДА. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 206. — Л. 549—549 об.

- 168 Там же. — Кн. 207. — Л. 350—351.
- 169 Там же. — Л. 373 об.
- 170 Там же. — Кн. 209. — Л. 440-440 об.
- 171 Там же. — Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служащих в нем. — Оп. 1. 1624 г. — № 1. — Л. 188.
- 172 См. о нем также: *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. — С. 364; *Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики... — С. 199.
- 173 РГАДА. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 203. — Л. 429—430. Частично опубл. в выписках Забелина: ДДР. — Ч. 1. — Стб. 131—132.
- 174 *Якубов К.И.* Россия и Швеция в первой половине XVII века: сб. материалов, извлеч. из Моск. гл. арх. М-ва ин. дел и Швед. гос. арх. и касающихся истории взаим. отношений России и Швеции в 1616—1651 г. — М., 1897. — С. 71—72.
- 175 РГАДА. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 204. — Л. 467—467 об. Частично опубл. в выписках Забелина: ДДР. — Ч. 1. — Стб. 158.
- 176 РГАДА. — Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служащих в нем. — Оп. 1. Столбцы 1622 г. — № 2. — Л. 14—18.
- 177 Там же. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 209. — Л. 252 об. — 253 об. Частично опубл.: ДДР. — Ч. 1. — Стб. 369.
- 178 РГАДА. — Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служащих в нем. — Оп. 1. 1624 г. — № 1. — Л. 187—188, 191.
- 179 Там же. — 1630 г. — № 3. — Л. 7.
- 180 Там же. — 1631 г. — № 4. — Л. 4.
- 181 ДДР. — Ч. 1. — Стб. 723—724.
- 182 РГАДА. — Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служащих в нем. — Оп. 1. 1632 г. — № 1. — Л. 1—6.
- 183 Там же. — 1632 г. — № 4. — Л. 3.
- 184 РГАДА. Ф. 138. Дела о Посольском приказе. Именной указатель. Л. 69 // URL: http://rgada.info/opisi/138-ukaz_1.pdf (дата обращения 22.08.2019).
- 185 См. о нем также: *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. — С. 384.
- 186 РГАДА. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 205. — Л. 147—147 об.
- 187 Там же. — Кн. 206. — Л. 18 об. — 19.
- 188 РГАДА. — Ф. 138. Дела о Посольском приказе. — 1633 г. — № 5. — Л. 185; Там же. Именной указатель. Л. 4 // URL: http://rgada.info/opisi/138-ukaz_1.pdf (дата обращения 22.08.2019).
- 189 По данным Лисейцева, — толмач: *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. — С. 385.
- 190 РГАДА. — Ф. 79. Сношения России с Польшей. — Оп. 1. — Кн. 38. — Л. 89—89 об.
- 191 Там же. — Л. 144 об., 145 об., 148 об.
- 192 РГАДА. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 205. — Л. 191 об. — 192.
- 193 Описание архива Посольского приказа 1626 г. — С. 408.
- 194 РГАДА. — Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служащих в нем. — Оп. 1. Столбцы 1622 г. — № 2. — Л. 1—2, 4—12.
- 195 Там же. — 1624 г. — № 1. — Л. 187—188, 191.
- 196 Там же. — Оп. 1. 1624 г. — № 1. — Л. 2—5.
- 197 Там же. — 1630 г. — № 3. — Л. 9.
- 198 Там же. — 1631 г. — № 4. — Л. 5.
- 199 См. о нем также: *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. — С. 380.
- 200 ПРККП. — С. 381.
- 201 *Бушев П.П.* История посольств... в 1613—1621 гг. — С. 60, 69—88; *Лисейцев Д.В.* Русско-персидские... — С. 166—196.

- ²⁰² РГАДА. — Ф. 138. Дела о Посольском приказе. — Оп. 1. 1613 г. — № 1. — Л. 73—74.
- ²⁰³ Там же. Именной указатель. Л. 7 // URL: http://rgada.info/opisi/138-ukaz_1.pdf (дата обращения 22.08.2019).
- ²⁰⁴ По данным Лисейцева — служилый татарин ПП: *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. — С. 392.
- ²⁰⁵ РГАДА. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 279. — Л. 133 об. — 134.
- ²⁰⁶ Описание архива Посольского приказа 1626 г. — С. 279.
- ²⁰⁷ Там же. — С. 280.
- ²⁰⁸ См. о нем также: *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. — С. 380.
- ²⁰⁹ РГАДА. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 277. — Л. 122—123.
- ²¹⁰ Там же. — Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служащих в нем. — Оп. 1. 1613 г. — № 1. — Л. 35—39.
- ²¹¹ Там же. — Кн. 278. — Л. 101 об. — 102.
- ²¹² *Бушев П.П.* История посольств... в 1613—1621 гг. — С. 142—154.
- ²¹³ См. о нем также: *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. — С. 382—383.
- ²¹⁴ *Бушев П.П.* История посольств... в 1613—1621 гг. — С. 48—50, 52—53, 58—62, 65, 68—69, 79—80, 85, 87—88; *Лисейцев Д.В.* Русско-персидские... — С. 166—196.
- ²¹⁵ Описание архива Посольского приказа 1626 г. — С. 273.
- ²¹⁶ РГАДА. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 279. — Л. 41 об. — 42.
- ²¹⁷ *Бушев П.П.* История посольств... в 1613—1621 гг. — С. 176—240; *Лисейцев Д.В.* Русско-персидские... — С. 166—196.
- ²¹⁸ См. о нем также: *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. — С. 384—385.
- ²¹⁹ РГАДА. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 205. — Л. 346 об. — 347.
- ²²⁰ См. о нем также: *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. — С. 368; *Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики... — С. 192.
- ²²¹ РГАДА. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 203. — Л. 37—37 об.
- ²²² Там же. — Л. 76 об.
- ²²³ Там же. — Кн. 204. — Л. 90 об. — 91.
- ²²⁴ Там же. — Кн. 205. — Л. 46 об.
- ²²⁵ Там же. — Кн. 207. — Л. 130.
- ²²⁶ Там же. — Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служащих в нем. — Оп. 1. Столбцы 1622 г. — № 2. — Л. 14—18.
- ²²⁷ Там же. — Оп. 1. 1624 г. — № 1. — Л. 189.
- ²²⁸ Там же. — 1630 г. — № 3. — Л. 7.
- ²²⁹ Там же. — 1631 г. — № 4. — Л. 4.
- ²³⁰ Там же. — 1632 г. — № 4. — Л. 3.
- ²³¹ Там же. — 1635 г. — № 4. — Л. 9—12.
- ²³² Там же. — 1639 г. — № 1. — Л. 1—2, 5.
- ²³³ Там же. Именной указатель. Л. 20 // URL: http://rgada.info/opisi/138-ukaz_1.pdf (дата обращения 22.08.2019).
- ²³⁴ См. о нем также: *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. — С. 377—378.
- ²³⁵ *Бушев П.П.* История посольств... в 1613—1621 гг. — С. 41—69, 88; *Лисейцев Д.В.* Русско-персидские... — С. 166—196.
- ²³⁶ РГАДА. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 278. — Л. 46—46 об.

- ²³⁷ Бушев П.П. История посольств... в 1613—1621 гг. — С. 142—154; Лисейцев Д.В. Русско-персидские... — С. 166—196.
- ²³⁸ РГАДА. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 278. — Л. 224—224 об.
- ²³⁹ См. о нем также: Лисейцев Д.В. Посольский приказ в эпоху Смуты. — С. 375.
- ²⁴⁰ РГАДА. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 277. — Л. 330 об.
- ²⁴¹ См. о нем также: Лисейцев Д.В. Посольский приказ в эпоху Смуты. — С. 376—377.
- ²⁴² ПРККП. — С. 348.
- ²⁴³ РГАДА. — Ф. 138. Дела о Посольском приказе. — Оп. 1. 1613 г. — № 1. — Л. 73—74.
- ²⁴⁴ Там же. — Л. 96—97.
- ²⁴⁵ Там же. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 203. — Л. 43 об. — 44.
- ²⁴⁶ Бушев П.П. История посольств... в 1613—1621 гг. — С. 176—240; Лисейцев Д.В. Русско-персидские... — С. 166—196.
- ²⁴⁷ РГАДА. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 207. — Л. 79 об.
- ²⁴⁸ Там же. — Л. 419 об.
- ²⁴⁹ Там же. — Л. 512 об. — 513.
- ²⁵⁰ Там же. — Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служащих в нем. — Оп. 1. 1624 г. — № 1. — Л. 73—74.
- ²⁵¹ Там же. — 1633 г. — № 5. — Л. 183—187.
- ²⁵² Там же. — Оп. 1. 1631 г. — № 4. — Л. 5.
- ²⁵³ Там же. — 1632 г. № 1. — Л. 1—6.
- ²⁵⁴ См. о нем также: Лисейцев Д.В. Посольский приказ в эпоху Смуты. — С. 377.
- ²⁵⁵ Бушев П.П. История посольств... в 1613—1621 гг. — С. 41—69, 88.
- ²⁵⁶ РГАДА. — Ф. 138. Дела о Посольском приказе. — Оп. 1. 1613 г. — № 1. — Л. 72.
- ²⁵⁷ Там же. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 278. — Л. 46—46 об.
- ²⁵⁸ Опись архива Посольского приказа 1626 г. — С. 273.
- ²⁵⁹ Там же. — С. 323.
- ²⁶⁰ Бушев П.П. История посольств... в 1613—1621 гг. — С. 176—240; Лисейцев Д.В. Русско-персидские... — С. 166—196.
- ²⁶¹ РГАДА. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 207. — Л. 79 об.
- ²⁶² Там же. — Кн. 209. — Л. 46 об.
- ²⁶³ Там же. — Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служащих в нем. — Оп. 1. 1624 г. — № 1. — Л. 73—74.
- ²⁶⁴ См. о нем также: Лисейцев Д.В. Посольский приказ в эпоху Смуты. — С. 383—384.
- ²⁶⁵ РГАДА. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 279. — Л. 431—431 об.
- ²⁶⁶ Там же. — Кн. 206. — Л. 429.
- ²⁶⁷ Там же. — Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служащих в нем. — Оп. 1. 1622 г. — № 2. — Л. 1—3.
- ²⁶⁸ Там же. — Л. 10—12.
- ²⁶⁹ Там же. — 1624 г. — № 1. — Л. 73—75.
- ²⁷⁰ Там же. — 1633 г. — № 5. — Л. 183—183 об.
- ²⁷¹ Там же. — 1630 г. — № 3. — Л. 10.
- ²⁷² Там же. — 1631 г. — № 4. — Л. 6.
- ²⁷³ Там же. — 1632 г. — № 1. — Л. 1—6.
- ²⁷⁴ Там же. — 1639 г. — № 1. — Л. 1—3.
- ²⁷⁵ Там же. Именной указатель. Л. 54 // URL: http://rgada.info/opisi/138-ukaz_1.pdf (дата обращения 22.08.2019).
- ²⁷⁶ См. о нем также: Лисейцев Д.В. Посольский приказ в эпоху Смуты. — С. 379.

- 277 РГАДА. — Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служащих в нем. — Оп. 1. 1613 г. — № 1. — Л. 72.
- 278 *Бушев П.П.* История посольств... в 1613—1621 гг. — С. 41—69, 88; *Лисейцев Д.В.* Русско-персидские... — С. 166—196.
- 279 РГАДА. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 278. — Л. 46—46 об.
- 280 Там же. — Кн. 205. — Л. 197 об. — 198 об.
- 281 Там же. — Кн. 206. — Л. 555 об. — 556.
- 282 Там же. — Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служащих в нем. — Оп. 1. 1622 г. — № 2. — Л. 1—3.
- 283 Там же. — Л. 10—12.
- 284 Там же. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 209. — Л. 137—137 об.
- 285 Там же. — Л. 417—417 об.
- 286 Там же. — 1624 г. — № 1. — Л. 187—188, 190.
- 287 Там же. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 278. — Л. 48—48 об.
- 288 Там же. — Кн. 204. — Л. 429 об. — 430.
- 289 Там же. — Кн. 278. — Л. 200 об. — 201.
- 290 См. о нем также: *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. — С. 374—375.
- 291 РГАДА. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 278. — Л. 64 об. — 65.
- 292 Там же. — Л. 190.
- 293 Там же. — Л. 195.
- 294 Там же. — Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служащих в нем. — Оп. 1. Столбцы 1622 г. — № 2. — Л. 1—3.
- 295 Там же. — Кн. 207. Л. 194 об. — 195.
- 296 Там же. — Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служащих в нем. — Оп. 1. Столбцы 1622 г. — № 2. — Л. 10—12.
- 297 Там же. — Ф. 138. — Оп. 1. 1624 г. — № 1. — Л. 73—74.
- 298 Там же. — Л. 58.
- 299 Там же. — Ф. 210. Разрядный приказ. — Оп. 6. Книги Московского стола. — Кн. 68. — Л. 351.
- 300 Там же. — Кн. 43. — Л. 1—770.
- 301 Там же. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 286. — Л. 402 об.—406 об. Частично опубл.: ДДР. — Ч. 1. — Стб. 697—700.
- 302 РГАДА. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 205. — Л. 198 об.
- 303 О его предшествующей судьбе см.: *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. — С. 380—381.
- 304 РГАДА. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 207. — Л. 350—351.
- 305 Там же. — Кн. 209. — Л. 431 об.—432.
- 306 Там же. — Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служащих в нем. — Оп. 1. 1624 г. — № 1. — Л. 73—74.
- 307 См. о нем также: *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. — С. 382.
- 308 РГАДА. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 205. — Л. 190—191.
- 309 Там же. Ф. 138. Дела о Посольском приказе. Именной указатель. Л. 100 // URL: http://rgada.info/opisi/138-ukaz_1.pdf (дата обращения 22.08.2019).
- 310 Там же. — Оп. 1. Столбцы 1622 г. — № 2. — Л. 1—3.
- 311 Там же. — Л. 10—12.
- 312 Там же. — 1624 г. — № 1. — Л. 187—188, 192.
- 313 *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. — С. 173.

- ³¹⁴ РГАДА. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 204. — Л. 474 об. — 475.
- ³¹⁵ *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. — С. 182.
- ³¹⁶ Опись архива Посольского приказа 1626 г. — С. 199—200.
- ³¹⁷ РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 204. Л. 475—475 об.
- ³¹⁸ Там же. Ф. 138. Дела о Посольском приказе. Именной указатель. Л. 43 // URL: http://rgada.info/opisi/138-ukaz_1.pdf (дата обращения 22.08.2019).
- ³¹⁹ Там же. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 204. — Л. 475—475 об.
- ³²⁰ Там же. Ф. 138. Дела о Посольском приказе. Именной указатель. Л. 75 // URL: http://rgada.info/opisi/138-ukaz_1.pdf (дата обращения 22.08.2019).
- ³²¹ Там же. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 203. — Л. 8—8 об.

А.В. Малов, Г.А. Тарасова

ВОПРОС О ВЫДЕЛЕНИИ ПОСОЛЬСКИХ РАСХОДОВ В ОТДЕЛЬНЫЙ ВИД КНИГ КАЗЕННОГО ДВОРА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЦАРСТВОВАНИЯ МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА

Аннотация: *Статья посвящена проблеме выделения расходных посольских книг Казенного двора в отдельный вид материально-финансовой учетно-отчетной приказной документации в период превращения Казенного двора в Казенный приказ. Источниковой основой исследования стали расходные книги Казенного двора за 1613—1620-е годы. В статье разобран состав расходных посольских книг Казенного приказа, большую часть которых составляли описание изготовленных Казенным двором подарков (поминков) правящей в Крымском ханстве династии Гиреев и жалование крымской политической элите. Авторы обосновали выделение этого вида документов под влиянием русско-крымских отношений, в первую очередь, безуспешных попыток заключения антипольского русско-крымского союза. К статье прилагаются систематизация сохранившихся приходо-расходных книг Казенного двора (приказа) за 1-ю пол. XVII в., подокументное описание первых 4-х расходных книг Казенного двора, Выписка из дел Крымского двора Посольского приказа о приезжавших в Москву из Крыма послов и гонцов от ханов Джанибек-Гирея и Магомет-Гирея, а также текст расходной посольской книги Казенного двора 7127-го (1618/19) г.*

Ключевые слова: *Смутное время; Казенный двор; Расходные книги; Посольский приказ; русско-крымские отношения; крымско-польские отношения*

A.V. Malov, G.A. Tarasowa

The question of separating diplomatic expenses in specific type of the Treasury yard (Kazyenny dvor) at the first period of tsar Michael Feodorovich of Russia ruling

Abstract: *The article is devoted to question of separation the account diplomacy books of the Treasury Yard in specific type of financial accounting office documents in the period of transforming the Treasury Yard in the Treasury Chancellery (Kazyenny Prikaz). The main sources of the study were account books of Treasury Chancellery over period 1613—1620. In the article we have analyzed the structure of account diplomacy books of the Treasury Yard, the main part of which is the description of gifts (pominki), which were made at the Treasury Yard for Crimean ruling house of Giray and for Crimean political establishment. We have substantiated that this type of documents was separated primarily under the influence unsuccessful efforts to make anti-polish alliance with Crimea. We have attached to the article a systematic list of remaining account books of the Treasury Yard (Chancellery) over the first half of 17th century, a description of each document as a part of the first four account*

books of the Treasury Yard, an extract from Crimean affairs of the Ambassadorial Chancellery about ambassadors and runners from khans Canibec-Giray and Mehmed-Giray to Moscow, and the text of account diplomacy book of the Treasury Yard over 7127 (since the World began, or 1618/19 a.c.).

Keywords: *The Time of Troubles in Russia (Smuta); The Treasury Court (Kazyenny Dvor); Account books; The Ambassadorial Chancellery (Posolsky Prikaz); Russian-Crimean relations; Polish-Crimean relations*

О значении приходо-расходных книг Казенного двора (с 1620-х годов — приказа, далее — КД/П) в целом, особенно до московского пожара 1626 г., о степени и характере введения их в научный оборот и публикации уже неоднократно писалось одним из авторов настоящей работы, что дает нам основание не останавливаться здесь на этих вопросах, отослав читателя к предыдущим публикациям А.В. Малова¹. Это позволяет нам сразу перейти к тем вопросам, которые пока не освещались ни в отечественной историографии вообще, ни в источниковедении московского делопроизводства XVII в., ни исследователями и публикаторами посольской документации Московского царства. Настоящее исследование посвящено расходным посольским книгам (далее — РПК) КД/П, а именно — проблеме выделения этих книг в отдельный вид материально-финансовой учетно-отчетной приказной документации в период превращения Казенного двора в Казенный приказ.

Для исследователей истории отношений России XVII в. с иностранными государствами РПК КД/П до сих пор оставались в тени посольских книг и столбцов Посольского приказа². Однако именно РПК КД/П дают систематический сводный материал по финансово-экономическому обеспечению международных связей России в этом столетии, каковая информация в дипломатическом ведомстве либо рассеяна и сохранилась фрагментарно, либо вовсе отсутствует.

Уже в посольских книгах XVI в. мы встречаем указания, что детализация информации по крымским, в частности, «поминкам» и «жалованью»³ находится не в Посольском приказе, а на Казенном дворе: «а поминком письмо — на Казенном дворе», «а письмо поминком — на Казенном дворе», «а у стола пожаловал государь крымских послов и гонцов шубами, а письмо тому — на Казенном дворе», «а письмо шубам — на Казенном дворе», «а что поминков, — и тому письму на Казенном дворе у казначея»⁴.

Более того, информацию и документы с росписями поминок и жалованья: кому, что и сколько давать — с XVI в. аккумулировала именно Казна — Казенный двор, а не Посольский приказ. Наряду с документацией, которую готовил для отправлявшихся за рубеж

дипломатов Посольский приказ, КД/П готовил для них «казенные списки» («поминочные списки»), в которых четко расписывалось: кому, что и сколько должны выдать дипломаты материально-финансовых ценностей в виде даров или жалования, и сколько остается у дипломатов в резерве:

«царицам и царевичем поминки, и князем, и мурзам твоё, государёво, жалованье роздавали **по казенному списку** Лука Новосилцов да Никифор Васильев. А которые царевичи или царевны, или княжие дети в каковы лета — то бы на том же списку метили... А которые царевичи или царевны, или княжие дети в каковы лета — и то, государь, преж сего писано к тебе, к государю, **в поминочных списках**» (выделено. — Авт.)⁵.

Однако за XVI столетие и за основной период Смуты до 1613 г. не сохранилось ни казенных списков, ни приходо-расходных книг КД/П, от всего архива КД/П сохранились считанные единицы документов, что несомненно связано с событиями Смутного времени, включая пожар 1611 г. Но источники пока не позволяют дать однозначный ответ: в какой степени приходо-расходные книги КД/П восходят к традиционным формам делопроизводства Казенного двора XVI в. или же являются «новинами» следующего столетия, позаимствованными из практики древнейших приказов с более устойчивым делопроизводством. С одной стороны, описи царской казны XVII в.⁶ в полной мере продолжали традиции предыдущего столетия⁷, но с другой, дошедшая до нас от конца XVI в. книга расхода полотна на царский обиход⁸ не находит аналогов в делопроизводстве века XVII. А в посольской документации XVI в. упоминаются лишь «списки» и «росписи», что указывает на столбцовую форму делопроизводства.

Казенный двор возглавлял казначей, которым после освобождения Москвы и казни «вора Федыки Андронова» был Никифор Васильевич Траханиотов. Однако вопросы делопроизводственных форм лежали в компетенции старых приказных дьяков, из которых в интересующий нас период с 1613—1614 гг. по 1625 г. деятельностью КД/П руководили дьяки Ждан (Фрол) Михайлович Шипов (с 11 июля 1613 г. по 1622/23 г. (по другим данным — до 1625 г.)) и Булгак (Лазарь, в иночестве — Илларион) Евтифьевич Милованов (с 1 сентября 1614 г. по 20 августа 1631 г.), сменившие на дворе дьяков М. Булгакова и М. Коробейникова (служили еще при казначеях Афанасии Ивановиче Власеве и Федоре Андронове)⁹. Ждан Шипов еще участвовал в организации церемонии венчания на царство Михаила Федоровича и принадлежал к числу доверенных лиц государыни великой старицы инокини Марфы Ивановны, а в 1621 г. ездил

в послах с кн. А.М. Львовым в Данию, а с созданием Приказа Большой казны возглавил его делопроизводство¹⁰. Ждан Шипов и Булгак Милованов и были теми людьми, решением которых и были впервые выделены в отдельный вид документа РПК КД/П — кому из них принадлежала инициатива, мы никогда не узнаем, но решение это, совершенно очевидно, было поддержано вторым дьяком и утверждено казначеем.

Начиная с 7122-го (1613/14) г. до нас дошел в целом полный корпус приходо-расходных книг КД/П из 4 книг: 2 расходных, 1 приходной и 1 приходо-расходной — на протяжении нескольких лет мы можем наблюдать возрастание как общего листажа приходо-расходных книг КД/П, так и номенклатуры книг (см. Приложение 1). Всего за XVII в. сохранилось 22 РПК КД/П за период со 124-го (1615/16) по 171-й (1662/63) г.¹¹, не считая чернового дубликата книги 153-го (1654/55) г.¹² Изучение состава других расходных книг Казенного двора (приказа) дает основание полагать сохранность всех или, по крайней мере, большей части РПК КД/П. Выделение РПК (как и любых других расходных книг КД/П) в отдельный вид связано с нарастанием объема вносимой в книги соответствующей тематической информации. Из 22-х названных книг на 1-ю половину столетия приходится 14: за 7124-й (1615/16), 7126-й (1617/18), 7127-й (1618/19), 7128-й (1619/20), 7132-й (1623/24), 7133-й (1624/25), 7134-й (1625/26), 7136-й (1627/28), 7139-й (1630/31), 7144-й (1635/36), 7149-й (1640/41), 7152-й (1653/54), 7153-й (1644/45) и 7157-й (1648/49) гг., объем которых колеблется от 60 до 600 листов¹³. Внутренняя опись хронологически первых четырех РПК 7124-го (1615/16), 7126-го (1617/18), 7127-го (1618/19) и 7128-го (1619/20) гг. (см. Приложение 2), а также текст самой маленькой из них (см. Приложение 4) дают исчерпывающее представление о структуре, составе и характере записей РПК КД/П. Этот вид книг аккумулировал записи расходов на дары-поминки иностранным правителям и пожалования их дипломатов и политически значимых представителей иностранных элит. Все пожалования российских дипломатов учитывались вместе с пожалованиями не иностранцев, а других «русских» служилых людей, включая выезжих иноземцев.

Приложения 4 и 2 наглядно показывают, что большую часть объема первых четырех РПК составляют записи расходов на дипломатические отношения с Крымским ханством¹⁴, по сравнению с которыми все прочие расходы вместе взятые не составят и половины. Поскольку до конца 1619 г. хроника дипломатических контактов России с Крымом в целом присутствует в работе Лисейцева, представление о дальнейших дипломатических контактах позволяет со-

ставить Выписка Посольского приказа из столбцов Крымского стола (см.: Приложение 3). Сам документ по всей видимости появился во избежание путаницы приказными людьми Посольского приказа по итогам очередной крымской смуты и двойного правления хана Джанибек-Гирея II (1610—1623, 1627—1635), разорванного правлением Мухаммед-Гирея (Магмет-Гирея) III (1623—1627)¹⁵. Возвращение Джанибек-Гирея на крымский престол (или ковер) было во всех подробностях описано русскими дипломатами, ставшими свидетелями и заложниками, а отчасти и участниками этих событий очередной крымской смуты¹⁶.

С большим отрывом, как от крымской «казны», с одной стороны, так и от посольских даров прочим правителям и представителям политических элит Запада и Востока, с другой, но все же на втором месте по масштабу и объему материально-финансового обеспечения идут дипломатические контакты с ногаями Большой и Малой Ногайских орд, что нельзя не связать со стараниями России вернуть под свой контроль Большую Ногайскую орду¹⁷. Уместно говорить о типологической идентичности царского жалования, посылаемого в Крым и в Ногаи, принципиально отличающегося от поминков и жалования прочим суверенам. Значение этих трат московских царей несомненно понимала и крымская элита, весьма откровенно высказывавшаяся против антилитовского союза с Москвой. Так, 8 июля 1567 г. московский амият карачи-бек Сулеш б. Магметша передал эти настроения двора хана Девлет-Гирея I русскому послу в Крыму Афанасию Федоровичу Нагому:

«В думе ж деи у царя было слово то от царевичив, и князей, и мурзы, и ото всее земли, — что со государем вашим миритись не велят, — что взял два юрта бусурманских, да он же деи взял Немцы. И ныне деи тебе поминки дает, а хотя короля извоевати. И как деи он короля извоюет, и нашему деи юрту от него не пробыти. А казанцом деи он шубы давал, и вы деи тем шубам не радуйтесь — после деи того и Казань взял.»¹⁸.

Тем не менее даже жалованье ногайским биям и мурзам не создало бы из посольских расходов особый вид расходных книг КД/П, почему необходимо внимательнее взглянуть на русско-крымские отношения этих лет, а именно, в первый период правления хана Джанибек-Гирея.

Уже в расходной книге товаров и вещей на царский обиход 7122-го (1613/14)¹⁹ и расходной книге товаров на жалованье разных чинов людям 7123-го (1614/15) г.²⁰ пожалования крымских дипломатов и крымские поминки для ханской семьи и жалованье для крымской элиты занимают самую масштабную часть дипломатических

расходов, чтобы в следующем году составить особый вид документа. В этот период Россия и Крым оказались естественными союзниками в условиях растущей мощи угрожавшей обоим государствам Речи Посполитой²¹. Но союз на государственном уровне конечно же не исключает мелких самовольных набегов отдельных татарских мурз со своими отрядами в условиях рухнувшей системы обороны юга России. Несколько преувеличивая масштаб татарских набегов, Новосельский все же признал трансформацию крымской политики от конфронтации к союзу с Россией и минимизацию участия крымских татар в набегах на российскую «украину». Б.Н. Флоря развил и еще более усилил масштаб крымской набеговой активности в отношении России, заявив о ее «апогее» в 1611—1613 гг., и даже отметив «недалновидность» в этом смысле крымской политики²², что в целом не вполне соответствует действительности, поскольку в набегах на Россию в эти годы основную силу составляли большие и малые ногаи.

Временное ослабление стоящей за Крымским ханством Османской империи в результате неудачных войн с Сефевидским Ираном²³ провоцировало волевого короля Сигизмунда III и укрепившуюся магнатию Речи Посполитой к экспансии не только на Восток — на Русь и на Север — в Прибалтику, но и в южном направлении, в первую очередь, в вассальные Османам дунайские княжества Молдавии и Валахии²⁴. В боях за Молдавию с турками и татарами уязвили и гибли зачастую те представители польско-литовской элиты, которые были активными участниками как «гибридной войны» против России в обличе «дмитриад», так и открытой войны 1609—1618 гг. Ярким примером чего стала судьба поддержавшего еще первого Самозванца магната Михала Вишневецкого, который силами своей личной армии атаковал Путивль и выжег его уезд, а в 1614 г. Сигизмунд III даровал ему все земли, которые он сможет завоевать на востоке²⁵. Вероятно ни один из соседей Речи Посполитой с конца XVI по начало XVII в. кроме двух империй — Османской и Габсбургов — не устоял бы перед концентрированным натиском сил Речи Посполитой, если бы ее политически активный класс поддержал быстро расцветшие в Западной Европе идеи абсолютизма. Но как в поговорке про рога бодливой коровы, здесь-то и сказались как специфика государственного устройства Речи Посполитой с ограничением власти слабого короля и не позволяющей ему усилиться сильной аристократией, так и ментальность ее политически активного класса во главе с тем же королем, переоценивавшего собственные силы и недооценивавшего силы противников.

Нельзя не согласиться с А.В. Виноградовым, что уже к 1612 г. антипольский вектор крымской политики уже вполне определился как

нарастанием военной конфронтации Речи Посполитой с Османской империей, так и контактами с Москвой²⁶. Это позволило и Дариушу Колодзейчику писать о политике Крыма и Стамбула как факторах стабильности в регионе, стремившихся к сохранению «баланса сил» между Россией и Речью Посполитой²⁷. И хотя за 1609—1611 гг. Хорном учтен лишь единственный крупный наезд на Речь Посполитую, но уже с февраля 1612 г. начинается череда крымских набегов²⁸. А Волынь подвергалась татарским набегам и в ноябре 1608, в апреле-мае 1610, в 1611, в феврале и августе 1612, в сентябре и ноябре 1613, в 1614 etc.²⁹

И А.А. Новосельский и Б.Н. Флоря, акцентируя внимание на потерях России от масштабных выплат крымской элите и от сравнительно мелких набегов, осуществленных преимущественно ногами, игнорируют довольно мощное военное давление Крымской орды на Речь Посполитую, в чем была крайне заинтересована обескровленная Смутой Россия накануне решающей схватки с главным геополитическим противником. Это давление татарских набегов зачастую оказывало более реальную и более оперативную помощь Москве в противостоянии польско-литовской угрозе, чем наметившееся сближение с Османской империей на основе противостояния возросшей мощи Речи Посполитой, в общем абсолютно справедливо указанное Б.Н. Флорей³⁰. Так, в сентябре 1615 г. во время успешного вторжения в коронные земли крымской орды во главе с ханом «царь перекопский» послал королю победную реляцию, где, в пересказе Збигнева Оссолиньского, хвастал, что его 100-тысячное победоносное войско взяло в королевских землях ясыря по 7 человек на каждую саблю³¹. При всей фантастичности декларируемой ханом численности своих сил первостепенное значение здесь имеют не только констатация масштаба вторжения, но и успех крымской PR-акции в сознании польской элиты.

В июле 1616 г. будущий великий посол Речи Посполитой в Турции в 1622—1624 гг. Кшиштоф Збаражский в письме Адаму Сендзивиоу Чернковскому, передавая вести из Молдавии от «победителя турок и татар под Тыхинею» еще не разбитого и не плененного турками князя Самуэля Корецкого, уповал на Бога, чтобы Турция не заключила мира с Персией и не ответила бы всей своей мощью на авантюры польских магнатов в Молдавии и набегу казаков на Черном море в условиях начавшегося польского наступления на Россию³². В 1726-м (1617/18) и в 1728-м (1619/20) гг. при отправке в Крым поминков и жалования возглавлявшему в начале 1617 г. успешное масштабное вторжение на польскую «украину» (kresy wschodni) калге Девлет-Гирею посылались дополнительное жалование отдельной

статьей: «за Литовской поход, что он ходил в прошлом во 125-м году зимою на Литву, и Литовскую землю воевал»³³. В 1617 г. в начале похода на Москву гетман С. Жолкевский на несколько месяцев задержал войско королевича на Украине из-за угрозы татарского вторжения и начала войны с Турцией, а с дороги уже в ВКЛ по той же причине королевич был вынужден отослать часть своих сил в распоряжение великого гетмана Коронного³⁴. После ухода королевича попытался вторгнуться в Молдавию, но преградивший ему во главе турецко-татарских войск путь Искандер-паша вынудил его подписать 23 сентября 1617 г. Бушевский мирный договор³⁵. В Инфлянтской кампании 1617 г. первоначальные успехи шведов оказались сведены на нет армией литовского гетмана Кшиштофа Миколая Радзивилла — военные действия прервала лишь зима. Густав Адольф запросил Сигизмунда III о мире и получил его в 1618 г. ради продолжения Московской экспедиции королевича³⁶. Зато еще летом 1618 г. к отражению татарского вторжения на Украину польскому командованию и администрации приходилось привлекать ополченческие повятовые хоругви³⁷. А в разгар боев под Москвой в сентябре 1618 г. турецко-татарские войска нанесли поражение коронной армии С. Жолкевского под Орыниным³⁸. Поэтому если под Москвой армия королевича питала надежды на помощь инфлянтских войск Радзивилла, то на помощь со стороны коронной армии рассчитывать не приходилось. Анджей Глива учел татарские вторжения на Перемышльскую землю в 1-й половине столетия с 1618 по 1629 г.³⁹

Подписание Деулинского перемирия 11 (1) декабря 1618 г.⁴⁰ обе стороны восприняли как вынужденную и краткую паузу в войне⁴¹. И если политический кризис начала 1620-х годов не прекратил действие срываемого обеими сторонами перемирия, то одними из главных причин этого со стороны России авторы статьи полагают результаты разбора служилых «городов» 1621—1622 гг.⁴², показавшие правительству масштаб разорения и людских потерь за годы Смуты городовых дворян и детей боярских, как основы полевой армии Российского государства, по крайней мере со 2-й половины XVI в. В известном смысле следствием этого стало первое валовое письмо середины — 2-й половины 1620-х годов, подтвердившее крайнее разорение и местами катастрофическую убыль населения страны за годы Смуты.

Речь же Посполитая так и не решилась на возобновление войны, ввиду начинавшейся войны Турецкой и возобновления войны Шведской. Поэтому совершенно нелепо звучат обвинения Посольского приказа и правительства в «утрате позиций» в Иране и в Закавказье⁴³, чего ради Россия не могла себе позволить рисковать поч-

ти созническими отношениями с Османской империей. Невольно зачастую в интересах России действовали дипломатии и Римской курии, и Империи Габсбургов⁴⁴, и даже Испанского королевства⁴⁵, которые в условиях начавшейся Тридцатилетней войны в Европе прилагали все возможные усилия, чтобы мобилизовать военную мощь Речи Посполитой на помощь единоверцам в религиозной войне в центре Европы⁴⁶. Предпринимались попытки также «связать руки» Густаву Адольфу польской войной на востоке Балтики. В обоих случаях война с Россией была бы несомненной помехой планам опытных политиков этих держав.

Однако ситуация с возобновлением «войны московской» «висела на волоске», в частности французская дипломатия прилагала обратные усилия для скорейшего завершения польско-шведского конфликта и вовлечения шведских сил в «Германскую войну». По счастью для российского правительства наступательный пыл польской элиты вновь направил ее силы в дунайские княжества: в 1620 г. гетман С. Жолкевский повел коронную армию в свой последний поход к Цецоре⁴⁷. После завершения тяжелой для обеих сторон Хотинской войны (1620—1621)⁴⁸ янычары свергли и убили воинственного и деятельного султана Османа, посадив на его место безвольного и слабоумного Мустафу I, что практически аннулировало Хотинской договор 1621 г.⁴⁹ Не смотря на слабоумие нового султана, перемиренная грамота выданная польскому послу Кшиштофу Збаражскому, весьма мало устраивала польскую сторону (сноска: Благодарим проф. Д. Колодзейчика, обратившего наше внимание на этот факт: *Kołodziejczyk D. Ottoman-Polish Diplomatic Relations (15th—18th Century). An Annotated Edition of 'Ahdnames and Other Documents.* — Leiden; Boston; Köln, 2000. — P. 388—401). Лишь после его смещения и возведения на престол Мурада IV Кшиштофу Збаражскому в 1623 г.⁵⁰ удалось подписать новое перемирие с новым правительством, но как показал Д. Колодзейчик его условия не сильно отличались от перемирной грамоты Мустафы⁵¹. В дальнейшем внутренние смуты и войны с Ираном вынудили Османское правительство воздерживаться от вмешательства как в первую общеевропейскую войну, так и в польские дела, отдав это направление «на откуп» Крымскому ханству по крайней мере до прихода к власти династии визирей Кёпрюлю и Кандийской войны⁵².

Подписание перемирия с Османами и янычарская смута, казалось, «развязывали руки» Сигизмунду III, однако его упорное нежелание отказаться от претензий на шведский престол имело своим следствием возобновление войны в Польских Инфлянтах: уже в середине марта 1621 г. шведский король Густав Адольф предупредил ревельского наместника Якоба Понтуса Делагарди (Де ла Гарди) об

открытии военных действий в течение 3 месяцев. 4 августа 1621 г. шведская армия высадилась в устье Западной Двины и осадила Ригу, которая капитулировала 25 сентября⁵³. Польско-шведское перемирие под Митавой 1622 г. оставило в руках шведов Ригу и отложило войну до 1625 г.

В сочетании международных обстоятельств с внутренней финансово-политической ситуацией в Речи Посполитой, с одной стороны, а также событий внутренней крымской Смуты⁵⁴, с другой, следует рассматривать и усилия Москвы по установлению союзных отношений с Крымом, как правило выражавшиеся в стимулировании вторжений и набегов на Речь Посполитую. Эти традиционные для обеих противостоящих держав дипломатические практики как русско-крымских, так и польско-крымских отношений в деятельности Посольского приказа маркируются выделением или невыделением РПК КД/П из более общих расходных книг КД/П. Не случайно в Канцелярии Великого княжества Литовского, через которую традиционно шли сношения с Россией уже объединенной Речи Посполитой, международные дела по отношениям с «Москвой», Турцией, казаками и татарами в XVII в. вносились в единые книги Метрики Литовской.

Еще одним аспектом отправления в Крым повышенных поминков и жалования стало восстановление в 1620-е годы системы обороны южной «украины» России. Важнейшими действиями в этом направлении являлось восстановление погибших в Смуту уездных «украинных», «польских» и заочских городов, монастырей и иных укреплений⁵⁵. После окончания Смуты при восстановлении государственной власти и хозяйственной жизни одновременно возрождались и дальнейшая промыслово-земледельческая колонизация Дикого поля с неизбежным возведением новых городов и острожков, двигавшихся на юг вслед за налогоплательщиками. Богатые поминки и жалованье призвано было снизить градус отрицательной реакции на эти процессы в среде крымской элиты⁵⁶.

Как одному из авторов удалось проследить на материалах дипломатической переписки Ивана Грозного с крымской элитой, наиболее масштабные вложения в отношения с Крымским ханством Россией делались не в период побед (1572) или поражений (1571), а в то время, когда намечался союз, или русское правительство особенно остро нуждалось как минимум в дружественном нейтралитете Крыма, без которого вплоть до возведения Белгородской черты было невозможно ведение успешной активной внешней политики на западном направлении⁵⁷. Так же и в XVII в. наиболее богатыми на пожалования крымской и ногайской элитам являются те периоды,

когда Москва стремилась или надеялась на военно-политический союз или как минимум — на дружественный нейтралитет Крымского ханства и активное участие Ногайской Орды в реализации своих внешнеполитических планов, главным образом, военного характера. Именно за эти периоды как дипломатическая переписка, так и расходные книги КД/П, и в первую очередь РПК, несут ценнейший пласт информации о составе и структуре крымской, а также ногайской элит, на что за период лета 1614 г. одним из авторов уже обращалось внимание специалистов и приводился список крымской элиты на 7122-й (1613/14) г.⁵⁸

Тексты документов приложений 3 и 4 подготовлены в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1990). Текст источника передается по современным правилам орфографии и синтаксиса. Вышедшие из употребления знаки заменяются буквами современного алфавита. Выносные буквы помещаются в строку, и титлы и другие принятые на письме сокращения раскрываются без специального обозначения и примечаний. Буквенная цифирь передается арабскими цифрами. Утраты текста отмечены отточием, восстановленный по остаткам букв и по смыслу текст заключен в квадратные скобки. Документ в Приложении 2 написан двумя почерками: 1-й крупный, четкий, им написано основной текст, 2-й — чуть более мелкий, небрежный (дьяческий?), им написаны исправления и дополнения. Пометы в расходной полевой книге Казенного приказа: «Дано.», «Послана.», «Послан.» — выполнены другими почерком и чернилами сравнительно с основным текстом записей. В силу повторяемости и не принципиальности в тексте они специально никак не выделены, но в случае продолжения текста записи после пометы, последующий текст выделен красной строкой (абзацем). Все прочие, включая аналогичные, пометы отмечены в сносках. Пропущенные писцом по явной ошибке буквы восстановлены в круглых скобках, прочие исправленные явные ошибки писца оговорены в сносках.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Приходо-расходные книги Казенного приказа по годам (виды по описи Викторова) 1-я пол. XVII в.

год\вид	ПКДК	РКДК	ПРКТ	РКТВЦо	РКТг-ж	РПК	РКК	РКЛ	РКЦС	ПРК	ЗККС
7093	—	—	—	№ 198	—	—	—	—	—	—	—
7121	—	№ 65	—	—	—	—	—	—	—	—	—
7122	№ 21	№ 66	(№ 139)	№ 199	—	—	—	—	—	—	—
7123	№ 22	№ 67	—	№ 200	№ 277	—	—	—	—	—	—
7124	№ 23	№ 68	№ 140	№ 201	№ 278	№ 333	—	—	—	—	—
7125	—	№ 69	№ 141	№ 202	№ 279	—	—	—	—	—	—
7126	—	№ 70	—	№ 203	—	№ 334	—	№ 397	—	—	—
7127	—	№ 71	—	№ 204	—	№ 335	—	№ 398	—	—	—
7128	№ 24	№ 72	—	№ 205	—	№ 336	—	№ 399	—	—	—
7129	№ 25	№ 73	№ 142	№ 206	—	—	—	№ 400	—	—	—
7130	—	№ 74	№ 143- ПКТВ	№ 207	—	—	№ 355	№ 401	—	—	—
7131	№ 26	—	№ 144- ПКТВ	№ 208, № 3208а, № 208б, № 208в	—	—	—	№ 402	—	—	—
7132	—	№ 75	—	№ 209	—	№ 337	—	№ 403	—	—	—
7133	№ 27	№ 76	№ 145- ПКТВ	№ 210	№ 280	№ 338	—	№ 404	—	—	—
7134	№ 28	№ 77	№ 146- ПКТВ	№ 211	№ 281	№ 339	—	—	—	—	—
7135	—	№ 78	—	№ 212	№ 282	—	—	№ 405	№ 471	—	—
7136	№ 29	(№ 89?)	—	№ 213	№ 283	№ 340	—	№ 406	№ 472	—	—
7137	—	№ 79, № 80	№ 147, (№ 148)	№ 214	№ 284	—	—	№ 407	№ 473	№ 529	—

год\вид	ПК\ДК	РК\ДК	ПРКТ	РКТ\Цо	РКТ\ж	РПК	РКК	РКЛ	РКЦС	ПРРК	ЗККС
7138	№ 30	№ 81, № 82	№ 149, (№ 148)	№ 215	№ 285	—	—	№ 408	№ 474	№ 530	—
7139	утрач.	№ 83, № 84, № 85	(№ 148)	№ 216	№ 286	№ 341	—	№ 409	—	№ 531	—
7140	—	№ 86, № 87	№ 150, (№ 148)	№ 217	№ 287	—	—	№ 410	№ 475	№ 532	—
7141	№ 32	№ 88, (№ 89а?)	(№ 148)	№ 218	№ 288	—	—	№ 411	№ 476	№ 533	—
7142	утрач.	№ 90, № 91, (№ 89а?)	№ 151	№ 219	№ 289	—	—	№ 412	№ 477	№ 534	—
7143	№ 34	№ 92, (№ 89а?)	№ 152	№ 220	№ 290	—	—	№ 413	№ 478	№ 535	—
7144	№ 35	№ 93	№ 153	№ 221	№ 291	№ 342	—	№ 414	№ 479	—	—
7145	—	№ 94, № 95	№ 154	№ 222	№ 292	—	—	№ 415	—	—	—
7146	—	№ 96	№ 155	—	№ 293	—	№ 356	№ 416	№ 480	—	—
7147	—	—	№ 156	№ 223	№ 294	—	—	№ 417	№ 481	—	(№ 552)
7148	№ 36	№ 97	№ 157	№ 224	№ 295	—	—	№ 418	№ 482	—	—
7149	№ 37	№ 98, № 99	№ 158	№ 225	№ 296	№ 343	—	№ 419	№ 483	№ 536	—
7150	—	—	№ 159	№ 226	№ 297	—	—	№ 420	№ 484	№ 537	—
7151	№ 38	—	№ 160	№ 227	№ 298	—	—	№ 421	№ 485	—	—
7152	№ 39	№ 100, № 101	№ 161	№ 228	№ 299, № 299а	№ 344	—	№ 422	№ 486	—	—

год\вид	ПКДК	РКДК	ПРКТ	РКТВц	РКТгж	РПК	РКК	РКЛ	РКЦС	ПРРК	ЗККС
7153	№ 40	№ 102	№ 162	№ 229	№ 300, № 300а	№ 345, № 345а	—	№ 423	№ 487	—	—
7154	—	№ 103	№ 163	№ 230	№ 301	—	—	№ 424	№ 488	№ 538	—
7155	№ 41	№ 104	—	№ 231	№ 302, № 302а	—	—	№ 425	№ 489	—	—
7156	№ 42	—	№ 164	№ 232	№ 303, № 303а	—	—	№ 426	№ 490	№ 539	—
7157	—	—	—	№ 233	№ 304, № 304а	№ 346	—	№ 427	№ 491	№ 540	—
7158	—	№ 105	№ 165	№ 234	№ 305	—	—	№ 428	№ 492	—	—
7159	№ 43	№ 106	№ 166	№ 235	№ 306	—	—	№ 429	№ 493	№ 541 (159-60)	—

Список сокращений

- ПКДК — Приходные книги денежной казны — 122 (1613/14) — 1710 гг.
 РКДК — Расходные книги денежной казны — 121 (1612/13) — 1712 гг.
 ПРКТ (ПКТВ) — Приходо-расходные книги товаров (приходные книги товаров) — 122 (1613/14) — 189 гг.
 РКТВц — Расходные книги товаров и вещей на царский обиход — 093 (1584/85) — 1702 гг.
 РКТгж — Расходные книги товаров на жалование разных чинов людям — 122 (1613/14) — 189 (1680/81) гг.
 РПК — Расходные посольские книги — 124 (1615/16) — 171 (1662/63) гг.
 РКК — Расходные кроильные книги — 130 (1621/22) — 1701 гг.
 РКЛ — Расходные книги ладана — 126 (1617/18) — 1703 гг.
 РКЦС — Расходные книги церковному строению — 135 (1626/27) — 196 (1687/88) гг.
 ПРРК — Приходо-расходные ружные книги — 137 (1628/29) — 206 (1697/98) гг.
 ЗККС — Записные книги казенной слободы — 147 (1638/39) — 1700 гг.

Приложение 2. Внутренняя опись первых четырех расходных посольских книг Казенного приказа

Кн. 333. — 7124-го, б.н. и к., 107 л.

(Не ранее 8 января) — крымскому посольству хана Джанибек-Гирея — одежда, преимущественно шубы и однорядки (с калгина пола) (Л. 1—31 об.).

Января 9 — терским и кабардинским князьям: Куденеку, князю Кинбулатову; Сунчалею, князю Янглычеву; Шегануку, мурзе Бузлукову, и их 28 узденям на приезде в Золотой палате — одежда, преимущественно шубы и однорядки (Л. 32—37).

Февраля 13 — крымская кладь с посланниками Федором Челюсткиным и дьяком Петром Даниловым: поминки хану Джанибек-Гирею и его семье, «а х князем и мурзам государева жалованья» — одежда, преимущественно шубы и однорядки (Л. 38—107 об.).

Кн. 334. — 7126-го, 247 л.

Октября 5 — крымскому посольству хана Джанибек-Гирея послу Шебан-аге с товарищами на приезде в Золотой палате — шубы (Л. 1—17 об.).

Октября 19 — крымская кладь с гонцами новокрещеном Кириллом Байбиревым и служилым татаринном Ангилдеем Багилдеевым: поминки хану Джанибек-Гирею и его семье, «а к ближним людям их кафинскому князю государева жалованья» — шубы (Л. 19—20).

Октября 27 — крымскому посольству хана Джанибек-Гирея послу Шебан-аге с товарищами на отпуске в Золотой палате — шубы (Л. 21—26 об.).

Ноября, не позднее 12 — отослано в ПП в крымскую кладь сорок соболей кафинскому «князю» (Л. 28).

Ноября 13 — отослана в ПП в крымскую кладь шуба бархательная (Л. 28—28 об.).

Декабря 25 — крымским послам Шебан-аге с товарищами поменили однорядки, что были даны им на Валуйке (Л. 29—35).

Января 3 — персидскому посольству Кая-салтана и Бекбулата на отпуске в Золотой палате объявлено жалованье — дары: одежда, преимущественно шубы и однорядки — отвезены к ним на подворье (Л. 36—38).

Января 3 — членам и слугам персидского посольства Кая-салтана и Бекбулата на отпуске — одежда и ткани (Л. 38 об. — 40).

Января 10 — персидским послам Кая-салтану и Бекбулату — соболи ответные за посольские дары (Л. 40 об. — 41).

Января 10 — на персидский двор дослано члену посольства — сукно (Л. 41—41 об.).

Февраля 4 — роспись платья, пожалованного крымским послам Шебан-аге с товарищами (6 чел.) на аудиенции в Золотой палате по случаю приезда новых крымских гонцов Рамазана-Мустафы с товарищами (Л. 41 об. — 43).

Февраля 4 — роспись вещевого жалования, данного крымским гонцам Рамазан-Мустафе с товарищами (28 чел.) на аудиенции в Золотой палате на приезде (Л. 43—48 об.).

Февраля 4 — роспись жалованного платья, объявленного Шемахе-мурзе Кенбулатову на аудиенции в Золотой палате на отпуске (Л. 49—49 об.).

Февраля 26 — роспись жалованного платья 5 лучшим людям узденям Шемахи-мурзы Кенбулатова, отосланного в ПП (Л. 50—50 об.).

Марта 13 — роспись жалованного платья и обуви 2 калмыцким послам и их человеку-кошевару, в чем им быть на аудиенции, отосланного в ПП (Л. 51—52).

Марта 29 — роспись жалованного платья крымскому послу царевича Шан-Гирея Шайриму, объявленного ему на аудиенции в Золотой палате на отпуске (Л. 52—53).

Марта 29 — роспись вещевого жалования, данного калмыцким послам Буге и Коадану и их человеку-кошевару, данного им на аудиенции в Золотой палате (Л. 53—55).

Марта 29 — роспись вещевого жалования, данного нагайским послам князя Иштерека Ишькельдею с товарищами (7 чел.), данного им на аудиенции в Золотой палате на приезде и отосланного в ПП для даче им же на отпуске (Л. 55 об. — 58 об.).

Мая 1 — роспись вещевого жалования, данного крымским послам и гонцам Шебан-аге с товарищами (35 чел.), данного им на аудиенции в Золотой палате на отпуске (Л. 59—80 об.).

Мая 1 — роспись жалованного платья, отосланного на Крымский двор с толмачем Прокопием Вражским для дачи крымским послам и гонцам (27 чел.) на отпуске (Л. 81—87 об.).

Мая 1 — роспись вещевого жалования, посылаемого в Большие Нагаи ко кн. Иштереку, его семье, сеитам и муллам со Степаном Карауловым (Л. 88 об. — 121 об.).

Мая 1 — роспись вещевого жалования, посылаемого в Большие Нагаи к Тинмаммет-мурзе, Аксакел-Мамет-мурзе и Юсуф-мурзе Тинмамметевым «з братьею» с Моисеем Пановым (Л. 121 об. — 130 об.).

Мая 22 — роспись поминков, упакованных и посланных к персидскому шаху Аббасу с посольством кн. М.П. Барятинского (Л. 131—136).

Июня 10 — роспись поминков и жалованья, посланного в Крым к хану Джанибек-Гирею, его семье и крымской элите с посланника-

ми Степаном Хрущовым и подьячим Семеном Бредихиным, а также данного посланника на подарки в резерв (Л. 137—212 об.).

Июня 10 — роспись вещевого жалования, посланного с посланниками С. Хрущовым и подьячим С. Бредихиным для дачи сопровождающим крымским мурзам и татарам, приедущим на посольскую розмену на Валуйки (Л. 213—224 об.).

Июня 10 — роспись вещевого жалования, посланного с посланниками С. Хрущовым и подьячим С. Бредихиным на Валуйки для дачи крымским послам (5 чел.), едущим из Крыма с Обросимом Лодыженским (Л. 225—227 об.).

Июня 15 — роспись вещевого жалования шведским послам Густаву Стенбоку (Августу Стенбуку) и Якубу Якобсону (Якову Ековсону) и членам их посольства (67 чел.), объявленного на аудиенции в Золотой палате на отпуске и отвезенного к ним на подворье дьяком Булгаком Миловановым (Л. 228—230).

Июля 5 — роспись вещевого жалования 2 ногайским мурзам (Курмаш-мурзе Кан-мурзину сыну Урусову и Сююш-мурзе Асан-мурзину сыну Канбаеву внуку Исмаилу, князю) на аудиенции в Золотой палате (Л. 228—232).

Июля 5 — роспись вещевого жалования ногайскому князю Иштереку, посланного с Прокопием Вражским (Л. 232 об. — 233 об.).

Июля 12 — отослан в ПП сорок соболей для отправки в Любек Михаилу Томилову (Л. 234).

Июля 12 — роспись платья крымским гонцам хана Джанибек-Гирея Ибреим-мурзе с товарищами (6 чел.), жалованного им на аудиенции в Золотой палате на приезде (Л. 234—237 об.).

Июля 30 — послана на Крымский двор дача крымским гонцам Ибреим-мурзе с товарищами (6 чел.) встречного платья (Л. 238—243).

Кн. 335. — 7127. (Л. 1—71).

Марта 23 — роспись жалованной одежды крымским послам хана Джанибек-Гирея Мустафе-мурзе с товарищами (42 чел.), данной на аудиенции на приезде (Л. 1—14).

Апреля 20 — роспись вещиному жалованию, отосланному в ПП для отправки в Крым со станичным головой Зянгилдеем Исeneвым к Обросиму Лодыженскому «на запас» (Л. 15—18).

Апреля 20 — роспись поминков хану Джанибек-Гирею, калге Девлет-Гирею и нураддину Азамат-Гирею и жалованья 5 ближним людям, отосланному в ПП для отправки в Крым с гонцом станичным головой Зянгилдеем Исeneвым (Л. 19—22).

Апреля 22 — роспись жалованной одежды, отосланной в ПП на дачу встречного платья крымским гонцам Ибреим-мурзе с товарищами (7 чел.) (Л. 23—29).

Апреля 24 — роспись жалованного платья 6-ти отправляющимся в Крым младшим крымским послам, отосланного в ПП с Федором Шишкиным (Л. 30—32 об.).

Апреля 24 — роспись «встречнова платья, что им на встречу не послано», тем же 6-ти отправляющимся в Крым крымским послам, отосланного в ПП (Л. 32 об. — 34 об.).

Мая 16 — роспись отосланного на Крымский двор жалованного платья крымским послам Мустафе-мурзе с товарищами (35 чел.) за то, что им «встречное платье в дорогу не послано» (Л. 35—45).

Мая 30 — роспись отосланного на Крымский двор жалованного встречного платья 2 крымским послам, пропущенным при общей раздаче (Л. 46—46 об.).

Июня 1 — роспись ответных поминков соболями и куницами английскому посланнику Томасу Финчу и членам его дипмиссии: писарю, 3 дворянам, священнику и переводчику, — отвезенных на Английское подворье дьяком Булгаком Миловановым (Л. 47—48).

Июля 11 — запись о даче датскому гонцу Вилиму Фендоргину на отпуске куниц (Л. 49).

Июля 29 — роспись объявленного на аудиенции в Золотой палате крымским новым гонцам хана Джанибек-Гирея Ибреим-мурзе с товарищами (9 чел.) жалованного платья на приезде (Л. 49 об. — 54).

Июля 29 — роспись объявленного на аудиенции в Золотой палате крымским старым гонцам хана Джанибек-Гирея Мустафе-мурзе с товарищами жалованного платья по случаю приезда новых крымских гонцов (Л. 55—58 об.).

Июля 29 — роспись встречного платья, пожалованного новым крымским гонцам хана Джанибек-Гирея Резепу с калгиным и нуррадиновым гонцами (Л. 59—63).

Июля 29 — роспись жалованного платья новым крымским гонцам хана Джанибек-Гирея Резепу с товарищами, объявленного им на аудиенции в Золотой палате (Л. 64—68).

Августа 17 — роспись отосланного в ПП с толмачем Афанасием Золотухиным жалованного платья бухарскому после Едему и его брату «для их разоренья, что их на дороге нагайские люди ограбили, у государя быти им не в чем» (Л. 69—71 об.).

Кн. 336. — 7128. (Л. 1—225).

Сентября 14 — роспись жалованного встречного платья крымским гонцам Суфилле-батыру с товарищами (10 чел.), отосланного в ПП с толмачем Юрием Ивановым (Л. 1—6 об.).

Октября 13 — роспись жалованного встречного платья крымским гонцам Аллаш-батыру с товарищами (11 чел.), отосланного в ПП с приставом Федором Шишкиным (Л. 7—12 об.).

Ноября 16 — роспись жалованного встречного платья на приезде новым крымским гонцам Исеффулле с товарищами (10 чел.), отосланного на Крымский двор с приставом Федором Шишкиным (Л. 13—20 об.).

Ноября 16 — роспись жалованного платья на приезде «последним» крымским гонцам Аллаш-батыру с товарищами (11 чел.), отосланного в ПП с приставом Федором Шишкиным (Л. 21—28 об.).

Ноября 24 — роспись объявленного на аудиенции в Золотой палате жалованного платья на приезде и на отпуске крымским послам и гонцам хана Джанибек-Гирея Мустафе-мурзе с товарищами (33 чел.) (Л. 29—39).

Ноября 24 — роспись объявленного на аудиенции в Золотой палате жалованного платья на отпуске крымским гонцам хана Джанибек-Гирея Ибреим-мурзе с товарищами (9 чел.) (Л. 39 об. — 46 об.).

Ноября 24 — роспись объявленного на аудиенции в Золотой палате жалованного платья на отпуске крымским гонцам хана Джанибек-Гирея Резепу с товарищами (4 чел.) (Л. 47—51 об.).

Ноября 24 — роспись объявленного на аудиенции в Золотой палате жалованного платья на отпуске новым крымским гонцам Исеффулле с товарищами (10 чел.), (Л. 52—61).

Ноября 24 — роспись объявленного на аудиенции в Золотой палате на приезде новым крымским гонцам Аллаш-батыру с товарищами (11 чел) жалованного платья на отпуске (Л. 62—70).

Декабря 4 — роспись легких поминков хану Джанибек-Гирею и его семье и жалования ближним людям, посланных с гонцом служилым татаринном Богданом Исенчуриным перед большой посылкой посланника Прокопия Воейкова (Л. 71—73 об.).

Декабря 8 — роспись посланного на Крымский двор с приставом Федором Шишкиным вещевого жалования крымскому послу Мустафе-мурзе по случаю приезда новых крымских гонцов Аллаш-батыра с товарищами (Л. 74—74 об.).

Декабря 18 — роспись посылаемого в Крым к хану Джанибек-Гирею и его семье поминков, а к его ближним людям жалования с посланниками Прокопием Воейковым и подьячим Семеном Матчиным (Л. 76—150 об.).

Января 1 — роспись «розменного платья», посылаемого на Валулки с ок. кн. Григорием Константиновичем Волконским и дьяком Иваном Михайловым на жалование сопровождающих крымский посольский поезд мурзам и татарам (Л. 151—165).

Января 1 — роспись платья, посланного с ок. кн. Г.К. Волконским и дьяком И. Михайловым на Валулки на посольскую розмену для пожалования новых крымских послов, а также сопровождающих их и Обросима Лодыженского мурз и татар (Л. 165 об. — 170 об.).

Января 15 — роспись мягкой рухляди, посылаемой с ок. кн. Г.К. Волконским и дьяком И. Михайловым на Валулки на посольскую розмену для пожалования мурз, сопровождающих новых крымских послов (Л. 171—171 об.).

Апреля 1 — роспись отосланного в ПП вещевого жалования для дачи ургенчскому послу и его брату, сыну и зятю (Л. 172).

Апреля 8 — роспись отосланного со сторожем Алексеем Васильевым в ПП для отправки в поминках к ургенчскому хану «рыбья зубу» (Л. 172 об. — 173).

Апреля 25 — роспись даров монгольскому Алтыну-царю, посланных с его послом Лобою Тарханом (Л. 173—174 об.).

Апреля 28 — роспись вещевого жалования, данного на аудиенции в Золотой палате послам: монгольского Алтына-царя послу Тархану Лабу, Биликты-лабы послу Зорукты-Манчи, калмыцким послам Ойуче с 2 товарищами и 2 киргизским послам — на отпуске (Л. 175—180 об.).

Апреля 28 — запись от отсылке в ПП с толмачем Василием Босаевым сукон, пожалованных 2 киргизским послам на отпуске (Л. 180 об.).

Июля 4 — роспись отосланного на Крымский двор с приставом Семеном Дивовым пожалованного крымским гонцам Джан-Шукуру с товарищами (10 чел.) встречного платья (Л. 181—186 об.).

Июля 10 — роспись объявленного на аудиенции в Золотой палате крымским гонцам Джан-Шукуру с товарищами (10 чел.) жалованного платья на приезде (Л. 187—193 об.).

Июля 10 — роспись объявленного на аудиенции в Золотой палате крымским послам Алей-мурзе с товарищами (49 чел.) жалованного платья на приезде (Л. 194—209 об.).

Июля 15 — роспись отосланного в ПП жалованного платья на отпуске бухарскому послу Едему, его брату и его человеку (Л. 210—211).

Июля 19 — роспись отосланного в ПП с подьячим Максимом Матюшкиным жалованного платья крымским послам Алей-мурзе с товарищами (5 чел.) (Л. 212—216).

Июля 26 — роспись жалованного на аудиенции в Золотой палате платья 3-м ногайским мурзам: сеиту Сейфеддину, Яным-мурзе Канукову и Абдюль-мурзе Теникееву (Л. 217—222).

Июля 26 — роспись жалованного на аудиенции в Золотой палате платья 3-м ногайским послам Канай-мурзы, Каракель-Мамет-мурзы и кумыцкого Аилдар-мурзы Ян-Го́зе с товарищами (Л. 222 об. — 225).

Приложение 3 1630 г., не ранее июня. — Краткая выписка о приездах в Москву гонцов и послов ханов Джанибек-Гирея и Магомет-Гирея с декабря 1617 по июнь 1630 г.

(Л. Л)¹ 1617—1631.

Краткая выписка о присланных из Крыму в Россию послах и гонцах с показанием времени въезда их в Москву

(л. Л) Выписано в Посольском приказе, в котором году и месяце приходили ис Крыму от Дж[ан]бек-Гирея царя, а после того от Магме[т]-Гирея царя, а после опять от того ж Дж[ан]бек-Гирея царя послы и гонцы и п[о] сколку послов и гонцов в кое время приходило

От Джанбек-Гирея царя

В прошлом во 126-м году в декабре пришли гонцы Музан-бий с товарищи 30 человек.

Во 127-м году в генваре пришли послы Мустофа-мурза с товарищи 43 человека.

Да мая в 12 день пришли гонцы Ибреим-мурза с товарищи 9 человек.

Да июня в 29 день пришли ис Крыму гонцы ж Резеп² с товарищи 4 человека, а были царев да калгин да нурадынов да Ибреим-пашин.

Во 128-м году³ сентября в 18 день пришли ис Крыму гонцы Сефулла с това^{л. 2}рыщи 10 человек.

Октября в 11 день пришли ис Крыму гонцы Аллаш-Баатыр с товарищи 11 человек.

Мая в 7 день пришли ис Крыму гонцы Джаншагур с товарищи 10 человек.

Мая ж в 31 день пришли ис Крыму послы Аллей-мурза с товарищи 50 человек.

¹ Заголовок дела на обложке написан почерком XVIII в.

² Написано по вычищенному, первоначально было: 4.

³ Далее вычищено: в.

Во 130-м году в мае ж пришли ис Крыму гонцы Кедыр-паша с товарищи 17 человек.

В мае ж пришли послы Девлетказы-мурза с товарищи 36 человек.

Во 131-м году ноября в 8 день пришли ис Крыму гонцы Магмет-ша-мурза с товарищи 18 человек.

Марта⁴ в 6 день пришли из Крыму гонцы Рахмет-Алей с товарищи 7 человек. ||^{л. 3}

От Магмет-Гирея царя послы и гонцы

131-го ж июня в 17 день пришли гонцы Магмут с товарищи 18 человек.

Августа в 7 день пришли ис Крыму послы Мустофа-мурза с товарищи 44 человека.

Во 133-м году октября в 30 день приехали ис Крыму гонцы Магмет же с товарищи 14 человек.

Декабря в 17 день пришли ис Крыму гонцы Муслы с товарищи 13 человек. ||^{л. 4} В 135-м году февраля в 26 день пришли из Крыму гонцы Добн-Алей с товарищи 22 человека.

Во 136-м году октября в 28⁵ день пришли к Москве крымские гонцы Ибреим-мурза с товарищи 20 человек.

Октября в 29⁶ день пришли ис Крыму послы Сулейман-ага с товарищи 50 человек. ||^{л. 5}

От Джанбек-Гирея ж царя, которой был в Крыме наперед
Магмет-Гирея царя, послы и гонцы

137-го сентября в 7 день пришли ис Крыму к Москве крымские гонцы Асман-бек с товарищи 19 человек.

Февраля в 4 день пришли ис Крыму к Москве гонцы тот же Асман-бек, а с ним татар 22 человека.

Июля в 28 день пришли ис Крыму гонцы Магмет-ага с товарищи 31 человек перед розменою с вестью. ||^{л. 6} 138-го сентября в 28 день пришли из Крыму к Москве крымские гонцы Магмет с товарищи 31 человек на розмену *⁷з Государевыми посланники и с крымскими послы вместе и назад отпушены⁷.

Октября в 6 день пришли из Крыму к Москве крымские послы Джан-мурза с товарищи 53 человека *⁸на розмену ж. Были у Государя одинова на приезде, а ныне они на Москве⁸.

⁴ Исправлено из: майя.

⁵ Испр. из: 18.

⁶ Испр. из: 19.

⁷ Вписано под записью 2-м почерком.

⁸ Вписано под записью 2-м почерком.

Июня в 20 день пришли ис Крыму к Москве крымские гонцы Алей-аталык с товарищи 46 человек⁹. *—У Государя были, и жалованье дано 27 человеком, а 19 человек у Государя не было, и жалованья не дано⁻¹⁰.

РГАДА. — Ф. 123. Сношения России с Крымом. — Оп. 1. — Столбцы 1617 г. — № 8. — Л. 1—6.

Приложение 4

Расходная посольская книга Казенного двора 7127-го (1618/19) г.

(л. 1) 127-го октября в 23 день у государя, царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси на дворе в Золотой полате Джанбек-Гирея царя крымские послы, Мустофа-мурза с товарищи, на приезде были, и государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси Джанбек-Гирея, царя, крымские послы, Мустофа-мурза с товарищи, челом ударили. И государь, царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси крымских послов на приезде жаловал. ||^{л. 1 об.} Была им подача меда, а у подачи дано им государева жалованья: цареву послу Мустофе-мурзе Посолского приказу по памяти и по росписи за приписью дияка Савы Раманчукова велено ему зделать шуба золотная на соболех в сорок в пять рублей, а по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси имянному приказу дана ему шуба отлас крымской, по лазеревой земле шолк бел, рудо-желт, круги золоты, цена четырнатцать рублей с полтиною, в подкройке цки собольи с рукавы, цена дватцать восемь рублей с четью, в опушке ||^{л. 2} бобры, рубль дватцать алтын з денгою, в нашивке торочки тафтяные, четыре алтына четыре денги, нашито семь пугвиц серебряных белых, дватцать девять алтын з денгою, и всего шубе цена сорок пять рублей двенатцать алтын две денги. *—Взята назад⁻¹¹.

И по казенной цене перед посолскою росписью перешло двенатцать алтын две денги, и та шуба ис Посолского приказу назад принесена и отдана в казну, а сказали, что шуба коротка, и в тое шубы вместо Посолского приказу по памяти за приписью дияка Савы Раманчукова велено зделать шуба в ту ж цену, ||^{л. 2 об.} как прежняя шуба, и по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа

⁹ *Далее вымарано:* Государева жалованья встречново платья им не дано и у Государя еще не были.

¹⁰ *Вписано после вымаранного текста 2-м почерком.*

¹¹ *Другими поч. и чернилами.*

Руси имянному приказу дана ему иная шуба отлас крымской, по лазоревой земле шолк бел, рудо-желт, круги золоты, цена отласу пятнатцать рублей, в подкройке испод прежней шубы, цки соболю, с рукавы, цена дватцать восемь рублей с четью, да на прибавку в подкройку восемь соболей, цена пять рублей дватцать алтын, да на ожерелье в прибавку соболю, дватцать три алтына две денги, в опушке бобры, два рубли дватцать девять алтын три денги, в нашивке торочки тафтяные, четыре алтына четыре денги, ||^{а. 3} нашито семь пугвиц серебряных белых, весу и за дело дватцать девять алтын з денгою, и всего шубе цена пятьдесят три рубли пятнатцать алтын. Дано.

И по казенной цене перед посолскою памятью и перед прежнею шубою перешло восемь рублей два алтына четыре денги, потому что та шуба зделана прежней шубы шире и доле, и в отласе и в соболюх прибавка стала, в ту цену зделать было не мочно.

Шапка лисья, ценою против посолской росписи, цена три рубли шестнатцать алтын четыре денги. Дано. ||^{а. 3 об.}

Калги Девлет-Гирея царевича послу Гимметше-мурзе Посолского приказу по памяти и по росписи за приписью дияка Савы Раманчукова велено зделать шуба бархатна или камчата на соболюх в дватцать пять рублей, а по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси имянному приказу дана ему шуба отлас крымской, по лазоревой земле шолк бел, рудо-желт, кубы золоты, цена отласу пять рублей, в подкройке цки соболю с рукавы, цена дватцать шесть рублей с четью, в опушке бобры, рубль дватцать алтын з денгою, в нашивке торочки тафтя||^{а. 4} ные четыре алтына четыре денги, нашито семь пугвиц серебряных, цена дватцать четыре алтына, и всего шубе цена тритцать три рубли дватцать три алтына пять денег. Дано. И по казенной цене перед посолскою росписью перешло восемь рублей дватцать три алтына пять денег, потому что ныне отласы и соболю перед прежними годы дороги, в ту цену зделать не мочно.

Шапка лисья, ценою против посолской росписи, цена два рубли шестнатцать алтын четыре денги. Дано.

Цареву другому послу Шабану Посол||^{а. 4 об.} ского приказу по памяти и по росписи за приписью дияка Савы Раманчукова велено ему зделать шуба бархатна или камчата на соболюх в дватцать пять рублей, а по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси имянному приказу дана ему шуба отлас крымской, по таусинной земле шолк бел, рудо-желт, круги золоты, цена десять рублей, в подкройке цки соболю с рукавы, цена дватцать четыре рубли с четью, в опушке бобры, рубль дватцать алтын з денгою, в нашивке торочки тафтяные, четыре алтына четыре денги, нашито семь пугвиц серебряных, цена дватцать ||^{а. 5} три алтына две денги, и все-

го шубе цена тритцать шесть рублей дватцать три алтына з денгою. Дано.

И по казенной цене перед посолскою росписью перешло одиннатцать рублей дватцать три алтына з денгою, потому что ныне отласы и соболи, и всякие товары перед прежними годы дороги, в ту цену сделать не мочно.

Шапка лисья, ценою против посолской росписи, цена два рубли с полтиною. Дано.

Нуредынову послу Асману Посолского приказу по памяти и по росписи за приписью дияка Савы Раман^{||^{а. 5 об.}} чюкова велено ему сделать шуба бархатна или камчата з золотом на соболех в дватцать рублей, а по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси имянному приказу дана ему шуба отлас крымской, по червчатой земле шолк бел, зелен, рудо-желт, кружечки з золотом, цена шесть рублей, в подкройке цки собольи с рукавы, цена дватцать два рубли дватцать пять алтын, в опушке бобры, рубль дватцать алтын з денгою, в нашивке торочки тафтяные, четыре алтына четыре денги, нашито семь пугвиц серебряных, цена ^{||^{а. 6}} дватцать три алтына две денги, и всего шубе цена тритцать один рубль шесть алтын три денги. Дано.

И по казенной цене перед посолскою росписью перешло одиннатцать рублей шесть алтын три денги, потому что ныне отласы и соболи, и всякие товары перед прежними годы дороги, в ту цену сделать не мочно.

Шапка лисья, ценою против посолской росписи, цена два рубли. Дано.

Цареву третьему послу Жеферю Посолского приказу по памяти и по росписи за приписью дияка Савы Раманчю^{||^{а. 6 об.}} кава велено ему сделать шуба бархатна или камчата з золотом на соболех в дватцать рублей, а по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси имянному приказу дана ему шуба отлас крымской, по червчатой земле шолк бел, зелен, лазорев, рыбки золоты, цена отласу шесть рублей, в подкройке цки собольи с рукавы, цена дватцать два рубли дватцать пять алтын, в опушке бобры, рубль дватцать алтын з денгою, в нашивке торочки, четыре алтына четыре денги, нашито семь пугвиц серебряных, дватцать ^{||^{а. 7}} три алтына две денги, и всего шубе цена тритцать один рубль шесть алтын три денги. Дано. И по казенной цене перед посолской росписью перешло одиннатцать рублей шесть алтын три денги, потому что ныне отласы и соболи перед прежними годы дороги, в ту цену сделать не мочно.

Шапка лисья, ценою против посолской росписи, цена два рубли. Дано.

Царевы матери послу Асену, царевы большой сестры послу Казмахметю, царевы большой царицы послу Булату, царевы другой царицы послу Алии, царевы третьей царицы послу Караче, калгиной ||^{л. 7 об.} большой царицы послу Асану, царева большого сына послу Мурату, семи человеком, Посолского приказу по памяти и по росписи за приписью дияка Савы Раманчукова велено им зделать по шубе камки цветные на куницах, по пятинатцать рублей шуба, а по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси имянному приказу дано им по шубе бархателные цветные, цена бархатели по три рубли по пятинатцати алтын, в подкройке цки куны с рукавы, цена по десяти рублей по осмнатцати алтын з денгою, в опушке бобры, по рублю ||^{л. 8} по семинатцати алтын по пяти денег, в нашивке торочки тафтяные, по четыре алтына по четыре денги, нашито по семи пугвиц оловяных, по девяти денег портищо, и всего цена иметца шубам по пятинатцати рублей по дватцати по три алтына по пяти денег. Дано.

И по казенной цене перед посолскою росписью перешло по дватцати по три алтына по пяти денег у шубы, потому что ныне бархатели и куницы, и всякие товары перед прежними годы дороги, в ту цену зделать не мочно.

По шапке лисьих, ценою против посолской ||^{л. 8 об.} росписи, цена по рублю по штинатцати алтын по четыре денги. Дано.

Царева брата Магмет-Гирея, царевича, послу Малаю, царевы четвертой царицы послу Резвану, нурадынова брата Мубарек-Гирееву, цареву, послу Ботаю, Ислам-Гирееву, царевичеву, послу Ибрашу, Сафа-Гирееву, царевичеву, послу Мустофе, Крым-Гирееву, царевичеву, послу Алею, калги-царевича другой царицы послу Казы, царевы другой сестры послу Девлет-Алею, осми человеком, Посолского приказу по памяти и по росписи за приписью дияка ||^{л. 9} Савы Раманчукова велено им зделать по шубе по камчатой на хрептех белых, по семи рублей шуба, а по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси имянному приказу дано им по шубе сукна настрафилные, сукну цена по два рубли с четью, в покройке цки хрепты белы с рукавы, цена по два рубли, в опушке бобры, по рублю по дватцати по два алтына по три денги, кружива и образцы мишурные кованые, по четыре алтына по четыре денги, пугвицы оловяные, по девяти денег портищо, ||^{л. 9 об.} и всего цена иметца шубе по шти рублей по три алтына по четыре денги. Дано.

И по казенной цене перед посолскою росписью не дошло по дватцати по девяти алтын по четыре денги у шубы.

По шапке лисье, ценою против посолской росписи, цена по рублю. Дано.

Царевы пятой царицы послу Берлеку, царевы третьей сестры послу Магамметю, калгины третьей царицы послу Ахметю, нурадына царевича царицы послу Доюн-Гилдею, четырем человеком, Посолского приказу по памяти и по росписи за приписью дияка Савы Раманчю^{а. 10} кова велено им зделать по однорятке сукна настрафилные червчатые, по три рубли с полтиною однорятка, а по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии имянному приказу дано им по однорятке сукно настрафил червчато, цена сукну по два рубли с четью, круживо полузолотные, цена по двенатцати алтын по четыре денги, завяски шолковые, лопатки ткани с полузолотьем, цена по тринаццати алтын по две денги, и всего цена иметца однорятке по три рубли по шти денег. Дано.

И по казенной ^{а. 10 об.} цене не дошло по пятинатцати алтын по четьре денги у однорятки.

Царевых ближних людей Суфы, князя Ширинского, послу Мартыну, Богатырь-Гирея князя послу Келше, мурза Бек-агину послу Теребердею, Ибраим-паши, князя Сулешева, послу Карачюре, Сит-Казы-агину послу Магмату, калги-царевича Капычейского головы Алгазы-агину послу Усеину, шти человеком, Посолского приказу по памяти и по росписи за приписью дияка Савы Раманчюкова велено им зделать по шубе камки цветные на куницах, по пятинатцати рублей шуба, а по государеву, ^{а. 11} цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии имянному приказу дано им по шубе бархателные цветные, цена бархатели по три рубли по пятинатцати алтын, в подкройке цки куньи с рукавы, по десяти рублей по осмнатцати алтын з денгою, в опушке бобры, по рублю по семинатцати алтын по пяти денег, в нашивке торочки тофтяные, четьре алтына четьре денги, пугвицы оловяные, по девети денег портищо, и всего цена иметца шубе по пятинатцати рублей по дватцати по три алтына по пяти денег. Дано.

И по казенной ^{а. 11 об.} цене перед посолскою росписью перешло по дватцати по три алтына по пяти денег у шубы, потому что ныне бархатели и куницы, и бобры перед прежними годы дороги, в ту цену зделать не мочно.

По шапке лисье, ценою против посолской росписи, цена по рублю по штинатцати алтын по четьре денги.

Казы князя Куликова послу Чекею, царева конюшого джанмурзину послу Индырчею, Перекопского князя послу Мустофе, Арасланова княжево сына Ишим-мурзину послу Магметю, Кары князя послу Нурашу, Кады-Аскиреву послу ^{а. 12} Исламу, Ахмет-Пишина сына Шантемир-мурзину послу Муртозе, семи человеком, Посолского приказу по памяти и по росписи за приписью дияка Савы Раманчюкова велено им зделать по шубе камки цветные на хрептех

белых, по семи рублей шуба, а по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси имянному приказу дано им по шубе сукна настрафилные цветные, сукну цена по два рубли с четью, в подкройке цки хрепты бельи с рукавы, цена по два рубли, в опушке бобры, ||^{а. 12 об.} по рублю по дватцати по два алтына по три денги, кружива и образцы мишурные, цена по четыре алтына по четыре денги, пугвицы оловяные, по девети денег портищо, и всего цена иметца шубе по шти рублей по три алтына по четыре денги. Дано.

И по казенной цене перед посолскою росписью не дошло по дватцати по девети алтын по четыре денги у шубы.

По шапке лисьих, ценою против посолоской росписи, цена ||^{а. 13} по рублю шапка. Дано.

Мустофы-мурзы послу Асману, калги-царевича ближнего человека Азамат-мурзину послу Ишмаметю, Сияшу-агину послу Девлет-казы, Ахмет-пашина другово сына Джан-Темир-мурзину послу Казкею, Кутлу-Сагата, князя, послу Бергаму, пяти человеком, Посолского приказу по памяти и по росписи за приписью дияка Савы Раманчукова велено им зделать по однорятке, ||^{а. 13 об.} по три рубли однорятка, а по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси имянному приказу дано им по однорятке сукно настрафил червчатое, цена сукну по два рубли с четью, кружива полузолотные, цена по двенатцати алтын по четыре денги, завяски шолковые с лопатками ткани полузолотьем, цена по тринаццати алтын по две денги, и всего цена иметца одно||^{а. 14} рятке по три рубли по шти денег. Дано.

И по казенной цене перед посолскою росписью перешло по шти денег у однорятки, потому что ныне сукна и всякие товары перед прежними годы дороги.

(л. 15) Апреля в 20 день по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу, по памяти и по росписи за приписью дияка Савы Раманчукова послано в Посолской приказ, что послати в Крым с станичною головою з Зянгилдеем Исеневым от государя на запас к Обросиму Лодыженскому государева жалованья.

Посолского приказу по памяти и по росписи за приписью дияка Савы Раманчукова велено послать:

- сорок соболей в сорок рублей,
- сорок соболей в тридцать рублей,
- сорок соболей в дватцать пять рублей. ||^{а. 15 об.}

И по казенной цене те сороки соболей посланы, ценою против¹² посолской росписи. Дано.

¹² В ркп. ошибка: притив.

Пять шуб кунных нагольных Посолского приказу по памяти и по росписи за приписью дияка Савы Раманчукова велено послать по двенатцети рублев шуба, а по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси имянному приказу посланы шубы куньи, цена куницам по десяти рублев, в опушке и в ожерелье бобры, по два рубли по два алтына по полупята денги, и всего шубе цена иметца по двенатцети рублев по два алтына по полу^{а. 16} пята денги. Дано.

И по казенной цене перед посолскою росписью перешло по два алтына по полупяте денги у шубы, потому что ныне куницы и бобры, и всякие товары перед прежними годы дороги, в ту цену зделать не мочно.

Пятнатцать шуб, хрепты бельи Посолского приказу по памяти и по росписи за приписью дияка Савы Раманчукова велено послать по четыре рубли шуба, а по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси имянному приказу посланы шубы, хрепты бельи, цена белкам по два рубли ^{а. 16 об.} по тринаццети алтын по две денги, в опушке и в ожерелье бобры, по два рубли по тринаццати¹³ алтын, и всего цена иметца шубе по четыре рубли по дватцати по шти алтын по две денги. Дано.

И по казенной цене перед¹⁴ посолскою росписью перешло по дватцати по шти алтын по две денги у шубы, потому что ныне белки и бобры, и всякие товары перед прежними годы дороги, в ту цену зделать не мочно.

Дватцать шуб черева бельи Посолского приказу по памяти и по росписи за ^{а. 17} приписью дияка Савы Раманчукова велено послать по два рубли шуба, а по казенной цене посланы шубы черева бельи, цена черевам по два рубли по два алтына по пяти денег, в опушке и в ожерелье бобры, по полутора рубли по два алтына, и всего цена иметца шубе по три рубли по дватцати по одному алтыну по три денги. Дано.

И по казенной цене перед посолскою росписью перешло по рублю по дватцати по одному алтыну по три денги у шубы, потому что ныне белки и бобры перед прежними годы дороги, в ту цену зделать не мочно. ^{а. 17 об.}

Дватцать цков, хрепты бельи, Посолского приказу по памяти и по росписи за приписью дияка Савы Раманчукова велено послать по два рубли цки, а по казенной цене посланы цки по два рубли по тринаццати алтын по две денги. Дано.

¹³ *Испр. из:* тринаццети.

¹⁴ *В ркп. ошибка:* поред.

И по казенной цене перед посолскою росписью перешло по тринадцати алтын по две денги у цков, потому что ныне белки перед прежними годы дороги, в ту цену сделать не мочно.

Тритцать цков, черевьи бельи, Посолского приказу по памяти и по росписи за приписью дияка Савы Раманчю||^{л. 18} кова велено послать по рублю цки, а по казенной цене посланы цки по сороку алтын. Дано.

И по казенной цене перешло перед посолскою росписью по шти алтын по четыре денги у цков, потому что ныне белки перед прежними годы дороги, в ту цену сделать не мочно.

(л. 19) Того ж дни по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу, по памяти и по росписи за приписью дияка Савы Раманчукова послано в Посолской приказ, что послати в Крым станичною головою з Зянгилдеем Исеневым от государя х крымскому царю, и х калге, и к нурадыну¹⁵ в поминках, а к ближним людям, Мурзабек-аге с товарищи, государева жалованья, Джанбек-Гирею, царю, Посолского приказу по памяти и по росписи за приписью дияка Савы Раманчукова велено сделать шуба соболья под сукном под вишневым или багро||^{л. 19 об.} вым добрым з завяски или с пугвицы во сто дватцет рублей, а по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси имянному приказу послано ему шуба соболья под сукном полушарлатным червчатым, цена сукну десять рублей десять алтын полтретьи денги, в подкройке цки собольи с рукавы, цена сто пять рублей, в ожерелье соболи, десять рублей, в опушке соболи, одиннатцать рублей, завяски шолк светло-зелен з золотом, ткани в столбец, лопатки ткани в крушки, оборотные, ворворки серебряны, ||^{л. 20} кисти на оба конца з золотом, цена три рубли, и всего шубе цена сто тритцать девять рублей десять алтын полтретьи денги. Послана.

И по казенной цене перед посолскою росписью перешло девятнатцет рублей десять алтын полтретьи денги, потому что ныне соболи и сукна, и всякие товары перед прежними годы дороги, в ту цену сделать не мочно.

Пара соболей в дватцать рублей. Послана.

Пара соболей в пятнатцет рублей. Послана.

И те пары соболей посланы ценою против посолской росписи.

Калге Девлет-Гирею, царевичю, Посол||^{л. 20 об.} ского приказу по памяти и по росписи за приписью дияка Савы Раманчукова велено сделать шуба соболья под сукном вишневым или багровым добрым

¹⁵ *Испр. из:* нерыдану.

з завяски или с пугвицы во сто рублей, а по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси имянному приказу послано ему шуба соболя под сукном полушарлатным червчетым, цена сукну десять рублей десять алтын полтретьи денги, в подкройке цки соболя с рукавы, цена шестьдесят пять рублей, в ожер(ел)ье соболя, десять рублей, в опушке соболя, одиннат^{л. 21} цать рублей, завяски шолк светло-зелен з золотом, ткани в столбец, лопатки ткани в крушки, оборотные, ворворки серебряны, кисти на оба конца з золотом, цена три рубли, и всего шубе цена девяносто девять рублей десять алтын полтретьи денги. Послана.

И по казенной цене перед посолскою росписью не дошло дватцети трех алтын.

Пара соболей в пятнатцеть рублей. Послана.

Пара соболей в двенатцеть рублей. Послана.

И те пары соболей посланы ценою против посолской росписи.

Нурადыну Азамат-Гирею, царевичю, Посолского приказу по памяти ^{л. 21 об.} и по росписи за приписью дияка Савы Раманчукова велено послать пара соболей в десять рублей. Послана.

Пара соболей в восемь рублей. Послана.

И те пары соболей посланы ценою против посолской росписи.

Ближним людем:

Мурзабек-аге, Ибреим-паше князю Сулешеву Посолского приказу по памяти и по росписи за приписью дияка Савы Раманчукова велено послати два сорока соболей¹⁶ по тритцати рублей сорок. Послана.

И те сороки посланы ценою против посолской росписи. ^{л. 22} Олександрю Чилибею, Ишим-мурзе Арасланову княжому сыну, калгину ближнему человеку Алгазью князю по сороку соболей человеку, цена по дватцети по пяти рублей сорок. Послана.

И те сороки соболей посланы ценою против посолской росписи.

(л. 23) Апреля в 22 день по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу, по памяти и по росписи за приписью дияка Савы Раманчукова послано в Посолской приказ с жожаитином с сыном боя(р)ским с Ъваном Грибановым государева жалованья встречново платья крымским гонцом.

Цареву гонцу Ибреим-мурзе Посолского приказу по памяти и по росписи за приписью дияка Савы Раманчукова велено изготовить однорядка червчета или светло-зелена в шесть рублей, ^{л. 23 об.} а по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси имянному приказу послано ему однорядка сукно лундыш се-

¹⁶ В ркп. ошибка: соболей.

ребреной цвет, цена сукну четыре рубли дватцать пять алтын, около однорядки круживо полузолотное, дватцать алтын, завяски шолк рудо-желт, лопатки ткани в кружки с полузолотьем, казенного дела шестнатцать алтын четыре денги, и всего однорятке цена пять рублей дватцать восемь алтын две денги. Послана.

И по казенной цене перед посолскою ||^{л. 24} росписью не дошло пяти алтын дву денег.

Кафтан камчат Посолского приказу по памяти и по росписи за приписью дияка Савы Раманчюкова велено послать в пять рублей, а по казенной цене послан кафтан камочка индейская, шолк червчет, рудо-желт, цена камке шесть рублей, подкладка крашенина лазорева, цена девятнатцать алтын, в опушке зенден червчета, цена четыре алтына, нашивка шолк багров на срукках, цена пять алтын, и всего кафтану цена шесть рублей дватцать восемь алтын. Послана.

И по казенной цене перед посолскою росписью перешло рубль ||^{л. 24 об.} дватцать восемь алтын, потому что ныне камки и всякие товары перед прежними годы дороги, в ту цену зделать не мочно.

Шапка лисья, ценою послана против посолской росписи, цена два рубли с полтиною. Послана.

Сапоги сафьянные велено послать в дватцать алтын, а по казенной цене посланы сапоги в тритцать один алтын в четыре денги. Послана.

И по казенной цене перед посолскою росписью перешло одиннатцать алтын четыре денги, потому что ныне сапоги перед прежними годы дороги. ||^{л. 25} Калги Девлет-Гирея, царевича, гонцу Сереферию Посолского приказу по памяти и по росписи за приписью дияка Савы Раманчюкова велено изготовить однорядка в пять рублей, а по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси имянному приказу послано ему однорядка сукно аглинское зелено, цена сукну три рубли пять алтын, около однорядки круживо широкое полузолотное с полусереберьем, цена дватцать три алтына две денги, завяски шолк червчат, лопатки ткани в крушки с полузолотьем, цена шестнатцать алтын четыре денги, и всего ||^{л. 25 об.} однорядке цена четыре рубли одиннатцать алтын четыре денги. Послана.

И по казенной цене не дошло перед посолскою росписью дватцать один алтын четыре денги.

Кафтан камчат Посолского приказу по памяти и по росписи за приписью дияка Савы Раманчюкова велено послать в четыре рубли с полтиною, а по казенной цене послан кафтан камочка немецкая двояличная, шолк ал, вишневы, цена камочке четыре рубли пять алтын две денги, подкладка крашенинная зелена, дватцать алтын, в опушке зенден ||^{л. 26} червчата, три алтына, нашивка шолк багров на срукках, цена пять алтын, и всего кафтану цена пять рублей. Послана.

И по казенной цене перед посолскою росписью перешло шестнацать алтын четыре денги, потому что ныне камки и всякие товары перед прежними годы дороги, в ту цену сделать не мочно.

Шапка лисья, послана ценою против посолской росписи, цена два рубли. Послана.

Сапоги сафьянные велено послать в полтину, а по казенной цене посланы сапоги сафьянные в тридцать один || *л. 26 об.* алтын в четыре денги. Послана.

И по казенной цене перед посолскою росписью перешло пятнадцать алтын, потому что ныне перед прежними годы дороги.

Нурадына Азамат-Гирея, царевича, гонцу Доюну Посолского приказа по памяти и по росписи за приписью дияка Савы Раманчукова велено изготовить однорядка в три рубли, а по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси имянному приказу послана ему однорядка сукно настрафиль червчета, сукну цена || *л. 27* два рубли с полтиною, около однорядки круживо полузолотное, цена полтина, завяски шолк червчат, ткани в столбец, лопатки ткани в крушки с полузолотьем, цена девять алтын две денги, и всего однорядке цена три рубли девять алтын две денги. Послана.

И по казенной цене перед посолскою росписью перешло девять алтын две денги, потому что ныне сукна и всякие товары перед прежними годы дороги, в ту цену сделать не мочно.

Кафтан дорогилен или тафтян Посолского приказа по памяти и по рос|| *л. 27 об.* писи за приписью дияка Савы Раманчукова велено изготовить в три рубли, а по казенной цене послан кафтан дороги вишневые, цена дорогам два рубли дватцать алтын, подкладка крашенина лазорева, цена дватцать алтын, в опушке зенден червчета, цена три алтына, нашивка шолк червчат, на шурках, цена пять алтын, и всего кофтану цена три рубли четырнатцать алтын четыре денги. Послана.

И по казенной цене перед посолскою росписью перешло четырнатцать алтын четыре денги, потому что ныне вся|| *л. 28* кие товары перед прежними годы дороги, в ту цену сделать не мочно.

Шапка лисья, послана ценою против посолской росписи, цена два рубли. Послана.

Царевы матери гонцу Барамалею, царевы большой сестры гонцу Сеферю, царевы большой царицы гонцу Барамгозе, калги, царевича, большой царицы гонцу Аллаулу, Ибреим-паши князя Сулешева гонцу Якшату, калги, царевича, ближнево человека Алгазья князя гонцу Режепу, шти человеком, Посолского приказу по памяти и по росписи за приписью дияка Савы Раманчу|| *л. 28 об.* кова велено изготовить по однорядке человеку, по два рубли по дватцати алтын одно-

рядка, а по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси имянному приказу послано к ним по однорядке сукна настрафилные цветные, цена сукну по два рубли с полтиною, около однорядки веревачка нитеная с полузолотьем, цена шесть алтын четыре денги, завяски шолк червчат, ткани в столпцы, без лапатов, круживо и обрасцы полузо(ло)тье широкое, цена девять алтын, и всего цена иметца однорядке по два рубли ||^{л. 29} по тритцати по два алтына по две денги. Послана.

И по казенной цене перед посолскою росписью перешло по двенадцати алтын по две денги у однорядки, потому что ныне сукна и всякие товары перед прежними годы дороги, в ту цену зделать не мочно.

По шапке лисьих, посланы ценою против посолской росписи, цена по рублю шапка. Послана.

(л. 30) Апреля в 24 день по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу, по памяти и по росписи за приписью дияка Савы Раманчукова послано в Посолской приказ с Федором Шишкиным государева жалованья: платье крымским послом, которые идут в Крым, шти человеком, против прежнево, как им дано при государе на отпуске.

Царевы третьей царицы послу Карачею, Сеит-Казы-агину послу Магмуту Посолского приказу по памяти и по росписи за приписью дияка Савы Раманчукова велено зделать ||^{л. 30 об.} по шубе камки цветные, по пятинатцети рублев шуба, а по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси имянному приказу послано им по шубе бархателные цветные, цена бархатели по три рубли по пятинатцати алтын, в подкройке цки куньи с рукавы, цена по десяти рублев по осминатцати алтын з денгою, в опушке бобры, по рублю по семинатцати алтын по пяти денег, в нашивке торочки тафтяные по четыре алтына по четыре денги, нашито по семи пугвиц ||^{л. 31} оловяных, по девети денег портищо, и всего шубе цена иметца по пятинатцати рублев по дватцати по три алтына по пяти денег. Послана.

И по казенной цене перед посолской росписью перешло по дватцати по три алтына по пяти денег у шубы, потому что ныне бархатели и всякие товары перед прежними годы дороги, в ту цену зделать не мочно.

По шапке лисье, посланы ценою против посолской росписи, цена по полутора рубли шапка. Послана.

Царевы четвертой царицы послу ||^{л. 31 об.} Резвану, царева конюшего Джан-мурзину послу Индырчею, перекопского князя послу Мустафе, Шантемир-мурзину послу Муртозе, четырем человеком, По-

солского приказу по памяти и по росписи за приписью дияка Савы Раманчукова велено сделать по шубе камки цветные на хрептах белых, по семи рублев шуба, а по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси имянному приказу послано им по шубе сукно настрафиль цветные на хрептах белых, сукну цена по два рубли с четью ||^{л. 32} портищо, в подкройке цки¹⁷ хрепты бельи с рукавы, цена по два рубли, в опушке бобры, по рублю по дватцати по два алтына по три денги, круживо и образцы мишурные, по чetyре алтына по чetyре денги, пугвицы оловяные, по девяти денег, и всего цена иметца шубе по шти рублев по три алтына по чetyре денги. Послана.

И по казенной цене перед посолскою росписью не дошло по дватцати по девяти алтын по чetyре денги у шубы.

По шапке лисье, посланы ценою против посолской росписи, цена ||^{л. 32 об.} по рублю шапка. Послана.

Того ж дни по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу, по памяти и по росписи за приписью дияка Савы Раманчукова им же послано государева жалованья с Федором Шишкиным, встречнова платья, что им на встречу не послано. Царевы третьей царицы послу Карачею, царевы четвертой царицы послу Резвану, Сеит-Казы-агину послу Магмуту Посолского приказу по памяти и по росписи за приписью дияка Савы Раманчукова ||^{л. 33} велено сделать по однорят(ке) по два рубли по дватцати алтын однорятка, а по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси имянному приказу послано по однорятке сукна цветные настрафиль, цена сукну два рубли с полтиною, кружива полузолотные, цена по чetyрнатцети алтын по чetyре денги, завяски шолк цветной, с лопатками, ткани с полузолотьем, цена по чetyрнатцати алтын, и всего цена иметца однорятке по три рубли по двенатцати алтын. Послана.

И по казенной цене перед посольскою росписью пере||^{л. 33 об.} шло по дватцати по пяти алтын по две денги у однорятки, потому что ныне сукна и всякие товары перед прежними годы дороги, в ту цену сделать не мочно.

По шапке лисье, посланы ценою против посолской росписи, цена по рублю шапка. Послана.

Царева конюшего Джан-мурзину послу Индырчию, перекопского князя послу Мустофе, Шантемир-мурзину послу Муртозе Посолского приказу по памяти и по росписи за приписью дияка Савы Раманчукова велено сделать по одно||^{л. 34} рятке, по два рубли однорятка, а по

¹⁷ Над строкой.

государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси имянному приказу послано по однорятке сукно еренок червчето, цена сукну по рублю с четью, круживо полузолотное, цена по семи алтын по три денги, завяски шолк цветной с лопатками, ткани с полузолотьем, цена по девяти алтын по четыре денги, и всего цена иметца однорятке по рублю по дватцати по пяти алтын по три денги. Послана.

И по казенной цене перед посолскою росписью не дошло по семи алтын по полустесте денги. || л. 34 об.

По шапке лисье, посланы ценою против посолской росписи, цена по дватцати алтын шапка. Послана. || л. 35 Майя в 16 день по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу, по памяти и по росписи за приписью дияка Савы Раманчукова послано государева жалованья с Федором Шишкиным на Крымской двор встрешново платья крымским послом Мустофе-мурзе с товарищи, потому что им государева жалованья — встречное платье — в дорогу не послано.

Цареву послу, Мустофе-мурзе, Посолского приказу по памяти и по росписи за приписью дияка Савы Раманчукова велено изготовить однорятка || л. 35 об. червчата или светло-зелена в семь рублей, а по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси имянному приказу послана однорятка — сукно багрец червчат, цена сукну четыре рубли осьмнатцать алтын две денги, около однорятки круживо широкое полузолотное с полусереберьем, тритцать три алтына, завяски, шолк лазорев, ткани в столбец, лопатки ткани в крушки с полузолотьем, цена дватцать алтын, и всего цена однорятке шесть рублей четыре алтына четыре денги. Послана.

И по казенной цене || л. 36 не дошло дватцать восемь алтын четыре денги.

Кафтан камчат, Посолского приказу по памяти и по росписи за приписью дияка Савы Раманчукова велено изготовить в шесть рублей, а по казенной цене кафтан, камка кизылбашская, шолк червчат, зелен, цена камке четыре рубли, подкладка крашенина лазорева осмнатцать алтын четыре денги, в подпушке тафта зелена семь алтын полшесты денги, нашивка шолк рудо-желт на снурках пять алтын, и всего кафтану цена четыре рубли тритцать один алтын || л. 36 об. полтретьи денги. Послана.

И по казенной цене не дошло тритцать пять алтын полторы денги.

Шапка лисья послана ценою против посолской росписи, цена три рубли с полтиною. Послана.

Сапоги сафьянные, велено послать в дватцать пять алтын, а по казенной цене посланы сапоги сафьянные червчатые, цена рубль. Послана.

И по казенной цене перешло восемь алтын две денги, потому что ныне сапоги перед прежними годы дороги.

Калги Девлет-Гирея, царевича, послу Гиммешь-мурзе Посолского приказу ||^{л. 37} по памяти и по росписи за приписью дияка Савы Раманчукова велено изготовить однорядка в шесть рублей, а по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всея Руси имянному приказу послано ему однорядка, сукно лундыш, серебряной цвет, цена сукну четыре рубли тринадцать алтын четыре денги, около однорядки круживо широкое полузолотное с полусеберьем, цена тридцать алтын, завяски шолк червчат, ткани в столбец, лопатки ткани в крушки с полузолотьем, цена дватцать алтын, и всего однорядке цена пять рублей тридцать алтын ||^{л. 37 об.} две денги. Послана.

И по казенной цене не дошло перед посолскою росписью три алтына.

Кафтан камчат или дорогилен, Посолского приказу по памяти и по росписи за приписью дияка Савы Раманчукова велено изготовить в пять рублей, а по казенной цене послан ему кафтан, дороги червчатые, цена дорогам два рубли дватцать алтын, подкладка крашенная лазорева, цена осмнатцать алтын четыре денги, подпушка¹⁸ зенден червчатая, шесть алтын две денги, нашивка шолк лазорев на снурках ||^{л. 38} цена четыре алтына з денгою, и всего кафтану цена три рубли пятнадцать алтын пять денег. Послан.

И по казенной цене не дошло перед посолскою росписью рубль семнатцать алтын три денги.

Шапка лисья послана ценою против посолской росписи, цена два рубли. Послана.

Сапоги сафьянные велено послать в дватцать алтын, а по казенной цене посланы сапоги сафьянные червчеты в тридцать два алтына. Послана.

И по казенной цене перед посолской росписью перешло двенатцать алтын, потому что ||^{л. 38 об.} ныне сапоги перед прежними годы дороги.

Цареву другому послу Шабану Посолского приказу по памяти и по росписи за приписью дияка Савы Раманчукова велено изготовить однорядка в шесть рублей, а по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всея Руси имянному приказу послано ему однорядка, сукно лундыш, серебряной цвет, цена четыре рубли тринадцать алтын четыре денги, около однорядки круживо широкое полузолотное с полусереберьем, ||^{л. 39} цена тридцать алтын, завяски шолк червчат, ткани в столбец, лопатки ткани в крушки с полузолотьем, цена дватцать алтын, всего однорядке цена пять рублей тридцать алтын две денги. Послана.

¹⁸ *Испр. из:* опушка.

И по казенной цене не дошло перед посолскою росписью три алтына.

Кафтан камчат или дорогилной, Посолского приказу по памяти и по росписи за приписью дияка Савы Раманчукова велено изготовить в пять рублей, а по казенной цене послан кафтан, дорогилен, червчат, цена дорогам два рубли дватцать алтын, подклатка краше-нина лазорева, осмнатцать алтын четыре || л. 39 об. денги, подпушка зенден червчата, шесть алтын две денги, нашивка, снурок и пугови-ки — шолк лазорев, четыре алтына з денгою, и всего кафтану цена три рубли пятнатцать алтын пять денег. Послана.

И по казенной цене перед посолскою росписью не дошло рубль семнатцать алтын три денги.

Шапка лисья послана ценою против посолской росписи, цена два рубли. Послана.

Сапоги сафьянные велено изготовить в дватцать алтын, а по ка-зенной цене сапоги сафьянные червчатые, цена тритцать два алты-на. Послана.

И по казенной цене перешло двенатцать алтын, потому || л. 40 что ныне перед прежними годы дороги.

Нурадынову послу Осману по памяти и по росписи за приписью дияка Савы Раманчукова велено изготовить однорятка в четыре рубли, а по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоро-вича всеа Руси имянному приказу послано однорятка, сукно аглин-ское светло-зелено, цена сукну два рубли пятнатцать алтын, около однорятки круживо широкое полузолотное¹⁹ с полусереберьем трит-цать алтын, завяски шолк червчат, ткани в столбец, лопатки ткани в крушки с полузолотьем, цена дватцать || л. 40 об. алтын, и всего однорят-ке цена три рубли тритцать один алтын четыре денги. Послана.

И по казенной цене не дошло перед посолскою росписью десять денег.

Шапка лисья, ценою против посолской росписи, цена два рубли. Послана.

Цареву третьему послу Жеферю по памяти и по росписи за при-писью дияка Савы Раманчукова велено изготовить однорятка в че-тыре рубли, а по государеву, цареву и великого князя Михаила Фе-доровича всеа Руси имянному приказу послано однорятка, сукно аглинское светло-зелено, цена сукну два рубли || л. 41 пятнатцать ал-тын, около однорятки круживо полузолотное с полусереберьем тритцать алтын, завяски шолк червчат, ткани в столбец, лопатки ткани в крушки с полузолотьем, дватцать алтын, и всего однорятке цена три рубли тритцать один алтын четыре денги. Послана.

¹⁹ В ркп. ошибка: полузолотное.

И по казенной цене не дошло перед посолскою росписью десять денег.

Шапка лисья, ценою против посолской росписи, цена два рубли. Послана.

Царевы матери послу Асеню, царевы большой сестры послу Козмагметю, царевы большой царицы послу Булату, царевы другой царицы послу Алии, калгиной ^{л. 41 об.} большой царицы послу Асану, царева болшово сына послу Мурату, шти человеком, по памяти и по росписи за приписью дияка Савы Раманчюкова велено изготовить по однорятке по три рубли однорятка, а по государева, царева и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси имянному приказу послано по однорятке, сукно настрафиль цветные, сукну цена по два рубли с полтиною, около однорятки круживо полузолотное по штинатцати алтын по четыре денги, завяски шолк черной, с лопатки ткани в крушки с полузолотьем, цена по тринаццати алтын ^{л. 42} по две денги, и всего цена иметца однорятке по три рубли по тринаццати алтын по две денги. Послана.

И по казенной цене перед посолскою росписью перешло по тринаццати алтын по две денги у однорятки, потому что ныне сукна и всякие товары перед прежними годы дороги, в ту цену зделать не мочно.

По шапке лисье ценою против посолской росписи, цена по рублю шапка. Послана.

Царева брата Магмет-Гирея, царевича, послу Мамаю, нурадынова брата Мубарек-Гирееву, царевичеву, послу Ботаю, Ислам-Гирееву, ^{л. 42 об.} царевичеву, послу Ибрашу, Сафа-Гирееву, царевичеву, послу Мустофе, Крым-Гирееву, царевичеву, послу Алею, калги, царевича, другой царицы послу Казы, царевы другой сестры послу Девлет-Алею.

Ближних людей

Суфы, князя Ширинского послу Мартыну, Богатыр-Гирея, князя, послу Келше, Мурзабек-агину послу Теребердею, Ибрагим-паши, князя Сулешева послу Карачере, калги, царевича, капыченского головы Алгазы-агину послу Усеину по памяти и по росписи за приписью дияка Савы Раманчюкова ^{л. 43} велено изготовить по однорятке по два рубли по дватцати алтын однорятка, а по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси имянному приказу послано по однорятке настрафилные цветные, цена сукну по два рубли с полтиною, около однорятки веревочки нитеные с полузолотьем, четыре алтына три денги, завяски шолк цветной, ткани

в столбец, без лопаток, по²⁰ шести²¹ алтын по²² четыре денги, к завяскам на образцы круживо широкое полузолотное, по три алтына, и всего однорятке цена иметца ||^{л. 43 об.} по два рубли по тридцати алтын по пяти денег. Послана.

И по казенной цене перешло по десяти алтын по пяти денег у однорятки, потому что ныне сукна и всякие товары перед прежними годы дороги, в ту цену зделать не мочно.

По шапке лисье ценою против посолской росписи, цена по дватцати по пяти алтын шапка. Послана.

Царевы пятой царицы послу Берлеку, царевы третьей сестры послу Магамметю, калгиной третьей царицы послу Ахметю, нурадыновы царицы послу Доню-Гилдею, Сефар-Газыя князя Куликова послу Чекею, Арсла||^{л. 44} нова княжово сына Ишим-мурзина послу Магметю, Кары, князя, послу Нурашу, Кады-Аскереву послу Исламу, Мустофы-мурзы послу Асману, калги, царевича, ближнего человека Азамат-мурзину послу Ишмаметю, Сияшу-агину послу Девлет-Казы, Ахмет-пашина другово сына Джан-Темир, мурзину, послу Казкею, Кутлу-Сагата, князя, послу Бегрему по памяти и по росписи за приписью дияка Савы Раманчюкова велено изготовить по однорятке по два рубли однорятка, а по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси имянному приказу ||^{л. 44 об.} послано по однорятке сукно влоское, червчато, цена сукну по рублю по штинатцати алтын по четыре денги, около однорятки веревочки нитеные с полузолотьем по четыре алтына по три денги, завяски шолк цветной без лопаток по шести алтын по четыре денги, да на образцы к завяскам круживо полузолотное по три алтына, и всего цена иметца однорятке по рублю по тридцати алтын по пяти денег. Послана.

И по казенной цене не дошло перед посолскою росписью по три алтына у однорятки.

По шапке лисье ценою против посолской ||^{л. 45} росписи, цена по дватцати алтын шапка. Послана.

(л. 46) Майя в 30 день по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу, по памяти за приписью дияка Савы Раманчюкова послано государева жалованья с приставом с Федором Шишкиным встречнова платья крымским послом: нурадынову послу Осману, цареву третьему послу Жеферю по кафтану по тафтяному, по тому, что в прежней памяти прописаны.

²⁰ Над строкой.

²¹ Исправлено из: шесть.

²² Вписано в строку позже.

Норадынову послу Осману, цареву третьему послу Жеферю Посолского приказу по памяти за приписью дияка Савы Раманчукова велено сделать встречное платье по кафтану по тафтяному || л. 46 об. по два рубли с полтиною кафтан, а по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси имянному приказу послано по кафтану по тафтяному цветных, цена тафте по два рубли, подкладка крашенина лазорева, цена по дватцати по одному алтыну, нашивка шолк червчат на снурках по пяти алтын, и всего кафтану цена иметца по два рубли по дватцати по шти алтын. Послана.

И по казенной цене перед посолскою росписью перешло по девяти алтын по две денги у кафтана, потому что ныне тафты и всякие товары дороги, в ту цену сделать не мочно. || л. 47

Июня в 1 день по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу, по памяти за приписью дияка Савы Раманчукова велено изготовить на отпуске аглинсково Якуба-короля посланником Томосу Финшу да писарю Томосу Леку за их поминки, что они государю челом ударили, и те поминки велено к ним отослати назад, которые есть в лицах, а что в росходе — и за то им послано государева жалованья против их поминков по цене в полтора того соболями. || л. 47 об.

Посланнику Томосу Финшу да писарю Томосу Леку сорок соболей во сто рублей. Дано.

Сорок соболей в семдесят рублей. Дано.

Сорок соболей в пятдесят рублей. Дано.

Сорок соболей в тритцать рублей. Дано.

Сорок соболей в дватцать один рубль. Дано.

И всего послано посланнику и писарю на двести на семдесят на один рубль.

Да лутчему дворянину сорок соболей в дватцать пять рублей. Дано.

Да королевским дворяном, двум человеком, два сорока соболей по дватцати рублей сорок. Дано. || л. 48 Аглинских посланников попу да переводчику два сорока куниц по двенатцати рублей сорок. Дано.

А отвозил государево жалованье дияк Булгак Милованов.

(л. 49) Июля в 11 день по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу, по памяти за приписью думного дияка Ивана Грамотина послано в Посолской приказ с Казенного двора с молодым с подьячим с Ываном Яковлевым датцкому гонцу Вилиму Фендоргиву, которой прислан ко государю от датцко-го короля з грамоты, на отпуске государева жалованья сорок куниц добрых, цена двенатцать рублей. Дано. || л. 49 об.

Июля в 29 день у государя, царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси на дворе в Золотой полате Джанбек-Гирея, царя, крымские новые гонцы Ибреим-мурза с товарищи на приезде были. И государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси Джанбек-Гирея, царя, крымские новые гонцы Ибреим-мурза с товарищи челом ударили. И государь, царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси крымских новых гонцов на приезде жаловал, была им подача меда, а у подачи дано им государева ^{|| а. 50} жалованье. Цареву гонцу Ибреим-мурзе Посолского приказу по памяти и по росписи за приписью дияка Савы Раманчукова велено изготовить шуба бархатна или отлас з золотом на соболех, пугвицы серебряны в тритцать рублей, а по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси имянному приказу дана ему шуба отлас крымской, по червчатой земле шолк бел, рудо-желт, круги золоты, цена с порку восемь рублей с четью, в подкройке цки соболюи и с рукавы, цена дватцать семь рублей с четью, в опушке бобры, ^{|| а. 50 об.} рубль дватцать алтын з денгою, в нашивке торочки тафтяные, пять алтын пять денег, нашито семь пугвиц серебряных, цена дватцать семь алтын три денги, и всего шубе цена тритцать восемь рублей три алтына три денги. Дано.

И по казенной цене перед посолскою росписью перешло восемь рублей три алтына три денги, потому что ныне отласы и соболюи, и всякие товары перед прежними годы дороги, в ту цену зделать не мочно.

Шапка лисья велено изготовить, два рубли с полтиною, а по казенной цене шапка лисья дана²³ — три рубли. Дано.

И по ^{|| а. 51} казенной цене перешло шестнатцать алтын четыре денги, потому что ныне лисицы перед прежними годы дороги, в ту цену зделать не мочно.

Калгину гонцу Сеферю Посолского приказу по памяти и по росписи за приписью дияка Савы Раманчукова велено изготовить шуба бархатна или камчата на соболех с пугвицы с серебряны в дватцать в три рубли, а по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси имянному приказу дана ему шуба спорук камочка бурская, по вишневой земле шолк ^{|| а. 51 об.} бел, желт, червчат, кружечки золоты, цена спорку пять рублей с полтиною, в подкройке цки соболюи с рукавы, цена дватцать четыре рубли четыринатцать алтын четыре денги, в опушке бобры, рубль тритцать один алтын две денги, в нашивке торочки тафтяные четыре алтына з денгою, нашито семь пугвиц серебряных белых, цена дватцать четыре алтына

²³ *Испр. из:* цена.

три денги, и всего шубе цена тритцать два рубли дватцать четыре алтына три денги. Дано. И по казенной цене перед посолскою росписью перешло девять рублей дватцать четыре алтына три денги, потому ||^{л. 52} что ныне камки и соболи перед прежними годы дороги, в ту цену сделать не мочно.

Шапка лисья ценою против посолской росписи, цена два рубли. Дано.

Нуредынову гонцу Доюну Посолского приказу по памяти и по росписи за приписью дияка Савы Раманчукова велено изготовить шуба бархатна или камчатна на соболех с пугвицы с серебряны восмнатцать рублей, а по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии имянному приказу дана ему шуба отлас крымской, по лазоревой земле шолк бел-желт ||^{л. 52 об.} с нашивкою, цена отласу семь рублей, в подкройке цки собольи с рукавы, цена деветнатцать рублей одиннатцать алтын, в опушке бобры два рубли десять алтын две денги, нашито девять пугвиц серебряных, весу и за дело новыми денгами рубль одиннатцать алтын четыре денги, и всего шубе цена дватцать девять рублей тритцать три алтына. Дано.

И по казенной цене перед посолскою росписью перешло одиннатцать рублей тритцать три алтына, потому что ныне отласы и соболи перед прежними годы дороги, в ту цену сделать не мочно. ||^{л. 53} Шапка лисья, ценою против посолской росписи, цена полтора рубли. Дано.

Царевы матери гонцу Барамалею, царевы болшой сестры гонцу Сеферю, царевы болшой царицы гонцу Бамрагозе, калги, царевича, болшой царицы гонцу Аллагуллу, Ибреим-паши князя Сулешева гонцу Якшату, калгина ближнево человека Алгазы-агину гонцу Режепу, шти человеком, Посолского приказу по памяти и по росписи за приписью дияка Савы Раманчукова велено изготовить по шубе, камки цветные на хрептех белых, по осми рублей шуба, а по государеву, ||^{л. 53 об.} цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии имянному приказу дано им по шубе, сукно настрафиль, червчато с круживом и с обрасцы с мишурными, цена сукну по рублю по тритцати алтын, в подкройке цки хрепты бельи с рукавы по два рубли по дватцати по два алтына по две денги, в опушке бобры по два рубли по пяти алтын по четыре денги, пугвицы оловяные по семи денег портищо, и всего шубе цена иметца по шти рублей по дватцати по пяти алтын по пяти денег. Дано.

И по казенной цене перед посолскою росписью не дошло ||^{л. 54} по рублю по семи алтын по три денги у шубы.

По шапке лисье, ценою против посолской росписи, цена по рублю шапка. Дано.

(л. 55) Того ж дни у государя, царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси на дворе в Золотой полате Джанбек-Гирея, царя, крымские старые послы Мустофа-мурза с товарищи на приезде были. И государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси Джанбек-Гирея, царя, крымские послы Мустофа-мурза с товарищи челом ударили, и государь, царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси крымских старых послов для приезду крымских новых гонцов жаловал: || л. 55 об. была им подача меда, а у подачи дано им государева жалованья. Цареву послу Мустофе Посолского приказу по памяти за приписью дияка Савы Раманчукова велено изготовить однорятка, сукно багрец с круживом в восемь рублей, а по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси имянному приказу дана ему однорятка, сукно багрец, червчата, цена сукну пять рублей шесть алтын четыре денги, около однорятки круживо широкое золото с серебром, цена два рубли семнатцать алтын две денги, завяски шолк багров, ткани в столбец, лопатки ткани || л. 56 в крушки з золотом, цена полтора рубли, и всего однорятке цена девять рублей семь алтын две денги. Дано.

И по казенной цене перед посолскою памятью перешло рубль семь алтын две денги, потому что ныне сукна и всякие товары перед прежними годы дороги, в ту цену зделать не мочно.

Калги Девлет-Гирея, царевича, послу Гимметче Посолского приказу по памяти за приписью дияка Савы Раманчукова велено ему изготовить однорятка в шесть рублей, а по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси имянному приказу дана ему || л. 56 об. однорятка, сукно аглинское, червчато, цена сукну два рубли пятнатцать алтын, круживо золотное в сорок алтын, завяски шолк лазорев, лопатки ткани в крушки с полузолотьем, шестнатцать алтын четыре денги, и всего однорятке цена четыре рубли пять алтын. Дано.

И по казенной цене перед посолскою памятью не дошло рубль дватцать восемь алтын две денги.

Другому цареву послу Шабану Посолского приказу по памяти за приписью дияка Савы Раманчукова велено ему изготовить однорятка в шесть рублей, а по государеву, цареву и великого князя || л. 57 Михаила Федоровича всеа Руси имянному приказу дана ему однорятка, сукно аглинское, червчато, цена сукну два рубли пятнатцать алтын, круживо золото с серебром сорок алтын, завяски шолк лазорев, лопатки ткани в крушки с полузолотьем шестнатцать алтын четыре денги, и всего однорятке цена четыре рубли пять алтын. Дано.

И по казенной цене перед посолскою памятью не дошло рубль дватцать восемь алтын две денги.

Калги Азамат-Гирея, царевича, послу Асману Посолского приказу по памяти за приписью дияка Савы Раманчукова || л. 57 об. велено изготовить однорядка в четыре рубли, а по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси имянному приказу дана ему однорядка, сукно настрафиль, червчато, цена сукну два рубли пятнатцать алтын, круживо полузолотное, цена тринатцать алтын две денги, завяски шолк лазорев, лопатки ткани в крушки с полузолотьем, цена шестнатцать алтын четыре денги, и всего однорядке цена три рубли одиннатцать алтын четыре денги. Дано.

И по казенной цене перед посолскою памятью не дошло дватцать один алтын || л. 58 четыре денги.

Цареву послу Джеферю Посолского приказу по памяти за приписью дияка Савы Раманчукова велено изготовить однорядка в четыре рубли, а по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси имянному приказу дана ему однорядка, сукно настрафиль, червчато, цена сукну два рубли пятнатцать алтын, круживо полузолотное тринатцать алтын две денги, зовяски шолк червчат, лопатки ткани в крушки с полузолотьем шеснатцать алтын четыре денги, и всего однорядке цена || л. 58 об. три рубли одиннатцать алтын четыре денги. Дано.

И по казенной цене перед посолскою памятью не дошло дватцать один алтын четыре денги. || л. 59

Того ж дни по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу Посолского приказу по памяти за приписью дияка Савы Раманчукова послано в Посолской приказ с приставом с Федором Шишкиным государева жалованья встречново платья крымским новым гонцом: цареву гонцу Резепу Посолского приказу по памяти за приписью дияка Савы Раманчукова велено сделать однорядка червчата или светло-зелена в шесть рублей, а по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси имянному приказу послана однорядка сукно аглинское сизово || л. 59 об. с круживом с полузолотным, завяски шолк червчат, ткани в столбцы, лопатки ткани в крушки с полузолотьем, и всего однорядке цена четыре рубли. Дано.

И по казенной цене перед посолскою памятью не дошло два рубли.

Кафтан камчат, Посолского приказу по памяти за приписью дияка Савы Раманчукова велено сделать в пять рублей, а по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси имянному приказу послан кафтан, камка немецкая лазорева, цена камке четыре рубли, в подклатке крашенина лазорева, девять алтын || л. 60 четыре денги, в опушке зенден червчата два алтына, в нашивке шолк червчат, пуговики на снурках пять алтын, и всего кафтану цена четыре рубли шестнатцать алтын четыре денги. Дано.

И по казенной цене перед посолскою памятью не дошло шестнатцать алтын четыре денги.

Шапка лисья, велено сделать в два рубли с полтиною, а по казенной цене шапка лисья послана в три рубли. Дано.

И по казенной цене перед посолскою памятью перешло шестнатцать алтын четыре денги, потому что ныне лисицы перед прежними годы дороги, и в ту ^{л. 60 об.} цену сделать не мочно.

Сапоги сафьянные, посланы ценою против посолской памяти, цена дватцать алтын. Дано.

Калгину гонцу Посолского приказу по памяти за приписью дияка Савы Раманчюкова велено сделать однорятка в пять рублей, а по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси имянному приказу послана однорятка, сукно аглинское сизово, с круживом с полузолотным, завяски шолк червчат, ткани в столбцы, лопатки ткани в крушки, с полузолотьем, и всего однорятке цена четыре рубли. Дано.

И по казенной цене перед посолскою памятью ^{л. 61} не дошло рубль.

Кафтан камчат, Посолского приказу по памяти за приписью дияка Савы Раманчюкова велено сделать в четыре рубли с полтиною, а по казенной цене послан кафтан камка лазорева, немецкая, цена камке четыре рубли, в подкладке крашенина лазорева девять алтын четыре денги, в опушке зендень червчата два алтына, в нашивке снурок и пуговики шолк червчат, пять алтын, и всего кафтану цена четыре рубли с полтиною. Дано.

Шапка лисья послана, ценою против посолской памяти, цена два рубли. Дано. ^{л. 61 об.}

Сапоги сафьянные, велено сделать в полтину, а по казенной цене посланы сапоги сафьянные червчаты в девятнатцать алтын. Дано.

И по казенной цене перед посолскою памятью перешло два алтына две денги, потому что ныне перед прежними годы дороги.

Нурадынову гонцу Посолского приказу по памяти за приписью дияка Савы Раманчюкова велено сделать однорятка в три рубли, а по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси имянному приказу послана однорятка, сукно настрафиль червчата, цена ^{л. 62} сукну два рубли, завяски шолк лазорев с лопатки дватцать три алтына две денги, около однорятки круживо полузолотное двенатцать алтын, и всего однорятке цена три рубли два алтына. Дано.

И по казенной цене перед посолскою памятью перешло два алтына, потому что ныне сукна и всякие товары перед прежними годы дороги, в ту цену сделать не мочно.

Кафтан дорогилен или тафтян, Посолского приказу по памяти за приписью дияка Савы Раманчукова велено сделать в три рубли, а по казенной || л. 62 об. цене послан кафтан, дороги лен червчат, с подкладкою и с нашивкою, и всего кафтану цена два рубли восемь алтын две денги. Дано.

И по казенной цене перед посолскою памятью не дошло дватцать пять алтын.

Шапка лисья послана, ценою против посолской памяти, цена полтора рубли. Дано.

Ибреим-паши, князя, Сулешева гонцу Посолского приказу по памяти за приписью дияка Савы Раманчукова велено сделать однорятка в два рубли в дватцать алтын, а по государеву, цареву и великого князя Михаила || л. 63 Федоровича всеа Руси имянному приказу послана однорятка, сукно червчато с круживом с мишурным и з завязки, и всего однорятке цена рубль тритцать алтын. Дано.

И по казенной цене перед посолскою памятью не дошло дватцать трех алтын дву денег.

Шапка лисья, ценою против посолской памяти, цена рубль. Дано.

(л. 64) Того ж дни у государя, царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси на дворе в Золотой полате Джанбек-Гирея, царя, крымские гонцы: царев гонец Резепа с товарищи, на приезде были. И государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси Джанбек-Гирея, царя, крымские гонцы: царев гонец Резепа с товарищи, челом ударили, и государь, царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси крымских гонцов на приезде жаловал: была им подача меда, а у подачи дано им || л. 64 об. государева жалованья.

Цареву гонцу Резепу Посолского приказу по памяти за приписью дияка Савы Раманчукова велено изготовить шуба бархатна или отлас з золотом на соболех с пугвицы с серебрены в тритцать рублев, а по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси имянному приказу дана ему шуба спорок отласец крымской по червчатой земле шолк лазорев лезен, листьа золоты, с нашивкою, цена спорку восемь рублев, в подкройке цки собольи без рукав, цена семнатцать рублев осмнатцать || л. 65 алтын две денги, в прибавку в стан и в рукава дватцать один соболь, цена восемь рублев, в опушке бобры тритцать один алтын две денги, нашито семь пугвиц серебряных, весу и за дело рубль одиннатцать алтын четыре денги, и всего шубе цена тритцать пять рублев дватцать восемь алтын. Дано.

И по казенной цене перед посолскою памятью перешло пять рублев дватцать восемь алтын, потому что ныне отлас и соболи, и вся-

кие товары перед прежними годы дороги, в ту цену зделать не мочно. || л. 65 об.

Шапка лисья, велено изготовить в два рубли с полтиною, а по казенной цене шапка три рубли. Дано.

И перед посолскою памятью перешло шестнатцать алтын четыре денги, потому что ныне лисицы перед прежними годы дороги, в ту цену зделать не мочно.

Калгину гонцу Посолского приказу по памяти за приписью дияка Савы Раманчукова велено изготовить шуба бархатна или камчата на соболех с пугвицы с серебряны в дватцать в три рубли, а по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии имянному || л. 66 приказу дана ему шуба спорок, бархат холябской по червчатой земле шолк вишнев, зелен, розводы и лисья золоты, цена бархату с нашивкою семь рублей, в подкройке цки собольи без рукав, цена деветнатцать рублей шесть алтын две денги, в прибавку четырнатцать соболей три рубли, в опушке бобры тритцать один алтын две денги, нашито семь пугвиц серебряных, весу и за дело рубль одиннатцать алтын четыре денги, и всего шубе цена тритцать один рубль шестнатцать алтын. Дано.

И по казенной цене перед посолскою памятью перешло восемь || л. 66 об. рублей шестнатцать алтын, потому что ныне бархаты и соболи перед прежними годы дороги, в ту цену зделать не мочно.

Шапка лисья, ценою против посолской памяти, цена два рубли. Дано.

Нурадынову гонцу Посолского приказу по памяти за приписью дияка Савы Раманчукова велено изготовить шуба бархатна или камчата на соболех с пугвицы с серебряны в восмнатцать рублей, а по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии имянному приказу дана ему шуба спорок, отлас крымской || л. 67 по червчатой земле шолк бел, лазорев, зелен, рыбки золоты с нашивкою, цена отласу шесть рублей с четью, в подкройке цки собольи с рукавы, цена дватцать рублей одиннатцать алтын, в прибавку на рукава соболь, цена полтина, в опушке бобры, тритцать один алтын две денги, нашито семь пугвиц серебряных, весу и за дело рубль одиннатцать алтын четыре денги, и всего шубе цена дватцать девять рублей двенатцать алтын две денги. Дано.

И по казенной цене перед посолскою памятью перешло одиннатцать рублей двенатцать алтын две денги, потому что ныне || л. 67 об. отласы и соболи перед прежними годы дороги, в ту цену зделать не мочно.

Шапка лисья, ценою против посолской памяти, цена полтора рубли. Дано.

Ибреим-паши, князя, Сулешева гонцу Посолского приказу по памяти за приписью дияка Савы Раманчукова велено изготовить шуба камка цветная на хрептех белых в восемь рублей, а по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси имянному приказу дана шуба, сукно настрафиль червчата, цена сукну рубль тритцать алтын, круживо и образцы²⁴ мишурные ||^{л. 68} кованые пять алтын четыре денги, в подкройке цки хрепты бели с рукавы, цена два рубли дватцать два алтына две денги, в опушке бобры два рубли пять алтын пять денег, пугвицы оловяные семь денег, и всего шубе цена шесть рублей тритцать один алтын три денги. Дано.

И по казенной цене перед посолскою памятью не дошло рубль два алтына.

Шапка лисья, ценою против посолской памяти, цена рубль. Дано.

(л. 69) Августа в 17 день по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу, Посолского приказу по памяти за приписью думного дияка Ивана Грамотина послано в Посолской приказ с толмачем с Офонасьем Золотухиным бухарскому послу Едему да брату его для их разоренья, что их на дороге нагайские люди ограбили, у государя быти им не в чем.

Бухарскому послу Едему по памяти за приписью думного дияка Ивана Грамотина велено сделать однорятка, сукно настрафиль, добрая, з завяски или с пугвицы в четыре рубли, а по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси имянному приказу послана однорятка, сукно аглинское зелено, цена сукну ||^{л. 69 об.} два рубли пятнатцать алтын, около однорятки круживо и образцы полузолотное двенатцать алтын четыре денги, завяски шолк червчат, лопатки ткани в крушки с полузолотьем — полтина, и всего однорятке цена три рубли одиннатцать алтын. Дано.

И по казенной цене перед посолскою памятью не дошло дватцать два алтына две денги.

Кафтан киндячен, по памяти за приписью думного дияка Ивана Грамотина велено послать в два рубли, и по казенной цене послан кафтан киндяк лазорев, подкладка холст белой, нашивка торочки киндяк лазорев, цена кафтану рубль три алтына две денги. Дано. И по казенной цене перед посолскою памятью не до||^{л. 70} шло тритцать алтын.

Рубашка шита шолком, да порты посланы, всего рубашке и портам цена дватцать алтын. Дано.

²⁴ Так в ркп.

Шапка сукно багрец червчата, испод соболей с пухом, ценою против посолской памяти, цена сорок алтын. Дано.

Сапоги сафьянные червчатые, цена дватцать три алтына две денги. Дано.

Да брату его по памяти за приписью думного дияка Ивана Грамотина велено сделать однорятка два рубли с полтиною, а по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси имянному приказу послана однорядка || л. 70 об. сукно настрафилъ червчато, цена сукну два рубли, около однорятки круживо и образцы полузолотное пятнатцать алтын четыре денги, завяски шолк цветной восьмь алтын две денги, и всего однорятке цена два рубли дватцать четыре алтына. Дано.

И по казенной цене перед посолскою памятью перешло семь алтын две денги, потому что ныне сукна и всякие товары перед прежними годы дорожи, в ту цену сделать не мочно.

Кафтан зеңденинной, по памяти за приписью думного дияка Ивана Грамотина велено послать в пол || л. 71 тора рубли, и по казенной цене послан кафтан зеңден мурамна зелена, подклатка холст белой, нашивки торочки киндяк лазорев, цена рубль. Дано.

И по казенной цене перед посолскою памятью не дошло шестнатцать алтын четыре денги.

Рубашка шита шелки, да порты, и всего рубашке и портам цена дватцать алтын. Дано.

Шапка сукно гвоздишная, испод соболей з душкою, цена трицать два алтына. Дано.

Сапоги телятненные, цена || л. 71 об. семнатцать алтын две денги. Дано.

РГАДА. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 335. — Л. 1—71 об.

- ¹ Малов А.В. «Выход» и «выходцы» на завершающем этапе Смуты (1613—1619): определение терминологических границ (по данным расходных книг Казенного приказа) // Смутное время: итоги и уроки: сб. материалов второй Всерос. науч. конф., Иваново — Кохма — Шуя, 20—22 апреля 2012 г. / отв. ред. А.Ю. Кабанов. — Иваново, 2012. — С. 157—195; *Его же*. Приходо-расходные книги Казенного приказа конца Смуты (1613—1621 гг.) как источник по истории Крымского ханства и русско-крымских отношений // V науковій читання пам'яті У. Боданінського: тези доповідей та повідомлень міжнар. наук. конф. (Бахчисарай, 23—27 жовтня 2013 р.). — Сімферополь, 2013. С. 44—45; *Его же*. Состав и внутренняя структура отрядов служилых татар «великого Российского царствия» по записям расходных книг Казенного приказа конца Смуты. 1613—1619 гг. // Средневековые тюрко-татарские государства: науч. ежегодник. — Казань, 2014. — Вып. 6. — С. 224—232; *Idem*. Making, Usage and Keeping of Standards, Guidons and Colours in Russia 1613—1689 according to data from the Account-Books of the “Kazennyi Prikaz” // In hoc signo vinces: The vexillological seminar. Stockholm 2011 & 2013. — Stockholm, 2016. — P. 23—31, 115—116; *Его же*. Пушкарского чина люди по данным расходных книг Казенного приказа в завершающий период Смутного времени (1613—1619 гг.) [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2016. — Специальный выпуск VI: Русский «бог войны»: исследования и источники по истории отечественной артиллерии, ч. II. — С. 159—217. URL: <http://www.milhist.info/2016/05/20/malov> (дата обращения 20.05.2016); *Его же*. Оружейные мастера в освобожденной Москве: материалы к просопографии по данным расходных книг Казенного приказа. Ч. 1: 7122-й (1613/14) — 7127-й (1618/19) гг. // Материалы и исследования. Музеи Московского Кремля. — М., 2018. — Вып. 28: Оружейное собрание Музеев Кремля. Памятники, история, проблемы изучения. — С. 42—65; *Его же*. Пожалования на Казенном дворе за «московское осадное сиденье» 1618 г. // Имена московской науки: материалы международной научно-практической конференции (29 сентября 2017 г.) / сост. А.А. Александров, Е.Ю. Колетвинова, А.С. Сухова. — М., 2018. — С. 136—145.
- ² *Рогожин Н.М.* К вопросу о публикации посольских книг конца XV — начала XVII в. // Археографический ежегодник за 1979 г. — М., 1981. — С. 185—209; *Его же*. Посольские книги России конца XV—XVII вв. — М., 1994.
- ³ О непростых дипломатических понятиях «поминки» и «жалованье» см.: *Моисеев М.В.* Эволюция и содержание посольских даров — «поминоков» в русско-ногайских отношениях XVI века // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Серия: История и политология. — 2011. — № 4. — С. 17—31.
- ⁴ РГАДА. — Ф. 123. Сношения России с Крымом. — Оп. 1. — Кн. 13. — Л. 70 об., 178, 179, 196-а об., 309 (опубл.: Посольская книга по связям Московского государства с Крымом 1567—1572 гг. / авт.-сост. А.В. Виноградов, А.В. Малов, М.В. Моисеев, О.С. Смирнова. — М., 2016. — С. 118, 182, 194, 267); Кн. 14. — Л. 36 об., 63, 302, 384 (опубл.: Посольская книга по связям Московского государства с Крымом 1571—1577 гг. / отв. ред. И.В. Зайцев; подгот. текста и комментариев А.В. Виноградов, И.В. Зайцев, А.В. Малов, О.С. Смирнова, В.Н. Сокуров, Г.А. Тарасова; приложения А.М. Галенко, И.А. Мустакимов. — М., 2016. — С. 82, 97, 224, 269).
- ⁵ РГАДА. — Ф. 123. Сношения России с Крымом. — Оп. 1. — Кн. 13. — Л. 18—18 об. (опубл.: Посольская книга... 1567—1572 гг. — С. 81—82).
- ⁶ *Арсеньев Ю.В.* Опись (черновая) царской Оружейной казны и разной рухляди, находящихся в Оружейной палате, по прежним книгам и переписным тетрадам подъячего Афанасия Копылова (1639 г.). 1646 г. // ЧОИДР. — М., 1902. — Кн. 3. — С. 41—44; *Ларченко М.Н.* Перечневая роспись оружейной казны царя

Алексея Михайловича 1647 г. // Археографический ежегодник за 1971 г. — М., 1972. — С. 173—181; Описание царской казны на Казенном дворе 1640 года. — М., 2015. — 192 с.

⁷ *Викторов А.Е.* Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. — М., 1877. — Вып. 1: 1584—1725 г. — С. 1—5; Описание домашнему имуществу царя Ивана Васильевича по спискам и книгам 90 и 91 (1581—1583) годов // ВОИДР. — М., 1950. — Кн. 7. — С. 1—46 (Смесь).

⁸ Расходная книга полотну, 1584—1585 гг. // Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. — СПб., 1846. — Т. I. — С. 189—210. № 131.

⁹ О дьяках Ждане Шипове и Булгаке Милованове см.: *Богоявленский С.К.* Московский приказной аппарат и делопроизводство XVI—XVII веков / отв. ред. и авт. предисл. С.О. Шмидт; сост, авт. вступ. ст., коммент., подгот. А.В. Топычанов. — М., 2006. — С. 83—84; *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. — М., 1975. — С. 331, 581; *Демидова Н.Ф.* Служила бюрократия в России XVII века (1625—1700): биографический справочник / отв. сост. Г.А. Иванова. — М., 2011. — С. 354; *Лисейцев Д.В., Розожин Н.М., Эскин Ю.М.* Приказы Московского государства XVI—XVII вв.: словарь-справочник. — М.; СПб., 2015. — С. 83, 277, 298. У С.К. Богоявленского М. Булгаков назван Булдаковым.

¹⁰ *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование: в 2 т. — СПб., 2018. — Т. 2. — С. 144, 277, 285, 286. — (Studiorum slavicoorum orbis; вып. 15).

¹¹ РГАДА. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 333—354.

¹² Там же. — Кн. 345-а.

¹³ Там же. — Кн. 333. — Л. 1—107; Кн. 334. — Л. 1—243; Кн. 335. — Л. 1—71; Кн. 336. — Л. 1—225; Кн. 337. — Л. 1—257; Кн. 338. — Л. 1—166; Кн. 339. — Л. 1—300; Кн. 340. — Л. 1—238; Кн. 341. — Л. 1—156; Кн. 342. — Л. 1—177; Кн. 343. — Л. 1—313; Кн. 344. — Л. 1—600; Кн. 345. — Л. 1—407; Кн. 346. — Л. 1—195; Кн. 347. — Л. 1—249; Кн. 348. — Л. 1—225; Кн. 349. — Л. 1—198; Кн. 350. — Л. 1—269; Кн. 351. — Л. 1—60; Кн. 352. — Л. 1—102; Кн. 353. — Л. 1—89; Кн. 354. — Л. 1—72.

¹⁴ О первом посольстве Михаила Федоровича в Крым и дипломатических отношениях до возвращения из плена митрополита Филарета в 1619 г. см.: *Сергеев А.А.* Посольство Амвросия Лодыженского и подьячего Петра Данилова в Крым в 1613 году: (к 300-летию юбилею Царствующего Дома Романовых) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. — Симферополь, 1913. — Т. 50. — С. 7—19; *Его же.* Наказ, данный отправленным в Крым посланникам Амвросию Лодыженскому и подьячему Петру Данилову, с объявлением об избрании на Российское царство государя Михаила Федоровича. С отписками их и статейным списком бытности их в Крыму // Там же. — С. 20—56; *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. — М.; Л., 1948. — С. 80—88, 98—138, 167—182, 189—222, 228—237, 242—255, 262—282, 434—442; *Лисейцев Д.В.* Русско-крымские отношения в эпоху Смуты // Россия XXI. — 2000. — № 1. — С. 94—123; *Его же.* Посольский приказ в эпоху Смуты. — М., 2003. — С. 327—342; *Его же.* Русско-крымские дипломатические контакты в начале XVII столетия. // Тюркологический сборник, 2005: Тюркские народы России и Великой степи. — М., 2006. — С. 238—282; *Его же.* Русско-крымские отношения в Смутное время // История Крыма: в 2 т. — М., 2017. — Т. 1. — С. 422—423; *Колодецкий Д.* Смута и Потоп в крымском и османском видении // Смута в России и Потоп в Речи Посполитой: опыт преодоления государственного кризиса в XVII столетии: материалы Российской-польской научной конференции, Москва, 24—26 октября 2012 г. / отв. ред. А.В. Юрасов;

ред. А.В. Малов; пер. с пол. А.Б. Плотников. — М., 2016. — С. 341—346; *Виноградов А.В.* Посольство князя Григория Константиновича Волконского в Крым 1614—1615 годов // Вестник ВолГУ. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. — 2019. — Т. 24, № 2. — С. 158—174.

¹⁵ *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Османской Порты: в 2 т. — М., 2005 (репринт: СПб., 1887). — Т. I: Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века / отв. ред. С.Ф. Орешкова. — С. 349—365, 369—371; *Гайворонский О.* Повелители двух материков. — Т. II: Крымские ханы первой половины XVII столетия в борьбе за самостоятельность и единовластие. — Киев; Бахчисарай, 2009. — С. 41—196; История Крыма: в 2 т. — М., 2017. — Т. I. — С. 397, 405—406.

¹⁶ *Савелов Л.М.* Из истории сношений Москвы с Крымом при царе Михаиле Федоровиче. Посольство С.И. Тарбеева в Крым 1626—1628 гг. (Оттиск из № 39 «Известий Таврической Ученой Архивной комиссии»). (Репр.: Симферополь, 1906). — М., 2019 — С. 1—106.

¹⁷ *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. — С. 88—97, 138—149, 223—241, 283—186, 290—293, 357—362; *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. — М., 2001. — С. 394—425, 621—622, 632—633, 637, 639—647; *Его же.* «Орда самовольная»: кочевая империя ногаев XV—XVII вв. — М., 2013. — С. 132—134; *Лисейцев Д.В.* Русско-ногайские отношения в эпоху Смуты // *Orientalistica Iuvenile*: сборник работ молодых сотрудников и аспирантов. — М., 2002. — III. — С. 116—156.

¹⁸ РГАДА. — Ф. 123. Сношения России с Крымом. — Оп. 1. — Кн. 13. — Л. 42 об. — 43 (опубл.: Посольская книга... 1567—1572 гг. — С. 98).

¹⁹ Приходо-расходные книги Казенного приказа / по инициативе и на средства кн. Г.Д. Хилкова // РИБ. — СПб., 1884. — Т. 9 / отв. за том А.И. Тимофеев. — С. 150—154, 208—211, 298—309, 318—327, 329—330, 334—345, 349—379.

²⁰ РГАДА. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 277. — Л. 146, 212 об. — 213, 318 об. — 319 об., 320 об., 330 об., 354 об. — 355 об.

²¹ *Колодзейчик Д.* Крымское ханство как фактор стабилизации на геополитической карте Восточной Европы // Украина и соседние государства в XVII веке: Материалы международной конференции. (27—29 мая 2004 г.). — СПб., 2004. — С. 83—89.

²² *Флоря Б.Н.* Османская империя, Крым и страны Восточной Европы в конце XVI — начале XVII в. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. — Ч. I: Главные тенденции политических взаимоотношений / отв. ред. Г.Г. Литаврин. — М., 1998. — С. 57.

²³ [*Новосельцев А.П.*] Государство Сефевидов в XVI—XVII вв. // История Востока. — М., 2000. — Т. III: Восток на рубеже средневековья и нового времени. XVI—XVIII вв. / отв. ред. Л.Б. Алаев, К.З. Ашрафян, Н.И. Иванов. — С. 113—115.

²⁴ *Bazyłow L.* Siedmiogród a polska 1576—1613. — Warszawa, 1967. — S. 183—231; *Pajewski J.* Buńczuk i koncerz. Z dziejów wojen polsko-tureckich. — Warszawa, 1983 (kopir.: Warszawa, 1978). — S. 62—63; *Семенова Л.Е.* Дунайские княжества в контексте международных отношений в Юго-Восточной Европе в конце XVI — начале XVII в. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. — М., 1998. — Ч. I. — С. 72—73; *Podhorodecki L.* Chanat Krymski. Państwo koczowniców na kresach Europy. — Warszawa, 2012 (repr. 1987). — S. 177; *Skorupa D.* Stosunki polsko-tatarskie 1595—1623. — Warszawa, 2004. — S. 148—152, 157, 166—176; *Majewski A.A.* Moskwa. 1617—1618. — Warszawa, 2006. — S. 92—95; *Łukomski M.* Kwestia turecka jako czynnik polityki wewnętrznej w latach 1587—1606. Zabrze; Tarnowski Górz, 2011. — S. 108—109.

²⁵ *Стаманьска I.* Wiśniowieccy. Monografia rodu. — Poznań, 2007. — S. 118—121.

²⁶ *Виноградов А.В.* Посольство... — С. 160.

- ²⁷ *Колодзейчик Д.* Крымское ханство как фактор стабилизации ...; *Он же.* Смута и Потоп в крымском и османском видении // Смута в России и Потоп в Речи Посполитой: опыт преодоления государственного кризиса в XVII столетии. Материалы Российско-польской научной конференции Москва, 24–26 октября 2012 г. / Отв. ред. А.В. Юрасов, ред. А.В. Малов, пер. с пол.яз. А.Б. Плотников. — М., 2016. — С. 341–346.
- ²⁸ У Хорна после татарского набега на Червонную Русь конца 1607 г. следующий набег учтен лишь в феврале 1612 г.: *Horn M.* Skutki ekonomiczne najazdów tatarskich z lat 1605—1633 na Ruś Czerwoną. — Wrocław; Warszawa; Kraków, 1964. — S. 12.
- ²⁹ *Ворончук І.О.* Населення Волині в XVI — першій половині XVII ст.: родина, домогосподарство, демографічні чинники. — Київ, 2012. — С. 598.
- ³⁰ *Флоря Б.Н.* Русское посольство в Стамбуле в 1613 г. и Речь Посполитая // Советское славяноведение. — 1982. — № 1. — С. 48–51.
- ³¹ *Ossoliński Z.* Pamiętnik / oprac. J. Długosz. — Warszawa, 1983. — S. 67.
- ³² Буквально он вслед за призывами к Всевышнему сообщает о прибытии в лагерь Станислава Жолкевского на службу к королевицу 300 донских казаков: *Korespondencja Krzysztofa księcia Zbarazskiego, koniuszego koronnego 1612—1627* / opr. A. Filipczak-Kocur. — Opole, 2015. — Nr 2. — S. 88.
- ³³ РГАДА. — Ф. 396. Архив Оружейной палаты. — Оп. 2. — Кн. 334. — Л. 147 об. — 148; Кн. 336. — Л. 90—90 об.
- ³⁴ [*Sobieski J.*] *Jakub Sobieski.* Diariusz ekspedycyjnej moskiewskiej dwuletniej królewicza Władysława 1617—1618 / opr. Janusz Byliński i Włodzimierz Kaczorowski. Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego. — Opole, 2010. — S. 12—19; *Wisner H.* Władysław IV Waza. — Wrocław, 2009 (repr. 1995). — S. 22—24; *Majewski A.A.* Moskwa. 1617—1618. — Warszawa, 2006. — S. 95—101; *Idem.* Wyprawa królewicza Władysława na Moskwę w latach 1617—1618 // SMHW. — 2004. — T. XLI. — S. 5—25; *Маевский А.А.* Последний поход на Москву: экспедиция королевицы Владислава в 1617—1618 гг. // Смута в России и Потоп в Речи Посполитой: опыт преодоления государственного кризиса в XVII столетии: материалы Российско-польской научной конференции Москва, 24—26 октября 2012 г. / отв. ред. А.В. Юрасов; ред. А.В. Малов, пер. с пол. А.Б. Плотников. — М., 2016. — С. 245—269.
- ³⁵ Бушевский мирный договор 1617 года // Османская империя в первой четверти XVII века: сб. док. и материалов / сост. Х.М. Ибрагимбеили, Н.С. Рашба. — М., 1984. — С. 188—189; *Kołodziejczyk D.* Ottoman-Polish Diplomatic Relations... P. 345—353.
- ³⁶ *Anusik Z.* Gustaw II Adolf. — Wrocław, (1996) 2009. — S. 68—71.
- ³⁷ *Kupisz D.* Wojska powiatowe samorządów Małopolski i Rusi Czerwonej w latach 1572—1717. — Lublin, 2008. — S. 226—227.
- ³⁸ *Nowakewicz P.* Orynin, 28.IX.1618. — Zabrze, 2009. — S. 1—72.
- ³⁹ *Gliwa A.* Kraina upartyh niepogód. Zniszczenia wojenne na obszarze ziemi przemyskiej w XVII wieku. — Przemyśl, 2013. — S. 203. — Tabela 1.
- ⁴⁰ *Majewski A.A.* Datacja rozejmu dywilińskiego // Przegląd Historyczny. — 2001. — T. XCII. — Z. 4. — S. 447—449; *Idem.* Rokowania polsko-moskiewskie w dniach 31 października — 11 grudnia 1618 roku zakończone podpisaniem rozejmu dywilińskiego // Materiały do Historii Wojskowości. — Pułtusk, 2004. — Nr 2. — S. 53—72; *Маевский А.А.* Деулинское перемирие 1618—1619 гг. // Единорог: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. — М., 2014. — Вып. 3. — С. 43—72.
- ⁴¹ *Малов А.В.* О времени окончания Смуты в Московском государстве начала XVII в. и вопросы о царской титулатуре, наименовании государства и его жителей // Власть и насилие в незападных обществах: актуальные проблемы исследо-

ваний: сб. тезисов / ред. Г.В. Лукьянов, А.Л. Рябинин, С.А. Рагозина, И.А. Артемьев. — М., 2016. — С. 100—102.

⁴² *Зерцалов А.Н.* О большом сыске поместных и денежных окладов стольников, стряпчих, дворян московских, дворян и детей боярских всех городов в начале XVII-го века (1622 г.) // ЧОИДР. — М., 1894. — Кн. 2. — С. 28—32 (Разд. III: Смесь); *Воробьев В.М.* Из истории поместного войска в условиях послесмутного времени (на примере новгородских служилых городов) // Мавродинские чтения: материалы к докладам, 10—12 октября 1994 г. — СПб., 1994. — С. 85—88; *Смирнов Н.В.* Разбор и смотр войска в 1621 г. и поместное дворянство // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: материалы науч. конф. — Великий Новгород, 1999. — Ч. 2. — С. 91—99; *Его же.* Тульское поместное хозяйство в 1621 г. // Проблемы материальной и духовной культуры народов России и зарубежных стран. VI Всерос. науч. конф. студентов и аспирантов: тез. докладов. — Сыктывкар, 1999. — С. 59—60; *Козляков В.Н.* Служилый «город» Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного уложения). — Ярославль, 2000. — С. 86—95; *Его же.* Служилые люди России XVI—XVII веков. — М., 2018. — С. 118—127; *Богданов И.В.* О «конности, людности и оружности» Алексинского и Козельского служилых городов в 1621 г. // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: материалы науч. конф. — Великий Новгород, 2002. — Ч. 2. — С. 160—163; *Воробьев М.В.* Псковский и Пусторжевский «служилые города» по материалам смотра военных сил России в 1621 г. // Псков в Российской и европейской истории (К 110-летию первого летописного упоминания). — М., 2003. — Т. 1. — С. 326—333; *Фатеев Д.М.* Боеготовность приокских служилых городов по результатам смотра 1621/22 гг. // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: материалы науч. конф., 18—20 ноября 2003 г. — Великий Новгород, 2003. — С. 123—127; *Федосеев Д.М.* Тульский служилый город в 1621 и 1631 гг. // Там же. — С. 137—144; *Малов А.В.* Ратные люди Великих Лук после Смуты и разбор служилых «городов» 1621/22 г. // Историография, источниковедение, история России X—XX вв. — М., 2008. — С. 90—126.

⁴³ *Магилина И.В.* Россия и проект антиосманской лиги в конце XVI — начале XVII вв. — Волгоград, 2012. — С. 334—337.

⁴⁴ *Skowron R.* Olivares, Wazowie i Baltyk. Polska w polityce zagranicznej Hiszpanii. — Kraków, 2002. — S. 190—215, 222—234, 248—253.

⁴⁵ *Ibid.* — S. 55—74, 101—105, 110—114, 117—118, 122—189, 210—222, 228—253.

⁴⁶ *Флоря Б.Н.* Россия и чешское восстание против Габсбургов. — М., 1986; *Его же.* Русско-польские отношения в годы борьбы за Азов (1637—1642) // Славянский сборник. — Саратов. — 1993. — Вып. 5. — С. 116—127.

⁴⁷ [*Szemberg T.*] Teofil Szemberg: Relacja o wyprawie Cецorskiej 1620 / В. Królikowski, М. Nagielski. — Lublin, 2009. — S. 61—103; *Podhorodecki L.* Kampania chocimska 1621 roku // Studia i Materiały do Historii Wojskowości. — Warszawa, 1964. — Т. X, 2. — S. 137—138; История українського козацтва. Нариси: у 2 т. / редкол.: В.А. Смолій. — Київ, 2006. — Т. 1. С. 339; *Sledziński Kasper.* — Cецора 1620. — Warszawa, 2007; *Podhorodecki L.* Chocim, 1621. — Warszawa, 2008. — S. 136—155; *Сас П.М.* Хотинська війна 1621 року. — Біла Церква, 2012. — С. 13—15, 36—64, 231—242, 285—290, 398—405.

⁴⁸ Заключение Хотинского перемирия 9 октября 1621 г. (по свидетельству участника переговоров Якуба Собеского) // Османская империя в первой четверти XVII века: сб. док. и материалов / сост. Х.М. Ибрагимбеили, Н.С. Рашба. — М., 1984. — С. 71—79; *Kołodziejczyk D.* Ottoman-Polish Diplomatic Relations... P. 376—387; *Trawicka Z.* Jakub Sobieski. Studium z dziejów warstwy magnackiej w Polsce doby Wazów, 1591—1646. — Kraków, 2007. — S. 94—102; *Podhorodecki L.* Chocim. — S. 136—155; *Сас П.М.* Хотинська війна. — С. 415—445.

⁴⁹ О изложении и убийстве турецкого султана Османа II в 1622 г. (письмо посла Сулишовского из Константинополя подчасшему коронному и гетману поль-

ному Станиславу Любомирскому) // Османская империя в первой четверти XVII века. — М., 1984. — С. 99—102; [Иванов Н.А., Орешкова С.Ф.] Османская империя в XVI—XVII вв. // История Востока. — М., 2000. — Т. III: Восток на рубеже средневековья и нового времени. XVI—XVIII вв. / отв. ред. Л.Б. Алаев, К.З. Ашрафян, Н.И. Иванов. — С. 92; Иванов Н.А., Орешкова С.Ф. Османская империя в XVI—XVII вв. // Иванов Н.А. Труды по истории исламского мира / сост. Н.М. Горбунова. — М., 2008. — С. 423; История Османского государства, общества и цивилизации: в 2 т. / под ред. Э. Исханоглу. — М., 2006. — Т. 1. — С. 39—40; Петросян И.Е. Янычары в Османской империи. Государство и войны (XV—XVII вв.). — СПб., 2019. — С. 490—506.

⁵⁰ Przeważna legacja Krzysztofa Zbarskiego, koniuszego koronnego, do Turcji w r. 1622 // Dyplomaci w dawnych czasach. Relacje staropolskie z XVI—XVIII stulecia / орг. А. Przyboś і R. Żelewski. — Kraków, 1959. — S. 196—206; Донесение о посольстве князя К. Збаржского в Турцию в 1622—1623 гг. // Османская империя в первой четверти XVII века: сб. док. и материалов / сост. Х.М. Ибрагимбеили, Н.С. Рашба. — М., 1984. — С. 102—149.

⁵¹ Kołodziejczyk D. Ottoman-Polish Diplomatic Relations... — P. 402—426. Текст договора билингвой (на польском и турецком) неудовлетворительно с позиций археографии был подготовлен и опубликован по оригиналу турецкой грамоты, сохранившейся в AGAD: Poseł w drodze. Stosunki turecko-polskie od czasów osmańskich do dnia dzisiejszego / Yoldaki elçi. Osmanlı'dan günümüze türk-ltn ilişkileri / U. Ünal, W. Stępniaк, M. Budak, H. Wajs, D. Kołodziejczyk; yayına hazırlayanlar / pryg publ. N. Yekeler, V. Atiik, A. Özkilinc, M. Albayrak, R. Köse, Y. Karaca, E. Kirca, A. Sivridağ, H. Koç; H. Wajs, J. Zawadski, E. Szymczuk, M. Próba, M. Badowska, M. Sierocka-Pośpech, M. Kulecki, R. Jankowski. — Istanbul/Stambul, 2014. — S. 111—117. Пер. польского текста см.: Польско-турецкий мирный договор 1623 года в письме султана турецкого Мустафы королю Сигизмунду III // Османская империя в первой четверти XVII века: сб. док. и материалов / сост. Х.М. Ибрагимбеили, Н.С. Рашба. — М., 1984. — С. 191—194.

⁵² Флоря Б.Н. Россия, стамбульские греки и начало Кандийской войны // Славяне и их соседи. — М., 1996. — Вып. 6: Греческий и славянский мир в средние века и раннее новое время: сб. ст. к 70-летию акад. Геннадия Григорьевича Литаврина. — С. 174—187.

⁵³ Anusik Z. Gustaw II Adolf. — S. 89—95.

⁵⁴ Смирнов В.Д. Крымское ханство... — С. 349—371; Гайворонский О. Повелители двух материков. — Т. II: Крымские ханы... — С. 41—166.

⁵⁵ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами... — С. 159—166; Загоровский В.П. Белгородская черта. — Воронеж, 1969. — С. 17—50; Зенченко М.Ю. Южное Российское порубежье в конце XVI — начале XVII в. (опыт государственного строительства). — М., 2008. — С. 161—196.

⁵⁶ Савелов Л.М. Из истории сношений Москвы с Крымом при царе Михаиле Федоровиче. Посольство С.И. Тарбеева в Крым 1626—1628 гг. — С. 1—106.

⁵⁷ Доклад А.В. Малова на VI Международном золотордынском форуме «Состав крымско-татарской элиты в 1564—1577 гг. по русской посольской документации»: URL: http://вики.татаровед.рф/data/pdf/ProgramMZP_2019.pdf. (С. 12).

⁵⁸ [Малов А.В.] Состав и внутренняя структура отрядов служилых татар «великого Росийского царствия» по записям расходных книг Казенного приказа конца Смуты. 1613—1619 гг.; дискуссия // Средневековые тюрко-татарские государства: науч. ежегодник. — Казань, 2014. — Вып. 6. — С. 217—218. — (Круглый стол «Военное дело в средневековых тюрко-татарских государствах», Казань, 2014 г. / Малов А.В., ведущий); [Дискуссия] // Там же.

О.В. Новохатко

РАБОТА РАЗРЯДНОГО ПРИКАЗА С ЧЕЛОБИТНЫМИ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ (ПО ЗАПИСНЫМ КНИГАМ РАЗРЯДНОГО ПРИКАЗА)

Аннотация: В статье проанализирована административная деятельность сотрудников Разрядного приказа в отношении просьб, которые подавали в приказ подведомственные ему категории населения — служилые люди по отечеству. Изучены челобитные, которые записывались в одном из документов текущего делопроизводства Разряда — записных книгах «всяких дел». В результате проведенного исследования сделан вывод, что целью занесения документов подобного рода в записные разрядные книги была фиксация решений власти по соответствующим делам в качестве прецедентов для дальнейшего использования в юридической практике приказной системы.

Ключевые слова: Приказы; делопроизводство; палеография; управление; сословия; судопроизводство; челобитные; юриспруденция

O.V. Novokhatko

Work of the Razryadny prikaz with the petitions of the noblemen
(on the notebooks of the Razryadny prikaz)

Abstract: The article analyzes the administrative activity of employees of the Razryadny prikaz in respect of requests, that were submitted to the prikaz of the subordinate categories of people — the noblemen. The petitions, which were recorded in one of the documents of the current office of Razryad — so called notebooks of “all cases”, were studied. As a result of the study, it was concluded, that the purpose of entering documents of this kind in the notebooks was to record the decisions of the authorities in the relevant cases as precedents for further use in the legal practice of the prikaznaya system.

Keywords: Prikazy; Record keeping; Paleography; Administration; Estates; Litigation; Petitions; Law

Немаловажной функцией Разрядного приказа в отношении администрирования подчиненных ему служилых людей было разрешение различных затруднений в их жизни и деятельности, которые не были напрямую связаны ни с делами службы, ни с судопроизводством и не входили в зону компетенции других приказов, особенно с судебными функциями, такими, как Владимирский и Московский судные, а также Разбойный, Поместный и т.п. Для решения этих проблем служилые люди по отечеству подавали прошения (челобитные) в Разрядный приказ, в чьем ведении они находились. Мно-

гие из этих челобитных фиксировались в так называемых записных книгах «всяких дел» Разрядного приказа, чья тематика, в полном соответствии с названием, весьма разнообразна. По своему составу этот делопроизводственный документ был весьма сложным, комплексным, представляя собой и журнал входящей и исходящей документации, и подневные записи о деятельности Разрядного приказа, и книгу регистрации выданной из приказа и возвращенной в его казну воинской атрибутики, и списки служилых людей на военных, административных и придворных должностях, и многую другую информацию, касающуюся ведомства Разряда.

Хотя по содержанию отмеченные выше челобитные весьма пестры, их можно разделить на несколько категорий.

Одной из наиболее многочисленных была группа, в которую входили челобитные о защите чести как отдельного служилого человека, так и всего рода (что обычно воспринималось как одно дело). И речь здесь идет не только и не столько о местничестве при военных назначениях или за столом у государя, о чем имеется обширная историография (хотя, разумеется, и такие челобитные, а также жалобы на личное оскорбление подавались в Разрядный приказ, особенно до отмены местничества в 1682 г.¹), а о просьбе челобитчика исправить, так сказать, историческую несправедливость, в результате которой род потерял принадлежавшее ему в иерархии место, оградить челобитчика от родственников, относящихся к дальней и захудалой ветви рода, или вообще сторонних людей, претендующих называться тем же родовым прозвищем (фамилией). Естественно, что с такой проблемой служилые люди обращались именно в Разрядный приказ, который вел разрядные книги, в чьем архиве хранились местнические дела и родословия всего российского служилого сословия.

Так, 26 февраля 1647 г. Григорий Левашов с детьми обратился к царю Алексею Михайловичу с челобитьем, в котором он объяснял именно такое положение дел, уходящее корнями в далекое прошлое: «Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси бьет челом холоп твой Гришка Левашов с детишками своими, с Микиткою да с з Богдашком да с Янкою. Блаженные, государь, памяти государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси казнил роду нашево трех человек: Матвея Иванова сына да Алексея Васильева сына Левашовых, да Микиту Федорова сына Яхонтова, а деда моего родново, Василья, и иных родителей наших Левашовых и Яхонтовых сослал в опалу в Казань и в иные города. И деда, государь, моево в опале и не стало, а дети ево, дядя мой Ондрей и отец мой Федор, и я, холоп твой, Гришка в опале и в закосненье родились

и взрослые. И, будучи, государь, в городех и на службах, и на Москве у ваших государевых дел, и в чинех, не ведая за коснением отечества своего, бывали со многими хуже себя. И ныне нас, холопей твоих, тем наша братья, которые нам отечеством в версту, упрекают и ставят нам то перед собою в позор и в потерю». Левашов с детьми просил государя исправить эту историческую несправедливость: «Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси, пожалуй меня, холопа твоего, и детишек моих, вели, государь, челобитье наше в Розряде записати и не вели, государь, нам впредь тех наших случаев в вину ставить, потому что мы, холопи твои, делали то за закоснением, не ведая отечества своего, и вели, государь, нам в отечестве нашем впредь быти и счет с своею братьею держати по старым розрядом, каковы родители наши преж сего до царя Ивана Васильевича опалы были»². Таким образом опричина, событие почти столетней давности, продолжало влиять на функционирование структуры служилого сословия, с его строгой иерархичностью, принадлежностью рода к издавна определенным категориям.

В разрядную книгу «всяких дел» за 7192/1683—1684 г. была внесена запись о том, что 11 ноября 1683 г. соправителям, царям Ивану и Петру Алексеевичам «бил челом думной дворянин Викула Федоровч Излолской, а в челобитной ево пишет: Царем государем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержцем бьет челом холоп ваш, Викулка Изволской. В прошлых, государи, годех, при державе отца вашего, великих государей, блаженные памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, был в конюшенном чину Андреян Чертов и до смерти своей писался [...]»¹ в списке, написан был прямым прозвищем своим, Чертовым. И сын ево, Иван, [...]стему»² ж писался тем старым своим прозвищем. А ныне, государи, тот ево Андреянов сын Иван во дворовых людех и, оставя свое прозвище, пишетца нашим, холопей ваших, прозвищем, Изволским, неведомо для чего и тем нас, холопей ваших, бесчестит»³.

В другой записной разрядной книге, за 7199/1690—1691 г., имеется запись о жалобе челобитчика на однофамильцев, хотя и служилых людей, но, видимо, более низкого родословного статуса: «В нынешнем во 199 году февраля в 15 день великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержцем бил челом стряпчей с ключем

¹ Часть текста не читается из-за порчи листа.

² Текст не читается из-за порчи листа.

Панкратей Богданов Сумороков, а в Розряде подал челобитную, а в ней пишет: В прошлых де годах били челом им, великим государем, в Помесном приказе и причитались в родстве к нему и к родственником ево напрасно неродственники их, иново роду Сумороковы»⁴. Следует отметить, что прения, связанные с родовитостью, претензией на принадлежность к более знатному роду, нисколько ни утихли и по прошествии нескольких лет после отмены местничества в 1682 г., что свидетельствует о живучести этого явления, а также, очевидно, о том, что оно несло в себе некую социальную составляющую, необходимую для регулирования и балансировки отношений в правящем сословии.

По смыслу к этой группе челобитных близки прошения, в которых служилые люди объявляли государю о неблагоприятном и даже беспутном поведении членов своей семьи или рода, тем самым сохраняя честь рода и ограждая себя, согласно старинным неписаным законам родовой чести, от ответственности за родственников перед государем. В 7192/1683—1684 г. к властям обратились сразу несколько человек, принадлежавших к разным, но связанным родством фамилиям, с жалобой на одного из своих сородичей: «Великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержцем бьют челом холопи ваши, Левка да Ивашка Лаврентьевы дети, да Микитка Артемьев сын, да Мишка Васильев сын, да Ивашка Фатеев сын Наумовы и всем родишком своим. Сродник наш Василей Захарьев сын Меншой Наумов впал в безмерное пьянство и во многие шатости и в плутость, и вотчиннишки свои иззаложил во многих денгах, и взятые денги малые и те пропил и проворовал. И нас, холопей, ваших, ни в чем не слушает и безчестит, пьет и бражничает, и достольную деревнишку, не проча детем своим, разорил, крестьянишек разогнал. Милосердые государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержцы, пожалуйте нас, холопей своих, велите, государи, наше, холопей ваших, челобитье на такова плута записать, чтоб впредь нам, холопом вашим, от ево воровства от вас, великих государей, в опале не быть, и от своей братьи в папреке и в укаризне. Цари государи, смилуйтес [...]»⁵.

Даже высокое положение на иерархической чиновной лестнице не освобождало служилых людей от необходимости отмежеваться от беспутного родственника. Так, в том же 7192/1683—1684 г. глава Оружейной палаты, а также Золотой и Серебряной палат, окольничий

^{3*} Часть текста не читается из-за порчи листа.

Андрей Иванович Чириков бил челом на родственника, Осипа Гавриловича Чирикова, «что жил он, Осип, у меня, холопа вашего, из детства. И как он пришел в возраст, пошел за пьянством и за плутнею, и уклонился, наконец, погибели. И от меня, холопа вашего, бегал, бродил по Москве. И по вашему, великих государей, указу, и по моему, холопа вашего, челобитью он, Осип, был сыскан и отослан для исправления под начало на убогих монастырь. И он, Осип, из того монастыря пропал безвестно. (...) И будет он, Осип, объявитца в какой плутне или в каком позорном чину, чтоб мне, холопу вашему, и родителем моим им, Осипом, в укоризне и в бесчестье не быть»⁶.

И в приведенной выше челобитной Левашовых, и во многих других челобитных, где речь идет о беспутных или «неистинных» родственниках, весьма очевидно проявляется обеспокоенность челобитчиков тем, чтобы из рода или семьи не ушли земельные владения или чтобы на родовые вотчины и на поместья не покусились чужие, не родственные служилые люди. Следующая группа челобитных непосредственно посвящена именно этой теме. Так, братья Матвей и Ларион Бегичевы подали челобитье на своего родного брата «Алистарха (...) на сумасброда и на безумнова пьяницу», который «в сумосбродстве и во пьянстве своем поступился вашим, великих государей, жалованьем, а свое поместцо многим людям и крестьян поступился ж. И поступные изделочные записи на себя давал многим людям, и к тем поступным изделочным записям, и к челобитным, и ко всяким крепостям руку прикладывал пьян, не памятуя себя»⁷. За два десятка лет до этого, в 7170/1661—1662 г., в записную разрядную книгу «всяких дел» была внесена запись по челобитной стольника кн. Федора Семеновича Шаховского о земельной тягбе с его родственниками, обвинявшими Ф.С. Шаховского в том, что он был незаконнорожденным, а потому не мог претендовать не только на фамильное прозвище, но и на имущество семьи и рода⁸.

Следует отметить, что семейные и родственные размолвки более широкого плана не всегда заканчивались и воззванием к высшей власти, и обращением в приказный суд. Как и в любую эпоху, судебный процесс был весьма затратным делом и по времени, и по деньгам, поэтому, чтобы избежать судебных издержек, стороны пытались сначала договориться сами. Поскольку многие служилые люди частью находились на государственной службе, в полку или на городском воеводстве, частью жили в своих вотчинах и поместьях, подобные мировые соглашения нередко осуществлялись при помощи переписки между ними самими или между ними и третейским судьей, вызывавшим доверие обеих тяжущихся сторон. Например, стольник А.В. Борщов писал своему покровителю, стольнику А.И. Безобразо-

ву: «Да пожаловал же ты, государь, изволил приказать отписать ко мне о Ларионе Тихменеве, чтобы мне с нимъ помирица и убытки, государь, взять на немъ свои вправду, и я было, государь, с нимъ мирица рад, и своево уступя для милости государя князь Юрья Михайловича, по том же, государь, и для твоей к себе милости. Только, государь, просил я у него записи, что он насъ безчестилъ всемъ затеяв напрасно, да не токмо, государь, я с нимъ мирица хотелъ — ино для милости государя князь Михайловича и для твоей, государь, милости хотели родственники мои с ним хотели помиритца, да он Ларион нам такой, государь, записи на себя не дал, а надеетца, государь, он на мочь свою и на богатство, потому что поехал он ныне на приказ»⁹.

Так же советовал примириться с соперником жилец И. Губин своему куму и приятелю, стольнику С.И. Пазухину (к сожалению, бумага сильно пострадала от времени и многие места не читаются, тем не менее, смысл текста вполне ясен): «Да говорил мне Андрей Морков, бутто на писме^{4*} ...подымаешь на смех да крестьяня ж^{5*} ... ево отняли дву лошадеи и ев^{6*} ... к тебе о том отписать, чтоб ты ло^{7*} ... велел отдать крестьяном ево безсорно, а н^{8*} ... ди ево на старости не безшестил, будет^{9*} ... сыскав, крестьяном не велит отдать, поеду де на старости сам на Олатыр и стану де бить челом великим государем: опять де ссоритца будет, а так т^{10*} ... лошадеи не покину, хотя де ныне^{11*} ... фором Морковым над ним смеются^{12*} ...м не удасться, пожалуй^{13*} ...ня твои отнял и сыскав вели отдать в^{14*} ... Не ссорься, тебе он и самому свойственной челове[к], а иное и впредь пригодится, а лутчи чтоб без соры»¹⁰.

Отчаянную записку с просьбой о примирении сторон отправил своим знакомым, стольникам кн. Я.И. Лобанову-Ростовскому и Ф.М. Чирикову стольник А.И. Леонтьев: «Милостивым моим приятелям князь Якову Иванович[ю] да Федору Максимовичю Андриюшка Левонтъевъ челом бьет, многолетно здравствуйте на множество лет. Что, Федоръ Максимовичъ, в деле твоём делаетца и что у тебя по грамоте? А мне Иван Павлов говорил Большой: хорошо бы де

^{4*} Далее утрачено 3—4 буквы из-за обрыва листа.

^{5*} Далее утрачено 8—9 букв из-за обрыва листа.

^{6*} Далее утрачено 9—10 букв из-за обрыва листа.

^{7*} Далее утрачено 8—9 букв из-за обрыва листа.

^{8*} Далее утрачено 4—5 букв из-за обрыва листа.

^{9*} Далее утрачены 1—2 буквы из-за обрыва листа.

^{10*} Далее утрачено 2—3 буквы из-за обрыва листа.

^{11*} Далее буква написана неразборчиво и утрачено 3—4 буквы из-за обрыва листа.

^{12*} Далее утрачено 11—12 букв из-за обрыва листа.

^{13*} Далее буква не разобрана, утрачено 10—12 букв из-за обрыва листа.

^{14*} Далее не разобраны 2 буквы и утрачено 6—7 букв из-за обрыва листа.

помитца¹¹; а про убытки стало д[е] мне в три рубли. Приетте в Пошехонье, люди добрые смирят, тяжба не деньги, а я вовсе погыбаю напрасно. Приетте завтра, а я вас стану мирить, а Иван Павлов: я де уже знаю про грамоту, какову де Федор Люткин взял, чтобы тебе не вредно был^{15*} меньше убытков. Пожалуте^{16*} помиритесь. Андрюшка Левонтъевъ челомъ бьеть»¹².

Одним из наиболее часто встречающихся случаев, когда выставившие друг другу претензии служилые люди шли на мировое соглашение, а не доводили дело до разбирательства в приказе, были дела о бесчестье — обидчик винился перед обиженным и получал от него прощение. В таком случае помирившиеся стороны составляли новую челобитную и совместно подавали ее в Разрядный приказ. В ней они просили прекратить начатое дело и «челобитье и мир записать». В качестве примера можно привести челобитную стольника и стрелецкого полковника М.Л. Лупандина и думного дворянина Ф.Г. Хрушова. В 7192/1683—1684 г. они писали в Разряд: «Бил челом на меня, холопа вашего Максимку, он, думной дворянин Федор Григорьевич, в безчестьях своих. И по вашему, великих государей, указу те ево, думного дворянина Федора Григорьевича, безчестьи на мне, холопе вашем, Максимке, велено допра[...]ть^{17*}. И я, холоп ваш Максимко, ему, [...]ному^{18*} дворянину Федору Григорье[...]^{19*} в тех ево безчестьях добил [...]лом^{20*}. А я, холоп ваш Федька, на него, Максима, в тех своих безчестьях не челобитчик. Милосердые государи [...]^{21*}, пожалуйте нас, холопей своих, велите, государи, челобитье мое записать. Цари государи, смилуйтея [...]^{22*}»¹³.

Еще одной проблемой, которую мог разрешить для служилого человека только Разрядный приказ, была потеря документов, подтверждавших прохождение служебной карьеры служилого человека. Все сведения такого рода, от верстания в новичный оклад до полной отставки от службы, обо всех назначениях в чины и о военной, административной и придворной службе каждого служилого по отчеству хранились в архиве Разрядного приказа. Кроме того, большое значение имела, разумеется, утрата документов на движимое и недвижимое имущество, особенно на земельные владения

^{15*} Так в ркп.

^{16*} Так в ркп.

^{17*} Часть текста не читается из-за порчи листа.

^{18*} Часть текста не читается из-за порчи листа.

^{19*} Часть текста не читается из-за порчи листа.

^{20*} Часть текста не читается из-за порчи листа.

^{21*} Часть текста не читается из-за порчи листа.

^{22*} Часть текста не читается из-за порчи листа.

и крепостных крестьян и холопов. Во всех случаях Разряд помогал подведомственному ему служилому человеку найти сохранившиеся бумаги и восстановить по черновым копиям пропавшие, как опираясь на собственный архив, так и, в случае отсутствия в нем соответствующей документации, обращаясь с запросами в другие приказы. Если какие-то документы восстановить все же не удавалось, то сведения, содержащиеся в них, записывались в Разряде со слов потерпевшего. Так, например, 12 мая 1649 г. стольник Петр Данилович Протасьев, вернувшийся с воеводства в Красноярске, где он пробыл пять лет¹⁴, подал в Разрядный приказ челобитную, в которой писал: «Был де он, Петр, на государеве службе в Сибири. А поехав в Сибирь, поставил на Москве у дьяка у Григорья Ларионова, для береженья, сундук с рухлядью и со всеми своими животы, и с писмом: с государевыми з жалованными грамотами, и с купчими, и с закладными, и с выписми, и з духовными, и з дворовыми купчими ж, и с людскими крепостми, и в земляных делех, и в людех, и во крестьянех зделашные, и всякие были записи». Казалось бы, личный архив П.Д. Протасьева был помещен в одно из самых надежных мест — дом чиновника высокого ранга, одного из судей главного, Разрядного приказа¹⁵, где с документами ничего не могло случиться. Однако социальные бури не пощадили такой незыблемый, с точки зрения человека того времени, оплот. В своем челобитье П.Д. Протасьев сообщает: «И в прошлом, в 156 (1647/1648 г. — *О.Н.*) году на Москве в мятежное время воры и мятежники Григорьев дом Ларионова розграбили и ево, Петровы, животы розграбили же, и писма всякие взяли, а иные передрали и перемочили, и у государевых грамот печати оборвали и перепортили. А он, Петр, приехал з государевы службы из Сибири в нынешнем, во 157 (1648/1649 г. — *О.Н.*) году и писма свои, которые остались драные, а иные перемочены, собрал немногие. И государь бы ево пожаловал, велел те ево драные, порченные писма досмотрети и записать в Помесной, и в Судной, и в Холопей приказы и на Патриарш двор послать памяти; и на поместья и на вотчины ево з дачь и с писцовых книг дать грамоты, а на люди ево крепости, и на записи, и на иные зделашные записи, и всякие крепости, которых в лицах нет, челобитье ево записать»¹⁶.

Похожий ущерб, хотя и в гораздо меньшем объеме, был нанесен деловым бумагам московского дворянина И.И. Волынского: служащие Поместного приказа потеряли документы, которые подтверждали, что пасынок И.И. Волынского законно передал ему во владение свои «помесные дачи». Естественно, И.И. Волынский подал в Разрядный приказ челобитную с просьбой восстановить утраченные документы. И.И. Волынскому повезло: в самом Разряде нашлись

свидетельства, подтверждавшие его право на полученные земли. Это были хранившиеся в разрядном архиве, «в приказном столпу у боярского списка 185-го (1676/1677 г. — *О.Н.*) году» сказки его пасынка 189 (1680/1681 г. — *О.Н.*) г., которые он подавал на военных смотрях¹⁷.

Из Разрядного приказа челобитные служилых людей приносили в Боярскую думу, где царь и думные чины, выслушав их изложение, принимали решение. Его записывал на обороте прошения думный дьяк, докладывавший о деле. Так, по докладу об упомянутой выше челобитной Г. Левашова и его детей на обороте челобитья была поставлена «помета думного дьяка Михаила Волошенинова: 155 февраля в 26 день государь пожаловал, челобитье велел записать и впредь им тово в вину и в случай на ставить»¹⁸.

Опираясь на эту помету, разрядный дьяк отдавал в своем приказе распоряжение об исполнении царского и думского решения. В ряде случаев в это распоряжение разрядного дьяка приписывалось на той же челобитной, ниже пометы думного дьяка, как, например, на прошении П.Д. Протасьева о восстановлении его частного архива:

«А на челобитной ево помета думново дьяка Ивана Гавренева: апреля в 27 день государь пожаловал, досмотря грамот и иных крепостей, и кабал, и будет прямые — переписать, а которые пропали, с черных отпусков дать грамоты, и с книг на люди кабалы и явку записать.

На той же челобитной помета дьяка Григорья Ларионова: мая в 12 день записать ево челобитье в Розряде и памяти послать по приказом»¹⁹.

Во многих случаях дело ограничивалось исполнением царского распоряжения в рамках только Разрядного приказа, как, например, в процитированной выше помете дьяка М. Волошенинова на челобитной Г. Левашова с детьми, или в других случаях: «На той челобитной ево помета думного дьяка Вас^{23*} ... Григорьевича Семенова: велено челобитье о том записать в Розряде в книгу и в списке отметить»²⁰; «На той челобитной их помета думного дьяка Федора Левонтьевича Шакловитова такова: 195-го (1686/1686 г. — *О.Н.*) марта в 3 день великие государи пожаловали, велели им на князь Степане Козловском тое ево брань взять бесчестье по окладом их. Указ о том учинить в Розряде Василью Григорьевичю Семенову с товарищи»²¹.

В других случаях, как в упомянутой выше помете на челобитье П.Д. Протасьева, Разрядный приказ брал на себя не только поиск и копирование дел в собственном архиве, но также организацию розыска и подбора необходимых документов по всем соответствующим приказам. В такой ситуации из Розряда в приказы отправляли

^{23*} Часть текста (3—4 буквы) не читается из-за порчи листа.

памяти с требованием выполнить определенную работу: «А на той челобитной помета думного дьяка Протасья Микифорова такова: 192 (1683/1684 г. — *О.Н.*) года апреля в 8 день государи пожаловали, велели о том указ учинить в Розряде думному дьяку Василью Григорьевичу Семенову с товарищи. Апреля в 11 день на той же челобитной помета думного дьяка Василья Григорьевича Семенова такова: великие государи и сестра их великая государыня благородная царевна, слушав сей челобитной, указали о том их челобитье в Розряде записать в книгу, а в приказы послать памяти, а ево (Аристарха Бегичева. — *О.Н.*) послать под начал в монастырь, в которой пригож. И о том из Розряду в Приказ Большаго Дворца пос^{24*} ... память»^{22*}; «На той ево челобитной помета думного дьяка Павла Остафьева: 192 году ноября в 11 день государи пожаловали, велели с приказом (Конюшенным. — *О.Н.*) сослаться, а челобитье ево записать в книгу. И о том указ учинить думному дьяку Василью Григорьевичу Семенову с товарищи»^{23*}.

В том случае, если однозначное решение по челобитью служилого человека не могло быть принято сразу, верховная власть давала распоряжение руководству Разрядного приказа собрать дополнительную информацию, например, сказку, на которую ссылался проситель, и вновь доложить о деле: «На челобитной ево помета думного дьяка Василья Григорьевича Семенова такова: 191-го (1683 г. — *О.Н.*) февраля в 12 день сыскать тое скаску и подклеить под сею челобитную и поднести»^{24*}. Сотрудники Разрядного приказа находили нужную информацию в собственном архиве или получали ее из других приказов, после чего прежние и вновь полученные данные вносили в новую докладную выписку и с той же челобитной вторично представляли на рассмотрение государя и Боярской думы. Так, например, проходило дело по челобитной служилых людей Мельницких: «Помета на челобитной думного дьяка Василья Григорьевича Семенова такова: 196-го (1688 г. — *О.Н.*) марта в 30 день великие государи пожаловали, велели о том выписать и доложить себя великих государей. И по тому их, Мелницких, челобитью написано было о том в доклад»^{25*}. Получив исчерпывающую информацию из нового доклада, государь и бояре принимали решение по делу: «В нынешнем во 192 (1683 г. — *О.Н.*) году июля в 30^{25*} ... по указу великих государей послать из Розря^{26*} ... в приказы памяти таковы. Лета 7192 (1682 г. — *О.Н.*) августа в 2 день по указу ве^{27*} ... государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алек-

^{24*} Часть текста не читается из-за порчи листа.

^{25*} Часть текста не читается из-за порчи листа (2—3 буквы).

^{26*} Часть текста не читается из-за порчи листа (3—4 буквы).

^{27*} Часть текста не читается из-за порчи листа (4—5 букв).

сеевича всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев боярину Михайлу Яковлевич^{28*} ... Черкасскому с товарищи. В нынешнем, во 192 году июля в 30 числе великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич и сестра их великая государыня благородная царевна и великая княжна София Алексеевна, слушав челобитья стольника Андрея Микитина сына Самарина на Якова Иванова сына Золотарева, а Якова Золотарева на Андрея Самарина и против их челобитья розных приказов из дел выписки, указали и бояря приговорили» (далее в записную разрядную книгу скопирован текст приговора)²⁶.

После того, как дело по челобитной получало свое завершение, челобитная и связанные с ней документы (если таковые имелись) направлялись в архив соответствующего департамента Разрядного приказа. Так, например, в 1636 г. закончилось дело по челобитной московского дворянина С.И. Дурного: «Ноября в 16 день бил челом государю царю и великому князю Михайлу Федоровичю всеа Русии Селиверст Иванов сын Дурной, а в челобитной и в явке его написано, что он посылан был для сыскново дела в Коломенский уезд. И без него де в колужской ево вотчинной деревне сын его Гаврило поколол человека его ножом в пьянстве, и от того де ему и смерть случилась. А сам Гаврило пропал без вести. И будет де он в каком воровстве объявитца, и ему бы Селиверсту от государя в опале не быть. А челобитная ево вклеена в приказной столп»²⁷ (то есть в архив Приказного стола Разрядного приказа).

Челобитную упоминавшегося выше Г. Левашова с детьми «взял Иван Северов к себе в ящик»²⁸, то есть прошение было отправлено в архив главного повытья (подразделения), так называемого «боярского списка», важнейшего стола Разрядного приказа — Московского, которое и возглавлял в это время старый подьячий Иван Северов²⁹.

Так же поступали и с другими прошениями и соединенными с ними в одно дело документами: «А в Розряде челобитная князя Федора Шаховского и памяти отданы подьячему Василью Семенову»³⁰ (то есть также в повытье «боярского списка» Московского стола Разряда, во главе которого в 1661—1662 г. стоял старый подьячий В.Г. Семенов³¹); «Подлинная челобитная и з записи список в столпу всяких дел нынешняго 199-го (1690/1691 г. — *О.Н.*) году»³².

В случае, если тяжущиеся стороны приходили к мирному соглашению, то челобитные с просьбой завершить дело мировой также приобщались к предыдущим бумагам и направлялись в разрядный архив. Челобитные думного дворянина Ф.Г. Хрущова и стольни-

^{28*} Часть текста не читается из-за порчи листа (1—2 буквы).

ка М.Л. Лупандина об извинении Лупандина и о снятии претензий со стороны Хрущова были приняты в Разряд и зафиксированы в специальной книге «записям челобитных»: «А на той челобитной помета думного дьяка Василья Григорьевича Семенова такова: 192 (1684 г. — *О.Н.*) марта в 5 день взять к делу и челобитье записать в книгу»³³. Так же поступили и в другом схожем случае: «А на той челобитной помета думного дьяка Василья Григорьевича Семенова: 192 июня в 7 день великие государи и сестра их великая государыня благородная царевна, слушав сего челобитья, указали челобитья их записать в Розряде в книгу, а челобитную взять к делу»³⁴.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что многие дела по челобитным служилых людей в Разряд завершались распоряжением государя и Боярской думы руководству Разряда провести необходимые административные действия для решения по челобитью. Однако большинство отмеченных в записных разрядных книгах обращений служилых людей в Разряд получали единственное заключение верховной власти — зафиксировать обращение в документах Разряда: «На той челобитной ево помета думного дьяка Василья Григорьевича Семенова: велено челобитье ево о том записать в Розряде»³⁵; «А на той челобитной помета думного дьяка Данила Полянского такова: 192 июня в 16 день государи пожаловали, велели челобитье ево в Розряде записать. Указ о том учинить думному дьяку Василью Григорьевичу Семенову с товарищи»³⁶.

С другой стороны, следует отметить, что, кроме просьбы решить дело, описанное в челобитье, практически в каждой челобитной присутствует и просьба зафиксировать это обращение служилого человека в Разряд. Первой в ряду просьб Григория, Никиты, Богдана и Яна (Ивана) Левашовых, завершавших, как упоминалось, их челобитную, была просьба: «Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси, пожалуй меня, холопа твоего, и детишек моих, вели, государь, челобитье наше в Розряде записати»³⁷.

Точно так же первой в ряду стоит просьба к государю в челобитной московского дворянина А.И. Полева, что и было зафиксировано в записной разрядной книге «всяких дел» 1648/1649 г.: «Июня в 17 день бил челом государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси Алексей Иванов сын Полев, а в Розряде думным дьяком Ивану Гавреневу да Семену Заборовскому да дьяку Григорию Ларионову подал челобитную, под челобитною роду своего роспись. А в челобитной ево пишет:

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси бьет челом холоп твой Алешка Полев. Отец, государь, мой Иван Осипович Полев на вашей государской службе убит в Торках;

а я, холоп твой, после отца своего остался мал, про родителей было моих мне, холопу твоему, сказать некому; а которые, государь, росписи и были после отца моего, и те в московское разоренье в пожары пропали. И ныне я, холоп твой, сыскал сродичев своих в Великом Новгороде в Юрьевском монастыре, а иных в Осипове монастыре, и написал свое родство прадеда своего Василья Федоровича Меньшого Полева. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, челобитье мое записать, что я, холоп твой, подал в Розряде родству своему память, в свою государеву записную книгу с моею братьею вместе. А кто, государь, роду своего помнит, и он сам про родителей своих скажет. Царь государь, смилуйся».

После чего один из руководителей приказа фиксирует в записной книге «всяких дел» решение по челобитной и заверяет ее подлинность: «И на той ево челобитной помета дьяка Григорья Ларионова: записать ево челобитье. А на той челобитной ево Алексеева рука».

Далее в записную разрядную книгу «всяких дел» так же скрупулезно переписана родословная роспись, поданная А.И. Полевым: «А в росписи, какову Олексей Полев под челобитной в Розряде родству своему подал, пишет:

В лето 6762 году (1253/1254 г. — *О.Н.*), княжение великого князя Дмитрея Александровича Невского; а у великого князя Дмитрия Александровича Невского дети сын князь Юрьи Дмитриевичь Городетцкой, а у князя Юрья Дмитриевича Городетцкого дети сын князь Федор Юрьевичь Фоминский. И в лето 6848 году (1339/1340 г. — *О.Н.*) князь Федор Юрьевичь Фоминской был в воеводах со князем Васильем Ивановичем Суздальским под городом под литовским под Смоленским. А у князя Федора Юрьевича у Фоминского дети сын князь Борис Федоровичь Хлепенской, а у князя Бориса Федоровича Хлепенского дети сын князь Александр Борисовичь Полев, а был боярин у великого князя Василья Дмитриевича Московского. И в лето 6898 (1389/1390 г. — *О.Н.*), при великом князе Василье Дмитриевиче Московском, посылан был боярин князь Александр Борисовичь Полев, а с ним послан был Александр Ондреевичь Белеутов да дьяк Селиван Беклемишев за море в немцы к литовскому князю Витовту Кестутьевичю по его дщерь, по великую княжну Софью Витовтовну. А у боярина у князя Александра Борисовича Полева дети сын Дмитрей Александровичь Полев, а у Дмитрея Александровича Полева дети сын Федор Дмитриевичь Полев, а у Федора Дмитриевича Полева дети сын Василей Федоровичь Меншой Полев, а у Василья Федоровича Меншого у Полева дети сын Осип Васильевичь Полев, а у Осипа Васильевича Полева дети сын Алексей Полев, и

Федора Дмитриевича сына его Василья Федоровича Меншово Полева род ево дописан».

Под родословной росписью помечено распоряжение третьего судьи приказа зафиксировать роспись в делопроизводственных документах Разряда: «И на той росписи помета дьяка Григорья Ларионова: написать в книгу»³⁸.

И спустя три с половиной десятилетия главной в челобитной сохраняется настоятельная просьба прежде всего занести в приказную документацию сведения о подаче прошения в Разряд: «Милосердые государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержцы, пожалуйте меня, холопа своего, велите, государи, челобитье мое в Розряде записать в книгу, а с Конюшенным приказом сослатца памяти»³⁹.

Очевидно, что записи челобитной в приказном документе придавалось особое значение. То, что челобитье зафиксировано в Разряде, расценивалось служилым человеком как залог, поручительство должностных лиц в том, что дело принято к рассмотрению, получит официальное решение и будет зафиксировано в приказном архиве. Безусловно, в большинстве челобитных такого рода присутствовал еще один мотив: служилый человек, оказавшись в двусмысленной ситуации не по своей вине (из-за проступков родственников или должностных лиц), стремился заранее отвести от себя обвинение в соучастии в каких-либо неблагоприятных делах или в недонесении властям о таких делах. Челобитная И. Баклановского 1647 г. (очевидно, речь идет об Иване Васильевиче Баклановском, дворовом сыне боярском) ярко иллюстрирует именно этот мотив подачи челобитной и просьбы зафиксировать ее: «Июля в 31 день бил челом государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси Иван Баклановской, а в Розряде думным дьяком Ивану Гавреневу да Михайлу Волошенинову да дьяку Григорью Ларионову подал челобитную за пометою думного дьяка Ивана Гавренева. А в челобитной пишет». Далее следует скопированный в записную разрядную книгу текст челобитья, в котором И. Баклановский заверяет, что он не скрывал от властей часть своих заселенных земельных владений с целью уменьшить возлагаемый на каждого служилого человека в соответствии с числом имеющихся у него крепостных людей объем работ по строительству оборонных сооружений: «Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси бьет челом холоп твой Ивашко Баклановской. По твоему государеву указу ныне я, холоп твой, на твоей государеве службе в Ливнах. И прислана, государь, на Ливны роспись помесным и вотчинным нашим крестьяном для земляного валового дела. И в той, государь, росписи, твое

государево жалованье, галицкие мои деревнишки, прописаны, а написана одна кашинская деревнишко. И я, холоп твой, тех своих галицких деревнишек крестьяном приносил на Ливнах воеводам князю Григорью Семеновичу Куракину с товарищи скаску за своею рукою, и они, государь, сказки у меня не взяли. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси, пожалуй меня, холопа своево, вели, государь, челобитье мое записать, чтоб мне в том по дьяческой прописке от тебя, государь, в опале и в наказанье не быть. Царь государь, смилуйся, пожалуй».

Власти, рассмотрев челобитную И. Баклановского, очевидно, указали провести расследование дела, которое привело к полному оправданию служилого человека. Как и просил И. Баклановский, руководство Разряда получило также распоряжение зафиксировать его челобитную в своих документах: «И на челобитной ево помета думного дьяка Ивана Гавренева: 155 (1647 г. — *О.Н.*) июля в 31 день государь пожаловал, велел челобитье ево записать и в вину ему того не ставить». После чего следовало обоснование такого решения, которое мы, к сожалению, не можем полностью прочитать из-за порчи листа: «А не послано для того — галицкой переписчик не бывал ... а что ... крестьян, с тех ему вал делать»⁴⁰.

Точно так же служилые люди просили записать свою челобитную в Разряде и в других случаях: когда жаловались на бесчестье, чтобы не было «отечеству моему нарухи»⁴¹, на беспутных родственников, «чтобы нам, холопом вашим, в ево пьянстве и озарничестве от вас, великих государей, в опале и пени не быть»⁴². Следовательно, по правилам делопроизводства XVII в. челобитная, зафиксированная в приказных документах, расценивалась как официально зарегистрированный документ. В разных случаях это означало, что прошение принято к рассмотрению или что решение по делу утверждено властью.

Именно по этой причине служилые люди столь настойчиво и последовательно добивались фиксации дел по своим челобитьям в документах Разрядного приказа. Официальная фиксация документа в Разряде означала не только простое копирование его в соответствующий документ Разряда, но и непременно визирование копии одним из приказных судей. Так, например, не оставлял своих стараний записать свое прошение в разрядной книге упоминавшийся выше московский дворянин И.И. Волинский, чему, вполне возможно, препятствовали другие родственники, посягавшие на доставшиеся И.И. Волинскому земли. В записной книге за 1690/1691 г. отмечено: «В прошлом, во 191-м (1683 г. — *О.Н.*) году февраля в 12 числе великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеичу, Петру Алексеичу вся Великия и Малыя и Белья России самодерж-

цем бил челом Иван Большой Иванов сын Волынской, а в Розряде думному дьяку Василью Григорьевичю Семенову с товарищи подал челобитную, а в ней пишет» — далее излагается просьба И.И. Волынского закрепить дьячьей рукой и записать в разрядную книгу «скаску» своего пасынка И.А. Микулина, передавшего отчиму во владение свои «помесные дачи», поскольку все документы, подтверждавшие переход земель в руки Волынского, Поместным приказом были утрачены. По прошествии почти десяти лет И.И. Волынский вновь обращается в Разрядный приказ: «А в нынешнем во 199-м (1690 г. — *О.Н.*) сентября в 27 числе великим государем и царям и великим князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержцем бил челом Иван Большой Иванов сын Волынской, а в Розряде боярину Тихону Никитичу Стрешневу с товарищи подал челобитную, а в ней пишет», что сказка его родственника дьяком так и не закреплена и в разрядную книгу не вписана. И.И. Волынский снова обращается к властям: «Те скаски Ивана Микулина снести в одно место и закрепить дьячьєю рукою, и записать в книгу впредь для ведома. На челобитной его помета дьяка Степана Ступина такова: 199-го сентября в 27 день взять к делу и поднести». Судя по следующей помете, относящейся к августу 1691 г., дело шло тяжело, но в конце концов И.И. Волынский достиг своей цели: «На выписке помета дьяка Степана Ступина такова: 199-го августа в 3 день по указу великих государей те вышеписанные скаски впредь для спору записать в книгу»⁴³.

Остается открытым вопрос, о каких именно записных разрядных книгах идет речь в челобитных. Вероятнее всего, это специальные записные книги челобитным, которые велись в Разряде, как и в других приказах. В то же время, несомненно, что отнюдь не все челобитные фиксировались в записных разрядных книгах «всяких дел». На это указывает тот факт, что в последние скопированы челобитные, в которых отсутствует просьба записать их в Разряде⁴⁴. Очевидно, что у администрации Разрядного приказа была своя мотивировка для включения челобитных в записные книги «всяких дел». Как видно из приведенных цитат, в записные книги «всяких дел» копировали не только текст челобитной, но и пометы на ней, сделанные на слушании у государя и в Думе, а также в самом Разряде. В некоторых случаях переписывалась и информация о выполнении указанных распоряжений. Понятно, что для составителей записных книг «всяких дел» важны были и челобитная, и решения, принятые по ней, то есть некий казус, прецедент для приговоров по схожим делам, в частности, тем, которые не были предусмотрены имеющимся законодательством. Таким образом, работая с челобитными служи-

лых людей по различным делам, большей частью не связанным напрямую с несением службы, администрация фиксировала в своих документах решения верховной власти по таким случаям, которые становились своего рода подзаконными актами и влиялись в общий российский юридический корпус.

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). — Ф. 210. — Оп. 6-а. — Д. 10. — Л. 241 об.; Д. 11. — Л. 332—348 об.

² РГАДА. — Ф. 210. — Оп. 6-а. — Д. 6. — Л. 143—143 об. Далее в сносках используется сокращение: ЗРК (записная разрядная книга), номер дела в описи и номера листов.

³ ЗРК 21. — Л. 321—321 об.

⁴ ЗРК 25. — Л. 143.

⁵ ЗРК 21. — Л. 323—323 об.

⁶ Там же. — Л. 329—329 об.

⁷ Там же. — Л. 325 об. — 326.

⁸ ЗРК 12. — Л. 250 об. — 255.

⁹ Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия (Из фонда А.И. Безобразова) / подгот. С.И. Котков, Н.И. Тарабасова. — М., 1965. — С. 50.

¹⁰ *Котков С.И., Панкратова Н.П.* Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII — начала XVIII века. — М., 1964. — С. 158

¹¹ Грамотки XVII — начала XVIII века / изд. подгот. Н.И. Тарабасова, Н.П. Панкратова; под ред. С.И. Коткова. — М., 1969. — С. 144.

¹² Грамотки... — С. 114.

¹³ ЗРК 21. — Л. 324—324 об.

¹⁴ *Барсуков А.* Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. — СПб., 1902. — С. 549.

¹⁵ *Богоявленский С.К.* Московский приказный аппарата и делопроизводство XVI—XVII веков. — М., 2006. — С. 147.

¹⁶ ЗРК 7. — Л. 157—157 об.

¹⁷ ЗРК 20. — Л. 148—151.

¹⁸ ЗРК 6. — Л. 143 об.

¹⁹ ЗРК 7. — Л. 157 об.

²⁰ ЗРК 21. — Л. 325.

²¹ ЗРК 23. — Л. 339.

²² ЗРК 21. — Л. 326 об. — 327.

²³ Там же. — Л. 322.

²⁴ ЗРК 25. — Л. 149.

²⁵ Там же. — Л. 162.

²⁶ ЗРК 21. — Л. 333—333 об.

²⁷ ЗРК 3. — Л. 111 об.

²⁸ ЗРК 6. — Л. 143 об.

²⁹ См.: ЗРК 2. — Л. 54 об. — 55; *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII века (1625—1700): биографический справочник. — М., 2011. — С. 502.

³⁰ ЗРК 12. — Л. 255.

³¹ *Демидова Н.Ф.* Указ. соч. — С. 505.

³² ЗРК 25. — Л. 145.

³³ ЗРК 21. — Л. 324 об.

³⁴ Там же. — Л. 331 об.

³⁵ Там же. — Л. 327 об.

³⁶ Там же. — Л. 329 об.

³⁷ ЗРК 6. — Л. 143 об.

³⁸ ЗРК 7. — Л. 171—171 об.

³⁹ ЗРК 21. — Л. 321 об.

⁴⁰ ЗРК 6. — Л. 217.

⁴¹ ЗРК 10. — Л. 241 об.

⁴² ЗРК 21. — Л. 323 об.

⁴³ ЗРК 25. — Л. 148—151.

⁴⁴ ЗРК 8. — Л. 173—173 об.; ЗРК 9. — Л. 67; ЗРК 12. — Л. 186; ЗРК 22. — Л. 252—252 об., 291, 295—295 об.

О.И. Хоруженко

ПЫЖОВСКИЙ СПИСОК РУМЯНЦЕВСКОЙ РЕДАКЦИИ РОДОСЛОВНЫХ КНИГ

Аннотация: *Исследуется считавшийся утерянным и вновь найденный разрядно-родословный сборник Б.К. Пыжова 70-х годов XVII в., содержащий, в частности, исправный список родословной книги Румянцевской редакции. Особое внимание уделено архивной судьбе и кодикологическим особенностям рукописи.*

Ключевые слова: *родословные книги; текстология; рукописные собрания; археография*

O.I. Khoruzhenko

Pyzhov's List of Rumyantsev's Edition of Genealogy Books

Abstract: *The newfound and considered lost rank and genealogical compilation by B.K. Pyzhov dated the seventies of the 17th century, which contains, in particular, a valid list of the genealogical book of the Rumyantsev's edition, is studied in the article. Particular attention is paid to the archival fate and codicological features of the manuscript.*

Keywords: *Genealogy books; Textual analysis; Manuscript collections; Archaeography*

После исследований Н.П. Лихачева, М.Е. Бычковой, С.Б. Веселовского и ряда других авторов родословные книги заняли одно из важнейших мест в кругу источников по истории русского Средневековья. Вместе с летописями, актами, разрядными книгами они содержат наиболее полные (часто — уникальные) сведения по социально-политической истории, истории великокняжеского и удельных дворов, составу служилого сословия, генеалогии, антропониими.

М.Е. Бычковой были определены основные редакции родословных книг, сложившиеся в XVI—XVII вв. и дошедшие в списках XVI—XVIII вв.¹: Летописная, Румянцевская, Редакция в 43 главы (Государев родословец), Редакция в 43 главы с приписными, Редакция в 81 главу, Патриаршая, Разрядная, Редакция начала XVII в.² Главными критериями при отнесении того или иного списка к определенной редакции выступало количество и последовательность глав. Индивидуальные особенности нескольких родословных книг не по-

зволили М. Е. Бычковой отнести их ни к одной из этих редакций. Это заставило ее «говорить о каждом из этих списков как о самостоятельной редакции». Такие единичные редакции-списки М.Е. Бычкова предложила называть «компилятивными редакциями».

В работе 1968 г. Румянцевский I список³ был отнесен исследовательницей к Редакции в 43 главы с приписными⁴. Однако позднее В.А. Кучкин указал ей на Академический X список⁵. Сравнительный анализ обоих списков показал М.Е. Бычковой, что они, с одной стороны, обладают достаточной текстологической близостью, с другой стороны — существенными отличиями от иных списков, что позволило рассматривать их в качестве отдельной редакции родословных книг. В работе 1975 г. эта редакция получила название Румянцевской — по ее наиболее полному списку Румянцевскому I.

Наиболее поздняя филигрань Румянцевского I списка, по определению М.Е. Бычковой, относится к 1594 г., Академического X — к 1560-м годам. Однако по хронологическим признакам, содержащимся в ряде росписей (литовских великих князей, Ратшчей), М.Е. Бычкова датировала протограф Румянцевской редакции периодом с 1542 до 1547 г.⁶ Тем самым Румянцевская редакция (наряду с Летописной) выступает более старшей по отношению к Государеву родословцу (т.е. Редакции в 43 главы), традиционно датируемому 1555 г.⁷, который так или иначе лег в основу последующих редакций.

Это объясняет особый интерес, который М.Е. Бычкова проявила к Летописной и Румянцевской редакциям родословных книг. В 1977 г. они были опубликованы с привлечением всех известных на то время списков⁸. Это был первый и единственный к настоящему моменту опыт, соответствующий археографическим и текстологическим стандартам публикации: другие издания родословных книг, как предшествующие, так и последующие, были основаны на одном, часто случайно оказавшимся в распоряжении археографа списке.

Оба списка Румянцевской редакции, положенные в основу издания 1977 г., дефектны; наиболее исправен и ближе к тексту протографа Румянцевский I, который и был выбран М.Е. Бычковой в качестве основного. Однако и этот список не полон: его начало утрачено, отсутствует, в частности, родословие великих князей московских.

Принципы передачи текста в публикации 1977 г. соответствовали, как и было объявлено автором, «общепринятым правилам издания исторических документов», но в первую очередь, как представляется, они были продиктованы техническими моментами, связанными с ротاپринтным способом воспроизведения авторской рукописи (машинописи). Вышедшие из употребления буквы не

воспроизводились, а заменялись буквами современного алфавита, окончания строк не отмечались, количественные числительные передавались современными «арабскими» цифрами. «В главе Воронцовых и Вельяминовых в Академическом X есть роспись Башмаковых и Истленьевых, отсутствующая в Румянцевском I»⁹, но росписи этих родов в публикации воспроизведены не были. Детализация описания списков по сравнению с последующими публикациями исторических источников была невысокой: отсутствовали, в частности, кодикологическое и палеографическое описание рукописей. В этом смысле публикация, действительно, была вполне типичной для археографических практик 70-х годов XX в., но вряд ли может удовлетворить современным требованиям, предъявляемым к публикациям исторических источников¹⁰.

Как упоминалось выше, ни Румянцевский I список, основной для публикации 1977 г., ни Академический X не являются исправными и полными. Исправный текст родословной книги Румянцевской редакции содержится в Уваровском VII списке, который был известен М.Е. Бычковой, но причислен ею к группе компилятивных редакций¹¹. Это следует отнести к досадному недосмотру исследовательницы: список, несомненно, принадлежит к Румянцевской редакции — его отличие состоит лишь в расположении глав, но текст самих глав между собой не разнится. Согласно представлениям Бычковой, следовавшей Н.П. Лихачеву, характеристиками, определяющими принадлежность списка к определенной редакции, являются расположение и количество глав, единый принцип записи лиц внутри главы. Изменение одной или двух характеристик образует извод в пределах редакции¹².

То, что Румянцевский I и Уваровский VII списки принадлежат к одной редакции, отметил еще в 1839 г. И.П. Сахаров, который в то время был владельцем рукописи¹³. В работе 1851 г. Сахаров вновь подчеркнул близость Румянцевского I (здесь он назван Румянцевским Б) и Уваровского VII (здесь — Уварова А), включив их в свою Редакцию II родословных книг. Исследователь перечислил особенности родословцев, сближающие их между собой и отличающие их от текстов иных редакций. В этой же работе И.П. Сахаров опубликовал фрагмент Уваровского VII списка, относящийся к удельным князьям московского дома¹⁴.

Наблюдения Сахарова не обратили на себя внимания М.Е. Бычковой; она лишь отметила сходство Уваровского VII списка с Румянцевским I в отношении родословия Монастыревых¹⁵.

Другой родословец, очевидно принадлежащий к Румянцевской редакции — список Б.К. Пыжова¹⁶ — остался М.Е. Бычковой неиз-

вестным. Его расхождения в Уваровском VII незначительны и представляют собой индивидуальные особенности списка.

Эти обстоятельства позволяют рассматривать новую публикацию родословных книг Румянцевской редакции с привлечением исправных списков и с применением модернизированных принципов передачи текста как вполне оправданную¹⁷. В данном сообщении будет дана характеристика Пыжовского списка родословной книги Румянцевской редакции — наименее изученного и долгое время считавшегося утраченным.

Список Б.К. Пыжова II содержится в разрядно-родословном сборнике, написанном на 409 листах, форматом in-4°. Номера листов проставлены чернилами на их лицевой стороне, вероятно, в XIX в. На оборотах листов — карандашная нумерация. Размер рукописи 19,5×15,5 см, переплет — доски, обтянутые тисненой темно-коричневой кожей; сохранились фрагменты четырех латунных застёжек. На корешок переплета наклеен бумажный ярлык размером 4×4 см с написанным чернилами номером «№ 364», под которым рукопись значилась в собрании Общества истории и древностей российских. На обороте верхней крышки переплета несколько написанных и зачеркнутых карандашом номеров: «1387, 918, 1023, 1583, I». Владельческие надписи, ярлыки и экслибрис, помещенные на обороте верхней крышки и первых листах рукописи, позволяют довольно полно реконструировать ее владельческую и архивную судьбу.

Первая из владельческих надписей (л. II об., выпадает, нумерован на оборотной стороне как л. II): «Сия родословная книга Богдана Клементьевича Пыжова Отяева». Богдан (Потап) Клементьевич Пыжов (1639—1703)¹⁸, представитель рода Хвостовых-Отяевых, в 1661/62—1667/68 гг. упоминается в качестве стряпчего, в 1677/78—1691/92 гг. — стольника и стрелецкого полковника¹⁹. В 1681—1682 г. был воеводой в Кайгородке²⁰. Стрельцы Пыжовского полка жили в Замоскворечье; они оставили заметный след в московской топонимии (Пыжи/Пыжово, Пыжевский переулоч, церковь «Николы в Пыжах»).

Судя по второй надписи, еще при жизни Б.К. Пыжова в совлечение рукописью вступил его сын: «Da syna ewo stolnika Ywana Bohdanowisza Ryżowa Otiaewa» (л. II об.). И.Б. Пыжов упоминается как стольник царицы Прасковьи Федоровны в 1686/87—1691/92 гг.²¹, в 1695/95—1697/98 гг. был воеводой в Брянске²², убит под Ругодивом (Нарвой) в 1700 г.²³ Вероятно, И.Б. Пыжову принадлежит малоудачная попытка составить латинский заголовок рукописи: «De nominum substantiurum»²⁴ (написан строкой ниже после его владельческой

надписи). Затем сборник достался племяннику первого владельца Е.К. Пыжову: «Сия книга родословная камисара Ефима Кондратьевича Пыжова» (л. II, нумерован как л. II об.). Е.К. Пыжов, жилец с 1701 г., в 1712—1713 гг. числился «за отцом»²⁵. В 1720 г. судья в Шацке²⁶, в 1724—1727 гг. служил в Юстиц-коллегии²⁷. В 1735 г. продал угодья на р. Вороне в Шацком уезде отставному капралу Н.С. Панову²⁸. В 1738—1747 гг. упоминается московский «двор стольника Ефима Кондратьева сына Пыжова» у церкви Николая Явленского в Серебряном переулке²⁹. Это указание ретроспективно: в июле 1737 г. жена стольника Е.К. Пыжова Варвара Федоровна значилась уже вдовой и хлопотала о разделе мужнего имения с деверем³⁰. Владычешская запись могла быть сделана в период 1712—1719 гг., когда Е.К. Пыжов служил комиссаром Городовой канцелярии³¹.

На лицевой стороне л. III недописанные надписи или пробы пера «Государь мои Николаи Иевлич» и «Сия книга радословна Николая И...», свидетельствующие о том, что к концу XVIII в. рукопись перешла по наследству к внуку Е.К. Пыжова Николаю Иевлевичу. В месяцесловах Н.И. Пыжов упоминается в 1779—1796 гг.³² В 1779—1780 гг. значился поручиком, дворянским заседателем Вышневолоцкого нижнего земского суда, в 1785 г. — заседателем Олонецкого верхнего земского суда, в 1786—1789 гг. коллежским асессором, прокурором Олонецкого губернского магистрата, в 1791—1795 гг. — судьей Вышневолоцкого уездного суда, в 1796 г. надворным советником, городничим Вышнего Волочка. Был еще жив в 1810 г.³³

Пыжовы были владельцами села Молдино Вышневолоцкого уезда; расположенная здесь Преображенская церковь, построенная Богданом Клементьевичем, стала родовой усыпальницей Пыжовых в XVIII—XX вв.³⁴ Возможно, бытование рукописи в конце XVII и на протяжении XVIII в. следует связать с этой вотчиной Пыжовых.

Каким-то образом список перешел в собственность писателя Ф.Н. Глинки (1786—1880). Напрямую связать Н.И. Пыжова и Ф.Н. Глинку, представителей разных поколений, которых не объединяло ни родство, ни поземельная, ни служебная близость, не удалось. Опосредованные связи, определяемые, возможно, службой Ф.Н. Глинки в Олонецкой (1826—1830 гг.) и Тверской (1830—1832 гг.) губерниях, вполне возможны, но не выявлены³⁵.

В 1853 г. Ф.Н. Глинка подарил рукопись Обществу истории и древностей российских³⁶. Тогда была сделана запись на обороте верхней крышки переплета: «Принесена в дар Обществу истории и древностей российской действительным членом Федором Николаевичем Глинкою 4 декабря, 1853 год. Секретарь Общ. И. Беляев». Под записью наклеен экслибрис (52×86 мм): «Императорскаго общества

истории и древностей российских. Отд. 1, № 364» (номера написаны чернилами)³⁷. На полях рукописи были проставлены штампы (2×3,5 см) «Библиотеки Императорского Общества истории и древности российских» (л. II — три оттиска; л. 2 и 35 — на нижнем поле, л. 89 и 193). Во время хранения в библиотеке ОИДР листы рукописи были пронумерованы, на последнем была сделана заверительная надпись: «В этой рукописи писанных листов 399. Е. Соколов» (л. 399 об.).

В составе библиотеки Общества сборник был описан Е.И. Соколовым³⁸. Автор при этом сделал ряд наблюдений сходства и различия между теми или иными росписями и списками, опубликованными во Временнике общества³⁹ и в Бархатной книге⁴⁰, но они базировались на еще слабых представлениях о редакциях родословных книг и существенного интереса в этом смысле не представляют. Рукописи библиотеки после расформирования Общества попали в Румянцевский музей (позднее — Библиотека им. В.И. Ленина, ныне Российская государственная библиотека). В этом хранилище список Б.К. Пыжова безуспешно разыскивался А.А. Зиминим при подготовке к публикации Тысячной книги, но, «поскольку он не попал в библиотеку им. В.И. Ленина, куда переданы были рукописи» Общества истории и древностей российских, то Зимин посчитал его утерянным⁴¹.

Почему список Пыжова оказался отделен от рукописного собрания Общества и истории и древностей российских — неясно; возможно, он был выдан на руки одному из читателей. Тем не менее он сохранился — сначала попал в коллекцию единичных поступлений ЦГАДА, затем в фонд «Рукописное собрание ЦГАДА», где и хранится в настоящее время. К последнему периоду бытования рукописи относится второй ярлык на обороте верхней крышки переплета (4,8×3,6 см): «Центральный государственный архив древних актов. *Рукописное собрание ЦГАДА*. №: фонд 188. опись 1. годы хр. ед. хр. 1387. 409 л.» (курсивом здесь выделен текст, написанный шариковой ручкой).

Кроме владельческих записей, ярлыков и экслибриса, первые листы рукописи содержат пробы пера в виде росчерков, законченных фраз, слов и их фрагментов: «России самодер[ж]ци» (на обороте верхней крышки переплета), «Во имя отца и сына и светова духа, ныне и присно и во веки веков, аминь. Инь. Аминь. Иван. Мирь-тын» (л. II), «Писан», «Такой он дурак паласатой, свиная чушка» (л. III), «И того числа получено», «Стати» (л. IV), «Секретарь» (л. V).

Заверительный лист ЦГАДА подклеен к нахзацу; в нем отмечено наличие литературных (I—V, 95-а, 102-а, 181-а, 181-б, 189-а), чистых (1, 381-а, 381-б) и не сброшюрованных (II, III, 193—200) листов.

Сборник представляет собой конволют, составленный из двух рукописей. Они были написаны, вероятно, одновременно, но какое-то время бытовали самостоятельно.

Первая рукопись (лл. 1—262 об.) — разрядно-родословный сборник, включающий родословную книгу и выписки из разрядов (их состав детально расписан Е.И. Соколовым⁴²). Он состоит из 35 пронумерованных тетрадей (номера тетрадей проставлены кириллической цифирью в середине нижнего поля лицевой стороны первого листа каждой тетради). Первая тетрадь четырехлистная (л. V—3), с подклеенными или подшитыми в начале дополнительными четырьмя листами. Лист I не сохранился, листы II и III не сброшюрованы. Тетрадь 25 (л. 186—189-а) также четырехлистная, к ней подклеены два листа (л. 189—190). Тетрадь 25 двухлистная (л. 191—192); на ней обрывается родословная книга. Остальные тетради восьмилистные. В первой части конволюта использована бумага с тремя филигранями. Тетрадь 17 (л. 122—129) сформирована из плотной бумаги с плохо просматриваемыми водяными знаками⁴³. Несколько тетрадей (1—3, 8—11, 18, 19, 22, 23, 28, 29) изготовлено из бумаги с филигранью, изображающей герб типа польского *Nieszuja*: в щите диагонально расположено бревно с обрубленными сучьями; расстояния между понтюзо 26 мм, а понтюзо, на которые приходится филигрань, отстоят друг от друга на 24 мм. Схожая филигрань обнаружена Т.В. Диановой в издании 1665 г.⁴⁴, Э.Т. Лауцявичюсом — в изданиях 1664—1666 гг.⁴⁵ Определяющей для датировки представляется третья, младшая филигрань — пятизубцовая «Голова шута» с контрамаркой «ГРО/СРО»⁴⁶, между понтюзо 24 мм (илл. 2). Эта филигрань отмечена в рукописях и печатных изданиях 1672—1678 гг., что позволяет датировать рукопись 70-ми годами XVII в.

Вторая часть конволюта (лл. 263—399 об.) также представляет собой разрядно-родословный сборник, включающий родословную книгу (л. 263—381; тетради 1—15), Список стрелецких голов и сотников конца XVI в., обнаруженный на Казенном дворе в 1643 г., и извлечения из Списка городовых детей боярских 1591/92 г.⁴⁷ (л. 382—399 об.; тетради 16—18). Как и в первой части сборника, номера тетрадей проставлены в начале каждой тетради, в центре нижнего поля ее первого листа. Восемь тетрадей (1—3, 10—12, 16, 17) имеют филигрань с изображением герба типа *Nieszuja* (в таблице обозначена как I); остальные — с «Головой шута» и контрамаркой «ГРО/СРО» (в таблице обозначена как II). Первый лист первой тетради имеет характерные загрязнения, позволяющие говорить о самостоятельном бытовании рукописи до ее переплетения в конволют.

Разлиновка обеих рукописей сборника Б.К. Пыжова сделана по одному трафарету, что, с учетом использования одних и тех же партий бумаги, говорит об их общем происхождении из одного книгописного центра (канцелярии). Внешнее поле (3,8 см) очерчено двумя линиями, отстоящими на 0,7 см, внутреннее (1,7 см) — одной линией. Верхнее поле 2,4 см, нижнее — 3,6 см. На одну страницу приходится 16 строк; линии задают высоту строки 0,3 см, межстрочный интервал 0,7 см.

Список родословной книги, содержащийся в первой части конволюта (предлагаем именовать его списком Б.К. Пыжова I), принадлежит к Редакции в 43 главы. Он занимает тетради 1—26 (л. 2—191 об.) и обрывается на роде Хвостовых, к которому принадлежал заказчик и первый владелец рукописи Б.К. Пыжов. Вторая рукопись — список родословной книги Румянцевской редакции (список Б.К. Пыжова II).

Кодикологическая структура родословной книги в списке Б.К. Пыжова II представлена в таблице 1.

Сборник написан, по-видимому, одним почерком, представленным в своих каллиграфическом (30—32 буквы на строку) и размашистом (20—23 буквы) вариантах. Языку списка свойственны аканье (*Манамах, Карибут, Юхатцкой*) и еканье (*Ерослав, резанский, Костентин, Охлебина, Лепун*).

Уваровский VII список и список Б.К. Пыжова II очень близки между собой и восходят к одному протографу. Этот протограф отличался от Румянцевского I списка составом и расположением глав. Княжеские фамилии здесь помещены перед нетитулованными; как первые, так и вторые сохраняют между собой ту последовательность, которая наблюдается в Румянцевском I списке. Вообще создатель протографа Уваровского VII и Пыжовского II списков демонстрировал заметный пиетет по отношению к княжеским родам. Здесь более последовательно, чем в Румянцевском I и Академическом X списках, проставлены княжеские титулы перед именами князей. В отличие от старших списков, в которых тот или иной князь «побежал» («поехал», «ступил», «ушел», «пошел») в Литву, изменяя московскому великому князю, в Уваровском VII списке и списке Б.К. Пыжова II князья в основном «отъезжают», реализуя свои древние права.

В отличие от иных известных на сегодня списков Румянцевской редакции протограф Уваровского VII и Пыжовского II списков сохранил первые главы родословной книги, из которых несомненный интерес представляет родословие великих князей московских. Здесь читаем о детях великого князя Василия Ивановича: «А у велико-

го князя Василья Ивановича сын Юрьи и великий князь Иван, да князь Юрьи»⁴⁸. Слухи о рождении у великой княгини Соломонии Сабуровой сына Юрия уже после ее насильственного пострижения были, по всей вероятности, распространены довольно широко: их отмечали Павел Иовий⁴⁹ и Сигизмунд Герберштейн⁵⁰. Но известие о старшем брате великого князя Ивана Васильевича (царь с 1547 г.) Юрии (Георгии), которому составитель родословца отказал в княжеском титуле, уникально для родословных книг и нигде, кроме списков Румянцевской редакции, более не встречается. В вопросе о реальности Юрия — старшего сына Василия III — в историографии утвердился стойкий и вполне оправданный скепсис⁵¹, но в том, что крамольные слухи о нем были живы еще в 40-е годы XVI в., сомневаться, кажется, не приходится.

По сравнению с Румянцевским I списком протограф Уваровского VII и Пыжовского II списков был дополнен тремя главами — «Род Волконских князей», «Род Леонтьевых и Соловых» и «Род князей Долгоруких». Первые две дополнительные главы представляют собой, по выражению Н.П. Лихачева, «генеалогические пасквили»⁵². В них идет речь о «нечестном» происхождении этих родов (Волконских — от незаконнорожденного сына тарусского князя Юрия Михайловича⁵³, Леонтьевых и Соловых — от «конских мастеров» великого князя рязанского). Последняя глава «Род князей Долгоруких» является местнической памятью, показывающей, с одной стороны, служебное превосходство Алферьевых над Зюзиными и князьями Долгоруковыми, с другой стороны — более скромное положение Алферьевых (конкретно — Романа Васильевича и его сына Василия) по сравнению с князьями Засекиными и Шаховскими. Вероятно, данную подборку следует связать с местнической активностью Алферьевых, уже отмеченной в исследовательской литературе⁵⁴. Последняя по времени разрядная выписка датируется 7107 (1598/99) г., что дает *terminus post quem* для протографа Уваровского VII и Пыжовского II списков.

Предполагается, что Пыжовский II список станет основным при подготовке новой публикации родословных книг Румянцевской редакции.

Кодикологическая структура списка Б.К. Пыжова II

Тетр.	Номера и расположение листов в тетради, филигранны								
1	263 I	264 —	265 I	266 —	=	267 —	268 I	269 —	270 I
2	271 —	272 I	273 —	274 I	=	275 I	276 —	277 I	278 —
3	279 I	280 —	281 I	282 —	=	283 —	284 I	285 —	286 I
4	287 —	288 II	289 II	290 —	=	291 —	292 II	293 II	294 —
5	295 II	296 —	297 II	298 —	=	299 —	300 II	301 —	302 II
6	303 II	304 II	305 —	306 —	=	307 —	308 —	309 II	310 II
7	311 —	312 II	313 —	314 II	=	315 II	316 —	317 II	318 —
8	319 II	320 II	321 —	322 —	=	323 —	324 —	325 II	326 II
9	327 II	328 —	329 II	330 —	=	331 —	332 II	333 —	334 II
10	335 —	336 I	337 —	338 I	=	339 I	340 —	341 I	342 —
11	343 I	344 —	345 I	346 —	=	347 —	348 I	349 —	350 I
12	351 I	352 —	353 —	354 I	=	355 I	356 —	357 —	358 I
13	359 —	360 —	361 II	362 II	=	363 II	364 II	365 —	366 —
14	367 II	368 II	369 —	370 —	=	371 —	372 —	373 II	374 II
15	375 II	376 II	377 —	378 —	=	379 —	380 —	381 II	381a II
16	381b —	382 I	383 I	384 —	=	385 —	386 I	387 I	388 —
17			...	389 I	=	390 I	391		
18	392 II	393 —	394 II	395 —	=	396 —	397 II	398 —	399 II

¹ М.Е. Бычкова выявила 131 список родословных книг, из которых 6 она отнесла к XVI в., 85 — к XVII, 38 — к XVIII в. и по одному — к XIX и XX вв.: *Бычкова М.Е.* Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. — М., 1975. — С. 200—202.

- ² В работах М.Е. Бычковой 1963 г. и 1968 г. Патриаршая редакция называлась Редакцией родословных книг второй половины XVI в. (*Бычкова М.Е.* Редакция родословных книг второй половины XVI века // Археографический ежегодник за 1962 год. — М., 1963. — С. 126—133; *Ее же.* Обзор родословных книг XVI—XVII вв. // Археографический ежегодник за 1966 год. — М., 1968. — С. 266—270). В монографии 1975 г. было принято название Патриаршая редакция, которое и утвердилось в литературе.
- ³ НИОР РГБ. — Ф. 256. — № 348. См.: *Востоков А.Х.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея. — СПб., 1842. — С. 487—490; *Бычкова М.Е.* Родословные книги. — С. 33.
- ⁴ *Бычкова М.Е.* Обзор родословных книг. — С. 261.
- ⁵ БАН. — 17.15.19 (Осн. 356). — Л. 243—356. См.: Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Исторические сборники XV—XVII вв. / сост. А.И. Копанев, М.В. Кукушкина, В.Ф. Покровская. — М.; Л., 1965. — Т. 3, вып. 2. — С. 140—143; *Бычкова М.Е.* Родословные книги. — С. 36.
- ⁶ *Бычкова М.Е.* Родословные книги. — С. 35, 36.
- ⁷ Предлагаемая нами датировка Государева родословца — 1567 г. (*Хоруженко О.И.* Датировка Государева родословца как текстологическая проблема // Проблемы истории России. — Екатеринбург, 2013. — Вып. 10: Исторический источник и исторический контекст: сб. науч. трудов. — С. 141—158).
- ⁸ Новые родословные книги XVI в. / подгот. к печ. М.Е. Бычкова // Редкие источники по истории России. — М., 1977. — Вып. 2. — 186 с.
- ⁹ *Бычкова М.Е.* Родословные книги. — С. 38.
- ¹⁰ В личных беседах с автором этих строк М.Е. Бычкова неоднократно озвучивала идею о необходимости переиздания родословных книг Летописной и Румянцевской редакций в соответствии с модернизированными археографическими принципами, сформулированными, в первую очередь, в работах С.М. Каштанова (*Каштанов С.М.* Актовая археография. — М., 1998). Основываясь на таких принципах, М.Е. Бычкова предприняла публикацию псковско-литовского договора 1440 г. и 6-й книги записей Литовской метрики (Договор 1440 г. между Псковом и Великим княжеством Литовским // Вестник РГГУ. — 2009. — № 4/09. — С. 231—237; Акты, относящиеся к истории Западной России. — Т. 1 (6). — М.; СПб., 2012).
- ¹¹ *Бычкова М.Е.* Обзор родословных книг. — С. 274; *Ее же.* Родословные книги. — С. 119.
- ¹² *Бычкова М.Е.* Обзор родословных книг. — С. 255; *Ее же.* Родословные книги. — С. 14, 17.
- ¹³ «Все наши родословные книги составляют три главных разряда... Ко второму относятся Румянцевский № 348 и вышеозначенный мной под № 112» (*Сахаров И.П.* [Каталог рукописей библиотеки И.П. Сахарова: 183 рукописи. — СПб., 1839]. — С. 24).
- ¹⁴ *Сахаров И.П.* Деньги московских удельных князей // Записки отделения русской и славянской археологии имп. археологического о-ва. — СПб., 1851. — Т. 1. — Раздел 1. — С. 162—163.
- ¹⁵ *Бычкова М.Е.* Родословные книги. — С. 119.
- ¹⁶ РГАДА. — Рукописное собр. РГАДА (Далее ф. 188). — Оп. 1. — Д. 1387.
- ¹⁷ Совсем недавно М.И. Давыдов обнаружил еще один, пятый по счету, список родословной книги Румянцевской редакции: *Давыдов М.И.* Родословец казначея Богдана Минича Дубровского — новый список родословных книг Румянцевской редакции // Комплексный подход в изучении древней Руси: материалы X междунар. науч. конф., 9—13 сентября 2019 г., Москва, Россия. — М., 2019. — С. 68—69. По наблюдениям М.И. Давыдова, открытый им список восходит к тому же протографу, что и Румянцевский I.

- ¹⁸ «Лета 1703 ноемвриа в 18 день, в первый час дне преставися раб божий стольник Патапий, преименованный Богдан Климентович Пыжов, от рождения жития его 64 лета» ([Шереметевский В.В.] Русский провинциальный некрополь. — М., 1914. — Т. 1. — С. 723).
- ¹⁹ Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в I-м отделении Московского архива министерства юстиции, с означением служебной деятельности каждого лица и годов состояния в занимаемых должностях. — М., 1853. — С. 347; Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII ст. / сост. А.[П]. Барсуков. — СПб., 1902. — С. 90; Роспись перечневая ратным людем, которые во 189 году росписаны в полки по разрядам // Описание Государственного Разрядного архива. — М., 1842. — С. 79; *Холмогоров В.И.* Материалы для истории, статистики и археологии города Темникова и его уезда XVII и XVIII ст. — Тамбов, 1890. — С. 91.
- ²⁰ Списки городских воевод. — С. 90; Материалы для русской истории / сост. С.А. Белокуров. — М., 1888. — С. 184.
- ²¹ Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. — С. 347.
- ²² Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. — М., 1914. — Кн. 19. — С. 126, 200.
- ²³ Боярский список 1700 г. — Л. 418 об. // *Захаров А.В.* Информационно-поисковая полнотекстовая система «Боярские списки XVIII в.» [Электронный ресурс]. URL: <http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl> (дата обращения: 09.02.2017).
- ²⁴ Следовало бы «De nominum substantiuorum» Выражаю признательность М.В. Шумилину за консультацию по этому вопросу.
- ²⁵ Боярский список 1712 г. — Л. 240 // *Захаров А.В.* Информационно-поисковая полнотекстовая система «Боярские списки XVIII в.» [Электронный ресурс]. URL: <http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl> (дата обращения: 09.02.2017); Боярский список 1713 г. — Л. 276 об. // Там же.
- ²⁶ Москва. Актовые книги XVIII ст. — М., 1895. — Т. 3. — С. 16—17.
- ²⁷ Памятники сибирской истории XVIII в. — СПб., 1885. — Кн. 1: 1713—1724. — С. 434. — № 103; *Сторожев В.Н.* Материалы для истории русского дворянства. — М., 1908 (обл. 1909). — [Вып. 2]. — С. 10.
- ²⁸ РГАДА. — Ф. 1455. — Оп. 6, ч. 2. — № 1802. — Л. 1.
- ²⁹ Переписная книга города Москвы, составлена в 1738—1742 годах. — М., 1881. — Т. 1. — Стб. 269; Москва. Актовые книги XVIII ст. — М., 1897. — Т. 7. — С. 123 (здесь — ассессор).
- ³⁰ РГАДА. — Ф. 1455. — Оп. 6, ч. 2. — № 1803. — Л. 1—4.
- ³¹ *Балакирева Л.М.* Формирование Юстиц-коллегии, 1718—1719 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. — М., 1999. — С. 191, 346.
- ³² Русское служилое дворянство второй половины XVIII века (1764—1795) / сост. В.П. Степанов. — СПб., 2003. — С. 523.
- ³³ *Дубровин Н.Ф.* Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I. — СПб., 1883. — С. 21. — № 20.
- ³⁴ [Шереметевский В.В.] Русский провинциальный некрополь. — Т. 1. — С. 723.
- ³⁵ «Витая в сих странах древней Заонежской пятины, я нашел и приобрел уже несколько весьма любопытных книг старопечатных и письменных» ([Письмо Ф.Н. Глинки] Н.И. Гнедичу, 1826 г. ноября 22, г. Петрозаводск // *Глинка Ф.Н.* Письма к другу / сост. В.П. Зверева. — М., 1990. — С. 472).
- ³⁶ «Родословная российских дворян, рукопись Богдана Клементьевича Пыжова, в 4-ку, XVII века» ([Протокол имп. Об-ва истории и древностей российских от] 1854 года февраля 13 дня // *Временник имп. Московского об-ва истории и древностей российских.* — М., 1857. — Кн. 25. — 6-я паг. С. XXV, пункт 11).

- ³⁷ Эскилибрис опубликован по иному экземпляру: *Кауштина Е.С., Сапрыкина Н.Г.* Эскилибрис в собрании Научной библиотеки Московского государственного университета: альбом-каталог. — М., 1985. — С. 82. — № 57.
- ³⁸ *Соколов Е.И.* Библиотека имп. Общества истории и древностей российских. — М., 1905. — Вып. 2: Описание рукописей и бумаг, поступивших с 1846 по 1902 г. вкл. — № 364. — С. 126—137.
- ³⁹ Временник имп. Общества истории и древностей российских. — М., 1851. — Кн. 10.
- ⁴⁰ Родословная книга князей и дворян российских и выезжих... которая известна под названием Бархатной книги. — М., 1787.
- ⁴¹ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / подгот. к печ. А.А. Зимин. — М.; Л., 1950. — С. 47.
- ⁴² *Соколов Е.И.* Библиотека имп. Общества истории и древностей российских. — С. 129—133.
- ⁴³ Возможно, на ней изображен барочный гербовый щит с семизубцовой короной; похоже изображение филиграней в альбомах не обнаружены.
- ⁴⁴ Филигранные книги XVII века по старопечатным книгам Украины и Литвы: каталог / сост. Т.В. Дианова. — М., 1993, № 206. — С. 40, 147.
- ⁴⁵ *Лауцявичюс Э.* Бумага в Литве в XV—XVIII вв. = Paper on Lithuania in XV—XVIII centuries. — Вильнюс, 1967. — [Т. 1.] — С. 192, № 1287—1289.
- ⁴⁶ *Герасимов А.А.* Филигранные книги XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. — М., 1963. — С. 167, № 1196—1199 (1674); Филигранные книги XVII века по старопечатным книгам Украины и Литвы. — С. 112, 171, № 826 (1677, 1678); *Дианова Т.В.* Филигранные книги XVII—XVIII вв. «Голова шута». — М., 1997. — С. 51, 156, № 179 (1677, 1678); Водяные знаки рукописей России XVII в.: по материалам Отдела рукописей ГИМ / сост. Т.В. Дианова, Л.М. Костюхина. — М., 1980. — С. 53, № 366 (1672), 367 (1672).
- ⁴⁷ Опубликованы А.А. Зиминим по иным спискам: Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. — С. 215—246.
- ⁴⁸ ГИМ. — Собр. Уварова. — № 321-4°. — Л. 4; РГАДА. — Ф. 188. — Оп. 1. — Д. 1387. — Л. 265 об.
- ⁴⁹ «Распространился слух, что Соломония в святой ограде родила сына (*Йовий П.* Описание прославленных мужей // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы / сост. О.Ф. Кудрявцев. — М., 1997. — С. 355).
- ⁵⁰ «Некоторые утверждали нам за непреложную истину, что Саломея родила сына по имени Георгия, но никому не желала показать ребенка» (*Герберштейн С.* Записки о московских делах / публ. А.И. Малеева. — СПб., 1908. — С. 39; см. также С. 334); «Кое-кто в Москве клятвенно заверял нас, что она родила сына и назвала Георгием, но никому не пожелала показать ребенка» (*Герберштейн С.* Записки о Московии: в 2 т. / под ред. А.Л. Хорошкевич. — М., 2008. — Т. 1. — С. 101).
- ⁵¹ *Лурье Я.С.* Возрождение домословия о сыне Соломонии Сабуровой и опрочинне // Русская литература: историко-литературный журнал. — 1986. — № 3. — С. 114—119.
- ⁵² *Лихачев Н.П.* Разрядные дьяки XVI века. Опыт исторического исследования. — СПб., 1888. — С. 215—216, примеч. 2.
- ⁵³ *Хоруженко О.И.* Родословие как конструкция родовой памяти: текстология родословных росписей князей Волконских XVI—XVII вв. // Диалог со временем. — 2012. — Вып. 41. — С. 203—234.
- ⁵⁴ *Анхимюк Ю.В., Павлов А.П.* Местнический памфлет Алферьевых против «новых бояр» // Архив русской истории: сб. Рос. гос. архива древних актов. — М., 2002. — Вып. 7. — С. 212—244.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бондаренко Андрей Андреевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук.

Вершинин Константин Владимирович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук.

Виноградов Александр Вадимович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Российской истории Российской академии наук.

Горский Антон Анатольевич — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук.

Городилин Сергей Владимирович — научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук.

Гуськов Андрей Геннадьевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук.

Гиппиус Алексей Алексеевич — доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, профессор, ведущий научный сотрудник Лаборатории лингвосомиотических исследований, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики.

Лисейцев Дмитрий Владимирович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук.

Лукин Павел Владимирович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, ведущий научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований ИОН РАНХиГС.

Малов Александр Витальевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук.

Новохатко Ольга Владимировна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук.

Полехов Сергей Владимирович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук.

Сквайрс Екатерина Ричардовна — доктор филологических наук, профессор кафедры германской и кельтской филологии филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Смирнова Ольга Сергеевна — заведующая архивохранилищем Российского государственного архива древних актов.

Тарасова Галина Александровна — заместитель начальника Отдела научной информации и публикации документов Российского государственного архива древних актов.

Хоруженко Олег Игоревич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук.

Научное издание

**ТРУДЫ
ИНСТИТУТА
РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИИ**

Выпуск 16

Выпускающий редактор: М.И. Бълхова

Редактор: О.А. Пруцкова

Макет и оформление: Ю.В. Балабанов

Подписано к печати 15.07.2021

Формат 60×90/16. Гарнитура Newton.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 18,5. Уч.-изд. л. 20,8.

Тираж 500 экз.

Первый завод 200 экз.

Издательский центр Института российской истории РАН

117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции

ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Отпечатано в полном соответствии с качеством

предоставленного оригинал-макета в Публичном акционерном обществе

«Т8 Издательские Технологии»

109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5

Тел.: 8 (495) 221-89-80

ISBN 978-5-8055-0396-3

9 785805 503963